

Столица и провинция в истории России и Польши

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КОМИССИЯ ИСТОРИКОВ РОССИИ И ПОЛЬШИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Столица и провинция в истории России и Польши

*К пятидесятилетию Соглашения
о научном сотрудничестве между
Российской академией наук
и Польской академией наук*

МОСКВА НАУКА 2008

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)
С82

Издание подготовлено в рамках
Программы фундаментальных исследований
Отделения историко-филологических наук
Российской академии наук
“Власть и общество”

Составитель Б.В. Носов

Редакционная коллегия:
Н.А. Макаров (ответственный редактор),
Л.П. Марней, Б.В. Носов

Рецензенты:
доктор исторических наук Н.В. Наумов,
кандидат исторических наук А.М. Орехов

На переплете:
вверху – вид Москвы времен Петра I. Фрагмент. Художник К. Рабус. 1800-е годы;
внизу – вид Варшавы со стороны Праги. XVIII в.
Фрагмент картины Бернардо Белотто, прозванного Каналетто.

Столица и провинция в истории России и Польши / [отв. ред.
Н.А. Макаров] ; Ин-т славяноведения РАН. – М. : Наука, 2008. –
304 с. – ISBN 978-5-02-036715-9 (в пер.).

Взаимоотношения столицы и провинции на протяжении столетий составляли одну из существенных черт отношений власти и общества. В сборнике представлены статьи по материалам одноименной международной научной конференции (Москва, 2005). Авторами рассмотрен широкий круг проблем от Средних веков до наших дней: политическая, культурная и идеологическая роль столичных центров X–XVII вв.; формирование буржуазных наций в XIX в.; роль столичной и провинциальной интеллигенции в становлении рыночной экономики, формировании структур гражданского общества, развитии национального самосознания народов; историческая роль и сегодняшнее место Москвы, Варшавы и других городов в развивающихся взаимоотношениях и в сотрудничестве России и Польши.

Для историков, политологов и широкого круга читателей.

Темплан 2008-I-239

ISBN 978-5-02-036715-9

© Институт славяноведения РАН, 2008
© Носов Б.В., составление, 2008
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2008

Предисловие

Столица и провинция – два понятия, объединяющие широчайший спектр явлений общественной жизни, которые в совокупности составляют одну из качественных черт цивилизации и социальной организации. Одновременно эти понятия образуют одну из ментальных структур общественного сознания. Они неотъемлемо присущи как отдельным людям и всем без исключения социальным слоям, так и обществу в целом. Наконец, столица и провинция как явления общественной жизни и феномен общественного сознания неразрывно связаны с государством как важнейшей исторической формой организации общества и его структуры.

На протяжении столетий взаимосвязи столицы и провинции являлись существенным элементом взаимоотношений власти и общества, и воспринимались общественным сознанием как воплощение этих отношений, когда столица выступала в качестве средоточия власти, а провинция – носителем земского, народного, общественного начала. Эти противопоставления столицы и провинции, власти и общества нашли отражение в самых разных чертах и проявлениях общественной жизни: социальных отношениях, сословном и политическом строе государств; светских и церковных общественных институтах; официальных церемониях и народных движениях, исторических событиях и в повседневности; в характере городской и сельской застройки, архитектуре и искусстве, литературе и общественной мысли. Все это обуславливает значение исторических исследований взаимодействия столицы и провинции. Особое место при этом имеют исследования сравнительно-исторического характера.

Дуализм столицы и провинции в истории России и Польши интересен еще и потому, что будучи исторически теснейшим образом связанными между собой, наши страны во многих явлениях общественной и культурной жизни представляют собой выражение противоречивых исторических тенденций. Если в истории России преобладали столичный централизм и монархическое начало, то в Польше, напротив, в большей степени укоренились республиканские традиции, связанные с земской, провинциальной автономией.

В предлагаемой вниманию читателей книге отражены первые результаты проведенных польскими и российскими учеными совместных сопоставительных исследований указанной проблемы. Начало им было положено на проведенной в 2005 г. в Москве Комиссией историков России и Польши международной научной конференции “Столица и провинция в истории России и Польши”.

В представленных на конференции докладах отражен целый ряд проблемных комплексов, начиная хронологически от Средних веков и до наших дней. Первый из них касался политической и идеологической роли столичных центров X–XVI вв., когда закладывался фундамент российской и польской государственности, основы ее политической идеологии. Этот процесс был освещен в докладах *Станислава Былины (Варшава)*, *М.Е. Бычковой (Москва)*, *Збигнева Далевского (Варшава)*, *А.Л. Хорошкевич (Москва)*. В центре их внимания были конкретно исторические формы взаимоотношений народа (общества) и публичной власти, нашедшие отражение в статусе столичного города, отождествляемого теперь с монархом и государством.

Как показала *А.Л. Хорошкевич*, Москва в сознании европейцев XVI в. уже не только в полной мере отождествлялась с Россией, но и дала государству свое название. В то же время признание государя элитами и населением столичного центра становилось в политике и идеологии Средневековья условием установления легитимной верховной власти. Вместе с тем в народном сознании, как на примере средневекового Кракова отмечал *С. Былина*, на долгие века утвердилось освященное культами почитаемых в народе святых, представление о столичном городе не только как о политическом центре и резиденции монарха, но и как о центре общинной, земской жизни и народного суверенитета, в известной мере, идеологически отделенном от государственной власти.

Проблема взаимодействия общества (народа, “земли”, провинции) с государственной властью (политическим центром), рассмотренная через призму взаимоотношений столицы и провинции в XV–XVII вв., была поставлена в докладах *Б.Н. Флори (Москва)* и *И.П. Старостиной (Москва)*. В первом докладе был проанализирован процесс утверждения наместнического (воеводского) управления и вытеснение институтов сословного представительства из сферы городского и земского самоуправления в допетровской России, а также реакция на это “местного общества”. Во втором – законодательное оформление привилегий землевладельческого сословия (шляхты) Великого Княжества Литовского в области местного управления и суда, что, в частности, способст-

вовало правовой обособленности белорусских земель при сохранении политического господства Литвы. В обоих докладах был поставлен принципиальный вопрос об иерархии полномочий и оптимальном соотношении функций центральной власти и местного земского самоуправления. Указанные проблемы в сочетании с источниковедческими вопросами были затронуты в подготовленном на основе грамот “архива” Киево-Печерского монастыря докладе *С.М. Кашианова (Москва)* об отношениях монастыря с верховными властями России и Польско-Литовского государства в XV–XVI вв., а также о взаимоотношениях князей Западной Руси этого периода. В докладе *Б.Н. Харлашова (Псков)* – “Динамика развития города и посада Пскова в X–XVII вв. по данным археологических и письменных источников” была прослежена связь истории средневековых муниципальных структур города и их взаимоотношений с центральной властью с процессами формирования городской территории, со взаимодействием города и округа, с хозяйственной деятельностью населения. Отмеченное развитие исследовано докладчиком в “привязке” к местности и городской топографии. В докладе также продемонстрировано значение археологических исследований в современном городе, их роль в эффективном решении градостроительных и иных муниципальных проблем, методы оптимального сочетания археологических изысканий с проводимыми в городе строительными и другими работами, с актуальными задачами охраны памятников истории и культуры, в том числе и культурного слоя.

Второй рассмотренный в докладах проблемный комплекс связан с эпохой разложения сословного строя в России и Польше, с началом формирования буржуазных наций в первой половине XIX в. (до начала 1860-х годов). Особенностью этого периода было также то, что в результате разделов Речи Посполитой в XVIII в. в состав России, Пруссии и Австрии были включены земли шляхетской Республики. На небольшой их части в начале XIX в. было образовано герцогство Варшавское, территория которого (именуемая официально Царство Польское, Королевство Польское, а также в дальнейшем – Привислинский край) по постановлению Венского конгресса была передана Российской империи. Новая эпоха кардинально изменила как социальную, так и территориальную и региональную структуру и России, и Польши, изменила облик и социально-политические функции как столицы, так и провинции, наложив свой характерный отпечаток на дихотомию восприятия столицы и провинции в общественном сознании не только современников, но и последующих поколений.

С указанным периодом самым тесным и непосредственным образом связан третий, проблемный комплекс, хронологически относящийся ко времени с 1860-х годов – до Первой мировой войны, посвященный эпохе буржуазных реформ и утверждения капитализма как в России, так и на польских землях. Рубежом между этими двумя периодами стало падение в 1861 г. крепостного права в России и Польское национальное восстание 1863 г.

В связи с этими двумя периодами, охватывающими конец XVIII – начало XX в., одно из центральных мест на конференции занял доклад *Ежи Едлицкого (Варшава)* – “Столица и провинция в сознании народа, лишенного государственности (К вопросу об историческом содержании категорий)”. Применительно к Польше, как парадоксально утверждал докладчик, понятия “столица” и “провинция” в Новой истории являются относительными и “определяются точкой зрения воспринимающего субъекта”. С одной стороны, утверждается рационально выстроенная административная структура центрального и местного управления, а с другой – Варшава год от года теряет интеллектуальную энергию. Поставленные *Ежи Едлицким* вопросы вызвали оживленную дискуссию, в ходе которой говорилось, что относительность понятий “столица” и “провинция” и те явления, которые были отмечены докладчиком применительно к Польше, были характерны и для других европейских стран, хотя и с учетом исторической и национальной специфики. Например, для России также была свойственна противоположность “национальной” Москвы и “космополитичного” Петербурга или антиномия патриархальной провинции и предпринимательской, динамичной столицы. Описанные явления были характерны для других стран периода модернизации, в целом сопровождавшейся интенсивной социальной стратификацией, разрушением традиционных укладов в экономике, в социальной структуре и общественном сознании. Примечательно, что эти процессы протекали в России и в Польше в XIX в. на фоне формирования органов муниципального управления, в ходе которого закладывались не только традиции и исторический облик муниципального самоуправления сегодняшнего дня, но и накапливался бесценный опыт решения многообразных урбанистических проблем в условиях нарождающихся рыночной экономики и гражданского общества.

Различные стороны развивавшегося в первой половине XIX в. процесса модернизации, роли в нем столичных и провинциальных центров были рассмотрены в ряде докладов. Теоретические вопросы взаимодействия формирующихся буржуазных русской, польской и украинской наций затронул *Л.Е. Горизотиов (Москва)*.

Особенности развития городов России и Польши как торговых центров всероссийского и европейского рынка в первой трети XIX в. исследовали *Л.П. Марней* и *Н.В. Пиотух* (*Москва*). Об общественной деятельности поляков, их роли в развитии просвещения, науки и культуры в столичных и провинциальных центрах России освещалось в докладах *С.М. Фалькович* (*Москва*) и *И.И. Шарифжанова* (*Казань*). Россиянам в Королевстве Польском были посвящены доклады *Веслава Цабана* (*Кельцы*), *Станислава Веха* (*Кельцы*), *Гжегожа Павла Бомбяка* (*Варшава*). В них были поставлены проблемы сравнительного изучения столичных и провинциальных социальных слоев (интеллигенции, предпринимателей, чиновничества), политической и общественной роли русского чиновничества в польском обществе XIX в., исследованы различные модели адаптации выходцев из России к польской столичной и провинциальной среде. Особо хотелось бы отметить доклад *Анны Брус* (*Варшава*) и *Виктории Сливовской* – “Сократ Старынкевич – российский генерал, глава городского управления Варшавы в 1880–1890-е годы”. Доклад этот связан с публикацией в 2005 г. в Варшаве музеем истории города дневников президента Варшавы за 1887–1897 годы, заслужившего благодарную память потомков.

Приведенным примером отнюдь не исчерпывается перечень людей в России и Польше, внесших достойный вклад в обустройство городов и сел родной страны, в решение социальных и сугубо муниципальных проблем столичных центров и провинции. Эта тема получила развитие в докладах *Магдалены Мициньской* (*Варшава*) – “Возрождавшие отчизну: польская провинциальная интеллигенция второй половины XIX и начала XX в.” и *Я.Н. Шапова* – “Предпринимательская и просветительская деятельность московского фабриканта Ильи Васильевича Шапова (1846–1896) в Московской губернии”. В названных докладах в значительной степени новаторски исследована роль столичной и провинциальной интеллигенции в становлении рыночной экономики, формировании структур гражданского общества, развитии национального самосознания народов. В контексте истории литературы и культуры проблема формирования национального сознания была в центре внимания *В.А. Хорева* (*Москва*), выступившего с докладом «“Кресы” в современной польской прозе». Берущая начало еще в произведениях Адама Мицкевича, тема “малой родины” в творчестве польских писателей неразрывно связана с историей Польши XIX и XX вв. не только потому, что она обращена в прошлое и выросла из воспоминаний о детстве и юности авторов. Воспетые ими “польские окраины” – литовские, белорусские,

украинские земли – занимают на протяжении XX в. особое место в общественном сознании польского общества, в представлениях о взаимоотношениях национального ядра и периферии, столицы и провинции.

Москве советской эпохи были посвящены доклады *В.С. Парсадановой (Москва)* – “Москва весной–летом 1920 г.” и *В.А. Невежина (Москва)* – “Москва в 1930–1940-е годы как центр репрезентации власти (кремлевские приемы И.В. Сталина)”. Яркую картину экономической и общественно-политической ситуации в советской столице и обыденной жизни москвичей на пике политики военного коммунизма представила *В.С. Парсаданова*. Однако, как показано в докладе, надвигающийся кризис был приостановлен Советско-польской войной 1920 г., когда впервые со времени начала Гражданской войны лозунги защиты советской власти и международной пролетарской солидарности были дополнены советскими идеологами призывами в национальном духе к защите России.

В докладе *В.А. Невежина* был поставлен вопрос о восприятии гражданами СССР (в первую очередь за пределами столицы) Москвы и образа советского руководства в лице Сталина. Докладчик показал, что, организуя в Кремле парадные приемы военных, ударников производства, полярников, деятелей культуры союзных республик, советские вожди использовали церемониал приемов для пропаганды культа Сталина, “единства партии и народа” и формирования представления о Москве как о родном городе всех советских людей, столице трудящихся всего мира. При этом одной из целей советских политиков было стремление идеологически преодолеть имманентное противоречие власти и общества, отраженное в общественном сознании, в частности, как противоположность столицы и провинции.

На конференции шла речь и о роли Москвы – “сердце России” в сотрудничестве с Польшей, были охарактеризованы основные исторические этапы сотрудничества российских и польских ученых и деятелей культуры, причем на каждом рассмотренном этапе главное внимание было уделено взаимодействию науки и культуры с общественностью Москвы, с ее формирующимися муниципальными структурами, а также связям Москвы как важнейшего городского центра с польскими городами, российской и польской провинцией.

В заключение конференции был проведен Круглый стол на тему: “Столица и регионы: тенденции экономической кооперации и социального развития”, посвященный современным актуальным структурным, демографическим, социальным, политическим

и культурным проблемам городов России и Польши, проблемам мегаполиса Москвы и Подмосковья. В Круглом столе принял участие вице-мэр Кракова *Казимеж Буяковский*.

Прошедшая конференция “Столица и провинция в истории России и Польши” стала также заметным событием в сотрудничестве российских и польских историков, в работе Комиссии историков России и Польши, в общественной жизни Москвы. Конференция была организована под патронажем мэра Москвы Ю.М. Лужкова и при содействии Департамента международных связей города Москвы, Российского гуманитарного научного фонда и Института славяноведения РАН. Конференция, проводимая Комиссией историков России и Польши, состоялась в год 40-летия Комиссии, основанной в 1965 г.

О вкладе Комиссии в российско-польское научное и культурное сотрудничество говорили во вступительном слове, приветствуя участников и гостей, ее сопредседатели Почетный доктор Российской академии наук, профессор *Виктория Сливовская (Варшава)* и член-корреспондент Российской академии наук, профессор *В.К. Волков (Москва)*. Однако в центре внимания всех выступивших на открытии была вынесенная в заглавие тема конференции. Так, член-корреспондент РАН *Я.Н. Шапов (Москва)* отметил, что на протяжении всей своей истории Комиссия поднимала актуальные научные вопросы, имевшие большое общественное и практическое значение. Поставленная сегодня проблема, по его словам, непосредственно связана с сегодняшними процессами социальной трансформации, развивающимися в российском и польском обществе. Город как центр, дающий импульс структурным преобразованиям по всей стране, роль муниципальных объединений как субъектов общественного развития, наконец, насущные проблемы экологии городской среды, ее хозяйственной и коммунальной инфраструктуры, а также сферы народного образования, культуры и искусства, многообразная городская повседневность – все это в совокупности составляет комплекс сложнейших проблем, в решении которых фундаментальная и прикладная наука идут рука об руку с практиками муниципального управления и городского хозяйства. Выступавший отметил значение Москвы, являющейся историческим и политическим центром России, крупнейшим мегаполисом, лидером движения за подлинное городское самоуправление.

От имени мэра и Правительства Москвы к участникам конференции обратился *В.В. Данилин*. Дав оценку международной деятельности Москвы, он подчеркнул, что на муниципальном уровне столица России выступает за сохранение и развитие традицион-

ных дружественных связей с Варшавой, Краковом и другими польскими городами, наполнение их живыми практическими делами. С этой точки зрения обмен научными трудами и изысканиями является важным элементом нашего сотрудничества. Эта мысль получила развитие в выступлении посла Республики Польша в России *Стефана Меллера*, отметившего, что человеческие контакты формируют климат отношений между народами и государствами. Причем, по его словам, наиболее ценными и позитивными являются профессиональные контакты между специалистами. Сотрудничество польских и российских историков, развиваемые ими добрые традиции, сегодня особенно важны для отношений Польши и России, когда как самими историками, так и политиками и публицистами выдвигаются новые, зачастую контroversивные интерпретации некоторых страниц истории Польши и России, а также отношений между нашими народами. Как историк посол высказал убеждение, что общественные дискуссии о тех или иных событиях в истории не должны давать повода для конфронтации, и что он хотел бы видеть в качестве символа взаимного уважения к национальным традициям русских и поляков, к их исторической памяти памятник Минину и Пожарскому в Варшаве и памятник Тадеушу Костюшко – в Москве.

Затронутые темы на открытии конференции получили развитие в докладах и в развернувшейся дискуссии, что стало свидетельством научной и общественной актуальности как темы конференции в целом, так и поставленных в докладах проблем. Так, о значении исторической памяти народов и суждений ученых-историков для новейших российско-польских отношений говорил *В.К. Волков* в докладе “40 лет Комиссии историков России и Польши опыт и перспективы российско-польского научного сотрудничества в области исторических наук”. Остановившись, в частности, на дискуссии конца 1980-х годов о “белых пятнах” в российско-польских отношениях, он констатировал, что Комиссия историков призвана способствовать тому, чтобы память о трагическом прошлом не стала инструментом в руках недалководидных и безответственных политиков.

В истекшем 2007 г. Российская академия наук и Польская академия наук встретили 50-летие со дня подписания 21 декабря 1957 г. в Москве президентами Академий наук СССР и Польши – А.Н. Несмеяновым и Тадеушем Котарбиньским – Соглашения о научном сотрудничестве. Ему посвящены проходящие в этом году юбилейные мероприятия: российско-польские научные семинары и конференции, а также ставшие уже доброй традицией “Дни польской науки в России”. За прошедшие полвека сотрудни-

чество двух академий было отмечено выдающимися достижениями, преодолело немалые трудности, было проверено временем. Оно сохраняет свое значение и сегодня, на него возлагают большие надежды ученые России и Польши в будущем. Славному юбилею посвящается и эта книга.

Н.А. Макаров,
Председатель российской части Комиссии
историков России и Польши,
член-корреспондент РАН
Б.В. Носов,
зам. председателя, доктор исторических наук

Б.В. Носов (Москва)

Москва – центр научных и культурных связей России и Польши

Развитие культуры в широком смысле как совокупности материальных и духовных ценностей, накопленных человечеством на протяжении всей его истории, немыслимо без концентрации потенциала культуры (его человеческой и материально-вещественной составляющей). Таким средоточием культурного процесса всегда были города как звенья единой структуры, образующей цивилизацию. Одной из существенных черт ее эволюции является взаимодействие столичных и провинциальных центров. Изучение этого взаимодействия рассматривается современной наукой как одно из важных направлений исследований, чем, в частности, и обусловлен выбор темы предлагаемой статьи.

В современном мире, в котором интеграционные процессы давно уже вышли за рамки национальных границ, взаимодействие культурных центров также преодолело национальную обособленность, что наиболее ярко выразилось в Европе. Для подтверждения этой мысли укажем только на широкое развитие международной региональной интеграции и на существующие программы региональной кооперации, а также на набирающее размах прямое сотрудничество городов разных стран, в частности, на движение «городов-побратимов».

В связи с этим встает вопрос о традиционной роли столичных центров и об обретении ими новых функций в процессе культурного развития своих стран и в международных культурных связях. Причем эта роль во многом обусловлена экологической, материально-технической инфраструктурой города, сформированной в нем системой социальных отношений и социальных гарантий для жителей и целым рядом других факторов, которые в совокупности в последнее время нередко обозначаются понятием “экология культуры”. Все они неразрывно связаны со сложнейшим комплексом муниципальных проблем, от оптимального и эффективного разрешения которых зависит не только развитие российской культуры и науки, но и место нашей страны в европейском и

мировом культурном процессе. Именно с этой точки зрения мы и предполагаем остановиться на некоторых аспектах вынесенной в заглавие темы: “Москва – центр научных и культурных связей России и Польши”.

Культурные связи России и Польши, как и сотрудничество русских и польских ученых, имеют давнюю историю и славные традиции. Начало интенсивных контактов в этих областях относится к XVII в., и уже тогда Москве как столице Российского государства принадлежала в этом главенствующая роль. Не останавливаясь на периоде Смутного времени, имея в виду монографию Б.Н. Флори, и не перечисляя все достаточно многообразные формы российско-польского культурного взаимодействия, нашедшие выражение в московской жизни XVII столетия, отметим только два общеизвестных примера: издательскую деятельность Печатного двора в Москве, благодаря которой россияне смогли, в частности, познакомиться с изложением учения Николая Коперника, и основание Славяно-греко-латинской академии, ставшей предтечей Московского университета.

К этим связям и роли в них Москвы не раз обращались исследователи. Однако хотелось бы отметить ряд обстоятельств. Во-первых, развитие Москвы как центра культурных российско-польских связей происходило в соперничестве с такими городами как Новгород, Смоленск и Киев. Во-вторых, в изучении этих связей недостает исследований, посвященных контактам Москвы с отдельными культурными центрами Речи Посполитой (например, с Вильно, Львовом, Краковом, Варшавой). Наконец, следует подчеркнуть, что уже в XVII в. культурные и научные контакты Москвы с Польшей развивались не только на государственном уровне, но прокладывали себе дорогу и снизу. Свой вклад в это внесла городская посадская община, что нашло выражение в распространении печатных и рукописных переложений польских пособий по коммерции и математике, лечебников, другой литературы повседневного городского чтения. Не переоценивая степень развития подобных контактов русских и польских городов, важно указать на них как на первое проявление существенной и впоследствии весьма плодотворной тенденции.

Новый этап в культурных и научных связях России и Польши открывается в XVIII в., когда наука становится самостоятельной формой общественной деятельности. Значительный вклад в развитие связей российских и польских ученых внесли, с одной стороны, созданная Петром I Российская академия наук, с другой – существовавшее в 1800–1832 гг. Варшавское общество друзей наук и Краковская академия знаний, начавшая свою деятельность в 1872 г.

В этих условиях Москва, являясь культурным и научным центром, вынуждена была смириться с ролью “старой столицы”, однако ее значение в развитии культурных и научных связей с Польшей ни в коей мере не уменьшилось. Центром подобных связей в Москве стал Московский университет и его типография. Информация об общественной и культурной жизни Польши занимала достойное место на страницах изданий Н.И. Новикова. В XIX в. Московский университет стал *Alma mater* не только для российских, но и для многих польских ученых.

Перенесение российской столицы в Петербург и утрата Польшей в результате разделов Речи Посполитой собственной государственности в XVIII в. не могли не сказаться в последующее время на характере и структуре культурных и научных связей между Россией и польскими землями, на месте Москвы в этих связях. Названные события, а также потрясшие и Россию, и Польшу польские национальные восстания и войны XIX в., и революционные бури начала XX в. не изменили общей тенденции количественного роста и качественного развития российско-польских культурных и научных связей.

Можно назвать выполненные в 1860–1890 гг. в Восточной Сибири классические работы геолога и географа Яна Черского, зоолога Бенедикта Дыбовского, научную и общественную деятельность на рубеже XIX–XX вв. известного лингвиста, члена-корреспондента Петербургской академии наук Яна Бодуэна де Куртенэ. Мировой известностью в области теории права пользовался профессор Петербургского университета Л. Петражицкий. Известно, что Мария Склодовская-Кюри, избранная в 1907 г. членом Петербургской академии наук, поддерживала контакты с академиками В.И. Вернадским, А.Ф. Иоффе. В свою очередь, членами Краковской академии знаний являлись такие авторитетные российские ученые, как физиолог И.П. Павлов, патологоанатом А.И. Абrikосов, историк Н.И. Кареев, филологи А.А. Шахматов и Б.М. Ляпунов.

Следует остановиться на характеристике той среды, в которой развивались эти связи. В историографии достаточно проанализировано противостояние революционно-демократического лагеря и реакционных сил в России по польскому вопросу, а также отношение к России различных направлений польского общественного движения. Однако роль Москвы в этом изучена недостаточно. Во-первых, уже в пореформенное время польско-российские культурные и научные связи в Москве развивались не на государственном, а преимущественно на общественном уровне. Это касалось издательской, театральной, художественной дея-

тельности. Здесь Москва и Варшава соревновались между собой и выступали достойными соперниками.

В области науки сообщество польских ученых поддерживало тесные контакты с университетскими кругами Москвы. Примером может послужить проект 1880–1890-х годов создания грандиозного по тем временам комплекса негосударственных высших учебных заведений на Девичьем поле, которые в совокупности должны были носить университетский характер. Согласно замыслу инициаторов проекта, они должны были противостоять правительственной политике в области высшего образования, предоставить кафедры уволенным из императорских университетов за демократические убеждения русским и польским профессорам, открыть дорогу к образованию широким кругам молодежи, независимо от вероисповедания и политической благонадежности. В этом и других московских проектах российско-польского культурного сотрудничества видная роль принадлежала городскому самоуправлению Москвы, в первую очередь ученому, правоведа, почетному члену Российской академии наук и профессору Московского университета городскому голове Б.Н. Чичерину. Надо подчеркнуть, что установившиеся в Москве контакты российских и польских ученых и деятелей культуры имели поддержку деловых кругов и городского самоуправления.

После возрождения в 1918 г. Польского независимого государства и установления в России власти Советов двусторонние научные связи не были прерваны, несмотря на сложные межгосударственные отношения. Они развивались на основе установленных ранее отношений и личных контактов ученых. Важную роль также сыграла и русская эмиграция. Значение Москвы в этих контактах постоянно росло, поскольку столица СССР стала средоточием научного потенциала страны. В 1925 г. ученые Польши направили российским коллегам приветствие по случаю 200-летия Российской академии наук. В межвоенный период налаживалось взаимодействие отдельных ученых, научных коллективов и научных учреждений двух стран. Так были установлены контакты между советскими математиками и представителями знаменитой польской математической школы, получившей мировую известность благодаря выдающимся работам в области математической логики, топологии и функционального анализа (С. Банах, К. Куратовский и др.). Советские и польские ученые встречались на проходивших в СССР и Польше научных форумах. В частности, на состоявшемся в 1933 г. в Варшаве международном конгрессе историков присутствовали академик В.П. Волгин и крупнейший специалист в области славянской филологии академик Н.С. Державин.

Новый этап российско-польского научного сотрудничества был открыт после освобождения Польши от фашистских захватчиков. В первые послевоенные годы российские ученые делали все возможное, чтобы помочь своим польским коллегам в восстановлении практически полностью уничтоженной материально-технической научной базы, подготовке молодых кадров. АН СССР оказала существенную помощь в развитии новых научных направлений, которые ранее не были представлены в Польше – ядерной физики, физики полупроводников, вычислительной техники, геофизики, квантовой химии и др.

С образованием в 1952 г. Польской академии наук научное сотрудничество двух стран развивалось в самых разнообразных формах, что позволило российской и польской науке достичь выдающихся результатов мирового уровня. В 1950–1980-е годы важнейшими чертами научного сотрудничества наших стран стали интеграция и кооперация научных исследований, что, в частности, нашло выражение в создании международных научных центров; планирование научных исследований на уровне согласования национальных исследовательских программ и планов научно-исследовательских работ всех уровней; вовлечение в научно-исследовательский процесс не только столичных научных центров, но и регионов. В этих условиях Москве и Варшаве принадлежала ключевая роль в интеграции совместных исследований.

Длительные взаимовыгодные связи объединяют коллективы ученых многих научных учреждений двух Академий: Института проблем механики РАН и Института фундаментальных технологических исследований ПАН, Физического института им. П.Н. Лебедева и Института физики плазмы и лазерного микросинтеза им. С. Калиского, Института химии неводных растворов РАН в Иваново и Института физической химии ПАН, Института проблем экологии и эволюции РАН и Института экологии ПАН, Палеонтологического института РАН и Института палеобиологии ПАН, Института проблем комплексного освоения недр РАН и Института механики горных пород ПАН в Кракове, Института океанологии им. П.П. Ширшова и Института океанологии ПАН в Сопоте, других академических институтов.

В сотрудничестве с Польской академией наук активно участвуют многие институты региональных отделений и научных центров РАН: Казанский физико-технический институт им. Е.К. Завойского, Институт физики металлов Уральского отделения РАН, Институт химии и технологии редких элементов и минерального сырья Кольского научного центра РАН, Мурманский морской биологический институт.

Говоря о роли Москвы в развитии научного и культурного сотрудничества с Польшей, нельзя не отметить особую человеческую атмосферу российско-польских научных и культурных связей и контактов. Общая борьба наших народов с фашизмом в годы Второй мировой войны, дружественные и союзнические отношения в послевоенные десятилетия.

Научными учреждениями РАН заключены договоры о сотрудничестве на основе прямых связей более чем с 20 различными польскими организациями. В качестве примеров результативного и взаимовыгодного сотрудничества можно назвать следующие циклы совместных исследований, выполненные коллективами ученых Российской и Польской академий наук. Ученые Физического института им. П.Н. Лебедева и Института физики плазмы и лазерного микросинтеза им. С. Калиского (Варшава) с 1976 г. проводят совместные исследования в области физики плотной высокотемпературной плазмы и лазерного термоядерного синтеза. За прошедшие годы российские физики и их польские коллеги создали комплексы уникальной аппаратуры для лазерного нагрева и диагностики нестационарной плазмы. Создан и испытан точечный монохроматический источник рентгеновского излучения на основе высоковольтного диода с лазерно-плазменным катодом. Образующаяся на поверхности катода под действием мощного лазерного излучения плазма позволяет получать электронные потоки на анод, значительно превышающие электронные потоки в обычных рентгеновских трубках с автоэлектронной эмиссией. Рекордные значения спектральной яркости делают источник перспективным для различных научных и технологических применений.

Важные результаты в области физики высокотемпературной плазмы получены учеными Объединенной польско-российской лаборатории по плазменному фокусу (Физический институт им. П.Н. Лебедева и Институт физики плазмы и лазерного микросинтеза им. С. Калиского). Сотрудниками Лаборатории создана и подготовлена к испытаниям самая крупная в мире установка "Плазменный фокус" с энергозапасом батареи питания 1,2 МДж. После завершения испытаний и ввода установки в эксплуатацию на ней будут проводиться совместные исследования по фундаментальным проблемам физики плотной замагниченной плазмы, лабораторному моделированию астрофизических явлений, проблемам радиационного и космического материаловедения. Результаты совместных работ российских и польских физиков получили широкое признание мировой научной общественности, неоднократно докладывались на международных конференциях, были дважды отмечены межакадемическими премиями.

Ученые Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн РАН в кооперации со специалистами Центра космических исследований ПАН разрабатывают бортовую аппаратуру для исследования электромагнитных излучений в космической плазме как естественного, так и искусственного происхождения в диапазоне от длинных до ультракоротких радиоволн (от 0,1 до 300 МГц). Исследование естественных плазменных шумов важно для изучения процессов, протекающих в ионосфере Земли, радиоизлучения Солнца, обнаружения ионосферных предвестников землетрясений. Излучения антропогенного происхождения дают информацию об электромагнитном загрязнении околоземного космического пространства. С этой целью были разработаны и изготовлены не имеющие мировых аналогов ионосферная станция, плазменный радиоспектрометр, УКВ-спектрометр, измеритель импеданса антенны, солнечный радиоспектрометр и другая научная аппаратура. Приборы прошли успешную апробацию на спутниках “ИНТЕРКОСМОС–19” (1979 г.), “КОСМОС 1809” (1986 г.), “АКТИВНЫЙ” (1987 г.), “АПЭКС” (1991 г.), “КОРОНАС–И” (1994 г.). В рамках указанных космических проектов получена уникальная научная информация, опубликован ряд совместных научных работ. Результаты неоднократно докладывались на международных конференциях и симпозиумах. В настоящее время ведется работа по модификации приборов для их использования на малых спутниках (проект “КОМПАС”). Спутник предназначен для мониторинга из космоса чрезвычайных ситуаций, природных и техногенных катастроф.

Российская и Польская Академии наук уделяют большое внимание вопросам расширения взаимных связей, развитию эффективных форм сотрудничества на всех уровнях. Начиная с 1987 г. значительное развитие получил взаимный обмен учеными, командирруемыми для длительной работы в научных учреждениях академии–партнера в качестве штатных научных сотрудников. Эта форма организации совместных исследований в наибольшей степени способствует установлению долговременных, неформальных связей между отдельными учеными и научными коллективами двух Академий. В этот период на штатных должностях в московских институтах РАН одновременно работали более 40 польских ученых, проживавших в Москве вместе с семьями. В дальнейшем, однако, их число сократилось ввиду кризисной экономической ситуации в 1990-е годы в России.

В настоящее время, начиная примерно с рубежа нынешнего века, российская наука постепенно преодолевает последствия кризиса последнего десятилетия прошлого столетия. При этом

преодоление негативных тенденций отнюдь не сводится к увеличению направляемых в науку материальных ресурсов, уровень которых и сегодня крайне недостаточен.

Главными результатами, достигнутыми на этом направлении, стали осуществленные структурные преобразования в стратегии и организации научных исследований, в соотношении фундаментальных исследований, прикладных разработок и инновационной деятельности научных учреждений и институтов Российской академии наук. Осуществляемые преобразования в науке неразрывно связаны с расширением фронта международного научного сотрудничества с включением ученых отдельных стран в общемировой научно-исследовательский процесс. При этом интеграция национальных исследовательских центров и школ отнюдь не сводится к обмену опубликованными результатами научных исследований. Современное научное сотрудничество начинается на этапе координации исследовательских планов, разработки совместных программ. Его фундаментом является совместное проведение экспериментов и теоретических разработок, что обусловлено исключительной технической и технологической сложностью приборов, установок и другого оборудования, а также обеспечивающих исследовательский процесс электронно-вычислительных систем. Создание таких приборов, соответствующих передовому уровню исследований, вследствие технологической сложности их производства и его высокой стоимости, невозможно без международной кооперации, что диктует насущную необходимость объединения международных усилий по их разработке, производству и совместному применению в ходе экспериментов в рамках международных научных центров.

Опыт сотрудничества ученых России и Польши, Варшавы и Москвы убедительно свидетельствует о том, что наиболее эффективной и перспективной формой совместных исследований является работа в рамках международных научных центров, объединяющих ученых не только Польши и России, но и других стран. По инициативе Российской и Польской академий наук были созданы и успешно работают Международная лаборатория сильных магнитных полей и низких температур во Вроцлаве и Международный математический центр им. С. Банаха в Варшаве. В польской столице были открыты Международный центр по биокибернетике и Международный экологический центр. Примером совместных исследований ученых Варшавы и Москвы может послужить исследовательская разработка российских и польских биологов из Института органической химии им. Н.Д. Зелинского РАН и Института экспериментальной иммунологии и терапии им.

Людвика Хиршфельда ПАН. В 2004 г. за серию работ “Структурные и серологические исследования бактериальных липополисахаридов рода *Citrobacter* i *Hafnia*” Почетной медали ПАН и РАН за выдающиеся научные достижения ученых России и Польши были удостоены польские ученые: профессор Анджей Гамян, д-р Эва Катценелленбоген, д-р Томаш Липиньский, мгр Мария Богульска, а также их российские коллеги: доктор химических наук А. Книрель, профессор А.С. Шашкова, д-р А. Кочарова, мгр Г.В. Затонский.

Второй важнейшей чертой происходящих перемен в современной науке является кардинальное изменение форм ее взаимодействия с обществом и государством. В условиях рыночной экономики изменяются способы планирования научных исследований, формы применения, использования и внедрения их результатов как в производство, так и в общественную жизнь в самом широком смысле этого понятия. В условиях рынка взаимодействие науки с широчайшим кругом потребителей научных знаний осуществляется уже не только при посредстве государства, но и с участием самых разнообразных предпринимательских, частных и общественных организаций и структур, налаживание взаимодействия с которыми становится насущной задачей науки. Эффективное взаимодействие подобных структур с наукой становится существенной потребностью, одним из условий оптимального решения возникающих проблем и выполнения поставленных перед ними задач.

Среди общественных институтов, с которыми учеными и научными учреждениями уже на протяжении длительного времени установлены прочные и взаимовыгодные связи, видная роль принадлежит муниципальным властям и органам муниципального управления столицы России. И в этой области Москва, несомненно, выступает в авангарде российских городов и в немалой степени может послужить примером и для мегаполисов других стран. Это связано с необходимостью выработки научно обоснованных программ развития города и решения стоящих перед ним сложнейших проблем.

Наиболее значительная из них – это проблема экологии городской среды. Вынесение ее на первое место обусловлено прежде всего ее комплексным характером, поскольку вопросы экологии непосредственно связаны с демографической, производственной, социальной, транспортной, санитарной структурой города и городского хозяйства. Очевидно, что перечень отмеченных факторов можно было бы многократно расширить.

Следующая крупная проблема связана со структурными изменениями в народном хозяйстве Москвы за последние 15 лет.

С одной стороны, они обусловлены объективными причинами – развитием рыночных отношений. Однако это не означает их стихийного осуществления. Развитие частного предпринимательства в условиях экономической свободы не должно вступать в противоречие с эффективным общественным контролем народнохозяйственных процессов. В условиях разделения полномочий центрального и местного управления важные задачи в этой области встают и перед муниципальной властью Москвы, а выработка соответствующих надежных экономических и правовых инструментов нуждается в научных исследованиях и научно обоснованных рекомендациях. С другой – народное хозяйство российской столицы остро нуждается в кардинальных изменениях структуры производственного потенциала: выводе за пределы города экологически вредных производств, внедрении высоких технологий, основанных на высокой степени переработки исходных материалов, что позволило бы существенно экономить трудовые, энергетические, транспортные ресурсы, а также высвободить часть занятых сейчас промышленными предприятиями зданий и городских площадей. Наконец, все более значительную роль в городском хозяйстве играют два сектора экономики столицы, масштабы и значение которых в обозримом будущем будут только возрастать и значительную долю которых составляют муниципальные предприятия или предприятия, работающие по муниципальным заказам: во-первых, это строительство и, во-вторых, предприятия городской инфраструктуры. Эти два сектора характеризуются наиболее значительным ростом по всем показателям как экстенсивного, так и интенсивного характера. Поэтому именно муниципальные власти как решающее звено в регулировании народного хозяйства Москвы и в управлении его наиболее важными секторами заинтересованы в участии науки в разработке стратегических вопросов развития экономики российской столицы и ее инфраструктуры.

Важный вклад в развитие Москвы вносит наука и в области изучения демографической и социальной структуры столицы. Эти разработки ученых имеют и важное практическое значение для формирования муниципальных программ развития здравоохранения, среднего, профессионального и высшего образования в Москве, программ социальной защиты различных категорий населения.

Большой опыт в научных исследованиях муниципальных проблем накоплен и нашими коллегами в Польше. Значение российского и польского опыта для Варшавы и Москвы трудно переоценить. Это объясняется как сходством проблем больших и малых

городов, так и общностью европейских традиций их разрешения. При этом следует указать на значительный, пока еще мало используемый потенциал сотрудничества в этой области. Обмен опытом и результатами исследований должен быть дополнен совместными разработками, апробацией соответствующих моделей в России и Польше, например в области транспорта и связи. Фундаментом для этого может послужить развивающийся товарообмен и растущие экономические связи между нашими странами. Сотрудничество же в области решения муниципальных проблем, несомненно, окажет положительное влияние на развитие экономических и других взаимовыгодных связей между Польшей и Россией.

Необходимо особо отметить значение науки в разработке мер по поддержке и развитию культуры. Здесь можно указать на участие ученых в осуществлении комплекса мероприятий культурного характера, связанных с 850-летием Москвы. Именно в области науки и культуры сотрудничество Москвы и Варшавы, а также Москвы и Кракова развивается наиболее успешно. Ежегодно в Варшаве и Москве проводятся совместные научные конференции, торгово-промышленные выставки и ярмарки, книжные, художественные, историко-культурные выставки, театральные и музыкальные фестивали, гастроли самых разнообразных творческих коллективов. О значении, придаваемом российско-польскому научному сотрудничеству общественностью наших стран, о его разностороннем характере, о месте в нем Москвы и Варшавы свидетельствуют проходившие в 2001 г. в Москве “Дни польской науки в России” и “Дни российской науки в Польше” (Варшава, октябрь 2004 г.).

Б.В. Носов (Москва)

Стефан Кеневич (1907–1992). К 100-летию со дня рождения

История российской и польской науки знает немало достойных примеров творческого сотрудничества российских и польских ученых. Оно отнюдь не ограничивается рамками истекшего 50-летия, когда в основу нашей совместной работы было положено историческое соглашение 1957 г. о сотрудничестве Российской и Польской академий наук. Обращаясь мысленно к пройденным годам, достижениям и утратам этого времени, нельзя хотя бы в малейшей степени не воздать должное выдающемуся польскому историку, непревзойденному знатоку истории Польши XIX в. Стефану Кеневичу. Думается, исполнено глубокого смысла и поистине символического значения и то, что важнейшие события творческого пути Кеневича были связаны с отмечаемым ныне юбилеем сотрудничества Российской и Польской академий наук¹.

С. Кеневич родился 20 сентября 1907 г. в Дерешевичах в Полесье, в той области польско-белорусско-русского пограничья, в природе, облике, быте и культурных традициях которого исторические и культурные связи наших народов, казалось бы, нашли наиболее яркое и эмоционально наполненное воплощение. Происходил он из семьи дворян-землевладельцев, известной своими патриотическими убеждениями и традиционно связанной с польским освободительным движением. Один из предков будущего историка – Иероним Кеневич – был активным участником Январского национального восстания 1863 г., поддерживал связи с русскими революционерами “Земли и Воли”, участвовал в подготовке восстания в Казани, за что и был казнен по приговору царского суда в 1864 г. Семья Кеневича с энтузиазмом встретила восставление польского государства и в 1919 г. переехала в Варшаву.

Студенческие годы С. Кеневича были связаны с Познанью и Варшавой. В Познаньском университете он написал магистерскую работу, а в столице возрожденной Польши, в Варшавском университете в первой половине 1930-х годов молодой историк завершил под руководством М. Хандельсмана профессиональное

образование и защитил диссертацию “Польское общество в Познаньском восстании 1848 г.”, получив первую научную степень доктора философии. В это время Кеневич ведет активную исследовательскую работу в польских архивах, а также в архивах Берлина и Парижа. Подготовленная им диссертация была опубликована в Варшаве в 1935 г., когда ученому было 28 лет. В этот период, во многом под влиянием Хандельсмана, которого Кеневич всегда в дальнейшем чтил как своего учителя и наставника, формируется круг научных интересов молодого историка, которым он остался верен до конца жизни. Именно в межвоенной Польше окончательно преодолевается традиционное для предшествовавшей польской историографии представление о гибели шляхетской Речи Посполитой как о “финале польской истории”, а история Польши XIX в. становится предметом самостоятельного и пристального изучения. Исходя из семейных традиций и в атмосфере патриотических настроений в польском обществе, связанных с обретением независимости, С. Кеневич решает изучать историю освободительного движения на польских землях, расширяя свои познания, развивая архивные изыскания, совершенствуя методику работы с историческими источниками. С 1937 г. в качестве научного сотрудника Кеневич работает в Архиве финансов в Варшаве. В 1939 г., накануне войны, выходит из печати его вторая монография, посвященная Адаму Сапеге (1828–1903). Во второй половине 1930-х годов Кеневич является видным ученым среди польских историков молодого поколения. Однако подлинных творческих вершин он достиг по окончании Второй мировой войны.

В годы фашистской оккупации Польши С. Кеневич продолжал работать в архиве, однако главным для него в это время была борьба с захватчиками. Он активный участник сопротивления. С 1941 г. Кеневич сотрудник Бюро информации и пропаганды Армии Крайовой. В первые дни Варшавского восстания 1944 г. он был ранен и в числе пленных повстанцев отправлен в концентрационный лагерь Дахау.

После освобождения из нацистского концлагеря С. Кеневич оказался перед нелегким выбором, поскольку ему предстояло определить свое отношение к Народной Польше. Историк остался верен патриотическим принципам и в октябре 1945 г. вернулся на родину, целиком посвятив себя науке.

В 1946 г. С. Кеневич защитил хабилитационную работу в Ягеллонском университете в Кракове. В том же году он научный сотрудник Варшавского университета. С 1949 г. Кеневич экстраординарный профессор, а с 1958 г. – ординарный профессор Варшавского университета. В эти годы выходит целый ряд его значи-

тельных работ: “Галицийская конспирация 1831–1835 гг.” (1950 г.); “Польская революция 1846 г.” (1950 г.); “Крестьянское движение в Галиции в 1846 г.” (1951 г.); “Крестьянский вопрос в Январском восстании” (1953 г.); “Варшава в Январском восстании” (1954 г.). Особого внимания заслуживают труды Кеневича в области исследования и публикации исторических источников: “Социальные и экономические перемены в Королевстве Польском (1815–1830 гг.). Избранные исторические источники” (1951 г.) и “Галиция периода автономии (1850–1914 гг.). Избранные тексты” (1952 г.). Только перечисление первых трудов Кеневича как опубликованных до войны, так и вышедших в свет в конце 1940-х – начале 1950-х годов свидетельствует о том, что в центре внимания историка была борьба польского народа за освобождение страны из-под власти держав-захватчиков в эпоху “Весны народов”. При этом взоры ученого были направлены на все три части разделенной Польши: от Познани и Кракова на западе и юге – до принадлежавшего России Королевства Польского.

Обращает на себя внимание созвучие между избранной Кеневичем исследовательской проблематикой и биографией ученого, родившегося “на крессах”, получившего университетское образование в Познани, а высшую ученую степень – в Кракове, большая часть жизни которого прошла в Варшаве. Примечательно отметить и то, что в работах Кеневича 1940–1950-х годов гораздо в большей степени, чем у его предшественников и учителей, в частности М. Хандельсмана, уделялось внимание социальным факторам национально-освободительного движения. И, наконец, важнейшее обстоятельство. Подготовленные историком в начале 1950-х годов публикации исторических источников стали не только итогом его предшествовавших архивных и источниковедческих изысканий, но послужили важнейшим опытом, пожалуй, для главного дела С. Кеневича, дела, которое он возглавил будучи с 1953 г. научным сотрудником Института истории Польской академии наук. С этим институтом и его выдающимся научным коллективом С. Кеневич был связан со времени его основания и на протяжении всей жизни.

Еще весной 1956 г. учеными Института истории ПАН и Института славяноведения АН СССР была выдвинута идея публикации исторических источников по истории Польского восстания 1863 г. Формальным поводом для этого начинания стала приближавшаяся 100-летняя годовщина восстания. Весомым доводом для его обоснования послужило и то, что изучение и введение в научный оборот широчайшего круга источников способствовали исследованию российско-польских революционных связей. Инициатором этого замысла с польской стороны выступил

С. Кеневич, с российской – И.С. Миллер. На долю Кеневича приходилась ведущая интеллектуальная роль и решающий вклад в ходе реализации этого уникального проекта.

В 1957 г. между Академией наук СССР и Польской академией наук был подписан договор о подготовке и публикации серийного издания исторических источников “Восстание 1863 года. Материалы и документы”. Этот договор был непосредственно связан с Соглашением о сотрудничестве между академиями наук наших стран и послужил его непосредственным дополнением и развитием в области гуманитарных наук. Хотелось бы подчеркнуть, что по общему мнению более значительного проекта в этой области сотрудничество российских и польских ученых-гуманитариев не знало. В связи с этим невольно мысленно обращаешься еще к одному примечательному совпадению. В 1957 г. С. Кеневичу исполнилось 50 лет, так что сегодня 100-летие со дня его рождения приходится на один год с 50-летием, пожалуй, главного дела его жизни и с 50-летием Соглашения о научном сотрудничестве Российской и Польской академий наук. Это может послужить весьма достойным и поучительным примером тому, как воплощалось в жизнь Соглашение 1957 г., наполняя новым содержанием исследовательский процесс, существенно повлияв на творческий путь не одного поколения российских и польских ученых.

Возглавляемому Кеневичем и Миллером международному научному коллективу, в который помимо российских и польских ученых и архивистов входили исследователи из Белоруссии, Литвы и Украины, предстояла большая, исключительно сложная и кропотливая работа. Первым ее этапом было выявление и археографическое изучение корпуса источников по истории Восстания 1863 г. В этом исключительно важная роль принадлежала работникам центральных, республиканских и областных архивов СССР и ПНР. С. Кеневич видел одной из главных задач готовящегося издания не только сделать доступными для широкого круга исследователей уникальные архивные документы, но и способствовать таким образом их сохранению для потомков. В этой позиции ученого нашел отражение опыт Второй мировой войны и других потрясений XX в., когда среди безвозвратных потерь оказались утрачены и бесценные архивные собрания. Среди отобранных С. Кеневичем для публикации материалов были не только уникальные рукописные источники, но также и редкие печатные: нелегальные газеты, листовки и другие подпольные публикации эпохи Январского восстания. Всего их было 289 номеров из 51 издания, некоторые из них сохранились в ветхом состоянии и только единственном экземпляре. Примером другой уникальной группы

материалов, ранее практически недоступных для исследователей, стала переписка наместников Царства Польского за 1861–1864 гг., из которой вышли в свет несколько сотен писем и депеш царя Александра II и его брата в. кн. Константина Николаевича.

Следующим этапом стало исследование отобранных документов и формирование очередного тома, подготовка комментариев, научного и справочного аппаратов, написание предисловия. Эта работа требовала не только детального владения конкретно-историческим материалом и незаурядной эрудиции, но и широкого круга специальных знаний, в частности в области истории военного дела, вспомогательных исторических дисциплин. И примером в этом для всех сотрудников был С. Кеневич.

Подготовленные тома должны были выходить поочередно в Польше и СССР с заглавиями, предисловиями и перечнями документов на двух языках. В первоначальный состав двусторонней редакционной комиссии вместе с С. Кеневичем и И.С. Миллером входили Э. Галич, Л. Яковлев, К. Конарский и В.Д. Корольюк. В дальнейшем в ней также сотрудничали Ф. Рамотовска, В. Сливовска, Ф. Долгих, В.А. Дьяков.

Вначале планы издания были относительно скромными. К 100-летию революционной ситуации в России 1859–1861 гг. и Январского восстания в Польше 1863 г. предполагалось выпустить не более 15-ти томов. Однако в ходе подготовки рамки серии были существенно расширены. В итоге с 1961 по 1986 гг. из печати вышло 25 томов (18 – в Польше и 7 – в СССР). О значении проделанного грандиозного труда Стефан Кеневич писал в 1974 года., выражая, пожалуй, мнение всех участников, а также тех людей, кто сочувствовал ему и со знанием дела наблюдал за его осуществлением: “Во всей обширной сфере сотрудничества Польской Академии наук и Академии наук Советского Союза, если сконцентрируем внимание на области гуманитарных наук, наверное, не найдем начинания более плодотворного, нежели то, которое за исходный пункт приняло совместные исследования 1863 года. Начатое семнадцать лет назад, оно мобилизовало несколько десятков историков в обеих странах, реализовало издание фундаментальной серии источников, многочисленных исследований и монографий. Близкие уже к своему завершению в своих первоначальных основах, они открывают сегодня новые, а равно и многообещающие исследовательские перспективы. Достижения сугубо научные, в равной степени полезные для обеих сторон, одинаково служили и далеко идущим целям: сближению позиций обеих историографий, правильному пониманию в обеих странах истории польско-российских отношений в XIX веке”². В этом вы-

сказывании Кеневича был заключен еще один весьма примечательный тезис. Дело в том, что такой, говоря без преувеличения, выдающийся научный проект как названное серийное издание “Восстание 1863 года. Материалы и документы” не мог быть осуществлен его участниками вне генерального направления своих научных интересов и собственных научных изысканий. Поэтому осуществление серийного издания послужило выдающимся стимулом для научного роста всех причастных к нему ученых. Оно стало фундаментом и исходным пунктом для большого числа монографий, статей и других научных трудов по истории освободительного движения и в целом по широкому кругу проблем истории Польши и России в середине и во второй половине XIX в.

Разумеется, это в полной мере касалось и самого С. Кеневича. В 1968 г. выходит “История Польши, 1795–1918”, неоднократно переиздававшаяся в дальнейшем. Предназначавшаяся для студентов гуманитарных вузов, она стала в полном смысле одним из классических трудов по истории Польши, в котором Кеневичу принадлежала исключительно значительная роль как соавтору и соредактору. Наконец, в 1972 г. увидела свет его фундаментальная монография “Январское восстание” (2-е изд., Варшава, 1983).

Характеризуя научную разработанность исследуемой проблемы, в частности, вклад советских историков, а также свои задачи, С. Кеневич в предисловии писал: “Последнее целостное исследование истории Январского восстания вышло из-под пера Адама Шелоговского около сорока лет тому назад. С того времени в этой области знания был достигнут небывалый прогресс. Исследователям стали доступны десятки новых архивных фондов, опубликованы тысячи документов, появились многие монографии, сотни и тысячи иных публикаций. Методологический поворот, происшедший в польской историографии после второй мировой войны, также расширил перспективы исследований 1863 г. Столетняя годовщина восстания принесла обильный урожай разнообразных публикаций, вышедших на десяти европейских языках. Большой вклад в разработку немалого числа проблем, до этого еще ожидавших своего исследования, наряду с учеными других стран внесли и советские историки. Обобщение этого колоссального материала составляет, вероятно, одну из важнейших задач польской историографии, призванной изучать XIX в. Напрашивается мысль создания исследования полного, многотомного, состоящего из отдельных частей. Таким образом, возник бы многолетний и неподъемный труд. Поэтому был избран иной путь – путь синтетической обобщающей монографии. Очевидно, что это возможно только ценою далеко идущей селекции материала”³.

Вклад С. Кеневича в развитие польской исторической науки был высоко оценен польскими и зарубежными коллегами, научной общественностью многих стран. В 1965 г. он избран членом-корреспондентом, а в 1969 г. – действительным членом Польской академии наук. В 1969–1983 гг. Кеневич возглавлял Комитет исторических наук ПАН. О широком признании в Польше и за рубежом его заслуг свидетельствует отмеченный в 1987 г. юбилей историка и опубликованный в его честь коллективный труд “Судьбы поляков XIX–XX вв.”. Помещенная в нем библиография трудов С. Кеневича насчитывает более тысячи позиций, среди которых десятки книг и томов публикаций исторических источников. Научные интересы Кеневича отнюдь не ограничивались трудами по истории польского освободительного движения XIX в. Он автор многих исследований по истории Варшавы и Варшавского университета, народного просвещения и культуры XIX в., по истории формирования и развития польского национального сознания, в частности концепции “органического труда”. Его перу принадлежит целый ряд широко известных научно-популярных трудов. Говоря о разносторонней научной деятельности С. Кеневича, нельзя не отметить его роль как главного редактора одного из двух центральных польских журналов по истории “Пшеглэнд хисторычны”, во главе которого он был с 1953 г. и до последних дней. Хотелось бы также отметить участие С. Кеневича, по нашему мнению, в одном из наиболее значительных научных проектов польской исторической науки XX в. Речь идет об основанном Владиславом Конопчиньским Польском биографическом словаре. По сравнению с многочисленными аналогичными зарубежными изданиями ПСБ, не ограничивается лишь справочными сведениями о помещенных в нем лицах. Биограммы словаря представляют собой, хотя и ограниченные по объему, монографии о поляках и иностранцах, оставивших заметный след в польской истории. В Польском биографическом словаре Кеневич сотрудничал с 1936 г. и до конца жизни, опубликовав на его страницах более 150 жизнеописаний.

Возвращаясь к рубежу 1960–1970-х годов в творческом пути С. Кеневича, когда были написаны и опубликованы главные его труды, когда практически свершившимся фактом стало фундаментальное издание “Восстание 1863 года. Материалы и документы”, следует отметить, что в этот период ученый вновь оказался перед ответственным выбором. Студенческие волнения 1968 г., центром которых стал Варшавский университет, ознаменовали существенный поворот в общественной жизни и общественном сознании Польши, положив начало формированию в стране антиком-

мунистической оппозиции и усилению в среде польской интеллигенции либеральных тенденций. Сочувствуя стремлению польской молодежи к обновлению, разделяя патриотические воззрения польского студенчества, Кеневич настороженно относился к проявлениям радикализма, особенно тогда, когда таковые, независимо от субъективных намерений инициаторов, могли нанести вред родной стране. В этих условиях выдающийся и признанный ученый не примкнул ни к одному из лагерей, последовательно и убежденно отстаивая принципы объективной и беспристрастной науки, сознавая, разумеется, что объективность и беспристрастность ученого имеет свои исторически обусловленные пределы. На страницах возглавляемого им журнала, а также других важнейших периодических изданий разных общественных направлений, таких как “Тыгодник повшехны”, “Пшеглэнд повшехны”, “Политика”, историк обосновывал свое видение научной объективности, историзма и подлинной общественной значимости науки. Его избранные публицистические статьи, выступления и рецензии были опубликованы в книге “Историк и национальное сознание” (1982). Общественная позиция Кеневича была с уважением и доверием воспринята в различных кругах польского общества и по сей день остается образцом научной корректности, неприятия искажающих исторический процесс стереотипов, и независимости от находящихся за пределами науки конъюнктурных течений.

Вклад С. Кеневича в польскую науку, как и его роль в российско-польском научном сотрудничестве, с годами не утратили своего значения. Сегодня в Польше ученые школы Кеневича плодотворно работают в Варшавском университете, в Институте истории ПАН. Традиции, им заложенные, развиваются и в России. Поэтому, отмечая 100-летие со дня рождения С. Кеневича, мы не только воздаем должное выдающемуся ученому, не только с удовлетворением констатируем продолжение его дела сегодня, но и можем утверждать, что созданный С. Кеневичем и его школой научный потенциал имеет большое значение для развития польской и российской исторической науки и в будущем.

¹ О сотрудничестве С. Кеневича с российскими учеными подробнее см.: *Шварц Анджей*. Стефан Кеневич и российские исследователи истории Польши XIX века // Российско-польские научные связи в XIX–XX вв. / Отв. ред. В.К. Волков. М.: Индрик, 2003.

² *Kieniewicz S.* Siedemnaście lat współdziałania na odcinku XIX wieku // *Przegląd Historyczny*. 1974. Z. 4. S. 729.

³ *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972. S. 5.

Збигнев Далевский (Варшава)

Политическая и идеологическая роль столичных центров в Польше в эпоху раннего Средневековья

Рассмотрение роли и значения столичных центров в политической жизни Польши раннего Средневековья можно начать с законодательства Болеслава Кривоустого – его Статута (так называемого тестамент) 1138 г., в котором регламентировался порядок наследования польского трона в соответствии с сеньориальным принципом старшинства. Согласно установленному Болеславом порядку верховная власть в монархии Пястов по смерти предшествовавшего властителя переходила к старшему в роду члену династии. Однако в постановлениях Статута Болеслава Кривоустого, помимо сеньориального принципа наследования монаршей власти, не меньшее внимание уделялось вопросу о власти преемника в государстве, его верховенству над остальными членами династии, которое, по мысли законодателя, могло быть реализовано посредством контроля над точно определенными частями государственной территории, а вернее, над конкретными городскими центрами. Поэтому Статут Кривоустого предусматривал, помимо предоставления сыновьям собственных уделов, выделение дополнительно сеньориального домена, владение которым, наряду с правом старшинства в отношении княжат–держателей уделов, становилось бы прерогативой *principis'a* – наследника трона и старшего в роде¹.

По вопросу о том, на какие территории распространялся такой домен, существуют многочисленные и противоречивые точки зрения. Однако в целом мнение исследователей, хотя это и не дает возможности разрешения многих частных проблем, делается, склоняется к тому, что в эту область, помимо Малой Польши с Краковом, входила также восточная часть Великой Польши с Гнезно². Обширная и богатая область домена, как представляется, в значительной степени увеличивала возможности сеньора в реализации его монарших прав и обеспечивала его материальное превосходство над получившими гораздо более скромные уделы

младшими братьями и кузенами³. Широкой полосой тянулись домениальные владения через всю страну, давая монарху удобный доступ к владениям младших родственников и позволяя ему установить контроль над Поморьем. Тем не менее выделенный сеньориальный домен не стал, как можно судить, ни исключительной, ни первостепенной гарантией материального основания верховенства сеньора. Решение поделившего государство Болеслава установить связь между верховной властью, переданной по наследству старшему в роду и обладанием наследником Краковом и Гнезно, имело самые веские основания. Соображения, которыми руководствовался князь о соединении с особой сеньора, отделенного от остальных провинций страны краковско-гнезненского домена, были направлены на то, чтобы уладить, хотя бы поверхностно, споры, разгоревшиеся в XII в. между его сыновьями.

В начавшейся вскоре после кончины Болеслава усобице между его сыновьями – наследником Владиславом II и его младшими братьями – чаша весов в войне между ними склонилась в 1146 г. на сторону последних, когда те в сражении под Познанью одержали решительную победу над войском сеньора. Несчастье на поле битвы не означало, однако, для Владислава утраты княжеского трона. Побежденный сеньор вынужден был занять своими гарнизонами важнейшие города и обратиться с просьбой о помощи к германскому королю Конраду III. Об окончательном поражении Владислава свидетельствовало занятие его младшими братьями Кракова. Они установили свой контроль над остальными городами, находившимися до того под властью Владислава, и одновременно лишили его статуса государя и законного наследника Болеслава Кривоустого⁴.

Тридцать лет спустя, в 1177 г., очередным сеньором династии стал Мешко Старый, победивший тогда своего взбунтовавшегося младшего брата Казимира Справедливого. Выступив против Мешко, Казимир двинулся к Кракову и благодаря поддержке городских верхов занял город без особых затруднений⁵. Далее он нанес удар в направлении Гнезно. Занятие города Казимиром было губительным для Мешко, который, будучи лишен помощи прежних союзников, должен был спасаться бегством из страны. Для Казимира же обладание Краковом и Гнезно послужило гарантией признания со стороны удельных княжат его претензий на установление власти над всей монархией Пястов, и убедило их в его старшинстве и верховенстве⁶.

Однако вскоре Мешко удалось вернуться в Польшу и отбить у противника Гнезно⁷, что стало свидетельством кардинального изменения политической ситуации в стране. Новое соотношение

политических сил, в результате возвращения Гнезно под власть Мешко, отображает составленный несколькими годами позже документ, из которого следует, что он был издан во время правления в Польше двух князей, при этом князей, обличенных верховной властью и старшинством по отношению к многочисленным удельным княжатам, а именно Казимира и Мешко (*“regnantibus in Polonia Kazimiro duce et Misicone fratre suo”*)⁸. Утратив Гнезно, один из двух главных городов сеньориального домена, Казимир Справедливый утратил и право выступать как единственный старший князь. Вернув себе Гнезно, Мешко вернул себе и верховное управление, которое должен был в этом случае разделить с Казимиром, сидевшим в другом главном сеньориальном городе – в Кракове.

Происхождение сопровождавших сыновей Болеслава Кривоустого междоусобных споров по сути не вызывает больших сомнений: власть в монархии Пястов, подобно многим другим государственным образованиям раннего Средневековья, имела, выражаясь фигурально, пространственное измерение⁹. Реализовывалась она в первую очередь через обладание двумя главными городами – Гнезно и Краковом. Полученный над ними контроль давал претендентам на престол право выдвинуть обоснованные претензии для законного обретения власти над всем государством и верховенства над остальными удельными княжатами. Как свидетельствуют драматические судьбы сыновей Болеслава Кривоустого, такие претензии в практике политической жизни вполне признавались. С обретением власти над Краковом и Гнезно они, в сущности, тянулись к верховной власти в государстве. С утратой этих городов они теряли и права на вождеденную власть. В этом контексте становятся понятны хлопоты Болеслава Кривоустого, чтобы гарантировать полный контроль над этими городами обладателю верховной власти в государстве старшему в роде (сеньору). Исключая Краков и Гнезно из числа городов, раздаваемых в удел младшим членам династии, и законодательно закрепляя их во владении только сеньора, князь стремился обеспечить для него наилучшие условия правления. Включение Кракова и Гнезно в состав сеньориального домена имело главной целью гарантировать предназначенному занять княжеский трон наследнику обладание городами, которые, в отличие от других, сами обладали способностью “наделить” властью¹⁰. В Польше XII в. стать государем можно было только в Гнезно и в Кракове.

Та особая роль в равной мере как Гнезно, так и Кракова в процессе становления и законодательного оформления верхов-

ной власти в Польше в раннее Средневековье основывалась на многих факторах. Конкретное их рассмотрение начнем с Гнезно.

Существенные данные, позволяющие более точно определить характер приписываемых Гнезно свойств как одного из двух главных “наделяющих властью” столичных центров государства Пястов, содержит пястовская династическая легенда, сохранившаяся в составе Хроники Галла Анонима¹¹ – памятнике начала XII в., однако без всякого сомнения, относящегося к значительно более ранней летописной традиции. Записанное Галлом предание о возвышении рода Пястов недвусмысленно указывает на значение города Гнезно для княжеской династии. Здесь обретался основатель рода – Пяст. Здесь же его потомок – первый из польских властителей – Земовит приобрел княжеское достоинство. В свете пястовского предания, записанного в Хронике Галла, Гнезно был таким городом, который Пясты вполне могли бы считать своим, который был пястовским в полном смысле слова. Целый ряд событий, происшедших в Гнезно, был связан с обретением власти членами рода Пястов, и тем самым правовое обоснование их власти связывалось с обладанием городом. Для Пястов – как это представлено в хронике Галла – Гнезно стало городом, в котором они поднялись к вершинам власти, и где можно было обратиться к лежащим в ее основании священным силам, гарантирующим прочность их монархии. Рассказ Галла о началах рода Пястов указывает также еще на одну особенность роли Гнезно в системе политических идей ранней польской государственности. Значение Гнезно проявилось и в более широком плане, выходящем за узкие рамки династической традиции, оно решающим образом свидетельствовало об идентичности всего находившегося под властью Пястов сообщества. По свидетельству Галла, прежде чем на трон в Гнезно взошли Пясты, там правил князь Попель: “...erat [...] in civitate Gneznensi, que nidus interpretatur slauonice, dux nomine Popel”¹². При этом хронист выводил название города от слов “гнездовье” или “гнездо”, что, по его мнению, означало не только резиденцию Пястов, но “гнездо” как место зарождения всего польского племени, польской народности. Традиция, зафиксированная в Хронике Галла и получившая таким образом письменное подтверждение, соединяя название Гнезно с гнездом, указывает на значение гнезненского центра в более широких пространственных представлениях, организующих систему ценностей подвластного Пястам общества. Гнезно это место, в котором оно обрело свое начало, исходный пункт своего распространения, откуда началось завоевание окружающих территорий. Подобно тому, как в Гнезно началась история правящей династии, здесь же на

арену истории выступило и подвластное Пястам общество¹³. В Гнезно династическая традиция объединяется с традицией государственной и племенной. Все существенные для нее мотивы, служащие обоснованию прочности пястовского государственного организма, сосредотачиваются в городском пространстве Гнезно, где власть и подданные обретают единственный и неизменный пункт общности их истории, что и обусловило первенство Гнезно на всех уровнях политической жизни и общественного сознания.

Объединенные в хронике Галла с Гнезно сказание о мифическом “начальном” периоде формирования территориальной общности польских полян, с одной стороны, и рассказ об установлении там власти династии Пястов – с другой, нельзя оценить только в категориях, лишенной практического значения историографической конструкции. Противоречивые, разнородные действия пястовских властителей в отношении Гнезно в совокупности убедительно свидетельствуют о том, что за пересказанным Галлом “гнезненским” преданием о начале династии стояло, в сущности, представление об особой роли Гнезно, которому принадлежало исключительное место во внутренней структуре государства Пястов. С самого начала – как доказывают археологические исследования – Гнезно занимало особое положение в рамках создаваемого Пястами государственного организма, что особенно подчеркивалось его центральным местоположением на государственной территории в окружении венца малых городов. Датированные второй половиной X в. воздвигнутые вокруг Гнезно новые крепостные валы и развернувшееся в городе и пригородах значительное строительство, послужили материальным основанием доминирования Гнезно над возведенными Пястами прочими городами¹⁴. Созданное Пястами государство было в первую очередь государство гнезненское.

Дополнительным доказательством этому может послужить сохранившийся в ватиканских регестах документ Мешко I, составленный незадолго до последовавшей в 992 г. смерти князя. В нем Мешко отдает под опеку Папы Римского свое владение, названное в документе “*civitas Schinesgne cum omnibus suis pertinentiis*” (город Гнезно со всем ему принадлежащим)¹⁵. Из содержания приведенного документа следует, что в государстве Мешко I не было иных городов, помимо Гнезно, которые хотя бы приближались к нему по своему значению. Есть только Гнезно как центр его владений, в соотношении с которым все остальные подвластные князю земли предстают как гнезненская округа. Власть находится в Гнезно, а вокруг расстилаются подчиненные столичному центру области – “принадлежности”, лишенные какой-либо субъ-

ектной определенности. И неудивительно, что после смерти в 992 г. Мешко I его старший сын Болеслав Храбрый, вопреки воле отца, унаследовав власть в гнезненском государстве и изгнав своих родных братьев, повелел отчеканить денарий, на котором рядом с его именем было выбито название города Гнезно – GNEZDVN CIVITAS¹⁶. Таким способом победивший в борьбе за престол князь ознаменовал обретение власти над Гнезно, а вследствие этого и свои властные права в отношении гнезненских “принадлежностей”. К правлению Болеслава Храброго можно также отнести целый ряд мер, призванных продемонстрировать исключительное место Гнезно в политической системе государства Пястов. Достаточно указать на предпринятые князем действия вокруг фигуры св. Войцеха. Помещение мощей св. Войцеха в Гнезно, учреждение здесь архиепископской кафедры, визит в княжескую столицу императора Оттона III – это были фундаментальные акты, значение которых для демонстрации превосходства Гнезно трудно переоценить¹⁷. В результате усилий Болеслава главный центр власти Пястов приобрел новые черты, свидетельствующие о его первенстве в территориальной структуре государства, позволявшие Гнезно еще более укрепить свое центральное положение, освященное обретенным святым покровителем монархии Пястов. В результате было достигнуто соединение новых религиозных и политических идей с традиционной системой пространственных представлений, и Гнезно – гнездо как место зарождения династии и город ей подвластный, значение которого еще более усилилось как центра культа св. Войцеха, приобрело новое качество, устанавливающее идентичность объединенного вокруг него общества и позволяющее Гнезно занять центральное положение также и в новом религиозном устройстве пястовского государства. Отмеченное выше решение Болеслава Кривоустого о соединении института сеньории с Гнезно и развернувшаяся междоусобная война сыновей князя за обладание столицей свидетельствуют о сложившемся уже во время формирования монархии Пястов убеждении в особой способности столицы “наделить властью”, убеждения, вполне сохранившего свою актуальность вплоть до конца XII в. и определявшего роль Гнезно на политической карте Средневековой Польши.

Однако, как было отмечено выше, в представлении Болеслава Кривоустого, а в дальнейшем и его сыновей, власть в монархии Пястов связывалась не только с Гнезно, но также и с Краковом. Создается впечатление, что правовые основания верховенства сеньора над удельными князьями по духу Статута Болеслава Кривоустого в первую очередь касались Кракова, а только потом

Гнезно¹⁸. Рассмотрим более детально обстоятельства, которые привели к обретению расположенным на периферии (с точки зрения основного центра пястовской экспансии – великопольского Гнезно) Краковом функций одного из центров власти государей из династии Пястов.

Говоря о причинах, которые побудили пястовских правителей включить Краков в систему центров власти своего государства, следует уделить больше внимания политическим судьбам земель Малой Польши в последней четверти X в. Представляется, что столь значительное выделение Кракова из числа прочих крупных центров племенных территорий, оказавшихся под властью Пястов, было обусловлено политической ситуацией, сложившейся в Малой Польше после того, как она оказалась захвачена властителями из династии Пястов.

Определение государственно-политической принадлежности Малой Польши в последние десятилетия X в. вызывает противоречивые толкования. Многие указывают, что на рубеже 980–990 гг. господствовавшие до того в течение двух десятилетий в Малой Польше чешские правители утратили здесь свою власть, которая перешла к Пястам. Несмотря на это, из *Dagome iudex* следует, что чехам удалось удержать за собой Краков, который не был включен Мешко I в состав гнезненского государства и еще долгое время оставался за пределами монархии Пястов. Допускается, что отвоеванную у чехов Малую Польшу Мешко передал своему старшему сыну Болеславу Храброму¹⁹. Разумеется, отданная под власть Болеслава Малая Польша оставалась в полной зависимости от гнезненского государства Мешко I, однако она имела в этом государстве обособленный политический статус и в этом смысле отличалась от иных завоеванных Пястами областей, например Мазовии или Шленска, на которые распространялось понятие “принадлежности Гнезно”. Замысел оставить Малую Польшу за пределами государственно-правовой системы гнезненской державы связывался, таким образом, с необходимостью создания для получившего в этой земле власть Болеслава наиболее благоприятных условий для реализации своих монарших прав. Правление Болеслава в Малой Польше не могло опираться исключительно на военные силы его отца. Упрочение Болеслава на троне требовало включения его власти в традиционную систему представлений его новых подданных, представлений, в которых эта власть должна была найти обоснование.

Во время установления власти Пястов в Малой Польше в конце X в., эта область представляла собой вполне оформленное территориальное и политическое образование, отдельное от сосед-

них земель. Ее центром был Краков²⁰. Фундаментальные элементы идейно-политической конструкции, определяющей превосходство Кракова среди других малопольских городов при попытке их детального рассмотрения, к сожалению, ускользают от исследователя. Свидетельства, переданные при посредстве позднейших источников, из которых мы черпаем информацию, говорят о находившемся на Вавельской горе некоем пригорке, на котором вершился суд²¹. Это дает основание предположить, что в Кракове издревле существовало место, на котором избирался новый властитель, где проходила церемония передачи власти, завершавшаяся интронизацией. Приобретение власти над заключенным в городское пространство Кракова этим особым, “наделяющим властью”, местом позволяло претендовать на престол в качестве законного государя, и гарантировало признание подобных устремлений со стороны объединенного вокруг Кракова территориального сообщества.

Стремясь к обладанию Краковом, Пясты должны были осознавать наличие этих зависимостей и возможностей, которые открывало для них включение завоеванной власти в рамки местной краковской традиции. Присвоение этой традиции захватчиками Пястами позволяло им рассчитывать на лояльность местного общества. Благодаря обращению к соединенным с Краковом представлениям Болеслав Храбрый мог предстать перед своими новыми подданными не как иностранный завоеватель, намеренный силой навязать им свое господство, а как законный “краковский” государь, взошедший на престол в соответствии с освященным традицией обычаем.

Выгоды, которые давало Пястам встраивание их власти в структуру краковского пространства, должны были быть настолько существенны, что Болеслав Храбрый, унаследовавший власть в 992 г. после смерти Мешко I также и над Гнезно, не решился на включение Малой Польши в “гнезненскую систему” своего государства. Более того, развернутое им в Кракове в начале XI в. строительство указывает на то, что он не только не подчинил Кракова столичному центру в Гнезно, но содействовал обогащению прилегавшей к Кракову части своих владений и усилению их роли в структуре территориальной монархии. Особое внимание следует обратить на масштабы предпринятого в Кракове строительства, которое с большой долей вероятности можно отнести ко времени правления Болеслава Храброго, а также его сына Мешко II²². Число построек, возведенных в Кракове в начале XI в. при первых правителях Пястах, значительно превышает не только количество сооруженных по их повелению зданий в

других провинциальных городах пястовского государства, но, что еще более важно, и в главных городах Великой Польши, в том числе и в Гнезно. Едва ли можно опровергнуть мнение, что государи из династии Пястов придавали исключительное значение демонстрации своего присутствия в Кракове.

Более того, размах развернутого при Пястах строительства в Кракове свидетельствовал об их намерении обогатить краковскую традицию новым идейным содержанием, которое могло бы дополнить обоснование особой позиции города также и за пределами Малой Польши. В этом контексте обратим внимание на поразительное сходство возведенных, вероятно, во время Болеслава Храброго либо Мешко II четырех краковских костелов (сходству – как по посвящению, так и по взаимному расположению в городском пространстве) с проектом постройки храмов в Аквизгроне (Аахене), начатом императором Оттоном III²³. В развернутом в Кракове по воле пястовских правителей строительстве, непосредственно связанном с архитектурными образцами Средневековой Римской империи и призванном превратить Краков в идеологическую реплику ее столицы – Аквизгрона, вполне можно усмотреть попытку придания городу, наряду с Гнезно, функции одного из главных центров власти монархов династии Пястов.

Таким образом, основанное Пястами государство стало утрачивать свой исключительно “гнезненский” характер, становясь государством, в первую очередь, пястовским. Выход за рамки гнезненской традиции и установление при посредстве Пястов связи с традицией, исходящей из Кракова, служило более прочным основанием, на которое те могли бы опереться в своих властных устремлениях, и в значительной степени способствовало консолидации создаваемой ими монархии, придавая установленной ими власти измерение, выходящее за пределы представлений объединенной вокруг Гнезно общности польских Полян. Благодаря также и этому пястовское государство смогло пережить кризис 30-х годов XI в. и преодолеть последствия нападения в 1038 г. чешского князя Бржетислава I, когда были полностью разрушены города Великой Польши и прежде всего Гнезно²⁴. Стремясь удержать в своих руках Великую Польшу, Бржетислав намеривался, как представляется, лишить объединенное вокруг Гнезно сообщество решающего элемента прочности такого объединения, а именно политической ориентации этого сообщества, или сначала хотя бы сделать невозможным ее новое обоснование в рамках государственной организации. Смута в Гнезно не повлекла за собой, вопреки надеждам Бржетислава, гибели государст-

ва Пястов. Возвратившийся в страну из изгнания Казимир I Восстановитель мог положиться на Краков как на опору своей власти и приступить к воссозданию из руин монархии, обращаясь к воспринятым его предшественниками и связанными уже с династией Пястов представлениям о “наделяющей властью” функции города Кракова²⁵.

Также и в последующие столетия, сформировавшаяся в начале XI в. гнезненско-краковская система столичных городов, в значительной мере способствовала консолидации монархии, успешно сдерживая тектонические тенденции. В XII в. владение Краковом и Гнезно позволяло чреде сеньоров династии Пястов обрести верховную власть над младшими в роде княжатами. В XIII в., помимо углубления процессов дезинтеграции и раздробления государства, гнезненско-краковская система удерживала удельных князей, среди которых одни владели Гнезно, другие – Краковом, от попыток создания собственных независимых держав²⁶. В начале XIV в. она в конечном счете предоставила возможность образовать объединенное королевство. Думается, что отнюдь не случайно Владислав Локеток предпринял усилия, дабы получить согласие Римского папы на коронацию только тогда, когда в его руках оказалась власть как над Краковом, так и над Гнезно²⁷. И не случайно все последующие польские короли, по завершении коронации в Кракове, отправлялись в путешествие именно в Гнезно²⁸. До конца Средневековья, если не дольше, Гнезно и Краков удержали восходящий еще ко времени образования державы Пястов свой исключительный ранг городов, с которыми связывалось представление о возможности овладения государственной властью. Гнезно и Краков будучи для объединенного вокруг них сообщества неизменными центрами соотношения, имели решающее значение для сохранения посредством гнезненско-краковской системы идентичности сообщества и создаваемого с опорой на эту систему государства.

Перевод Б. Носова

¹ См. новейшее исследование: *Dalewski Z.* Was Herrscher taten, wenn sie vile Söhne hatten – zum Beispiel im Osten Europas // *Die Macht des Königs. Herrschaft in Europa vom Frühmittelalter bis in die Neuzeit.* München, 2005. S. 131–137.

² *Wojciechowski T.* Szkice historyczne jedenastego wieku. Wyd 4. Warszawa 1970. S. 302 etc.; *Spors J.* Podział dzielnicowy Polski według statutu Bolesława Krzywoustego ze szczególnym uwzględnieniem dzielnicy seniorackiej. Słupsk, 1978. См. также: *Lalik T.* Sandomierskie we wczesnym średniowieczu. Prowincja księstwo, województwo // *Studia Sandomierrskie.*

- Materiały do dziejów miasta Sandomierza i regionu sandomierskiego. Łódź, 1967. S. 39–104; *Zajączkowski S.* Dawne ziemie łęczycka i sieradzka w połowie XII wieku // *Roczniki Historyczne*. 29. 1963. S. 199–204; *Buczek K.* Jeszcze o testamencie Bolesława Krzywoustego // *Przegląd Historyczny*. 60. 1969. S. 623–639; *Łowmiański H.* Początki polski. Polityczne i społeczne procesy kształtowania się narodu do początku wieku XIV. Warszawa, 1985. T. 6. Cz. 1. S. 126 etc. Сравните: *Labuda G.* Testament Bolesława Krzywoustego // *Opuscula Casimiro Tymieniecki Septuagenario dedicata*. Poznań, 1959. S. 171–194; *Grudziński T.* O akcie sukcesyjnym z czasów Bolesława Krzywoustego // *Czasopismo Prawno-Historyczne*. 24. 1972. S. 35–82; *Derwich M.* Testament Bolesława Krzywoustego w polskiej historiografii średniowiecznej // *Acta Universitatis Vratislaviensis* 499. Hist. 33. Wrocław, 1980. S. 113–153.
- ³ Сравните: *Spors J.* Op. cit. S. 112 etc.
- ⁴ *Magistri Vincentii dicti Kadłubek Chronica Polonorum* / Wyd. M. Plezia, Monumenta Poloniae Historica (n. s.). T. 11. Kraków, 1994. III, 28. S. 120–122. См.: *Labuda G.* Zabiegi o utrzymanie jedności państwa polskiego w latach 1138–1146 / *Kwartalnik Historyczny*. 66. 1959. S. 1147–1167; *Dworsatschek M.* Władysław II Wygnaniec. Wrocław, 1998. S. 101 etc.
- ⁵ *Magistri Vincentii... Chronica... IV. 6. S. 144–146.*
- ⁶ Ibid. S. 147, 148. См.: *Labuda G.* Dwa zamachy stanu w Polsce (1177–1179, 1202–1206) // *Sprawozdania Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk*. 1969. T. 82. S. 102 etc.
- ⁷ *Rocznik kapituły poznańskiej* / Wyd. B. Kürbis // *Monumenta Poloniae Historica* (n.s.). T. 6. S. 24.
- ⁸ *Zbiór dokumentów i listów miasta Płocka* / Wyd. M.S. Szacherska. Warszawa, 1975. T. 1. N 3. См.: *Bieniak J.* Polska elita polityczna XII wieku (Część I. Tło działalności). // *Społeczeństwo Polski średniowiecznej* / Red. S.K. Kuczyński. Warszawa, 1982. T. 2. S. 58; *Rutkowski H.* Zajęcie Kujaw przez Mieszka Starego // *Społeczeństwo Polski średniowiecznej* / Pod red. S. K. Kuczyński. Warszawa, 1992. T. 5. S. 122.
- ⁹ См.: *Banaszkiewicz J.* Jedność porządku przestrzennego, społecznego i tradycji początków ludu (Uwagi o urządzeniu wspólnoty plemiennie-państwowej u Słowian) // *Przegląd Historyczny*. 77. 1986. S. 445–466; *Dalewski Z.* Władza – przestrzeń – ceremonia. Miejsce i ceremonia inauguracji władcy w Polsce średniowiecznej do końca XIV w. Warszawa, 1996.
- ¹⁰ Сравните: *Banaszkiewicz J.* Polskie dzieje bajeczne Mistrza Wincentego Kadłubka. Wrocław, 1998. S. 277–348.
- ¹¹ *Galli Anonymi. Cronicae et gesta ducum sive principum Polonorum* / Wyd. K. Maleczyński // *Monumenta Poloniae Historica*. NS. Kraków, 1952. T. 2. I, 1–4, S. 9 etc. См.: *Banaszkiewicz J.* Podanie o Piaście i Popielu. Studium porównawcze nad wczesnośredniowiecznymi tradycjami dynastycznymi. Warszawa, 1986; *Deptuła C.* Galla Anonima mit genezy Polski. Studium z historiozofii i hermeneutyki symboli dziejopisarstwa średniowiecznego. Lublin, 1990.

- ¹² *Galli Anonymi. Cronicae. I, 1. S. 9.*
- ¹³ *См.: Banaszkiewicz J. Jedność porządku przestrzennego... S. 459 etc.*
- ¹⁴ *Kurnatowska Z. Próba odtworzenia organizacji zarządu terytorialnego państwa pierwszych Piastów w Wielkopolsce // Obronność polskiej granicy zachodniej w dobie pierwszych Piastów. Wrocław, 1984. S. 81–91; Idem. Tworzenie się państwa pierwszych Piastów w aspekcie archeologicznym // Od plemienia do państwa. Śląsk na tle wczesnośredniowiecznej Słowiańszczyzny Zachodniej / Pod red. L. Leciejewicz. Wrocław, 1991. S. 77–98; Idem. Wielkopolska w X wieku i formowanie się państwa polskiego / Ziemię polskie w X wieku i ich znaczenie w kształtowaniu się nowej mapy Europy / Pod red. H. Samsonowicz. Kraków, 2000. S. 99–118; Sawicki T. Wczesnośredniowieczny zespół grodowy w Gnieźnie / Gniezno w świetle ostatnich badań archeologicznych / Pod red. Z. Kurnatowska. Poznań, 2001. S. 163–186.*
- ¹⁵ *См.: Kürbis B. Dagome iudex – studium krytyczne, w: Początki państwa polskiego. Poznań, 1962. T. 1. S. 363–423; Łowmiański H. Początki Polski... T. 5. S. 595 etc.*
- ¹⁶ *См.: Schmidt A. Nowa interpretacja denara GNEZDVN CIVITAS // Gniezno. Studia i materiały historyczne Warszawa; Poznań, 1990. T. 3. S. 237–245. Сравните: Suchodolski S. Początki rodzimego mennictwa // Ziemię polskie w X wieku i ich znaczenie w kształtowaniu się nowej mapy Europy / Pod red. H. Samsonowicz. Kraków, 2000. S. 356.*
- ¹⁷ *Сравните: Gieysztor A. Sanctus et gloriosissimus martyr Adalbertus: un État et une Église missionnaires aux alentours de l'an Mille // Settimane di studio del Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo. T. 14: La conversione al cristianesimo nell'Europa dall'alto medioevo. Spoleto, 1967. S. 611–647; Labuda G. Święty Wojciech. Biskup – męczennik, patron Polski, Czech i Węgier. Wrocław, 2004. Wyd 2; Michałowski R. Zjazd gnieźnieński. Religijne przesłanki powstania arcybiskupstwa gnieźnieńskiego. Wrocław, 2005.*
- ¹⁸ *Сравните: Dalewski Z. Władza – przestrzeń – ceremoniał... S. 72 etc.*
- ¹⁹ *См.: Labuda G. Bolesław Chrobry w Krakowie czyli o rzekomej utracie Krakowa przez Czechów w roku 999 // Idem. Studia nad początkami państwa polskiego. Poznań, 1988. T. 2. S. 264 etc.; Łowmiański H. Bolesław Chrobry w Krakowie / Studia Historyczne 1961. N 4. S. 3–21; Idem. Początki Polski. T. 5. S. 567 etc.*
- ²⁰ *См.: Radwański K. Kraków przedlokacyjny. Rozwój przestrzenny. Kraków, 1975; Idem. Kraków we wczesnym średniowieczu (wybrane zagadnienia) // Civitates principales. Wybrane ośrodki władzy w Polsce wczesnośredniowiecznej / Pod red. T. Janiak, D. Stryniak. Gniezno, 1998. S. 57–60; Wyzorowski J. Polityczna rola Krakowa w okresie przedlokacyjnym / Kraków przedlokacyjny: Materiały sesji naukowej z okazji dni Krakowa w 1984 roku. Kraków, 1987. S. 31 etc.; Żaki A. Kraków wiślański, czeski i wczesnopiastowski / Chrystianizacja Polski południowej. Krakoń, 1994. S. 41–71.*
- ²¹ *Kodeks dyplomatyczny klasztoru tynieckiego. Cz. 1 / Wyd. W. Kętrzyński. Lwów, 1875. N 7. S. 14, 15. См.: Banaszkiewicz J. Polskie dzieje bajeczne... S. 342 etc.*

- ²² См.: *Pianowski Z.* Sedes regni principales. Wawel i inne rezydencje piastowskie do połowy XIII wieku na tle europejskim. Kraków, 1994.
- ²³ *Michałowski R.* Princeps fundator. Studium z dziejów kultury politycznej w Polsce X–XIII wieku. Warszawa, 1989. S. 118–145.
- ²⁴ См.: *Krzemieńska B.* W sprawie chronologii wyprawy Brzetysława I na Polskę // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Ser. I. Nauki Humanistyczne.* 12. 1959. S. 23–37; *Heck R.* O właściwa interpretację najazdu Brzetysława I na Polskę // *Sobótka.* 21. 1966. S. 245–267; *Polek K.* Kraków i Małopolska w czasie najazdu Brzetysława I na Polskę // *Studia Historyczne.* 29. 1986. S. 495–508; *Labuda G.* Mieszko II król Polski (1025–1034). Czasy przełomu w dziejach państwa polskiego. Kraków, 1992. S. 183 etc.
- ²⁵ Сравните: *Garbacik J.* Przeniesienie stolicy Polski do Krakowa w XI w., Kraków i Małopolska przez dzieje. Kraków, 1970. S. 127–142; *Labuda G.* Jak i kiedy Kraków został stolicą Polski piastowskiej // *Idem.* Studia nad początkami państwa polskiego. Poznań, 1988. T. 2. S. 294–321; *Łowmiański H.* Początki Polski. T. 6. Cz. 1. S. 83 etc.
- ²⁶ Сравните: *Banaszkiewicz J.* Polskie dzieje bajeczne... S. 347 etc.
- ²⁷ См.: *Bieniak J.* Wiec ogólnopolski w Żarnowie 3–7 czerwca 1319 r. a geneza koronacji Władysława Łoietka // *Przegląd Historyczny* 64. 1973.
- ²⁸ *Dalewski Z.* Władza – przestrzeń – ceremoniał... S. 237 etc.

А.А. Хорошкевич (Москва)

Москва – от столицы Великого княжества всёя Руси к столице Российского царства

В заглавии статьи есть три понятия, о содержании которых следует сразу предупредить читателя. Первое из них – столица. Термин происходит от существительного “стол”, которое в Средние века обозначало некое сидение (трон) представителя верховной власти, служивший одновременно ее символом, начиная со времен Владимира Святого, на монетах которого было отчеканено: “Владимир на столе, а се его сребро”¹. В миниатюрах Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи и Лицевого свода изображение стола встречается достаточно часто. Как правило, князь восседал на чем-то жестком, отдаленно схожим с современной скамьей, на которой для удобства лежали довольно длинные подушки².

Два других понятия суть названия государства, столицей которого и была Москва. Великое княжество (или Государство) всёя Руси существовало весьма недолгое время: с 1478 или 1485 гг. до 1547 г., хотя многочисленные, но непоследовательные и краткие попытки включения в великокняжеский титул упоминания “всёя Руси” делались московскими князьями значительно раньше, по крайней мере начиная с Ивана Калиты³. Лишь присоединение Великого Новгорода и Твери придала власти великого князя владимирского и московского Ивана III устойчивый общерусский характер*.

Началом Российского царства все историки признают акт венчания на царство в 1547 г. Ивана IV. Разногласия возникают при наименовании этого государственного образования. Иностранцы, в том числе или в первую очередь польские и литовские авторы – современники событий второй половины XVI в. – именуют царство Московским.

* Не касаемся здесь давнего спора А.А. Зимина и В.А. Кучкина о том, к какому событию следует приурочить создание Княжества всёя Руси – к инкорпорации Новгорода в 1478 г. или Твери в 1485 г.

Соответствующая польско-литовская традиция сложилась еще в конце XV в., когда великий князь всея Руси Иван III не только провозгласил, но и начал осуществлять программу объединения под собственной властью всех восточнославянских земель, некогда составлявших Древнюю Русь. Польско-литовская политическая элита пыталась противодействовать этой программе, поскольку в состав Короны Польской и Великого княжества Литовского входили многие из этих земель. Литовские великие князья признавали за Иваном III и его наследником Василием III права лишь на Московское княжество, а государство всея Руси именовали Московией.

В самой России заимствование термина Московское царство произошло в период Смуты⁴ вместе с наплывом в страну польско-литовских воинов и политических деятелей, весьма значительная часть которых осталась в России надолго. В XVI в. в состав Российского царства были включены ряд территорий (земель), не обладавших качествами самостоятельных политических организмов, которые получили название “государств” – Московского, Новгородского, Тверского и пр. Так назывались бывшие княжества и республики, поскольку теперь во главе их всех стоял “государь”. В период Смуты эти составлявшие Российское царство исторические области стали практически независимыми, каждая из них имела свою особую судьбу (особенно существенные различия наблюдаются между историей Московской и Новгородской земель). В этих условиях название одной из частей царства, а именно самой главной его части – “Московского государства Российского царства” (как оно именовалось в современных делопроизводственных документах центральных приказов) было перенесено на все это Российское царство.

Однако в сочинениях иностранцев и в европейской историографии закрепилось название Московское царство. Оттуда оно было перенято и российской историографией XIX в. Авторитетным сторонником употребления этого традиционного наименования выступает С.О. Шмидт. Автор настоящей статьи уже давно, хотя и безуспешно, пытается прервать эту традицию и употребляет более точное с исторической точки зрения название – Российское царство, которое в отличие от своего предшественника – Великого княжества всея Руси – просуществовало длительное время – с 1547 г. до провозглашения в начале XVIII в. Российской империи.

Рассмотренный в настоящей статье период с 1485 по 1547 гг., с точки зрения внутриполитического развития, можно охарактеризовать как время превращения великого князя из первого сре-

ди равных членов Рюрикова дома в единовластного самодержца. В связи с этим понятны опалы Ивана III на его братьев на рубеже 70–80-х годов XV в.⁵, последовавший на исходе XV в. – конфликт с окружением Дмитрия-внука, не оказавшего достаточно почтения деду, и возвышение в 1502 г. Василия Ивановича (будущего Василия III). В этом же ряду событий стоят неоднократные попытки последнего уже в бытность великим князем всея Руси присвоить себе титул царя, кайзера–императора. Предпринимались они в 1510 г., после инкорпорации Пскова, в 1514 г. – во время заключения договора с имперским послом Юрием Шнитценпаумером, в 1517 г. – на переговорах с С. фон Герберштейном, наконец, в первой половине 20-х годов XVI в. – в период активной борьбы против одного из наследников Золотой орды – Казанского ханства. Отождествление власти великого князя с царской властью проникло и в отечественное летописание в статьи о войнах с Великим княжеством Литовским (в особенности 1518 г.) и с Казанским ханством (в первые годы третьего десятилетия XVI в.).

Каким образом отразился или повлиял процесс эволюции власти на развитии Москвы, характере управления ею, формировании территории и социального состава населения города, его быте и культуре? Вопрос тем более правомерный, что в предшествующей историографии советского периода ему не уделялось достаточного внимания. Исследователей, среди которых первое место занимали такие выдающиеся ученые, как М.Н. Тихомиров, С.В. Бахрушин, интересовало преимущественно развитие производительных сил города, прежде всего ремесла, а также городской культуры.

Уже на исходе XV в. столица Великого княжества всея Руси была единственным городом в стране, фактически лишенным собственного местного главы. Если в остальные города назначались воеводы или наместники, то в Москве последним наместником оказался Иван Юрьевич Патрикеев⁶, поддержавший в 1499 г. Дмитрия-внука и за это лишенный своего поста. Отныне верховная власть в городе непосредственно принадлежала Ивану III и его преемникам. Иван IV изредка оставлял в столице вместо себя Ивана Петровича Федорова-Челяднина, однако однажды, обнаружив его злоупотребления административными полномочиями в качестве вовсе не московского, а ливонского наместника, обвинил его в желании узурпировать власть в государстве и лишил его жизни.

Территория столицы приобретала новый символический и сакральный смысл. Кремль после возведения Иваном III каменных стен европейского образца (основой проекта послужил кремль

герцогов Милана) постепенно превращался исключительно в великокняжескую резиденцию. Здесь имели возможность проживать лишь члены семьи государя и обслуживавшие двор лица, например иконники. Одного из них посетил в 1585 г. польский немец, секретарь армянского купца Богдана Ашвадур – Мартин Груневег.

Возведенные на реквизированные Иваном III в Новгороде средства новые стены Кремля защищали отнюдь не всех горожан, а лишь верхушку политической элиты страны. Право жить на территории великокняжеской резиденции утратили не только многочисленные Рюриковичи, дальние родственники московских князей, но и самые ближайшие родственники Ивана III и Василия III. Исключение делалось только для знатных узников, как это произошло с Дмитрием-внуком, проведенном 7 лет (1502–1509 гг.) в темнице одной из кремлевских башен. В то же время удельные князья, согласно завещанию Ивана III, потеряли право принимать в своих усадьбах на постой иноземных купцов⁷. Этот запрет не только затруднял для них контакты с иностранцами, но и наносил ущерб доходам, лишая платы за постой и возможности приобретения товаров по льготным ценам. Место Рюриковичей в Кремле занимали великокняжеские слуги и дьяки различных административных учреждений нарождавшегося государственного аппарата, которые именовались в то время “избами”.

Пришлось переселиться за пределы кремлевских стен и представителям старомосковского боярства. Так, кремлевский двор И.Ю. Патрикеева перешел в собственность великого князя. Часть дворов у Боровицких и Тимофеевских ворот, некогда принадлежавших Борису Слепцову, Безобразову и Дмитрию Демидову, были обменены на расположенные вокруг Рождественской церкви места Афанасия Петрова (где жил Палицкий), Гаврилы Петрова, Василия Жданова, Романа Афанасьева, Григория Сидорова и место под зарубом Ивана Сукова. Были обменены и его “загородские” дворы за Неглинной у церковью Ивана Кушника и Ивана Святого, и купленные им дворы у Боровицкого моста на обеих сторонах Большой улицы, и у церковью Св. Семена – на дворы на месте прежней церкви Семена “за соколнею”. Патрикеев сохранил Заяузскую слободку с Кузьмодемьянским монастырем и территорию у церкви Воскресения за рекой за лугом “об улицу”. Та же судьба постигла и владение кн. Семена Ряполовского. Выселение из Кремля бояр и княжат не обошлось без исключения, которое, однако, только подтверждало правило, а именно, поставить здесь свой двор было разрешено выходцу из Великого княжества Литовского – Федору Михайловичу Мстиславскому.

В Кремле рядом с дворцом великого князя, оставалась и резиденция митрополита, расположенная неподалеку от главного собора – Успения Богоматери. Таким образом, территориально закреплялся внешне равноправный союз светской и церковной власти, нынешние апологеты которого неправомерно именуют его “симфонией”⁸. Однако в действительности он был весьма далек от этой идиллической картины (стоит вспомнить лишь о судьбе верного защитника великокняжеской власти Иосифа Волоцкого).

Изменялся не только облик Кремля, но и характер других городских территорий, которые вошли в пределы Китай-города и позднее – Белого города. Расположенные там дворы старомосковского боярства зачастую использовались в “государственных” целях (для постоя иностранных гонцов и других дипломатических представителей).

Рост городского населения, развитие его функциональной структуры, вследствие общественного разделения труда и его специализации, расширение территориальных связей между областями страны обусловили формирование окружавшего Московский Кремль городского посада, системы его улиц и слобод.

В соответствии со сложившейся исторически застройкой, улицы располагались радиально от Кремля и посада в направлении дорог, связывавших столицу с городами Замосковского края. Свои названия улицы получили по находившимся на них церквям (Дмитровская, Ильинская), по их направлению (Арбат), а также по названию близлежащих слобод. Последние в свою очередь именовались, в частности, в соответствии с характером деятельности населявших их великокняжеских слуг.

За пределы Кремля были перенесены и многие хозяйственные функции двора великого князя. Так возникла, например, Коношенная слобода. Ведущее место в потребностях государства в ремесленной продукции, которую должна была поставлять Москва, принадлежало производству вооружения. Одной из московских слобод стал Пушечный двор, роль которого возрастала соответственно значению артиллерии в вооруженных силах государства. С развитием оружейных ремесел было связано появление в начале XVI в. в столице, наряду с итальянцами, немецких специалистов (мастеров и военных), некоторые из них отличались при обороне Москвы в 1521 г.

На формирование городской структуры Москвы существенное влияние оказала роль города как торгового центра, в частности, деятельность Рыбного, Устюжского, Армянского дворов⁹. Особое место принадлежало Солянному двору, хотя основная

торговля солью сосредоточивалась в руках митрополита и монастырей¹⁰.

Территория посада также отражала процесс укрепления вертикали власти, которая ставила под свой контроль и внешнеторговые связи. Иноземные купцы имели право останавливаться лишь на гостиных дворах. Если сравнивать формы поселений иностранных торговцев в Новгороде, Пскове и Москве, то следует признать, что наиболее “либеральным” в отношении к приезжим из-за рубежа торговым гостям выступал Псков. Здесь ганзейцы останавливались во дворах псковичей, со многими из которых они поддерживали многолетние дружеские связи. Значительными привилегиями обладали иностранные купцы и в Новгороде, где торговый двор Св. Петра пользовался экстерриториальностью. Пребывание иностранных торговцев в Москве кардинально отличалось от условий их деятельности в Новгороде и Пскове. Московские гостинные дворы находились в ведении государя, а их постояльцы – под неусыпным надзором великокняжеских слуг. Прежде всего это касалось Панского двора, деятельность которого прерывалась из-за войн с Литовским княжеством и была возобновлена только после разрешения на его восстановление после так называемой Стародубской войны в 1537 г.

Оборотной стороной усиления власти великого князя стал все возраставший страх властителей за свою жизнь. Кремль постепенно превращался в заповедную территорию для остальных москвичей и в особенности для иностранцев. Если в период Великого княжества вся Русь на строительстве самого Кремля подвизались иностранцы, в первую очередь итальянцы*, то в период Российского царства вход им туда был категорически запрещен. Уже упомянутое посещение Мартином Груневегом в 1585 г. в Кремле дворцового иконника чуть было не стоило последнему жизни.

В период Великого княжества вся Русь социальный состав населения столицы менялся весьма существенно. Все больший удельный вес приобретало дьячество и служилые князья, по своему статусу еще не сравнивавшиеся с князьями Рюрикава дома. В советской историографии преимущественное внимание в этой области уделялось переменам в ремесле и торговле. Их следствием, по мнению ученых, и стал численный рост населения посадов и городского населения в целом. Этой точки зрения придерживался С.В. Бахрушин¹¹, не касавшийся вопроса о других социаль-

* Последним из них был Петрок Малый (Пьетро Ганнибал), прибывший в Москву в 1528 г. и прославивший себя строительством стен Китай-города.

ных и сословных группах горожан. Современные исследователи, стремясь избежать односторонности, изучают социальную структуру города в целом. Так, Б.Н. Флоря обратил внимание на случаи вытеснения из Кремля представителей боярства корпорациями ремесленников (в частности, Василия Борисовича Тучкова портными мастерами)¹², а В.А. Кучкин указал на примеры выселения купечества¹³.

Население Москвы пополнялось выходцами не только из ближайшей подмосковной округи, но и из дальних земель и областей Княжества всея Руси. В этом смысле оно отражало территориальную и этническую структуру расширявшего свои пределы государства. Сведенцы из потерявших независимость городов были вынуждены переселиться в столицу, влившись в число москвичей – за новгородцами последовали псковичи, компактно расселившиеся в районе Сретенки, смоляне, включенные в состав московского купечества и еще долго сохранявшие свое корпоративное единство.

Централизация власти сопровождалась и концентрацией в Москве судебной системы. Если в период существования независимых княжеств московский князь обладал правом суда только на территории своего княжества, то с конца XV в. верховный суд осуществлялся в Москве и в отношении других земель (с 1477 г. – над новгородцами). “Указ о езде”, определявший размер платы судейским за поездки за пределами Москвы и включенный в Судебник 1497 г., распространялся уже на все земли тогдашнего Княжества всея Руси.

Столичный статус Москвы в период, характеризовавшийся укреплением верховной власти, находил подтверждение в формировании особой городской полицейской службы. Введение так называемых решеток, запираемых на ночь перегородок на улицах, должно было обеспечить спокойствие не только рядовых горожан, но и самой верховной власти. Именно в первой половине XVI в. летописи стали упоминать и о тюремных учреждениях. Если первоначально в качестве темницы использовался двор Берсеня Беклемишева, в 20-е годы лишенного языка за попытку критики внешней политики Василия III, то двумя десятилетиями позднее с “исправительными целями” в Кремле воздвигались специальные сооружения.

В ряду мероприятий, долженствовавших обеспечить безопасность власти, можно назвать и очищение ближайших к Кремлю территорий от жилищ. Это касалось и берега Неглинной, и площади, известной ныне под названием Красной¹⁴. Обычно считается, что это было простое противопожарное мероприя-

тие, однако полоса незастроенной округи не только придавала внешнее величие Кремлю, но и обеспечивала спокойствие его обитателям.

Величие власти и ее международный авторитет должны были продемонстрировать широким массам новые государственные символы: двуглавый орел и Св. Георгий Победоносец, олицетворявшие могущество государства и непобедимость русского войска. Они были растиражированы в предметах прикладного искусства, на изразцах и на монетах. В ходе проведенной Еленой Глинской денежной реформы 1535–1537 гг. в обращение были выпущены новые монеты – копейки. Первоначально на них изображался анонимный всадник с копьем. В дальнейшем всадник получил имя “Иван” и титул “государь всея Руси”, а ко времени завершения реформы – только титул “князь великий и государь всея Руси”¹⁵.

Церковные церемонии в будничные и в особенности в праздничные дни должны были подчеркнуть величие Великого княжества всея Руси и нового Российского царства. Стоглав 1551 г. требовал от горожан своевременного посещения церкви, не освобождая от этого даже больных, но делая исключение для торговцев. В регламент праздничных дней наряду с обязательными церемониями крестных ходов вошли встречи и провожание икон из вновь присоединенных земель – Смоленской богородицы (1518 г.), греческой иконы Вседержителя и Боголюбской Богоматери (1531 г.), Параскевы Пятницы из Ржева, а также Одигитрии и Николы и Честного креста оттуда же (1540 г.). Можно думать, что Василий III, занявший престол незаконно, вопреки венчанию 1498 г. Дмитрия-внука, и долго, но безуспешно вынашивавший идею собственного венчания, этими торжественными церемониями пытался заменить необыкновенное торжественное венчание.

¹ См.: *Сотникова М.П., Спасский И.Г.* Тысячелетие древнейших монет России. Л., 1983.

² См. подробнее: *Арциховский А.В.* Древнерусские миниатюры. М., 1946. С. 34, 122, 194; и др.

³ *Каиштанов С.М.* Очерки социально-политической истории России конца XV – начала XVI в. М., 1967. С. 130.

⁴ *Хорошкевич А.Л.* Россия и Московия? В каком государстве было Смутное время? // *Родина*. 2005. № 11. С. 52–57.

⁵ К сожалению, только эти события попали в новейшее издание: *Московский Кремль. Хроника исторических событий (1147–1480) / Автор-составитель В.Н. Захаров.* М., 2005. С. 285–289.

⁶ Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 264.

- ⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. Л.В. Черепнин, отв. ред. С.В. Бахрушин. М.; Л., 1950. № 89 (1504 г.).
- ⁸ Синицына Н.В. Москва–Третий Рим. М., 2001.
- ⁹ Бахрушин С.В. История Москвы. М., 1952. Т. I. С. 160, 161.
- ¹⁰ Хорошкевич А.Л. Мегалополис Средневековья // История Москвы. М., 1997. Т. 1. С. 126.
- ¹¹ Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 179.
- ¹² Флоря Б.Н. Изменения социального состава населения Московского Кремля в конце XV – начале XVI в. // Средневековая Русь. М., 1996. Вып. 1.
- ¹³ Кучкин В.А. От столицы княжества к столице независимого Русского государства // История Москвы. Т. I. С. 94.
- ¹⁴ Там же. С. 100.
- ¹⁵ Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: история русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М., 1989. С. 14–28.

Станислав Былина (Варшава)

Sacrum столичного города Кракова на исходе Средневековья

В первой книге Хроники Яна Длугоша вслед за изложением библейской истории рода людского говорится о происхождении Польши. Ученый – каноник и летописец – начинает с рассказа о природных условиях Польского Королевства, чтобы перейти затем к описанию его “городов и городков” (“miast i miasteczek”)¹. Описание это, кажущееся на первый взгляд хаотическим, охватывает около 40 городских центров и подчинено своеобразной классификации, в основу которой положено отношение городов не к государству, а – к Польской церкви.

Среди польских городов Длугош поставил на первое место 14 центров епархий – епископских столиц. Этим же принципом первенства церкви по отношению к государству хронист руководствовался, рассказывая об отдельных городах указывая на место каждого из них в истории польского христианства, говоря о воздвигнутых там храмах и их статусе, о почитаемых святых местах (loca sacra), о гробницах святых и их реликвиях. Не оставил летописец без внимания и светские достопримечательности городов, описав их местоположение, замки и другие выдающиеся городские строения. Однако в его понимании значение и престиж польских городов зиждились прежде всего на том, что более принадлежало сфере *sacrum*, чем *profanum*.

В описании Длугоша первенство Кракова среди польских городов очевидно и непоколебимо. Говоря о возвышающейся над городом Вавельском холме и о расположенной там резиденции польских монархов, хронист особенно выделяет “гробницу Святого великомученика Станислава – епископа краковского, и построенную из тесанного камня базилику, в которой хранятся почитаемые кости, мощи и реликвии многих святых, а также гвоздь из Креста Господня, челюсть благословенного Иоанна Крестителя и тело Святого великомученика Флориана”. Расположенный вблизи Кракова и практически примыкавший к его городским стенам город Казимеж (ныне ставший одним из краков-

ских районов) назван Длугошем как место, “освященное мученичеством благословенного Святого Станислава”².

Изложенное представление о столичном граде как о городе королей, церквей и священных реликвий принадлежит автору, тесно связанному с краковским католическим клиром, с близкими церкви кругами городского населения и с церковной культурой. Причем Длугош стал, скорее, выразителем сложившихся в названных общественных кругах воззрений, нежели их вдохновителем. Это представление оказалось прочным в том, что касается его основной формы, но не в отдельных деталях. Примерно через 100 лет после Длугоша, Бартоломей Гроицкий, автор сочинения о городском праве Польши, писал, что “помимо преимуществ столичного города, Краков обладает бесценным сокровищем: имеет собственных божественных покровителей – святых Станислава, Яцека, Яна Канты и многих других”³. И только на втором месте после святых патронов города он указал на королевскую регалию (“*kejnót koronny*”), а именно, на Университет. Говоря о Казимеже, Гроицкий связывал славу этого краковского пригорода прежде всего с мученичеством главного патрона Польши – Святого Станислава и с расположенными там погребениями других святых.

“*Felix Cracovia*”, счастливый Краков – характерный оборот религиозной поэзии XV в., в которой это понятие отождествлялось с городом священных реликвий и чудесных исцелений, происшедших благодаря заступничеству краковских святых. “Восславляют Краков, – говорилось в одном из латинских стихотворений, – слепые, хромые, глухие и немые”, вновь обретшие здоровье. В подобном же тоне в другом стихотворении Краков превозносился как город святых мощей⁴. И даже в панегирике Станислава Циолека “*Cracovia civitas*”, в котором похвала городу сочетается с прославлением королевской семьи, отведено достойное место сакральным темам. Они может быть и не преобладают по сравнению со светскими, но, без сомнения, не уступают последним. Здесь мы встречаем уже известный нам мотив великолепия прославляемого города, торжественность которому придают гробницы двух Святых Станислава и Ядвиги. Краков предстает как счастливый город, щедро одаренный природой, жители которого отличаются гражданскими и рыцарскими добродетелями и живут в мире и благоденствии, руководствуясь нормами христианской этики⁵. Созданный образ приближается к представлению об идеальном граде, характерному для различных концепций средневековой общественной мысли, и противопоставленному негативному образу города (как реплики Вавилона), приговоренного к гибели очагу греха и разврата.

По представлениям того времени, и отнюдь не только литературным, сакральное пространство города определяли храмы. Именно они олицетворяли престиж города, хотя его символами и предметом гордости горожан были также здание ратуши и городские стены. Расположенные в городе величественные здания костелов вызывали набожное восхищение жителей городской округи, провинциалов и людей из других городов. Как замечает историк средневековой культуры Б. Геремек: “В наблюдаемых издали очертаниях города сельский путник как очевидный символ средневековой картины мира находил стрельчатую башню костела”⁶. Особенный престиж придавали столичному городу храмы, посвященные четырем патронам Кракова, краковской епархии и всего Королевства Польского – святым Станиславу, Войцеху, Вацлаву и Флориану. Во главе с кафедральным собором и костелом на Скальце (место культа Святого Станислава), эти храмы образовывали ансамбль, ставший средоточием сакрального пространства Кракова. Особо почитаемым храмом был расположенный посреди торгово-ремесленной части города собор Пресвятой девы Марии, бывший центром крупного городского прихода. Святые – патроны столицы, обладавшие наиболее высоким рангом среди почитаемых церковью святых, покровительствовали обороне Кракова. С севера от пруссов город защищал Святой Флориан, с юга от неверных – Святой епископ Станислав⁷.

Сакральное пространство Кракова оформлялось крупными религиозными торжествами, находя в них и свое обоснование. Аналогичную роль играли и те торжественные церемонии, в которых государственное и общественное содержание сочетались с религиозным. К последним относились коронации и похороны королей. Известно, что непосредственно перед коронацией, на которую в кафедральный собор допускались только представители светской знати и высшего духовенства, будущий король в окружении свиты шел пешком с Вавеля в костел на Скальце, а затем торжественная процессия таким же образом отправлялась назад на богослужение. Завершался долгий церемониал коронации на рыночной площади, куда новый монарх направлялся из Вавельского замка. Однако здесь встреча короля с народом (“купание в толпе”, как называл ее Александр Гейштор⁸) носила уже явно мирской характер.

Евхаристическое приобщение к святыням веры, в обычные дни совершаемое в стенах костелов и ограниченное их внутренним пространством, в праздник Божьего тела снисходило на улицы города⁹. В этот день для участия в торжественной процессии собирались толпы жителей Кракова и многочисленных пришель-

цев из городской округи и других мест. Из кафедрального собора на Вавельском холме шествие направлялось к костелу францисканцев, далее на главный рынок города, а оттуда возвращалось в собор. Обратимся вновь к свидетельству Яна Длугоша, описавшему краковскую процессию в этот день 1451 г.: “Прошло это торжество с бóльшей, чем когда бы то ни было, пышностью, так как блеск ему придали король своим присутствием. Кардинал Збигнев – епископ краковский – отслужил большую мессу и во главе процессии нес Святые Дары вокруг краковского рынка. <...> Процессии всех приходских и монастырских церквей присоединились к замковой”¹⁰. Грандиозное торжество как никакое другое явилось религиозной демонстрацией, призванной воздействовать на жителей города и прибывших паломников, восхищенных его великолепием.

Сакральный облик Кракова формировали прославленные чудесами *lusa sacra* (святые места), могилы праведников или сохраненные их реликвии. В XV в. получил распространение культ чудотворных икон, прежде всего с изображением Богородицы с младенцем. В Кракове было 17 таких святых мест для поклонения верующих. Характерным явлением было развитие локальных культов, которые возникали в отдельных костелах, где были похоронены люди, известные как выдающиеся праведники²⁸. Отсутствие установленной церковью официальной канонизации не препятствовало популярности культов таких людей и активному их почитанию, что находило выражение в паломничествах большей частью из городской округи Кракова, хотя собирались сюда пилигримы и из отдаленных земель Польши. Церковные круги, в особенности монашеские корпорации, стремясь повысить собственный престиж, пропагандировали культы “своих” святых и вели особые записи чудесных исцелений и других чудес, свидетельства о которых были почерпнуты из рассказов паломников. В равной мере местные краковские культы соответствовали идущим из низов потребностям народной набожности и привлекали к себе верующих и паломников простыми, не скованными литургическим каноном обрядами и ритуалами. Локальные культы позволяли найти и выбрать “собственного” святого, наиболее подходящего в той или иной житейской ситуации. Краков предоставлял в этом отношении верующим большие возможности.

Особенно красноречивы содержащиеся в источниках упоминания о почитании пантеона краковских святых в целом или о почитании святых – покровителей города Кракова¹². В этих высказываниях находит выражение собирательное представление о столичном городе как о городе святых. Оно могло быть связано с

верой в исцеляющую силу появившегося в дали силуэта города. Так некая женщина совершала паломничество в Краков. На руках она несла ребенка, которого считала уже умершим. Однако стоило ей увидеть очертания *civitatis Cracoviensis*, как ребенок обнаружил признаки жизни¹³.

Культы краковских святых, наиболее ревностно почитаемых в XV в., со временем утрачивали свое значение. Однако в некоторых случаях они обретали его вновь. Изменчивый характер носил существовавший в определенный период культ королевы Ядвиги, которая при жизни была тесно связана с Краковом. Подверглись изменениям и “великие” культы. Изменилось содержание отраженного в многочисленных источниках культа краковского епископа Станислава из Щепанова, якобы злодейски убитого королем Болеславом Щедрым¹⁴. Вместе с преодолением политической раздробленности и восстановлением государственного единства польских земель культ утратил свое политическое содержание (в удельный период верили, что подобно тому, как чудесным образом срослись разрубленные члены убитого епископа, вновь воссоединятся земли прежнего Королевства Польского). Независимо от этого мотива (пожалуй, в значительной мере элитарного), культ Святого Станислава широко пропагандировался в обращенных к прихожанам церковных проповедях. В одной из них, относящейся к началу XIV в., мы встречаем красочный рассказ о кораблекрушении, грозившем направлявшимся в Рим паломникам разных национальностей. Когда корабль начал тонуть, одни стали вызывать о помощи к Святому Николаю, другие – к иным святым, а поляки все молили о спасении Святого Станислава, который и избавил их от надвигавшегося несчастья¹⁵. Ограничилась ли в XV в. область почитания Святого Станислава только Краковом или Малой Польшей, а его культ становится местным? В пользу его локального характера могли бы свидетельствовать слова одного из польских авторов проповедей, который объяснял пастве, что “Ядвига выслушивает силезцев, за жителей Великой Польши заступает у Бога Войцех, а за нас в Кракове – Станислав”¹⁶. Однако в действительности культ святого патрона подвергся не столько территориальному ограничению, сколько качественному преобразению, становясь в большей степени народным.

Изменение качества и степени влияния культа святых не ослабляло религиозного престижа Кракова. Разумеется, в иных категориях ощущали и осознавали этот престиж простые горожане и жители польской провинции, а в иных – представители церковных верхов и интеллектуальных элит, особенно отдельные люди, погруженные в размышления над универсальными проблемами

судеб церкви и христианства. Один из таких мыслителей Якуб из Парадыжа – монах-цистерцианец, автор многочисленных богословских трактатов – рассматривал Краков, в котором пребывал и он сам, как бастион “подлинной христианской веры” на востоке, т.е. католической религии, которая, по его убеждению, испытывает в мире все нарастающий натиск со стороны язычества и не-католических вероучений. По его словам, не нужно было далеко ходить из Кракова, чтобы констатировать, что, например, уже во Львове есть два храма “безбожных русинов и правоверных христиан”¹⁷. Недалеко от Кракова, в Литве, продолжал богослов, где “христиан немного”, а дальше обитают татары и другие язычники, живущие звериным образом (*riti bestiarum*)¹⁸. Также поблизости от Кракова, писал монах-цистерцианец, и Венгрия, граничащая с варварской Турцией.

В нарисованной Якубом из Парадыжа неслыханно пессимистической картине положения римско-католического христианства¹⁹ Краков изображен как оплот истинной веры. Если изложенные воззрения и не были абсолютно исключительным явлением, то, во всяком случае, они не находили заметного отклика. С приведенными высказываниями можно соотнести прозвучавшие в первой половине XV в. мнения некоторых сановников польской церкви, что всему Польскому Королевству угрожают еретики (чешские гуситы) и схизматики (православные)²⁰.

Подобные воззрения были для массовых представлений скорее чуждыми, впрочем, не им они и адресовались. Для более широкого круга потребителей в Новое время предназначались путеводители по краковским костелам²¹. В расчете на паломников в таких путеводителях столичный город Краков изображался как благодатное место, известное многочисленными храмовыми престольными праздниками, гробницами святых, святыми мощами и другими реликвиями, чудотворными иконами. Из подобного описания вытекало сравнение Кракова с Римом и даже использовалось понятие “второй Рим”. Такое определение было, без сомнения, понятно читателю и предназначено подавляющему большинству паломников, которые никогда не были в Риме, а только из церковных поучений черпали энигматичное представление о великолепии столицы Святого Петра.

На вопрос о распространенности в обществе представления о Кракове как о благословенном городе, пользующимся покровительством высших сил, трудно ответить, не прибегая к обобщению и не оговорив заранее ряд условий. Источники, на которых основаны наши краткие рассуждения, как кажется, отразили коллективное представление о Кракове как о священном месте.

Однако следует иметь в виду, что одна часть использованных источников принадлежит либо панегирической, либо дидактической литературе, связанной с действиями духовенства (главным образом краковского) по христианизации населения. Массовые источники, какими были записи чудес (*miracula*), приводили только отобранные примеры, отражающие некое особое состояние религиозного сознания (только мимоходом мы узнаем о безрезультатных паломничествах). Однако и с учетом этого можно прийти к заключению о наличии в общественном сознании жителей Польши представления о Кракове как о святом городе.

Перевод Б. Носова

- ¹ *Joannis Dlugossi. Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Liber I* / Ed. J. Dąbrowski. Warszawa, 1964. P. 109–114.
- ² Ibid. S. 109. Перевод на польский язык цитированного сочинения Яна Длугоша см.: *Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego*. Księga I. Warszawa, 1962. S. 169.
- ³ *Bartłomiej Groicki. Porządek sądów i spraw miejskich prawa majdeburskiego w Koronie Polskiej* / Wyd. K. Koranyi. Warszawa, 1953. S. 18.
- ⁴ *Zabytki średniowiecznej liryki liturgicznej o św. Stanisławie* / Wyd. H. Kowalewicz // *Analekta Cracoviensia*. Kraków, 1979. T. XI. S. 242.
- ⁵ См.: *Michałowska H. Średniowiecze* // *Wielka Historia Literatury Polskiej*. Warszawa, 1995. S. 681, 682.
- ⁶ *Geremek B. Poczucie przestrzeni i świadomość geograficzna* // *Kultura Polski średniowiecznej XIV–XV wieku* / Pod red. B. Geremka. Warszawa, 1997. S. 649.
- ⁷ *Witkowska A. Przestrzeń sakralna późnośredniowiecznego Krakowa* // *Ecclesia et civitas. Kościół i życie religijne w mieście średniowiecznym* / Pod red. H. Manikowskiej i H. Zaremskiej. Warszawa, 2002. S. 37–48. См. также: *Skwirczyński K. Custodia civitas. Sacralny system ochrony miasta w Polsce* // *Kwartalnik historyczny*. 1996 (103). N 3. S. 32, 33.
- ⁸ *Gieysztor A. Spektakl i liturgia – polska koronacja królewska* // *Kultura elitarna a kultura masowa w Polsce późnego średniowiecza* / pod red. B. Geremka. Wrocław, 1978. S. 21.
- ⁹ *Zaremska H. Bractwa w średniowiecznym Krakowie. Studium form społecznych życia religijnego*. Wrocław, 1977. S. 149–153; *Idem. Procesja Bożego Ciała w Krakowie w XIV–XVI wieku* // *Kultura elitarna a kultura masowa...* S. 25–39.
- ¹⁰ *Joannis Dlugossi. Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Liber III...* P. 102. Перевод на польский язык цитированного сочинения Яна Длугоша см.: *Jana Długosza kanonika krakowskiego Dziejów Polski ksiąg dwanaście* / Tłumaczył K. Mecherzyński. Księga XII (Dzieła Wszystkie. T. V). Kraków, 1870. S. 78.
- ¹¹ См.: *Witkowska A. Kultury pątnicze piętnastowiecznego Krakowa. Z badań nad miejską kulturą religijną*. Lublin, 1984.

¹² Ibid. S. 117.

¹³ Ibid. S. 225.

¹⁴ В целом о культе святых в Польше в период позднего Средневековья см.: *Wiesiołowski J. Piśmiennictwo // Kultura Polski średniowiecznej XIV–XV wieku / pod. red. B. Geremka. Warszawa, 1997. S. 703–713. О культе Св. Станислава из Щепанова смотрите прежде всего публикацию исторических источников и исследований: *Analecta Cracoviensia. Kraków, 1979. T. XI.**

¹⁵ *Peregrini de Opole Sermores de tempore et de sanctis / Wyd. R. Tatarczyński. Warszawa, 1997. S. 588.*

¹⁶ *Wiesiołowski J. Op. cit. S. 703.*

¹⁷ *Jakub z Paradyża. De malis huius cesuli per omnes aetates // Idem. Wybór tekstów dotyczących reformy Kościoła / Wyd. S. Porębski. Warszawa, 1978. S. 189.*

¹⁸ Ibid. S. 189, 190.

¹⁹ См.: *Geremek B. Geografia i Apokalipsa: pojęcie Europy u Jakuba z Paradyża / Mente et Litteris. O kulturze i społeczeństwie wieków średnich. Poznań, 1984. S. 253–261.*

²⁰ См. например: *Bylina S. Le christianisme médiéval polonais ent l'Ouest et l'Etat (XIVe–XVe s.). Idées politiques et mentaité entre l'Orient et l'Occident. Pologne et Pays Roumains au Moyen Age et à l'époque moderne / Sous la réd. de J. Żarnowski. Warszawa, 2000. S. 131 etc.*

²¹ *Witkowska A. Przestrzeń sakralna późnośredniowiecznego Krakova... S. 47.*

М.Е. Бычкова (Москва)

**“Царствующий град Москва”:
формирование идеи исторической
преемственности российского великодержавия
в трудах светских и церковных авторов
XVI–XVII веков**

В современной российской историографии генезис определения “царствующий град” по отношению к Москве исследован явно недостаточно и лишь при рассмотрении более общих проблем. Также многогранен и вопрос об идеологическом оформлении власти московских государей как преемников римских и византийских цезарей–императоров. Эта идея формулировалась постепенно на протяжении двух веков в памятниках литературы и в публицистике, в произведениях искусства, а также в делопроизводственных документах. Поэтому мы ограничиваемся лишь теми аспектами проблемы, которые связаны с рассказами о происхождении русских князей от императора Августа, и регалий их власти – от даров императора Константина. Эти идеи являлись реальным воплощением более общей концепции: Москва – Третий Рим.

Истоки указанных теорий восходят к 70–80-м годам XV в., когда еще не было завершено собирание русских княжеств вокруг Москвы и не появилось понятие “Русское государство”, однако уже возникло понятие “царствующий град Москва” (послание Вассиана Рыло Ивану III, октябрь 1480 г.). Образ “царствующего града”, “града великого царя” восходит к Священному писанию, где он отнесен к Иерусалиму. В произведениях русских авторов ему придавалось большое сакральное значение. Определение “Царствующий град” относилось к трем мировым столицам: Вавилону, Иерусалиму, Константинополю¹. В XVI в. понятие царствующего града Москвы, наряду с эпитетами “господарствующий”, “преславный” и др., встречается в Степенной книге царского родословия, в Казанской истории, в ряде светских памятников. Однако в общественной мысли оно не стало ни единственным, ни основным². В это время превалировало сравнение Москвы с Кон-

стантинополем в русле исходящей из церковных кругов концепции Москвы – Третьего Рима. Лишь в начале XVII в. это понятие было вынесено в заглавие “Сказания о начале царствующего великого града Москвы”, но в этом же столетии появляется и другое сравнение “Москвы с Новым Иерусалимом”, переносящее на российскую столицу представление о “святом”, а отнюдь не “царствующем граде”.

Представление о Москве как о царствующем граде появляется в делопроизводственных документах со второй половины XVI в. Особо стоит отметить его в таких текстах как “Чин венчания на царство Ивана IV” (1547 г.), в “Соборном приговоре” 1580 г., наконец, в Утвержденных грамотах царя Бориса Годунова 1596 г. и царя Михаила Федоровича 1613 г.

Тесно связанным с понятием “царствующего града”, в литературе XVI в. было часто встречающееся сравнение Москвы с Константинополем. Оно сопоставимо с распространявшейся в то же время идеей о происхождении русских Рюриковичей от императора Августа, а властных регалий московских князей – от императора Константина.

В 1480-е годы появляется летописный рассказ о великом князе Дмитрии Донском, где история его жизни изложена в понятиях и сопровождается символами конца XV в. Так, Ивана Калиту летописец называет “собирателем Русской земли”, а род московских князей выводит от “великого князя Владимира, нового царя Константина, и крестившего землю Русскую”³. В 1489 г. Юрий Траханиот – посол великого князя к императору Священной Римской империи – получил инструкцию, что он должен говорить о происхождении своего государя: “Прародители его (Ивана III. – М.Б.) по изначальству были в приятельстве и любви с прежними римскими царями, которые Рим отдали папе, а сами царствовали в Византии”. В 1492 г. митрополит Зосима напишет о великом князе Владимире Святославиче, при котором было принято христианство, как о “втором Константине”, а о своем современнике Иване III – как о новом царе Константине “новому граду Константину – Москве и всей земли Русской”⁴. В этих первых, еще не до конца сформулированных положениях, можно видеть истоки идеи о власти московских правителей как о государственной власти преемников византийских василевсов. В конце XV в. оба эти положения преобразуются в родословную легенду о происхождении родоначальника русских князей – Рюрика от римского императора Августа и рассказ о передаче регалий власти русским великим князьям от византийского императора Константина. Москва и ее государи становятся, таким образом, наследниками Рима и

Константинополя. Об этом, в частности, свидетельствуют приведенные во вступлении к Чину венчания Ивана IV слова: “Яко да нарицаеши отселе боговенчанный царь, венчан сим царским венцем рукою святейшаго митрополита Кир Неофита с епископы”⁵, приписываемые императору в момент передачи им регалий власти Владимиру Мономаху.

Подобные легенды о передаче властных регалий от римских императоров славянским государям имеют древнее происхождение и связаны с рассказом об обретении императором Константином святого креста. В ранней славянской традиции крест императора Константина играл роль скипетра и олицетворял государственную власть.

В Москве идея креста императора Константина, как символа власти, появляется в первой четверти XV в. и связана с именем митрополита Фотия. В одном из самых ранних изображений крест Константина представлен в качестве скипетра на саккосе Фотия, где вышита семья московского великого князя Василия Дмитриевича (сам князь, его жена, дочь и зять). В руке, положив на плечо, великий князь держит крест императора Константина. Там же, над княжеской семьей, вышито изображение самого императора и его матери Елены также с крестами в руках. Позднее, в 1480-е годы, московский летописец напишет об отце Василия – Дмитрии Донском: “...на престоле царском седе, царскую багряницу и венец нося <...>, а крест Христов на рамо ношаше”⁶. Таким образом, летописец говорит о великокняжеской власти как равной царской и называет ее атрибуты – багряница, царский венец и крест императора Константина. Однако в возникшей тогда и зафиксированной в летописи легенде о передаче даров императором Константином киевскому князю нет упоминания о кресте Константина, хотя сами дары и соотносятся с регалиями императорской власти: венцом, наперсным крестом и святыми бармами, якобы посланными киевскому князю Владимиру Мономаху. Крест императора Константина не стал основной регалией власти, связывавшей Россию с Византией, однако в ряду других символов власти он присутствовал в Москве в XV–XVI вв.

Рассказ о передаче символов власти императором Константином русскому князю впервые прозвучал в родословной легенде 1490-х годов о происхождении русских великих князей. Она сохранилась в составе “Чудовской повести...”, откуда перешла в уже упомянутый “Чин поставления...” и стала одним из протографов или предшествующих редакций “Сказания о князьях владимирских”. Древнейший список этой родословной легенды 1540-х годов сохранился в рукописи, принадлежавшей Чудову

монастырю. Расположенный в Кремле старейший из московских монастырей – монастырь Чуда архангела Михаила – был тесно связан с митрополичьей кафедрой, что свидетельствует о высоком ранге оставшегося неизвестным составителя “Чудовской повести...” и, несомненно, о его связи с московской политической и интеллектуальной элитой.

В повести впервые определенно сформулирована идея о происхождении русских князей Рюриковичей от римского императора Августа. Август “Пруса сродника своего постави в брезех <...> по реку, глаголему Немон, впадшую в море <...> И оттоле и до сего времени зовется Прусская земля”⁷. Рюрик – потомок мифического Пруса в 14-м колене был приглашен править в Новгороде, от него якобы пошли киевские князья, которым император Константин передал регалии власти. От киевских князей ведется московская династия Ивана Калиты – носителей властных регалий цезарей и василевсов. Таким образом, объединяется императорское происхождение московского великого князя и императорский ранг его регалий.

О политическом и идеологическом значении креста Константина в Москве конца XV в. свидетельствует роспись находившихся перед Грановитой палатой Святых сеней – палаты великокняжеского дворца, предназначенной для иностранных послов, ожидавших приема государя. Построенные итальянскими мастерами в конце XV в. Святые сени и Грановитая палата тогда же были расписаны. Росписи эти неоднократно поновлялись, но их сюжет и по сей день остался неизменным: “Сон императора Константина и обретение Святого креста” (в Святых сенях) и эпизоды “Сказания о князьях владимирских” – разделении Вселенной императором Августом и происхождение русских князей (в Грановитой палате). Представленный визуальный ряд соответствовал официальной доктрине, согласно которой Россия – наследница Рима и Константинополя.

Сюжет передачи регалий власти русским князьям присутствует еще в одном памятнике архитектуры середины XVI в. К венчанию на царство Ивана IV (1547 г.) в Успенском соборе Московского Кремля было построено особое сооружение, ставшее одним из важных элементов интерьера собора – царское место. По конструкции и заложенной в него идее оно следует христианской традиции Средневековья (аналогичные троны были и у византийских императоров, а также сооружались в конце XV в. в других европейских столицах) и восходит к трону библейского царя Соломона, что ассоциировалось властью цезарей. История создания в Успенском соборе Московского Кремля царского места и его

роль в воплощении идей государственной власти долгое время не были предметом специального исследования. Шагом вперед в этой области стала недавно опубликованная работа И.М. Соколовой, где воспроизведены вырезанные на троне тексты.

Московское царское место украшали 12 резных пластин с изображениями, иллюстрирующими передачу регалий императора Константина и коронацию киевского великого князя. Помещенные на 8-ми из 12-ти пластин и сцены, и относящиеся к ним тексты совпадают (хотя и с разночтениями) с “Чинном поставления на царство” и “Сказанием о князьях владимирских”. Причем на дверцах трона вырезан текст “Чина...” близкий к рассказу “Чудовой повести”. Изображения и тексты на южной стене трона с этими памятниками не связаны. Они иллюстрируют возложение регалий императора Константина и близки к церемониалу коронации Ивана IV.

К середине XVI в. рассказ о передаче даров императора Константина Владимиру Мономаху выделяется из родословной легенды и на его основе создается самостоятельное произведение, предшествующее “Чину поставления...” и существующее вместе с документами, регламентировавшими возведение русских царей на престол, поскольку комплекс “даров императора Константина” стал коронационными регалиями: “крест животворящее древо”, бармы и царский венец (шапка Мономаха).

Исследователи “Сказания о князьях владимирских” и “Вступления к чину венчания”, а также иной публицистики этого круга неоднократно отмечали отсутствие конкретного прототипа мифического императора Константина, который якобы присылает в дар русским князьям регалии власти. В некоторых рукописях он назван императором Константином Мономахом по аналогии с получившим дары русским князем Владимиром Мономахом. Однако во времена Владимира Мономаха не существовало Константина Мономаха, а свое прозвище киевский князь получил скорее всего как сын византийской принцессы. Вероятно, персонаж русской публицистики конца XV в. – император Константин – собирательный образ, объединивший в себе нескольких византийских императоров, так или иначе связанных с русской историей.

Обоснованные в “Сказании о князьях владимирских” и в “Чине поставления...” политические и идеологические концепции получили развитие в грандиозном памятнике русского летописания, литературы и общественной мысли, составленном в 1560–1563 гг. духовником Ивана IV Арсением (впоследствии митрополит Афанасий), – “Степенной книге царского родословия”. В ней раскрывается идея государственности в России, выводимой

составителями от великого киевского князя Владимира Свято-славича, и проводится мысль о неразрывной связи российских государей с церковью, отразившая претензии последней на решающее участие во власти. В “Степенной книге...” систематически (по степеням) описаны правления государей и митрополитов (властей светских и духовных). Здесь переплетаются события, свидетельствующие о взаимодействии великих князей и их современников – церковных иерархов. Стоит только пожалеть, что этот памятник изучен недостаточно.

Не ставши окончательно атрибутом власти, крест императора Константина и в XVI в. сохранил свое значение. На использование, начиная с 1564 г., этого символа Иваном Грозным в посланиях Андрею Курбскому обратил внимание А.Н. Горбовский⁸. Царь писал, что данная православным государствам от Иисуса Христа “победоносная хоругвь крест честный, и николи непобеждена есть, первому во благочестии царю Константину и всем православным царем и содержителем православия”⁹. Именно Константину “знамение явилось животворящего креста, на небеси звездами написано”.

В свою очередь Андрей Курбский (в третьем послании – 15. IX. 1579 г.) развивает тему императора Константина, что тот де “уже давно просвещенный правой верой и утвердившийся в ней, когда прислушался к совету нахлебников и скверных льстецов” приказал заключить в темницу и хотел казнить без суда трех оклеветанных “послов”. По словам Курбского, Николай Мирликийский, “еще живший тогда”, обратился к Константину с просьбой освободить невинных, поскольку в противном случае императора ожидает “позорное поражение и позорная гибель”¹¹. Если животворящий крест приносил победу императору Константину, то следование советам “нахлебников и скверных лжецов” могло обернуться для него поражением. В этом рассуждении оппонент Грозного, прибегая к аналогии, противопоставляет мудрое правление начала царствования Ивана и прошедшие под знаком военных поражений, казней и наветов 1570-е годы. Здесь же Курбский утверждает, что теперь русские войска побеждают не “силою животворящего креста”, а “под сенью разбойничьих крестов”¹², т.е. идея непобедимости войска под сенью животворящего креста выступает в своей противоположности.

О политическом значении креста Константина свидетельствует и ответ Ивана Грозного послу Антонию Поссевино: «А что нас укоряет, что мы пишемся “носители креста Христова”, – ино еще первому благочестии царю Константину сам создатель, господь наш Иисус Христос, первое явление в полудни явил: крест,

зездами составлен, светлостию сияя паче солнечных луч; второе, сонным видением своего воплощения видетись ему дал и глаголил ему: Костянтине, сим побеждай! От того убо владыки нашего Иисуса Христа милосердия и дарованья всем христианским государем животворящий его! крест носим. И владыце нашему Иисусу Христу молящесь, силою чеснаго и животворящего его креста побежаем враги свои»¹³.

В начале XVII в., после избрания на престол Романовых, все активнее развивалась идея преемственности власти новой династии от прежних русских государей. В Чин посажения на царство добавляются новые элементы из Чина византийских императоров, царские венцы, известные с середины XVI в., по внешнему виду все более напоминают шапки киевских князей.

Воссоединение Украины с Россией, Андрусовское перемирие с Речью Посполитой 1667 г., борьба московских правителей за обладание Киевом и в целом изменение в пользу Российского государства соотношения сил великих держав на востоке Европы вызвали на рубеже 1660–1670-х годов подъем идеологической активности в Москве, направленный на идейное и пропагандистское обоснование своих политических претензий на роль наследников величия византийских императоров. В 1668 г. Симон Ушаков пишет икону “Насаждение древа Российского государства”, где визуально объединена преемственность власти Рюриковичей и Романовых: царь Алексей Михайлович с семьей из-за стен Кремля наблюдает как Иван Калита и московский митрополит Петр “насаждают” древо Российского государства.

В начале 1670-х годов в Посольском приказе создается комплекс произведений, посвященных обоснованию власти Романовых; они были оформлены в великолепно украшенные рукописные книги. Это лицевая рукопись, описывающая возведение на престол Михаила Федоровича; книга Титулярник, показывающая место России среди других европейских стран, дающая официальное написание титула русского царя и описание государственной печати; сочинение Николая Спафария “Василиологион”¹⁴. Несколько позднее была переведена с латыни книга герольдмейстера императора Священной Римской империи “Генеалогия”, которую автор – Лаврентий Хурелич – преподнес Алексею Михайловичу. В ней через генеалогические росписи показано родство новой русской династии с европейскими королями преимущественно благодаря бракам детей киевского великого князя Ярослава Мудрого.

Происхождение царской власти и место России среди великих империй, существовавших со времени сотворения мира, стали

центральными проблемами в труде Николая Спафария “Василиологион”, созданном в начале 1670-х годов. Описание истории человечества “по царствам”, “по империям”, начиная с библейских и античных времен, как литературная форма существовала в Европе и раньше. Первый подобный опыт, предпринятый Спафарием, свидетельствует о том, что к последней четверти XVII в. история России мыслилась во всемирном контексте, согласно общепринятым в Европе представлениям.

Названные произведения, несомненно, требуют специально-го комплексного исследования. Однако уже обращение к предисловию “Василиологиона”, где автор определяет свое представление о государе, prerогативах его власти, может дать представление о том, как Николай Спафарий трактует идею самодержавной власти.

Прежде всего правитель должен служить примером для своего народа: “...владелец ко благодеянию идет, следствуем и мы, ко погрешению уклонится, и мы с ним уклонимся”, потому, что “яко от солнца во всем мире или свет или тма бывает, сие и от царя к подданным своим или благая, или злая изливается”. Право владеть и править государю дается от Бога. Но осуществление этого права требует от государя мудрости и труда, “аще любите престолы и скипетры, о царие народа, возлюбите мудрость”. Именно таким царем назван Алексей Михайлович, который “ныне же яко солнце сияет на престоле царствия”. В 1670-е годы в Москве вновь обращаются к теме креста императора Константина как к символу власти и победы. В это время появляются два конных портрета царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, у обоих всадников в руке крест императора Константина вместо скипетра.

Так к середине XVI в. была сформулирована доктрина о власти русских правителей, происходящей от цезарей – царей. Она была закреплена в официальных документах и публицистике, воплощена в произведениях искусства. К 70-м годам XVII в. она была дополнена концепцией самодержавной власти русских царей, продолжающих дело древних императоров. Такая идея давала основания признать эту самодержавную власть равной императорской, что и произошло уже в XVIII в.

¹ Филлюшкин А.И. “Царствующий град Москва” // Российская монархия: Вопросы теории и истории. Воронеж, 1998. С. 11–13.

² Там же. С. 14.

³ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1946. С. 25.

⁴ Идея Рима в Москве. XV–XVI вв. Roma, 1989. Р. 123, 124.

⁵ Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирский. М.; Л., 1955. С. 184.

⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 215.

⁷ *Дмитриева Р.П.* Указ. соч. С. 196, 197.

⁸ *Горбовский А.Н.* Иван Грозный и Сильвестр: История одного мифа. Лондон, 1987. С. 125–127.

⁹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 12, 53, 62, 122.

¹⁰ Там же. С. 114.

¹¹ Там же. С. 176.

¹² Там же. С. 171.

¹³ РГАДА. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1. Л. 181 об.

¹⁴ *Кудрявцев И.М.* “Издательская деятельность” Посольского приказа // Книга. Исследования и материалы. Сб. VIII. М., 1963.

С.М. Каштанов (Москва)

Роль монастырей в развитии связей между столицей и провинцией (на примере Киево-Печерского монастыря)

В средние века и раннее новое время монастыри играли существенную роль в развитии социально-экономических и культурных связей между центром страны и провинцией. Это проявлялось в различных формах. Как в Московском великом княжестве, так и в Великом княжестве Литовском земли крупных монастырей были разбросаны по многим районам государства, и для связи отдаленных вотчин с монастырем требовалась организация поездок из центра в провинцию и обратно. Кроме того, русские монастыри XV–XVI вв., подобно раннесредневековым духовным корпорациям Запада, активно участвовали в торговле, посылая свои экспедиции из центра на периферию или в другие княжества и земли. Еще одну линию контактов представляли взаимоотношения крупных монастырей центра с их дочерними учреждениями – монастырями и церквями в провинции.

Весьма своеобразными были связи Киево-Печерского монастыря с различными регионами сначала Древнерусского, затем Литовского и Польско-Литовского и, наконец, Русского централизованного государства. Интерес к этой теме возник у нас в процессе изучения и подготовки к печати “греческой” посольской книги № 2, где зафиксирован ход сношений России с “христианским Востоком” в 1582–1588 гг.¹ В книге содержатся записи о приезде в 1583 и 1585 гг. в Москву посланцев Киево-Печерского монастыря с просьбой о возобновлении предоставления монастырю “пошлинной милостыни”, которая была якобы пожалована ему царскими предками. В грамоте архимандрита Мелентия Хребтовича от 6 апреля 1583 г. эта “милостыня” определяется как “дань”², а в грамоте царя Федора Ивановича декабря 1585 г. – как “оброк”³. Указанный платеж шел Печерскому монастырю с каких-то “угодий”⁴ или “сел”⁵, расположенных в “северскихъ городехъ”⁶.

Какие именно “северские города” имелись в виду, в грамотах 1583–1585 гг. не говорится. Между тем, в грамотах польских ко-

ролей Сигизмунда I Старого (1540 г.) и Сигизмунда II Августа (1571 г.) Киево-Печерскому монастырю подтверждалось его старинное право посылать за “данью” в “украинные северские города” Стародуб и Новгородок (т.е. Новгород-Северский)⁷. Конкретные объекты, с которых шла “дань” в пользу Киево-Печерского монастыря из районов Стародуба и Новгорода-Северского, ни в одном из известных нам источников не упоминаются. О том, кто из царских “прародителей” пожаловал монастырю право на северскую дань, источники также умалчивают. Дата пожалования остается загадкой. Ясно только, что оно состоялось задолго до 1540 г.

Обратимся к известиям о древнейших пожалованиях Киево-Печерскому монастырю. В рассказе Ипатьевской летописи о смерти 3 января 6666 (1158) г. вдовы князя Глеба Всеславича (не названной по имени) говорится, что сама княгиня, ее отец и муж одарили Киево-Печерский монастырь земельными и денежными вкладами. Отец княгини, Ярополк Изяславич, князь Вышегородский, Владимиро-Волынский и Туровский (убит в 1086 г.), дал монастырю “всю жизнь свою, Небольскую волость, и Дервьвскую, и Лучьскую, и около Киева”. Муж княгини, Глеб Всеславич, князь Минский и Полоцкий (1070–1118), “вда въ животе своемъ съ княгинею 600 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота”. После его смерти княгиня пожертвовала монастырю 100 гривен серебра и 50 гривен золота, а перед собственной смертью дала в обитель “5 селъ и с челядью, и все да и до повоя”⁸.

Упомянутые волости, данные монастырю князем Ярополком Изяславичем, находились не в районах Новгорода-Северского и Стародуба. Небольская волость была расположена во Владимиро-Волынском княжестве (ср. Невель к юго-западу от Пинска). Лучьская (Луцкая) волость, вероятно, может быть отождествлена с районом Луцка в Волынской области Украины (ср. Луцк к юго-востоку от Владимира Волынского). Что касается Деревской волости, то она находилась, видимо, в земле древлян, в Туровском княжестве (см. Туров к востоку от Пинска). Земли “около Киева” также не относились к территории Новгорода-Северского и Стародуба. Они скорее всего лежали в области Вышегорода, которым владел Ярополк Изяславич. Вышегород находился севернее Киева, недалеко от него вверх по Днепру. Пять сел, данных монастырю самой княгиней, могли быть расположены на территории, входившей в княжество ее мужа, Глеба Всеславича, т. е. в районах Минска или Полоцка.

Если в XI–XII вв. Киево-Печерский монастырь процветал, то в XII–XV вв. он испытал ряд тяжелых потрясений. Известия о нем

сходят со страниц летописей. Так, в Ипатьевской летописи последнее сообщение о Киево-Печерском монастыре относится к 1182 г., когда умер архимандрит Поликарп и монахи избрали архимандритом попа Василия⁹. В 1240 г. Киев был взят и разграблен войсками Батыя¹⁰. Вероятно, пострадал и Киево-Печерский монастырь, хотя прямо об этом в летописи не говорится. Согласно Никоновской летописи, в 6924 (1416) г. “татарове воеваша около Киева и монастырь Печерский пограбиша и пожгоша”¹¹. После этого монастырь надолго запустел. Возрождение его Густынская летопись относит к 1470 г.¹²

Следует, однако, заметить, что и в период запустения Киево-Печерский монастырь получал некоторые земельные вклады. Так, сохранился список недатированной грамоты князя Юрия Семеновича Гольшанского Киево-Печерскому монастырю на земли с людьми и данью в Глуской волости и в Поречье¹³. В АЗР грамота отнесена к периоду “прежде 1480”. Деятельность князя Ю.С. Гольшанского известна с 1436 г., а умер он, вероятно, в 1457 г.¹⁴ Поэтому грамота его может быть датирована временем намного более ранним, чем 1480 г., а именно – 1436–1457 гг. В своей грамоте Юрий Семенович ссылался на грамоту “деда нашего, князя Ивана Ольгимонтовича”. Ю. Вольф проследил деятельность Ивана Ольгимонтовича с 1379 по 1401 гг. По мнению исследователя, Иван Ольгимонтович умер вскоре после 1401 г.¹⁵ Как нам представляется, грамоту Киево-Печерскому монастырю он мог выдать скорее всего в 1396–1397 гг., когда был наместником киевским¹⁶.

Таким образом, в конце XIV – первой половине XV в. Киево-Печерский монастырь получал вклады земель, людьми и данью от князей Гольшанских. Но с этими пожалованиями нельзя связать сведения о дани Печерскому монастырю из районов Стародуба и Новгорода-Северского. Глуская волость была расположена, по-видимому, в районе современных Глуши и Глушка на р. Птичь, к юго-западу от Бобруйска.

Под 6978 (1470) г. Густынская летопись сообщает, что после долгого запустения Печерская церковь Св. Богородицы была оправлена “коштом великим от благоверного князя Симеона Олельковича или Александровича”: “и обогати ю златом и серебром, и сосуды церковными, при Иоане архимандрите”¹⁷.

Семен Александрович был праправнуком Ольгерда. Ольгерд захватил Киев в начале 60-х годов XIV в. (около 1362 г.) и включил его в состав Великого княжества Литовского. С 80-х годов XIV в. Киев управлялся то на правах удела потомками Ольгерда, то наместниками или воеводами великого князя Литовского.

Первыми удельными владетелями Киева были сыновья Ольгерда – сначала Владимир, потом Скиргайло Ольгердовичи (примерно 1382–1396 гг.). Затем в Киев стали назначаться наместники (воеводы). Первым из них был князь Иван Ольгимонтович Гольшанский (1396–1397). В 1411–1434 гг., судя по отрывочным сведениям, киевскую администрацию возглавляли, сменяя друг друга, следующие воеводы: пан Миниайло, князь Михаил Иванович Гольшанский, пан Ян Монивид. В 1435–1437 гг. воеводой был Юрий Иванович, позднее – Михаил Сигизмундович (сын великого князя Сигизмунда Кейстутовича)¹⁸.

В начале 40-х годов XV в. Киев опять приобрел статус наследственного владения потомков Ольгерда. Сын Владимира Ольгердовича князь Александр (Олелько) Владимирович титуловался в 1441 г. отчичем и дедичем Киевским. Он умер в 1454 г. и был похоронен в Киево-Печерском монастыре¹⁹. Киевское княжение перешло по наследству к его сыну Семену Александровичу (Олельковичу). Но после смерти последнего в декабре 1470 г. его сын Василий не получил киевский стол. Киевом стали снова управлять воеводы. В 1471 г. в Киев был назначен воевода пан Мартин Янович Гаштольд²⁰. В 1482 г. его сменил пан Иван Ходкевич²¹.

В отличие от большинства предшествующих и последующих управителей Киева, которые принадлежали к числу католиков, князья Александр Владимирович и Семен Александрович были православными. Этим определялось их особое внимание к Киево-Печерскому монастырю – цитадели православия. Погребение здесь Александра Владимировича привело к установлению фамильных связей Олельковичей с Киево-Печерским монастырем. Вклад Семена Олельковича, судя по его дате, мог быть предсмертным. В известии Густынской летописи под 1470 г. речь идет о вкладе кн. Симеона Олельковича деньгами и драгоценными вещами, но не землями. Правда, кроме денег и вещей, Симеон Олелькович передал архимандриту еще какую-то старинную жалованную грамоту (“привилею”) “древних князей”: “Еще же сей благочтивый князь и привилею на сию святую обитель, еже от древних князей быша наданья, отдаде в руке архимандриту, их же его прародители по пленении Батиевском обретоша”²².

Свидетельство о возвращенной монастырю “привилеии” (одной или, быть может, нескольких жалованных грамотах) чрезвычайно интересно, хотя и вызывает сомнения в своей достоверности. Очень соблазнительно было бы, например, допустить, что пожалования князей Ярополка Изяславича, Глеба Всеславича и княгини, его жены, упомянутые в Ипатьевской летописи под 1158 г., были оформлены в виде грамоты или нескольких грамот.

Но правомерно ли такое допущение? Для времени княгини (середина XII в.) оно не кажется совершенно невозможным. Великий князь Мстислав Владимирович и его сын Всеволод дали около 1130 г. грамоту новгородскому Юрьеву монастырю²³. От Всеволода Юрьев монастырь получил еще две грамоты²⁴, а великий князь Изяслав Мстиславич (1146–1154) выдал жалованную грамоту новгородскому Пантелеймонову монастырю²⁵. Однако даже если под древней “привилеей” подразумевалась грамота жены Глеба Всеславича, дело не могло касаться права на получение дани из районов Новгорода-Северского и Стародуба, поскольку пожалования полоцких князей относились к другим регионам.

В какой же период времени Киево-Печерский монастырь мог получить какие-то “села” в Новгород-Северском и Стародубском уездах или право на взимание “дани” (или “оброка”) с некоторых сел, находившихся в этих уездах? Новгород-Северский расположен в 148,5 км к северо-востоку от Чернигова, на р. Десне, под 52° сев. широты, почти на пересечении его с 3° меридиана от Пулкова²⁶. В настоящее время Новгород-Северский находится в составе Черниговской области Украины. От Киева до Новгорода-Северского – примерно 310 км вверх по Десне и 260 км по прямой с юга на северо-восток²⁷. Стародуб-Северский расположен на притоке ручья Бабинца, впадающего в р. Ваблю, приток Судости²⁸, которая является правым притоком Десны. Современный Стародуб – город в Брянской области Российской Федерации. Он находится в 72 км к северо-западу от Новгорода-Северского²⁹ и в 285 км к северо-востоку от Киева (по прямой)³⁰.

В какие времена Киево-Печерский монастырь мог приобрести села или право на дань с них в районах Новгорода-Северского и Стародуба, сказать трудно. Сам Киево-Печерский монастырь был основан, как известно, в XI в., при Ярославе Мудром (1051 г.)³¹. Города Новгород-Северский и Стародуб также имеют долгую историю. Новгород-Северский возник в 1044 г., при Ярославе Мудром, в 1098 г. стал столицей Северского княжества. После разорения монголо-татарами в середине XIII в. Новгород-Северский утратил свое прежнее значение. В XIII – первой половине XIV в. он входил в состав Брянского княжества, а во второй половине XIV–XV вв. – в состав Великого княжества Литовского³².

Стародуб-Северский известен по летописям со второй половины XI в. В период междукняжеских усобиц XII – начала XIII в. он переходил из рук в руки; после татарского нашествия и разорения надолго исчез с политической арены. Во второй половине XIV–XV в. Стародуб находился в составе Великого княжества Литовского³³.

В разное время Новгород-Северский принадлежал на правах удела литовским князьям Корибуту-Дмитрию Ольгердовичу (1386–1392), Федору Любартовичу (1393?–1398), Свидригайлу Ольгердовичу (1419–1430?)³⁴. Что же касается Стародуба, то после занятия его Ольгердом он был отдан сначала, вероятно, Патрикию Давыдовичу, который в Любецком синодике выступает с титулом князя Стародубского³⁵. По поводу идентификации личности Патрикия Давыдовича в литературе велись споры. Р.В. Зотов считал его племянником Ольгерда, сыном князя Наримунта-Давыда Гедиминовича. По мнению Зотова, Патрикий получил Стародуб в 1368–1372 гг. и владел им до 1379 г.³⁶ Затем Стародуб перешел в руки сына Патрикия – князя Александра Патрикиевича (1388–1407)³⁷, а позднее принадлежал Сигизмунду Кейстутовичу, который известен как князь Стародубский в 1422 г.³⁸ (возможно, он владел Стародубом в 1408–1432 гг.)³⁹.

Согласно О.П. Бакусу, в 1440 г. Стародуб, наряду с Брянском, достался Михаилу Сигизмундовичу⁴⁰ (сыну Сигизмунда Кейстутовича). Брянск находился в его ведении до 1446 г.⁴¹, когда был передан князю Василию Ярославичу Серпухово-Боровскому, бежавшему из Москвы после захвата великокняжеского престола в феврале 1446 г. князем Дмитрием Юрьевичем Шемякой. В русских летописях сообщается, что король (Казимир)* дал Василию Ярославичу “Дьбрянскъ (Брянск. – С.К.) в вотчину, да Гомей (Гомель. – С.К.), да Стародуб, да Мьстиславль и иные многие места”⁴². В конце того же года Василий Ярославич вернулся на Русь с большим войском и участвовал на стороне Василия II в войне против Шемяки⁴³. Таким образом, в 1446 г. Стародуб являлся владением князя Василия Ярославича.

Последующая история Стародуба связана с именем другого русского удельного князя-эмигранта – Ивана Андреевича Можайского. Иван Андреевич, в отличие от Василия Ярославича, был не союзником, а ярым противником Василия II, и действовал заодно с Шемякой, после смерти которого остался в изоляции. Он бежал в Литву в 1454 г., скорее всего весной или летом⁴⁴. К бегству его побудила весть о приближении к Можайску московской рати во главе с Василием Темным.

О том, как складывалась судьба Ивана Андреевича в Литве, дошло мало сведений. В грамоте литовского великого князя Александра Казимировича, выданной в 1496 г. сыну Ивана Андреевича – князю Семену Ивановичу Можайскому – сказано: “Теж бил

* Казимир IV Ягайлович – великий князь Литовский (1440–1492) и король Польский (1446–1492).

нам чолом, што отец наш, король его милость, подавал отцу его князю Ивану города Стародуб а Гомей у вотчину, и лист отца нашего перед нами вказывал и просил нас, абыхмо ему тые Стародуб и Гомей подтвердили нашим листом. И мы ему тые города Стародуб и Гомей подтверждаем нашим листом, теж вечно ему и его детем, подле листу отца нашего”⁴⁵. В грамоте 1499 г. вновь упоминается о той же просьбе: “Бил нам чолом князь Семен Иванович Можайский и просил нас, абыхмо ему подтвердили нашим листом выслугу отца его, князя Иванову, замки, которые ж выслужил на отцы нашем короли, его милости, на имя Стародуб и Гомей...”⁴⁶.

Таким образом, грамота (“лист”) короля Казимира князю Ивану Андреевичу Можайскому на города Стародуб и Гомель, вероятно, существовала, но не сохранилась⁴⁷. Дата ее неизвестна. Согласно М.Д. Хмырову, Иван Андреевич получил от Казимира “в удел Чернигов, Стародуб, Гомель и Любеч, в 1455 г.”⁴⁸. Такая датировка основана на логическом допущении, но не на свидетельстве источников. К тому же, утверждение о получении Иваном Андреевичем Чернигова и Любеча противоречит известиям грамот конца XV в., данных его сыну Семену Ивановичу. В них наследием Ивана Андреевича признаются только Стародуб и Гомель. Чернигов же и Карачев предоставлялись князю Семену в 1496 г. как новые для него земли⁴⁹. Это пожалование с добавлением Хотимля было подтверждено в грамоте великого князя Александра 1499 г.⁵⁰

Любеч в грамотах 1496 и 1499 гг. вообще не упоминается. Между тем в “крымской” посольской книге под 1500 г. приводится сообщение Ивана III Менгли-Гирею о том, что князь Семен Иванович Можайский перешел на сторону Москвы со своими вотчинами Черниговом, Стародубом, Гомелем и Любечем⁵¹. Возможно, Любеч достался Семену в промежутке между апрелем и августом 1500 г.⁵²

Известие “крымской” посольской книги от 11 августа 1500 г. впервые ввел в научный оборот Н.М. Карамзин, который на основании этой информации сделал вывод, что Чернигов, Стародуб, Гомель и Любеч были получены отцом Семена – князем Иваном Андреевичем Можайским – от короля Казимира⁵³. Хмыров следовал концепции Карамзина и произвольное заключение последнего о составе земель, предоставленных Ивану Андреевичу Казимиром, дополнил произвольной датировкой этого пожалования.

По мнению М.К. Любавского, Казимир дал Ивану Андреевичу в 1450 г. Брянск, затем отобрал его и заменил Стародубом и

Гомелем⁵⁴. Дата дачи Брянска, указанная Любавским, ошибочна: в 1450 г. Ивана Андреевича в Литве еще не было, он приехал туда только в 1454 г. И. Вольф, как и Любавский, считал, что Казимир предоставил Ивану Андреевичу три города: Стародуб, Гомель и Брянск. Время получения Иваном Андреевичем двух первых Вольф не уточняет, приобретение же прав на Брянск относит к 1465 г.⁵⁵ Н.А. фон Баумгартен также ограничивает состав владений Ивана Андреевича в Литве Стародубом, Гомелем и Брянском, но не указывает, когда именно он их получил⁵⁶.

С.М. Кучинский возражал против мнения М.К. Любавского о том, что Гомель и Стародуб достались Можайскому после отобрания у него Брянска. Он считал, что Иван Андреевич Можайский, будучи сыном Агриппины (Аграфены) Александровны Стародубской и внуком Александра Патрикиевича Стародубского, имел наследственные права на Стародуб и должен был получить его в первую очередь. Пожалование Ивану Андреевичу Брянска (в 1465 г.) Кучинский рассматривал как дополнение к пожалованию Стародуба и Гомеля. По его мнению, Брянск мог считаться “дединой” Ивана Андреевича, поскольку его дед Александр Патрикиевич когда-то владел Брянском⁵⁷.

О.П. Бакус, с одной стороны, говорит о правах на Брянск, приобретенных Иваном Андреевичем в 1465 г.⁵⁸, с другой – относит его обладание Брянском к 1450–1483 гг.⁵⁹, хотя Иван Андреевич прибыл в Литву не раньше лета 1454 г. и никак не мог владеть Брянском в 1450–1453 гг. Согласно Бакусу, Стародуб и Гомель принадлежали Ивану Андреевичу в течение части того периода, когда он управлял Брянском⁶⁰. Автор склонен думать, что князь получил их “за службу” в промежутке между 1465 и 1483 гг.⁶¹ Таким образом, Бакус фактически возродил концепцию М.К. Любавского, оспоренную Кучинским.

М.М. Кром, напротив, присоединился к точке зрения Кучинского. Он полагает, что Иван Андреевич приобрел Стародуб сразу по приезду в Литву (правда, конкретно год пожалования он не указывает, но безусловно считает, что оно состоялось до 1465 г., когда Иван Андреевич получил Брянск в виде дополнения к своей вотчине)⁶².

Конечно, не исключено, что Стародуб являлся одним из ранних приобретений Ивана Андреевича в Литве. Из Стародуба происходила его мать Аграфена Александровна, дочь литовского князя Александра Патрикиевича Стародубского, умершая после 1434 г.⁶³ Может быть, происхождение матери сыграло определенную роль при пожаловании Ивану Андреевичу Стародуба. Интересно, что, когда в 1456 г., в связи с арестом в Москве бывшего

союзника Василия II, серпухово-боровского князя Василия Ярославича, его старший сын Иван Васильевич бежал в Литву, здесь он не получил ничего из того, чем владел в 1446 г. его отец. Ему дали Клецк, затем Городок Давыдов и Рогачев⁶⁴, но не дали ни Брянска, ни Стародуба, ни Гомеля. Возможно, уже в конце 50-х годов XV в. Стародуб находился в руках князя Ивана Андреевича Можайского. Кроме того, нет данных о назначении королевских наместников в Стародуб при Казимире⁶⁵, что может также свидетельствовать о принадлежности этого города князю Ивану Андреевичу. И вместе с тем сохранившиеся грамоты Казимира касаются только Брянска, но не Стародуба. В 1465 г. Иван Андреевич получил права на Брянск⁶⁶, а в 1479 г. они были ему подтверждены⁶⁷.

Дата смерти Ивана Андреевича неизвестна. Вольф, а вслед за ним Баумгартен и Кром полагали, что он умер в промежутке между 1471 и 1483 гг.⁶⁸ Начальная дата этого промежутка не фигурирует у Кучиньского, который писал, что Иван Андреевич умер “до 1483 г.”⁶⁹ Бакус относит смерть Ивана Андреевича к 1483–1486 гг.⁷⁰ Вероятно, Иван Андреевич был жив еще в апреле 1479 г., когда Казимир выдал ему подтвердительную грамоту на Брянск⁷¹.

Старший сын Ивана Андреевича, князь Андрей Иванович, получил в 1486 г. отцовское наследство – Брянск⁷², но был убит там или отравлен в 1487 г.⁷³ Может быть, тогда же или вскоре после этого погиб и сын Андрея Ивановича, князь Федор Андреевич: “убили его брянчане”⁷⁴. После 1486 г. Брянск управлялся королевскими и великокняжескими наместниками⁷⁵.

Участие Андрея Ивановича в тяжбе о гомельских селах в 1483 г. показывает, что князь имел какие-то владельческие права в этом районе⁷⁶. Однако нет никаких данных о его владении Стародубом.

Младший брат Андрея Ивановича, князь Семен Иванович, в 1483 г. тоже участвовал в тяжбе о гомельских селах, а в 1488 г. являлся держателем Гомеля⁷⁷. Официальное подтверждение прав на отцовское наследство – Стародуб и Гомель – он получил только в 1496 г., когда приобрел также Чернигов, Карачев, а в 1499 г. еще и Хотимль⁷⁸. В 1500 г. Семен Иванович перешел со своими владениями на службу к Ивану III⁷⁹, и тогда подвластные ему территории, в том числе Стародуб, были включены в состав Русского государства. Перемирие между Москвой и Литвой, установленное в 1503 г. на 6 лет, предусматривало отказ литовского великого князя Александра Казимировича от притязаний на земли князей, перешедших от него на сторону Ивана III. В их числе на первом месте назван Семен Иванович Стародубский⁸⁰.

В 1500–1504 гг. Семен Иванович неоднократно участвовал в военных действиях русских войск против Литвы⁸¹. В статье 1975 г. А.А. Зимин писал, что Семен Иванович Стародубский в последний раз упоминается в источниках в феврале 1504 г.⁸² При этом произошла, видимо, ошибка в сноске: автор ссылаясь на известие разрядной книги сентября 1501 г.⁸³ В посмертно вышедшей монографии А.А. Зимина о боярской аристократии (1988 г.) последнее упоминание о Семене Стародубском отнесено к декабрю 1502 г.⁸⁴ Возможно, имеется в виду последнее упоминание его в разрядной книге⁸⁵, но не последнее упоминание вообще. Тремя строками выше сам автор говорит о договоре 1503 г., в котором Семен Иванович назван “слугою” великого князя всея Руси.

Точная дата смерти Семена Ивановича неизвестна. Согласно Вольфу и Баумгартену, Семен умер “около 1505 г.”⁸⁶. О.П. Бакус “не заметил” факта смерти князя Семена Ивановича Можайского. В именном указателе к своей монографии он упоминает его как здравствующего в 1496–1507 и в 1509 гг., причем автор считает, что Семен временно потерял контроль над Черниговом в 1508 г.⁸⁷ В другом месте своей работы Бакус пишет: “Это (?) единственный специфический случай, когда человек при бегстве в Москву был, кажется, лишен своих земель, взятых литовскими наместниками, или не преуспел в наследовании отцовских земель”⁸⁸.

Поскольку речь идет о человеке, бежавшем в Москву (“a person who fleeing to Moscow...”), можно думать, что автор имеет в виду период не до 1496 г., а после 1500 г. Между тем, о конфискации земель Семена литовскими наместниками после 1500 г. никаких сведений нет. В 1508 г. князя Семена Ивановича уже не было в живых. Его сын Василий Семенович, о существовании которого Бакус явно “забыл”, упоминается в перемирной грамоте Василия III от 8 октября 1508 г. в числе князей, принадлежащих “с своими отчинами к нашему великому княжеству”⁸⁹, а Чернигов и Стародуб фигурируют там же как земли Русского государства, куда польский король Сигизмунд не должен “вступатися”⁹⁰.

Совершенно очевидно, что князь Семен Иванович умер ранее апреля 1506 г., когда Василий III женил его сына Василия Семеновича на своей свояченице Марии Юрьевне Сабуровой. В разрядной книге по поводу этой свадьбы замечено: “А розряд поезду не писан, писана дача, что ему давано”⁹¹. В чем состояла указанная “дача”: в подтверждении прав на отцовское наследство или в прибавке новых земель? А.А. Зимин склонялся ко второму предположению. Он связывал с женитьбой Василия Семеновича составление тетрадей, упомянутых в Описи Царского архива:

“...тетрати, как жаловал князь велики дву князев Васильев – придал им отчины”⁹².

В Описи говорится о двух князьях Василиях (Стародубском и Шемячиче). Поэтому у нас нет уверенности в том, что данные тетради возникли по случаю брака Василия Семеновича Стародубского. Одновременное пожалование вотчин Василию Стародубскому и Василию Шемячичу могло быть вызвано желанием великого князя вознаградить их за верную службу и совместное участие в походах (например, 1507–1508 или 1512–1513 гг.)⁹³.

Пытаясь идентифицировать состав земель, полученных в 1506 г. Василием Семеновичем Стародубским, А.А. Зимин ссылаясь на текст духовной Ивана IV 1572 г., где упоминаются “волости на Угре, Товарков, Конопнарь, и иныя волости по Угре, что были даны князю Василью Шемячичу да князю Василью Стародубскому”⁹⁴. На наш взгляд, в духовной Ивана Грозного отражено объединенное пожалование вотчин двум князьям Василиям. Возможно, о нем и говорится в Описи Царского архива. Индивидуальное пожалование князю Василию Семеновичу в 1506 г. могло касаться других земель – территориального наследства его отца, Семена Ивановича, или Хотунской волости⁹⁵ (восточнее Серпухова*).

При переходе на службу к Ивану III князья Семен Иванович Стародубский и Василий Иванович Шемячич получили статус “слуг”, т.е. служебных князей московского великого князя. “Слуги” были рангом ниже удельных князей московского дома, но стояли выше всех других разрядов московской знати.

В русско-литовском договоре 1503 г., написанном от лица короля и великого князя Александра, князья Семен Иванович Стародубский и Василий Иванович Шемячич названы “вашими слугами”⁹⁶. Василий Семенович Стародубский унаследовал от отца статус “слуги”. В русско-литовской перемирной грамоте 1508 г., написанной от лица Василия III, Василий Иванович Шемячич и Василий Семенович определяются как “наши слуги”⁹⁷. В договоре 1509 г. о вечном мире, написанном от лица короля и великого князя Сигизмунда, Василий Иванович Шемячич и Василий Семенович именуется “вашими людьми”⁹⁸. Таким образом, обе стороны признавали этих князей “слугами” московского великого князя. Но если Семен Иванович Стародубский упоминался в догово-

* Ср. современную Хатунь в 27 км к северо-востоку от Серпухова. Село Дубечня, которым владел Василий Семенович, отождествляется с современным пос. Дубечено, расположенным в 9 км к северо-западу от Хатуни, в направлении вверх по р. Лопасне.

рах раньше Шемячича, то Василий Семенович указывался на втором месте, после Шемячича, и без титула “Стародубский”, которым сопровождалось имя его отца.

Эти особенности формуляра договоров не случайны. Василий Семенович принадлежал к третьему, а Василий Иванович Шемячич – ко второму поколению князей-эмигрантов. Вероятно, Василий Семенович был и по возрасту младше Шемячича. Что же касается отсутствия в договорах 1508–1509 гг. титула “Стародубский” при имени Василия Семеновича, то это связано скорее всего с позицией польского короля. Как отметил Й. Вольф, в дипломатической переписке 1510–1511 гг. Василий III называет Василия Семеновича князем Стародубским, а Сигизмунд I – князем Можайским⁹⁹.

Польский король явно не хотел признавать за “слугой” московского великого князя титул князя Стародубского, что укрепляло бы права Москвы на бывшие земли Великого княжества Литовского. Василий III, со своей стороны, видимо, не считал возможным согласиться с тем титулованием Василия Семеновича, которое предлагали поляки (“князь Можайский”), и поэтому в договорах 1508–1509 гг. Василий Семенович предстает без территориального титула, как, впрочем, и Василий Иванович Шемячич, чье фамильное прозвище (“Шемячич”) тоже не было территориальным титулом.

Из русско-литовской дипломатической переписки 1510–1511 гг. видно, что Василий Семенович являлся владельцем Стародуба, Гомеля и Чернигова¹⁰⁰. Большой интерес представляет также отмеченная Й. Вольфом¹⁰¹ указная грамота короля Сигизмунда I от 27 января 1509 г. князю Михаилу Ивановичу Мстиславскому и кричевскому наместнику Василию Ошущкову о свободном пропуске священников церкви Св. Николая в Орше, направляющихся “до князя Василья Можайского” за церковной данью, которую “записал им” “князь Семен Можайский” с бортовых земель церкви св. Николы “у Гомы”, т.е. в Гомеле¹⁰². Текст грамоты служит доказательством реальной принадлежности Гомеля князю Василию Семеновичу.

Любопытен маршрут предполагаемых поездок никольских священников из Орши в Гомель. Расстояние между этими городами по прямой составляет 240 км с севера на юг. Но священники не ехали прямо на юг по Днепру, через Могилев, Быхов и Рогачев, а стремились сначала добраться до владений Василия Семеновича на юго-востоке. Через Мстиславль (105 км от Орши) и Кричев (33 км от Мстиславля) они попадали, видимо, в Хотимль (соврем. Хотимск), расположенный в 67,5 км юго-восточнее Кричева.

Хотимль был получен в 1499 г. князем Семеном Ивановичем Стародубским от великого князя Александра Казимировича и в 1500 г. перешел вместе с другими владениями стародубского князя в состав Русского государства (по договорам 1503, 1508 и 1509 гг. этот город числился за Россией¹⁰³).

Как сын и наследник князя Семена Ивановича князь Василий Семенович имел права на Хотимль, который, наверное, и находился в его распоряжении в 1505–1518 гг. Из переписки Василия III и Сигизмунда I сентября–октября 1511 г. явствует, что слуги князя Василия Семеновича выполняли в пограничном районе поручения московского командования. Так, они разыскивали восьмерых беглых холопов воеводы князя Данилы Васильевича (Щени) и, вероятно, узнав о месте их пребывания, приехали в соседний с Хотимлем Кричев и потребовали у кричевского наместника выдачи беглых, но тот отказался выполнить это требование без санкции короля¹⁰⁴.

Относительно маршрута оршанских священников можно предположить, что из Хотимля они двигались на юго-запад, к Гомелю, вниз по течению р. Беседи (по прямой от Хотимля до Гомеля – 151,5 км). Не исключено, что предварительно священники должны были увидеться с самим князем Василием Семеновичем, а это могло значительно удлинить их путь.

Грамота 1509 г. о проездах оршанских священников является уникальным документом, прямо свидетельствующим об установлении дани в пользу церковной корпорации стародубским князем. Эта акция могла иметь место на последнем этапе пребывания Стародубского княжества в составе Великого княжества Литовского, в промежутке между июлем 1496 г. (подтверждение Семену прав на Гомель великим князем Александром) и апрелем 1500 г. (переход Семена на сторону Ивана III). В московский период такое пожалование было бы невозможно. Князь – подданный Москвы не имел права давать на своей территории какие-то привилегии церкви, находящейся на территории другого государства. Василий Семенович как наследник Семена Ивановича мог лишь не отменять привилегию, установленную до него, но для реализации ее заинтересованные лица должны были добиваться от своего государя разрешения пользоваться этой привилегией.

Василий Семенович сохранял за собой отцовское наследие и после 1509–1511 гг. Об этом свидетельствует, в частности, известие о нападении на его земли войск Менгли-Гирея в 1515 г.¹⁰⁵ Василий Семенович прожил сравнительно недолго. Он умер бездетным ранее сентября 1518 г.¹⁰⁶, и его обширные владения вошли в состав московского великокняжеского домена. После

этого иностранным монастырям и церквям стало намного труднее получать установленную ранее дань с объектов, расположенных в пределах бывшего Стародубского княжения.

Обратимся теперь к судьбе Новгорода-Северского, из которого тоже, согласно свидетельству грамот 1540 и 1571 гг., шла дань Киево-Печерскому монастырю¹⁰⁷. Выше уже говорилось, что в 1419–1430 гг. Новгород-Северский принадлежал, вероятно, князю Свидригайлу Ольгердовичу. В чьих руках он оказался после 1430 г., когда Свидригайло стал великим князем Литовским, неясно.

От конца XV – начала XVI в. дошли прямые сведения о принадлежности Новгорода-Северского внукам Дмитрия Шемяки. Сам Шемяка умер в Новгороде Великом 17 или 18 июля 1453 г.¹⁰⁸ Менее чем через год, 1 мая 1454 г., из Пскова в Литву выехал его сын, князь Иван Дмитриевич, по прозвищу Шемякин¹⁰⁹.

“Крымская” посольская книга в сообщении от 11 августа 1500 г. свидетельствует, что князь Василий Иванович Шемячич (сын Ивана Дмитриевича Шемякина) перешел на сторону Ивана III (в апреле 1500 г.) со своими городами Новгородом-Северским и Рыльском¹¹⁰. Н.М. Карамзин сделал отсюда вывод, что города эти были даны Казимиром отцу Василия Шемячича – князю Ивану Дмитриевичу¹¹¹. Такое допущение кажется вполне логичным, но никаких документов, которые говорили бы о дате и характере предполагаемого пожалования, нет. Часто исследователи, упоминая о предоставлении Новгорода-Северского и Рыльска князю Ивану Дмитриевичу, ссылаются только на Карамзина.

Правда, М.Д. Хмыров, не ссылаясь на Н.М. Карамзина, писал, что Иван Дмитриевич получил от Казимира “в кормление” Рыльск и Новгород-Северский в 1456 г.¹¹² Откуда эти сведения о кормлении и дате пожалования? В последнем вопросе автор исходил, возможно, из даты новгородско-московского договора марта 1456 г., где Новгороду запрещается принимать “князя Ивана Андреевича Можайского и его детей, и князя Ивана Дмитриевича Шемякина и его детей, и его матери княгини Софьи и ее детей и зятя”¹¹³. Однако в этом договоре нет никаких сведений о городах, которые получили или могли получить в Литве беглые князья.

Мать Ивана Дмитриевича, княгиня Софья Дмитриевна, бежала из Новгорода в Литву к сыну 7 февраля 1456 г.¹¹⁴ Думать, что ее бегство было связано с пожалованием Ивану Дмитриевичу городов в Литве, нет оснований. Софья бежала потому, что “убояся князя великого”, взявшего в это время Новгород.

О жизни и деятельности князя Ивана Дмитриевича в Литве практически ничего не известно. Его смерть датируют по-разно-

му. Хмыров считал, что он умер в промежутке между 1485 и 1494 гг.¹¹⁵ Вольф относил смерть Ивана Дмитриевича к периоду до 1485 г.¹¹⁶, а Баумгартен датировал ее временем между 1471 и 1485 гг.¹¹⁷ Скорее всего Иван Дмитриевич умер в первой половине – середине 80-х годов XV в.

О том, что он имел какие-то права на Новгород-Северский, свидетельствуют косвенные данные: 1) принадлежность этого города его сыновьям во второй половине 80-х – 90-х годах XV в.; 2) отсутствие каких-либо сведений о посылке в Новгород-Северский литовских наместников во второй половине XV в.¹¹⁸

Подтвердительных данных о владении Ивана Дмитриевича Рыльском вообще нет. По мнению С.М. Кучиньского, Иван Дмитриевич мог распоряжаться этим городом в качестве королевского наместника, хотя вернее всего, что Рыльск достался лишь наследникам Ивана Дмитриевича в самом конце 90-х годов XV в.¹¹⁹ Разделяя мнение Кучиньского, М.М. Кром подчеркивает, что до 1500 г. “никаких следов владения Шемяичей Рыльском не обнаруживается”¹²⁰.

Иван Дмитриевич имел четырех сыновей: Владимира, Ивана, Семена и Василия. Первые двое умерли в раннем возрасте¹²¹. Кто-то из Шемяичей (“Ошемяич”) был в 1484 г. товарищем троцкого воеводы Богдана Андреевича в походе на Киев, захваченный татарами¹²². Из посольской книги по связям России с Польско-Литовским государством явствует, что князь Семен Иванович Шемяич держал в январе 1488 г. Новгород-Северский¹²³. Это самое раннее документальное свидетельство о принадлежности Новгорода-Северского потомкам Шемяки¹²⁴.

Кроме того, Семен и Василий Шемяичи владели Оболецями. В грамоте великого князя Александра Казимировича августа 1500 г., адресованной наместнику Рошскому (Оршанскому) и Оболецкому пану Юрию Глебовичу, упоминаются “листы” князей Семена и Василия Шемяичей, которые были выданы ими ряду лиц на сельца в Обольцах¹²⁵. Обольцы – это, видимо, современная Оболь, в 37 км к юго-востоку от Полоцка и в 144 км к северо-западу от Орши.

Нам неизвестно, когда именно Семен и Василий Шемяичи получили Обольцы в качестве вотчины или ленного держания с правом раздачи тут земель своим вассалам. В грамоте не сообщается и о том, что произошло с князьями Шемяичами в дальнейшем, почему возникла необходимость подтвердить их “листы”. Дело, конечно, было связано с отъездом Василия Шемяича к Ивану III весной 1500 г. Обольцы не входили в число тех территорий, которые князь мог сохранить за собой и включить в состав Русского

государства. Поскольку Оболицы остались в пределах Великого княжества Литовского, владельцы селец, полученных от Шемяичей, обратились к великому князю Александру с просьбой, чтобы он подтвердил их права на эти земли. Выполняя просьбу челобитчиков, Александр велел указанные сельца держать “подлуг данины и листов князя Семена а князя Василья Шемяичичов”¹²⁶.

Еще Вольф обратил внимание на рассматриваемую грамоту 1500 г. и высказал предположение, что упоминающийся в ней князь Семен Иванович Шемяичич умер без потомства незадолго до 1500 г.¹²⁷ Баумгартен, говоря о смерти князя Семена “немного ранее” (*peu avant*) 1500 г., уже прямо ссылался на эту грамоту¹²⁸. Однако в ней нет никаких сведений о смерти Семена Ивановича. Князя Семен и Василий Шемяичичи упоминаются здесь в одной и той же роли – как прежние владельцы Оболицы, и понять, живы они или умерли, из текста грамоты нельзя.

Гораздо показательнее в плане хронологии первое упоминание князя Василия Ивановича Шемяичича в качестве действующего лица. В хронике Быховца под 1497 г. рассказывается о том, как великий князь Александр послал войска на помощь своему брату, польскому королю Яну Альбрехту. В числе посланных были князя Семен Иванович Можайский и Василий Иванович Шемяичич¹²⁹. Вольф, датировавший это известие 1496-м годом¹³⁰, не задался вопросом, почему Александр послал не старшего Шемяичича – Семена Ивановича, а младшего – Василия Ивановича. Между тем посылка последнего объясняется скорее всего тем, что Семена Ивановича Шемяичича в 1497 г. уже не было в живых. Другими словами, можно предположить, что он умер не “незадолго до 1500 г.”, а незадолго до 1497 г.

Вероятно, уже в 1496 г. Василий Иванович Шемяичич получил от великого князя Александра подтверждение прав на Новгород-Северский, перешедший к нему по наследству от умершего бездетным старшего брата, Семена Ивановича. Вспомним, что в 1496 г. великий князь Александр утвердил в правах наследования и другого русского князя – Семена Ивановича Можайского.

Российский период существования Новгород-Северского удела длился с 1500 по 1523 г., когда по распоряжению Василия III Василий Иванович Шемяичич был “пойман”. Через 6 лет, в 1529 г., он умер в заточении. После 1523 г. Новгород-Северский удел вошел в состав основной территории Русского государства¹³¹.

В начале XVI в. некоторые грамоты великого князя Александра касались мест бывшего присутствия князя Василия Шемяичича и его вассалов. В октябре 1501 г. Александр выдал жалованную грамоту дворянину Петру Фурсовичу на расположенный в

районе Орши “двор” Межов, который когда-то “держал” князь Василий Шемячич. Вероятно, после отъезда последнего к Ивану III двор был пожалован князю Ивану Трубецкому, но и тот “здравши нас и к Москве втек”¹³². В декабре 1503 г. дворянин Василий Ошушкин получил жалованную грамоту на Граборуковский “дворец” в Рошском (Оршанском) повете. Прежде это имение принадлежало вассалу князя Василия Ивановича Шемячича Борису Граборукову, который “побег к Москве за своим государем за князем Васильем Шемячичом”¹³³.

Как видим, Орша наряду с Оболяцами являлась одной из сфер влияния Василия Шемячича. Поскольку после 1500 г. основная часть его владений оказалась в составе Русского государства, в Литве, по-видимому, опасались и за безопасность некоторых других районов, где он имел раньше земли и вассалов. Сюда старались поселить надежных слуг великого князя Литовского. Интересно, что после 1501 г. Оболяцы, находившиеся в 90-х годах XV в. в руках Шемячичей, были преданы во владение королеве Елене, дочери Ивана III и жене Александра (с 1501 г. – короля)¹³⁴. Это делалось явно для нейтрализации возможных претензий Василия Ивановича Шемячича на принадлежавшие ему прежде территории.

Возвращаясь к вопросу о Стародубе и Новгороде-Северском, еще раз отметим неясность хронологии их предполагаемой принадлежности князьям Ивану Андреевичу Можайскому и Ивану Дмитриевичу Шемячичу. С гораздо большей уверенностью можно говорить о принадлежности Стародуба Семену Ивановичу Можайскому (по крайней мере, с 1496 г.), а Новгорода-Северского – Семену Ивановичу Шемячичу (с 1488 г.) и затем – Василию Ивановичу Шемячичу (примерно с 1496–1497 гг.). В статье 2005 г. мы высказали предположение, что установление платежа “дани” или “оброка” с каких-то земель в районах Стародуба и Новгорода-Северского было произведено согласованно князьями Семеном Ивановичем Можайским и Василием Ивановичем Шемячичем в промежутке между июлем 1496 г. и апрелем 1500 г.¹³⁵

Конечно, не исключено, что пожалование состоялось и раньше – при Иване Андреевиче Можайском и при Иване Дмитриевиче Шемякине, однако неполная уверенность в факте их владения Стародубом и Новгородом-Северским*, а также отсутствие сведе-

* Весьма интересно, что русские летописи, в которых подробно говорится о том, какие города получил в Литве бежавший туда в 1446 г. кн. Василий Ярославич, не упоминают о пожалованиях Казимира Можайскому и Шемякину. Правда, быть может, это объясняется тем, что Василий Ярославич вернулся на Русь, а Можайский и Шемякин – нет.

ний за вторую половину XV в. о получении Киево-Печерским монастырем “оброка” с этих городов делает данное допущение достаточно шатким. Отнести же пожалование дани Киево-Печерскому монастырю к тому периоду, когда Новгородом-Северским и Стародубом управляли князья-католики, еще менее вероятно, тем более, что в челобитных 1583 и 1585 гг., обращенных к Ивану Грозному и Федору Ивановичу, Мелентий Хребтович говорил об установлении печерской “дани” или “оброка” царскими “прародителями”, т.е. представителями или потомками правящего дома Ивана Калиты. Можайские и Шемячичи вполне соответствовали этой характеристике, будучи внуками и правнуками Дмитрия Донского.

Думается, что пожалование “дани” или “оброка” Киево-Печерскому монастырю не могло состояться до его возрождения в 1470 г. Следует учитывать также, что в сентябре 1483 г. крымский хан Менгли-Гирей “по слову великого князя Ивана Васильевича всея Руси”, совершил опустошительный набег на Киев и сжег его¹³⁶. Возможно, после этого вновь разоренный Киево-Печерский монастырь обратился с просьбой о помощи к православным правителям Стародуба и Новгорода-Северского, результатом чего и было установление оброка в его пользу с каких-то объектов в этих районах. Бывшая столица Древнерусского государства, сама являвшаяся провинцией в составе Великого княжества Литовского, нуждалась в поддержке еще более провинциальных удельных центров Польско-Литовского государства.

¹ РГАДА. Ф. 52 (Сношения России с Грецией). Оп. 1. Кн. 2.

² Там же. Л. 21 об.–22; *Каишанов С.М.* О взаимоотношениях Киево-Печерского монастыря с правительством Ивана IV в 1583 г. // Исторический архив. 2002. № 4. С. 193. [Док.] № 3.

³ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Л. 92 об. Ср.: Л. 91 об.; *Каишанов С.М.* О взаимоотношениях Киево-Печерского монастыря с правительством царя Федора Ивановича в 1585 г. // Исторический архив. 2005. № 1. С. 195. [Док.] № 4; ср. С. 193. [Док.] № 3.

⁴ *Каишанов С.М.* О взаимоотношениях... в 1583 г. С. 196. [Док.] № 4.

⁵ *Каишанов С.М.* О взаимоотношениях... в 1585 г. С. 193, 195. [Док.] № 3, 4.

⁶ Там же.

⁷ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее – АЗР). СПб., 1848. Т. 2. № 204Л. С. 368; Т. 3. № 52. С. 157, 158. Об этом см. также: *Макарий* (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. М., 1996. Кн. 5. С. 160, 222; *Каишанов С.М.* О взаимоотношениях... в 1585 г. С. 177, 178.

- ⁸ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). 2-е изд. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 492, 493. См. также: *Артамонов Ю.А.* Князья Полоцкие – “великие милосники великой лавры Печерской” // *Ad fontem. У источника.* Сб. ст. в честь С.М. Каштанова. М., 2005. С. 176–182.
- ⁹ ПСРЛ. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 626, 627.
- ¹⁰ Там же. Стб. 784, 785.
- ¹¹ ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 231.
- ¹² ПСРЛ. 1-е изд. СПб., 1843. Т. 2. С. 358.
- ¹³ АЗР. СПб., 1846. Т. 1. № 72. С. 92, 93.
- ¹⁴ *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 98, 99; *Яковенко Н.Н.* Персональный состав княжеской прослойки Волыни и Центральной Украины конца XIV – середины XVII в.: Князья в свете закона и традиций // *Историческая генеалогия.* Екатеринбург, 1993. Вып. 1. С. 73. Схема V.
- ¹⁵ *Wolff J.* Op. cit. S. 95.
- ¹⁶ *Ibid.*; *Яковенко Н.Н.* Указ. соч. С. 73. Схема V.
- ¹⁷ ПСРЛ. Т. 2. [1-е изд.]. С. 358.
- ¹⁸ *Backus O.P.* Motives of West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow, 1377–1514. Lawrence, 1957. P. 74.
- ¹⁹ *Wolff J.* Op. cit. S. 327, 328.
- ²⁰ ПСРЛ. Т. 2. [1-е изд.]. С. 358; *Wolff J.* Op. cit. S. 329, 330, 336; *Backus O.P.* Op. cit. P. 74.
- ²¹ *Backus O.P.* Op. cit. P. 74.
- ²² ПСРЛ. Т. 2. [1-е изд.]. С. 358.
- ²³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949. № 81. С. 140, 141 (далее – ГВНП).
- ²⁴ Там же. № 79, 80. С. 139, 140.
- ²⁵ Там же. № 82. С. 141.
- ²⁶ Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1897. Т. 21 (п/т. 41). С. 250; *Малый атлас СССР.* М., 1981. С. 81.
- ²⁷ См., например: *Атлас офицера.* М., 1947. С. 92, 93; *Малый атлас СССР.* С. 81.
- ²⁸ Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1900. Т. 31 (п/т. 61). С. 446.
- ²⁹ См., например: *Малый атлас СССР.* С. 27.
- ³⁰ Там же. С. 27, 81 (расстояние по линии Стародуб – Щорс – Киев).
- ³¹ ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. 2-е изд. Стб. 155–160; *Там же.* М., 1998. Т. 2. Стб. 143–149. См. также: *Шапов Я.Н.* Киево-Печерская лавра // *СИЭ.* М., 1965. Т. 7. Стб. 209.
- ³² Подробнее см.: Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей, изданных имп. Археографическою комиссиею. СПб., 1907. Отд. 2. Указатель географический (А–Ө). С. 308, 309; Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 21 (п/т. 41). С. 250; *СИЭ.* М., 1967. Т. 10. Стб. 266, 267.
- ³³ Подробнее см.: Указатель к первым восьми томам... Отд. 2. С. 439; Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 31 (п/т. 61). С. 446–448.

- ³⁴ Wolff J. Op. cit. S. 277, 278.
- ³⁵ Милорадович Г.А. Любеч, Черниговской губернии, Городницкого уезда, родина преподобного Антония Печерского. М., 1871. С. 37. [№] 44; Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любечкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 28.
- ³⁶ Зотов Р.В. Указ. соч. С. 98, 125–128, 137, 138, 214; ср.: Wolff J. Op. cit. S. 503.
- ³⁷ Wolff J. Op. cit. S. 172, 503, 504.
- ³⁸ Ibid. S. 503, 504.
- ³⁹ Ср.: Ibidem.
- ⁴⁰ Backus O.P. Op. cit. P. 52.
- ⁴¹ Ibid. P. 72.
- ⁴² См., например: ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 174.
- ⁴³ Там же. С. 171, 178.
- ⁴⁴ В летописях о бегстве князя Ивана Андреевича с семьей сообщается в статье 6962 (1453/54) г. без указания месяца и числа, но между известиями от 29 марта и 31 августа (ПСРЛ. Т. 6. С. 180; Там же. СПб., 1859. Т. 8. С. 144; Там же. СПб., 1901. Т. 12. С. 109; Там же. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 273). А.А. Зимин прямо относит поход Василия II на Можайск к “лету” 1454 г. (Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991. С. 162).
- ⁴⁵ АЗР. СПб., 1846. Т. 1. № 139/I. С. 163.
- ⁴⁶ Там же. № 167. С. 192. См. также: Backus O.P. Op. cit. P. 56, 103, 104; Зимин А.А. Служилые князья в Русском государстве конца XV – первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. Сб. ст., посвященный памяти А.А. Новосельского. М., 1975. С. 43.
- ⁴⁷ Об утрате грамоты говорит и М.М. Кром: “сам же привилей Казимира не сохранился” (Кром М.М. Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 60).
- ⁴⁸ Хмыров М.Д. Алфавитно-справочный перечень удельных князей русских и членов царствующего дома Романовых. СПб., 1871. Половина первая. А-И. С. 132. № 791.
- ⁴⁹ АЗР. Т. 1. № 139/I, II. С. 163, 164.
- ⁵⁰ Там же. № 167. С. 192.
- ⁵¹ Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 41. № 65. С. 318.
- ⁵² Любеч не фигурирует в числе владений кн. Семена Ивановича в грамоте в. кн. Александра от 26 марта 1499 г. (АЗР. Т. 1. № 167. С. 192). В апреле 1499 г. великий князь Александр подтвердил права на Любеч кн. Василию Михайловичу Вереysкому, который владел этим городом с октября 1483 г. (Кром М.М. Указ. соч. С. 63. См. также: Kuczyński S.M. Ziemie Czernihowsko-Siewierskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936. S. 242). В апреле 1500 г. князья Семен Иванович Можайский и Василий Иванович Шемячич обратились к Ивану III с предложением перейти к нему на службу вместе со своими “вотчинами” (ПСРЛ. Т. 8. С. 239; Т. 12. С. 252, 264, 265. Ср.: Там же. М., 1975. Т. 32. С. 99, 100, 166; АЗР. Т. 1. № 180/I, II. С. 207, 208; Зимин А.А. Россия на

- рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 184). Может быть только после этого кн. Семен Иванович захватил Любеч.
- ⁵³ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 2. Т. 6. С. 183. Примеч. к Т. 6. С. 63. № 480. Ср.: № 481.
- ⁵⁴ Любавский М.[К]. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого литовского статута. М., 1892. С. 46.
- ⁵⁵ Wolff J. Op cit. S. 261, 262.
- ⁵⁶ Baumgarten N. de. Généalogie des branches régnantes des Rurikides du XIIIe au XVIe siècle // *Orientalia Christiana*. Roma, 1934. Vol. 35–1. N 94. P. 31, 32. Table V. N 1.
- ⁵⁷ Kuczyński S.M. Op. cit. S. 242, 243.
- ⁵⁸ Backus O.P. Op. cit. P. 103.
- ⁵⁹ Ibid. P. 72, 164.
- ⁶⁰ Ibid. P. 164.
- ⁶¹ Ibid. P. 103.
- ⁶² Кром М.М. Указ. соч. С. 61.
- ⁶³ См.: Хмыров М.Д. Указ. соч. С. 7, 8. № 210; Baumgarten N de. Op. cit. P. 13, 16, 17. Table II. N 37. Ср.: P. 31. Table V.
- ⁶⁴ Wolff J. Op. cit. S. 154; Baumgarten N. de. Op. cit. P. 33, 35. Table VI. N 13; Кром М.М. Указ. соч. С. 103.
- ⁶⁵ Перечни наместников, держателей и других управителей разных городов Великого княжества Литовского в конце XIV – начале XVI в. см.: Backus O.P. Op. cit. P. 61–75; Стародуб среди этих городов не фигурирует.
- ⁶⁶ “Послушный лист” от 12 апреля 1465 г. (РИБ. СПб., 1910. Т. 27. № 26. Стб. 123). В дате указан 13-й индикт, что согласуется с числом года.
- ⁶⁷ Грамота от 13 апреля 1479 г. (Сборник Муханова. 2-е изд. СПб., 1866. № 20. С. 22). В дате указан 13-й индикт, хотя на 1479 (6987) г. приходился 12-й индикт. 13-й индикт падал на следующий, 1480 г. Ошибка в числе года или индикта?
- ⁶⁸ Wolff J. Op. cit. S. 262; Baumgarten N. de. Op. cit. P. 31, 32. Table V. N 1; Кром М.М. Указ. соч. С. 62.
- ⁶⁹ Kuczyński S.M. Op. cit. S. 243.
- ⁷⁰ Backus O.P. Op. cit. P. 103, 104.
- ⁷¹ Сборник Муханова. 2-е изд. № 20. С. 22.
- ⁷² Wolff J. Op. cit. S. 262.
- ⁷³ Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 35. № 2/III. С. 10; Wolff J. Op. cit. S. 262; Baumgarten N. de. Op. cit. P. 31–32. Table V. N 4. Ср.: Хмыров М.Д. Указ. соч. С. 29. № 327 (автор не знал даты смерти князя: “ум. неизвестно”).
- ⁷⁴ Так говорится, без указания даты, в справке Воскресенской летописи об удельных князьях московского дома (ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 238); Wolff J. Op. cit. S. 262; Baumgarten N. de. Op. cit. P. 31, 32. Table V. N 9.
- ⁷⁵ Backus O.P. Op. cit. P. 72, 103.
- ⁷⁶ Wolff J. Op. cit. S. 262.
- ⁷⁷ Ibid. Ср.: Сб. РИО. Т. 35. № 2/III. С. 10.

- ⁷⁸ См.: примеч. 49, 50.
- ⁷⁹ См.: примеч. 51, 52.
- ⁸⁰ Собрание государственных грамот и договоров (далее – СГГД). М., 1894. Ч. 5. № 39. С. 25; Сб. РИО. Т. 35. № 75. С. 399.
- ⁸¹ *Wolff J.* Op. cit. S. 262. Ср.: Сб. РИО. Т. 35. С. 323, 461.
- ⁸² *Зимин А.А.* Служилые князья... С. 43.
- ⁸³ Там же. Примеч. 155. Ср.: Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 32, 33.
- ⁸⁴ *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 137.
- ⁸⁵ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 34.
- ⁸⁶ *Wolff J.* Op. cit. S. 262; *Baumgarten N. de.* Op. cit. P. 31, 32. Table V. N 5.
- ⁸⁷ *Backus O.P.* Op. cit. P. 164.
- ⁸⁸ Ibid. P. 131, note 98.
- ⁸⁹ АЗР. Т. 2. № 43. С. 55.
- ⁹⁰ Там же. С. 54.
- ⁹¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 16.
- ⁹² Описи Царского архива XVI в. и Архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1960. С. 22. Л. 247 об. Ср.: *Зимин А.А.* Служилые князья... С. 43; Государственный архив России XVI столетия / Подг. текста и коммент. А.А. Зимина. М., 1978. [Ч.] 1. С. 48, 190.
- ⁹³ Об этих походах см.: *Зимин А.А.* Служилые князья... С. 43; *Он же.* Формирование боярской аристократии... С. 138.
- ⁹⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 104. С. 440. Ср.: Там же. С. 441.
- ⁹⁵ Судя по грамотам 1518–1519 гг., Василий Семенович владел селом Дубечней в Хотунской волости. См.: Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975. № 169, 175. С. 163, 164, 170, 171. Ср.: Там же. С. 321, 322. № 169 (коммент. В.Д. Назарова). См. также: *Зимин А.А.* Служилые князья... С. 44; *Он же.* Формирование боярской аристократии... С. 138.
- ⁹⁶ СГГД. Ч. 5. № 39. С. 25.
- ⁹⁷ АЗР. Т. 2. № 43. С. 54.
- ⁹⁸ СГГД. Ч. 5. № 49. С. 59.
- ⁹⁹ *Wolff J.* Op. cit. S. 262, 263; АЗР. Т. 2. № 62, 74. С. 79, 96, 99.
- ¹⁰⁰ АЗР. Т. 2. № 62, 74. С. 79, 96, 99. Ср.: *Wolff J.* Op. cit. S. 262, 263; *Baumgarten N. de.* Op. cit. P. 31, 32. Table V. N 10.
- ¹⁰¹ *Wolff J.* Op. cit. S. 262.
- ¹⁰² АЗР. Т. 2. № 48. С. 59, 60.
- ¹⁰³ СГГД. Ч. 5. № 39, 49. С. 25, 59; АЗР. Т. 2. № 43. С. 54.
- ¹⁰⁴ АЗР. Т. 2. № 74. С. 96, 99.
- ¹⁰⁵ Сб. РИО. СПб., 1895. Т. 95. С. 104; *Зимин А.А.* Служилые князья... С. 43, 44; *Он же.* Формирование боярской аристократии... С. 138.
- ¹⁰⁶ В Крым о его смерти было сообщено в сентябре 1518 г. (Сб. РИО. Т. 95. С. 554, 555; *Зимин А.А.* Служилые князья... С. 44; *Он же.* Формирование боярской аристократии... С. 138).

- 107 См. об этом: АЗР. Т. 2. № 204. С. 368, 369; Т. 3. № 52. С. 157, 158. Ср.: Макарий (Булгаков). Указ. соч. Кн. 5. С. 160, 222.
- 108 В летописях наблюдаются расхождения в датировке смерти Дмитрия Шемяки. В Летописи Авраамки сказано, что князь Дмитрий Юрьевич умер в 6961 (1453) г. “июля в 17 день, въ вторник” (ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 193). 17 июля действительно было вторником в 1453 г., поэтому считать число “17” простой ошибкой нельзя. Но в Строевском списке Псковской 3-й летописи смерть Дмитрия Шемяки отнесена к 18 июля, дню св. Емельяна (ПСРЛ. М., 2000. Т. 5. Вып. 2: Псковские летописи. С. 140). День указанного святого точно соответствует числу дня (18 июля), следовательно, и здесь нет простой ошибки в дате. Противоречие в двух разных летописных источниках, может быть, объясняется тем, что Шемяка умер в ночь с 17 на 18 июля 1453 г. В литературе смерть Шемяки принято датировать 18 июля 1453 г. (см., например: Хмыров М.Д. Алфавитно-справочный перечень государей русских и замечательнейших особ их крови. СПб., 1870. С. 33. № 75; Wolff J. Op. cit. S. 519; Baumgarten N. de. Op. cit. P. 28, 29. Table IV. № 2), но А.А. Зимин остановился на дате “17 июля” (см.: Зимин А.А. Витязь на распутье... С. 154, 258, примеч. 59).
- 109 ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 216; Там же. М., 2003. Т. 5. Вып. 1: Псковские летописи. С. 52.
- 110 Сб. РИО. Т. 41. № 65. С. 318.
- 111 Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 2. Т. 6. С. 183. Примеч. к Т. 6. С. 63. № 480. Ср.: № 481.
- 112 Хмыров М.Д. Алфавитно-справочный перечень удельных князей... С. 140. № 833.
- 113 ГВНП. № 23. С. 43.
- 114 ПСРЛ. Т. 16. Стб. 196.
- 115 Хмыров М.Д. Алфавитно-справочный перечень удельных князей... С. 140. № 833.
- 116 Wolff J. Op. cit. S. 519.
- 117 Baumgarten N. de. Op. cit. P. 28, 29. Table IV. N 4.
- 118 О.П. Бакус, составивший списки управителей разных городов Великого княжества Литовского в конце XIV – начале XVI в., не дает никакой информации по Новгороду-Северскому (см.: Backus O.P. Op. cit. P. 61–75). Употребляемое им понятие “Чернигов-Северск” (Ibid. P. 72) может навести на мысль, что черниговские наместники были одновременно и новгород-северскими, но оснований для такого заключения, кажется, нет.
- 119 Kuczyński S.M. Op. cit. S. 244, 245.
- 120 Кром М.М. Указ. соч. С. 63.
- 121 См.: Baumgarten N. de. Op. cit. P. 28–30. Table IV. N 6–9.
- 122 Źródła do dziejów Polskich. Wilno, 1844. Т. 2. S. 120; Wolff J. Op. cit. P. 519. Баумгартен отождествляет этого “Ошемяича” с Семеном Ивановичем Шемяичем (Baumgarten N. de. Op. cit. P. 29. N 8).
- 123 Сб. РИО. Т. 35. № 2/III. С. 10, 11; Wolff J. Op. cit. P. 519; Baumgarten N. de. Op. cit. P. 29. № 8.

- ¹²⁴ М.М. Кром относит данное свидетельство к 1487 г. (см.: *Кром М.М.* Указ. соч. С. 62).
- ¹²⁵ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1863. Т. 1. 1361–1598. № 236. С. 298, 299.
- ¹²⁶ Там же. С. 299.
- ¹²⁷ *Wolff J.* Op. cit. S. 519.
- ¹²⁸ *Baumgarten N. de.* Op. cit. P. 29, 30. N 8.
- ¹²⁹ ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. С. 165.
- ¹³⁰ *Wolff J.* Op. cit. S. 519.
- ¹³¹ Подробнее см.: *Зимин А.А.* Формирование... С. 141, 142; *Каиштанов С.М.* О взаимоотношениях... в 1585 г. С. 184, 185.
- ¹³² АЗР. Т. 1. № 194. С. 344. Ср.: *Wolff J.* Op. cit. S. 520.
- ¹³³ АЗР. Т. 1. № 208. С. 356.
- ¹³⁴ *Wolff J.* Op. cit. S. 520.
- ¹³⁵ *Каиштанов С.М.* О взаимоотношениях... в 1585 г. С. 185.
- ¹³⁶ ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 215; Там же. М., 1962. Т. 27. С. 286, 357, 358.

Б.Н. Флоря (Москва)

Центр и провинция в системе управления России (XVI–XVII вв.)

Система управления в средневековых древнерусских княжествах была принципиально такой же, как и в ряде других стран средневековой Европы – правитель передавал отдельные владения, находившиеся под его властью, – города или волости, во временное управление своим приближенным, людям, занимавшим видные посты в составе княжеского двора. Эти люди были одновременно и влиятельными местными землевладельцами. Как приближенные князя, они представляли интересы назначившего и приславшего их центра, как влиятельные местные землевладельцы – интересы верхов местного общества. Такая система управления обеспечивала определенный баланс интересов и центра и провинции.

Вопрос о реорганизации такой системы управления неизбежно должен был встать на повестку дня с объединением отдельных княжеств вокруг единого политического центра. В двух государствах – Великом княжестве Московском и Великом княжестве Литовском – поглотивших такие ранее самостоятельные княжества, были найдены разные пути его решения.

В Великом княжестве Литовском важные политические посты – наместников и воевод – занимали политически благонадежные, с точки зрения правителя, люди (первоначально, по преимуществу из среды литовской знати). Все другие административные должности могли занимать только местные землевладельцы. Это их право было зафиксировано в жалованных грамотах – “привилеях”, отдельным землям, вошедшим в состав Великого княжества Литовского¹. В Великом княжестве Московском развитие пошло по другому пути. В Судебнике 1550 г. сохранились упоминания об “уложениях” Ивана III и Василия III, гарантировавших ряду присоединенных территорий сохранение земельной собственности в кругу местных землевладельцев², но сохранения за ними исключительного права на местные административные должности центральная власть не гарантировала.

В последние десятилетия XV – начале XVI в. в Русском государстве сложилась такая система управления, при которой соблюдалось правило, чтобы получавший в управление волость или посад сын боярский не имел собственных владений на данной территории³. К этому следует добавить, что само управление территорий давалось тому или иному лицу на сравнительно краткие сроки – не более 3 лет⁴. Исключением были наместничества в наиболее крупных пограничных городах – здесь сроки правления наместников могли быть более продолжительными. Сами того не подозревая, московские правители и их советники воспроизводили порядок, сложившийся в первом средневековом государстве с сильной центральной властью – Сицилийском королевстве Фридриха II. Мотивы принятых решений были в обоих случаях идентичными. Присланный центром для управления человек, не связанный с местным обществом, должен был стать идеальным исполнителем принятых в центре решений.

Такая система управления, при которой баланс интересов решительно смещался в сторону центра, обладала, с точки зрения носителей центральной власти, и определенными негативными сторонами. Хорошо известно, что в средневековом обществе передача территории в управление определенному лицу была формой вознаграждения за службу и управитель получал право “кормиться” с переданного ему владения. В условиях, когда между управляющим лицом и местным обществом не было каких-либо прочных связей, возникала опасность, что он станет рассматривать местное общество только как объект бесконечных поборов и источник своего обогащения, а следствиями его злоупотреблений будут социальные конфликты и нарушение стабильности в обществе.

Ряд мер, предпринятых центральной властью, должен был ослабить или исключить такие негативные последствия. Так, наместники, управлявшие городами, и волостели, управлявшие волостями, а также их слуги не имели права сами собирать “кормы” с населения, а размеры этих “кормов” точно определялись в выданных населению “уставных грамотах”⁵. Поскольку в руках носителей власти на местах сосредоточивались и административные и судебные функции, то в “уставных грамотах” указывалось, что в суде наместника должны участвовать “лучшие люди” из числа местного населения⁶. Наконец, “уставные грамоты” давали населению право после смещения с должности наместника или волостеля жаловаться на них в великокняжеский суд в Москву.

В бурные годы малолетства Ивана IV всех этих мер оказалось недостаточно. Относящиеся к этому времени свидетельства доку-

ментов, высказывания публицистов, летописные известия рисуют яркую картину злоупотреблений, совершавшихся носителями власти на местах – здесь и произвольное повышение размеров “кормов”, и новые не санкционированные традицией поборы, и принуждение ремесленников к бесплатной работе для удовлетворения их нужд. Особое негодование современников вызывала деятельность наместников и волостелей в качестве судей – они инспирировали выдвижение ложных обвинений против состоятельных людей, чтобы обложить их большими штрафами или конфисковать их имущество. Как записал псковский летописец, “быша наместники на Пскове сверепи, аки лвове, и люди его аки звери дивии до крестьян <...> и разбегошася добрые люди по иным городам, а игумены честные из монастырей избегоша”. Уже такого рода явления должны были обеспокоить центральную власть⁷. Действия наместников и волостелей стали встречать открытый отпор населения. Как отмечено в официальной летописи царствования Ивана IV, в ответ на действия наместников “градов и волостей мужичья многие коварства содеяша и убийства их людем”⁸. Это должно было вызвать еще более сильное беспокойство власти.

Издавая в 1550 г. новый свод законов – “Судебник”, правительство молодого Ивана IV стремилось сохранить традиционную систему управления, установив для отношений между администрацией и населением все более детальные нормы и введя строгие санкции за их нарушение. Однако давление общества, протестовавшего против произвола “кормленщиков”, оказалось настолько сильным, что к середине 1550-х годов старая традиционная система управления была ликвидирована и власть на местах перешла в руки выборных представителей местного населения. В крестьянских волостях и в городах управление было передано земским старостам и земским судьям (таким образом, реформа сопровождалась на этих территориях разделением административных и судебных функций), на территориях, где преобладало дворянское землевладение, серьезно расширились функции выборных представителей дворянства – губных старост. Конечно, центральная власть стремилась подчинить себе эти органы местной власти, передать руководство и надзор над ними центральным государственным органам – приказам, но тем не менее следует констатировать, что в середине XVI в. произошли очень существенные перемены в характере отношений центра и провинции – власть на местах перешла в руки представителей местного сословного самоуправления⁹.

Перемены, правда, не охватили всей территории страны. На пограничных территориях военно-административное управление

находилось в руках воевод, присылавшихся из центра представителей власти. Начиная с 1570–1580-х годов получает все более широкое распространение практика назначения воевод во внутренние районы страны¹⁰. Это означало восстановление старой системы управления, даже в более невыгодном для населения варианте, так как на воевод, новых носителей административной власти в городе и прилегающем к нему уезде, не распространялись те ограничительные меры, которые касались в более раннее время наместников и волостелей. Соотношение сил между центром и провинцией снова стало меняться в пользу центра. В стране, пережившей опричнину, эти перемены не наталкивались на серьезное сопротивление.

В годы Смуты, когда и географический центр страны и окраины оказались в состоянии войны, воеводское управление распространилось повсеместно, но характер этого института в годы переживавшихся страной потрясений заметно изменился. Так, в лагере, во главе которого стоял Лжедмитрий II, воеводами – представителями власти в городах – становились популярные предводители местных дворянских корпораций, получавшие у Самозванца думные чины. Так, луцкий помещик Федор Плещеев стал воеводой Великих Лук и боярином. Теперь в состав правительства стали входить люди, представлявшие в нем объединения местных землевладельцев¹¹. Аналогичная, хотя и менее выраженная тенденция наблюдалась и в лагере Василия Шуйского. Здесь наиболее ярким примером может служить Прокопий Ляпунов – предводитель одной из самых крупных дворянских корпораций России того времени – рязанской, ставший рязанским воеводой и думным дворянином¹². Хотя и в эти годы воевод (особенно в лагере Шуйского) неоднократно присылали из центра, однако при их назначении существенную роль начали играть “челобитья” со стороны местного населения¹³. Во времена Смуты наблюдается резкое усиление органов самоуправления в городах. В таком крупном центре как Псков в течение ряда лет вообще не было воевод, и единственным органом власти были дьяк и выборные посадские люди¹⁴.

С прекращением Смуты государственной власти удалось добиться того, что воеводское управление утвердилось именно в нужном для центра варианте – воеводы не были связаны с местным обществом, присылались из центра и должны были проводить его политику на местах. Так как воеводы по своей общественной роли не отличались от администраторов более раннего времени и также получали свои должности, как вознаграждение за службу, новая система управления обладала пороками старой. Участники псковского восстания 1650 г., в адресованной царю

“большой челобитной”, жаловались, что псковский воевода Никифор Собакин принуждает горожан делать на себя бесплатную работу, так же как псковские наместники в первой половине XVI в.¹⁵ Как и столетием ранее, особые нарекания вызывали судебные решения представителей власти на местах.

Это вызывало недовольство не только крестьян и посадского населения, но и широких кругов провинциального дворянства. Именно в челобитной детей боярских разных городов, поданной на Земском соборе 1642 г., читаем обвинения в адрес представителей дворянской верхушки, что они, “будучи в твоих государевых городех у твоих государевых дел, отяжелели и обогатели большим богатством”¹⁶. Вместе с тем более разнообразные и богатые по содержанию источники первой половины XVII в. позволяют установить, что острую критику провинциального общества вызывала деятельность не только представителей власти на местах, но и центральных государственных органов – приказов, расположенных в столице государства – Москве. Неслучайно в дворянских челобитных, поданных на соборе 1642 г., читаем о дьяках и подъячих, которые, “обогаев многим богатством, неправедным своим мздоимством и покупили многия вотчины и дома свои сстроили многие, палаты каменные”¹⁷. Наиболее детальной критике подверглись поступки “приказных людей” в челобитной, поданной царю Алексею Михайловичу в дни московского восстания 1648 г. Здесь читаем о дьяках, которые “никово никуды в приказ даром не отпустят и никакова государева жалованья даром не дадут”. Их деятельность служит образцом для поведения представителей власти на местах – “всему великому мздоиманью Москва корень”¹⁸. Но, пожалуй, наиболее ярко отношение провинциального общества к московским порядкам выражено в одной из дворянских челобитных, поданных на соборе 1642 г. Собор, как известно, был собран для обсуждения мер, необходимых для защиты южных границ России от Османской империи и Крыма. Именно, имея это в виду, составители челобитной писали: “Разорены мы, холопи твои, пуще турских и крымских бусурманов московскою волокитою и от неправд и неправедных судов”¹⁹. Важно, что представители провинциального общества не ограничивались критикой злоупотреблений и требованием наказания неправедных судей. Они предлагали существенно изменить всю систему управления.

Участники псковского восстания 1650 г. в своей челобитной царю предлагали вернуться к порядкам первой половины XVI в., когда наместники должны были вершить суд вместе с “лучшими людьми: воеводы должны <...> во всяких делех расправы чинить з

земскими старосты и с выборными людьми по правде, а не по мзде и не по посулом”²⁰. В дворянской челобитной 1637 г. выдвигались более радикальные решения. Здесь читаем: “И вели, государь, выбрать в городех из дворян и из земских людей и вели, государь, нас, холопей твоих, судить в городех по твоему государеву указу и по своей, государеве, уложенной судебной книге”²¹. Институт воевод, таким образом, мог сохраниться, но в их ведении остались бы только административно-военные функции, а суд перешел бы в руки выборных представителей местных дворян и горожан, которые должны были бы вершить суд на основе нового, специально составленного свода законов.

В челобитной “всего мира”, поданной царю Алексею Михайловичу в июне 1648 г., также выражено пожелание, чтобы организацию справедливого суда “положил бы государь на всяких чинов мирских людей, а мирские люди выберут в суди меж себя праведных и расудительных великих людей”. В ней говорилось о необходимости созыва Земского собора, от членов которого царь узнал бы об истинном положении дел – “от каких продаж и от насилства стонут и плачут”²².

Пороки сложившейся системы управления стали одной из причин серьезного внутривластного кризиса – волны восстаний, прокатившейся в 1648 г. по Москве и другим городам России. В их ходе часто именно присылавшиеся из центра администраторы, наживавшиеся за счет местного общества, становились жертвой восставших.

Уже 16 июня 1648 г. был созван Земский собор, который принял решение о создании нового свода законов – Уложения. Тем самым удовлетворялось одно из главных требований недовольных. Знакомство с этим памятником права – Соборным уложением 1649 г. показывает, что, сделав многое для уточнения процедуры судопроизводства, установив суровые санкции за нарушение администраторами правовых норм, составители Соборного уложения оставили в неприкосновенности основополагающие принципы системы управления, согласно которым представители власти на местах присылаются из центра и никак не связаны с местным населением.

Государственная власть категорически отвергала не только передачу выборным представителям дворянства или горожан каких-либо функций управления, но и какое-либо их участие в управлении вместе с воеводами. Показателен, с этой точки зрения, ответ царя на просьбу псковичей допустить земских старост и “выборных людей” к участию в воеводском суде: “Николи не бывало, что мужикам з бояры и с околничими и воеводы у расправ-

ных дел быти и впредь того не будет”²³. В поисках выхода из кризиса правительство молодого царя Алексея пошло по тому же пути, что и при издании “Судебника” 1550 г. правительство молодого царя Ивана. В Соборном уложении 1649 г. был удовлетворен ряд конкретных требований представителей сословий, и в то же время была сохранена сама система управления, в которой власть на местах была целиком подчинена центру, никак не связана с местным обществом и не подконтрольна ему. В середине XVII в. государственной власти не только удалось утвердить эти принципы законодательно, но и реализовать их на практике.

- ¹ См., например, в привилее Киевской земле: “а городки и волости Киевские Кияном держати, а иному никому”. (*Любавский М.К.* Очерк истории Литовско–Русского государства. М., 1910. С. 354).
- ² Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986. № 5. С. 32.
- ³ Это хорошо видно из собранных Н.Е. Носовым сведений о местоположении земельных владений детей боярских и отдававшихся им в управление территорий. (*Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 423–482).
- ⁴ *Пащикова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. М., 2000. С. 41.
- ⁵ Там же. С. 44, 48.
- ⁶ Там же. С. 104.
- ⁷ Наиболее яркие характеристики злоупотреблений представителей власти на местах имеются в Псковской летописи // Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 110; М., 1955. Вып. 2. С. 229, 230.
- ⁸ Полное собрание русских летописей. СПб., 1904. Т. 13(1). С. 267.
- ⁹ Земской реформе 50-х годов XVI в. и ее ближайшим последствиям посвящено капитальное исследование (*Носов Н.Е.* Указ. соч.).
- ¹⁰ *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 239; и сл.
- ¹¹ *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 91.
- ¹² Там же. С. 178, 179.
- ¹³ См.: *Флоря Б.Н.* О приговоре Первого ополчения // Исторические записки. М., 2005. Т. 8(126). С. 109.
- ¹⁴ См. в Псковской 3-й летописи: “В те лета смутные воевод не было во Пскове, един был дияк Иван Леонтевич Луговской да посадские люди даны ему в помочь и с теми людьми всякие дела и ратные и земские росправы чинил” // Псковские летописи. Вып. 2. С. 276.
- ¹⁵ *Тихомиров М.Н.* Псковское восстание 1650 года. М.; Л., 1935. С. 73, 74.
- ¹⁶ Акты, относящиеся к истории Земских соборов / Под ред. Ю.В. Готье. М., 1920. С. 55.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Материалы по истории СССР. М., 1989. Вып. 3. С. 149.

¹⁹ Акты... С. 58.

²⁰ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 74.

²¹ Смирнов П.П. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в. // Чтения Общества истории и древностей российских. М., 1915. Кн. 3. С. 39.

²² Материалы... С. 149, 150.

²³ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 81.

Ежи Едлицкий (Варшава)

Столица и провинция в сознании народа, лишенного государственности

В истории Речи Посполитой Нового времени понятия столицы и провинции далеки от однозначности, и дать их определение не легко. Столица – это, бесспорно, город-резиденция короля и местопребывание властей государства. Бесспорно? Ничего бесспорного в этом нет. В период польско-саксонской унии 1696–1763 гг. резиденция Веттинов – скорее, Дрезден, чем Варшава. Сенат, т.е. королевский совет, при Августе III нередко собирается в небольшом городе Всхове в Великой Польше, для удобства короля ближе к его наследственным саксонским владениям. Канцелярии его министров находятся в Варшаве, но власть их ограничивают (либо попросту контролируют) коронные и литовские магнаты, а в критические моменты – конфедерации, первоначально образуемые вдали от важных политических центров и, на первый взгляд, в выбранных случайно городках, таких как Дзикаув или Тарногруд. Вальные (общие) сеймы заканчиваются, по большей части не приняв законов, а тем самым земские сеймики узурпируют даже верховную власть. Высшее фискальное учреждение, т.е. Казначейский трибунал, находится в Радоме, а гражданские шляхетские суды (Коронные трибуналы) заседают попеременно в Пиотркове и Люблине. У Литвы свои особые учреждения, а ее столица – в Вильно. Церковные римско-католические митрополии разместились в Гнезно и во Львове. Магнатские резиденции великих родов как, например, принадлежавший Браницким Белосток или Пулавы Чарторыхских, своей пышностью и притягательностью для людей искусства превосходят королевский замок в Варшаве. Словом, государство децентрализовано, если вообще функционирует. Понятие столицы Речи Посполитой в этих условиях носит чисто символический характер, а провинция означает исторически сложившиеся крупные территориальные единицы, такие как Малая Польша, Великая Польша и Мазовия.

Правление Станислава Августа (1764–1795) – это время трижды возобновляемых попыток восстановить управляемость госу-

дарства и создать главенствующий центр власти вокруг короля и сейма. Это, естественно, сопряжено с усилиями по воскрешению столичной функции Варшавы. Результат этих усилий, как известно, оказался половинчатым. Централизацию тормозят либо служат ей противовесом, с одной стороны, интриги соседних дворов, прежде всего политика Екатерины II и ее польских протекже, а с другой – конфедерации: Барская, Радомская, Тарговицкая. Все они, несмотря на различие целей и идеологии, создаются против короля и его министров и по самой своей природе как конфедерации апеллируют к традиционным “республиканским” симпатиям шляхты, возбуждая в ней недоверие и неприязнь ко всему, что связывается и ассоциируется со столицей. Во-первых, это королевский двор, всегда подозреваемый в притязаниях на *absolutum dominium* и в стремлении ограничить шляхетские свободы и привилегии и, во-вторых, это крупный (по тогдашним меркам) город – рассадник чуждых иноземных нравов. Имея это в виду, гетман Северин Ржевуский провозгласил на сейме 1776 г.: “Варшава – это не народ! Народ – это граждане, оставшиеся в своих имениях!”.

В самом деле, станиславовская Варшава переживает – особенно в 1780-е годы – небывалый расцвет. Парадный облик город приобретает благодаря королевскому меценатству, городским магнатским резиденциям, развернувшемуся светскому и церковному строительству. Возрастает значение столицы как центра политической жизни и соперничества политических группировок (“партий”), места проведения сеймов, центра торговли и финансов и центра борьбы за свои права городского сословия, наконец, как центра просвещения и культуры, ставшего к тому же оживленным очагом книжной торговли и издательского дела. Несмотря на отсутствие в Варшаве университета, она оставляет далеко позади все остальные города Речи Посполитой, включая сонный Краков и Вильно. Именно эти обстоятельства – каждое из них в отдельности и все вместе – пробуждают сильную ненависть шляхетской провинции к городу, который, по ее мнению, превращается в логово мошенников, в гнездо нравственной распущенности и политических интриг, и сверх того, в школу безбожия.

Этот сельский антиурбанизм и антистоличность, разумеется, не представляют собой чего-то исключительного, по сравнению с другими странами. Аналогичные синдромы в XVIII и XIX вв. можно наблюдать по всей Европе. Чем большее восхищение вызывают Париж, Лондон, Вена или Петербург своим архитектурным великолепием, царящими здесь динамичностью и предпринимательским духом, тем в большей степени становятся они

одновременно объектом осуждения и критики как проявления общественной деградации.

В годы Четырехлетнего сейма (1788–1792) население Варшавы превышает 100 тыс. человек. Устанавливаются связи между придворной, сеймовой и мещанской Варшавой. Восстание Тадеуша Костюшко, как известно, начинается в Кракове, но только в тот момент, когда Начальник и Главный национальный совет оказываются в Варшаве, движение приобретает общенациональный характер. Взятие же Варшавы Суворовым означает конец восстания. Парадокс польской истории заключается, однако, в том, что именно тогда, когда этот город делается подлинной столицей, центром власти, источником законов и олицетворением суверенитета нации, он тут же низвергается с этой высокой позиции.

Упадок Варшавы под прусским владычеством драматичен. “Варшава, – писал один из современников, – уже утрачивает наименование столицы и меняет весь свой облик <...>. Всякий, у кого имеется какой-то уголок в деревне, покидает Варшаву; дешева в ней жизнь, дешево жилье, а население, однако, уменьшается <...> Каждый хочет продать свой дом, только – некому”¹. Соперничество столицы с провинцией завершается, таким образом, тем, что столица в течение одного года сама превращается в провинциальный город, в столицу провинции Южная Пруссия.

Однако ненадолго. Создавая в Тильзите новое небольшое государство из польских земель, захваченных Пруссией, Наполеон, дабы восстановлением старого наименования “Польша” не связать себе рук при новом переделе карты Европы, решает назвать его Варшавским княжеством. Тем самым – как это нередко бывало в Средние века – город дает название государству: большая честь для Варшавы, которой вновь предстоит делить с Дрезденом почетное право принимать у себя (время от времени) короля и двор. Оказывается, тем не менее, что столичные функции приобретают совершенно реальный характер. Это происходит в небольшой степени потому, что вместо прежних польских воеводств и земель, наделенных значительными правами шляхетского самоуправления, учреждаются в качестве административных единиц – по французскому образцу – департаменты, которыми центральное правительство должно управлять при посредстве назначаемых им префектов.

Эту систему сохраняет в общих чертах конституция Королевства Польского, пожалованная Александром I, с тем, что восстанавливается традиционное наименование – воеводства. По территории Королевство Польское значительно меньше Варшавского

княжества. Однако оно обретает властное и энергичное правительство, хотя, разумеется, зависимое от Петербурга. За 15 лет оно сделает немало, чтобы придать Варшаве подлинно столичный блеск. Здесь возводятся монументальные правительственные здания в стиле классицизма, открывается университет, главной задачей которого будет подготовка для Королевства кадров чиновников, юристов, педагогов, основывается Польский банк с правом денежной эмиссии и управления государственными горными предприятиями, начато строительство импозантного оперного театра.

Оппозиция против централизма и самовластия варшавских министров, в первую очередь министра казначейства, исходит, как и прежде, из шляхетской провинции и демонстрируется на заседаниях воеводских советов – особенно калишского, а также на коротких сессиях сейма, созываемого все реже. В отличие от Княжества Варшавского, оппозиция в Королевстве носит, скорее, либеральный, чем консервативный характер, поскольку в 1820-е годы консервативный курс проводит само правительство. Ограничивая и подавляя легальную оппозицию, варшавская бюрократия, лояльная по отношению к царю, в какой-то мере парализует, душит провинциальное общественное мнение. Следствием этого стало рождение нелегальной, законспирированной оппозиции, в рядах которой объединились молодые люди из среды студенчества, низшего офицерства и чиновничества – поэты и подхорунжие.

В этот период несколько других польских городов приобретают своеобразный статус провинциальных столиц. Познань становится столицей Великого княжества Познанского, которое, являясь прусской провинцией, не было в действительности ни великим, ни княжеством. Краков – это столица Вольного города Кракова, но он отнюдь не волен. Львов – столица королевства Галиции, Вильно – резиденция российского генерал-губернатора и одновременно местопребывание лучшего польского университета.

Естественно, эти города и области начинают тяготеть к столицам держав, в состав которых они включены и от милости которых зависят любые права как отдельных лиц, так и сословий, и земель. Богатой шляхте присоединенных польских областей пришлось по вкусу графские титулы, некогда запрещенные в Речи Посполитой. Теперь их можно было купить или испросить пожалование в Вене и Берлине. Туда же надобно было ездить по имущественным и церковным делам либо с петициями местных сословных представительств. Для изучения теологии, медицины или юриспруденции юношей из Познанского княжества принято

было отправлять в Берлин, Вроцлав или Кёнигсберг. Высшее образование можно было получить и в Кракове, но краковская академия, по европейским меркам, считалась второразрядной, а львовская – и третьеразрядной, онемеченной и неполной.

Шляхта и молодая польская интеллигенция из литовско-русских земель до восстания 1830 г. не оставляли надежду на объединение этих губерний с Королевством и изредка еще поглядывали на Варшаву, однако все чаще устремляли взоры к Петербургу, что обуславливается отнюдь не только политическими соображениями. Адам Мицкевич окажется в Петербурге не по собственной воле. Тем не менее он увидит в нем европейскую столицу, в которой жизнь бьет ключом. Отсюда в 1829 г. он бросает вызов “критикам и рецензентам варшавским” – дерзкий манифест романтической эстетики, а вместе с тем пренебрежительную отповедь со стороны гордого провинциала-литвина кичливым варшавским салонам.

С польской точки зрения центристремительные тенденции в пределах трех держав, разделивших Речь Посполитую, носят центробежный характер и грозят постепенной утратой связующего национального элемента. Предотвращает это – правда, дорогой ценой – Ноябрьское восстание 1830 г., которое объединит в рядах повстанцев добровольцев из всех прежних польских земель, а вместе с тем обогатит сокровищницу национальной романтической символики. Самая популярная повстанческая песня, слова которой переведены с французского и переработаны в повстанческом духе, получает название “Варшавянки”. Легенда Костюшко, Килиньского и резни на Праге обретает теперь продолжение в легенде бельведерцев, четвертого полка и генерала Совиньского в окопах варшавской Воли. Варшава, еще раз побежденная, претендует на роль духовной столицы Польши – столицы, если можно так сказать, виртуальной.

Задача эта, однако, нелегка, а подчас и попросту безнадежна. Ибо что является столицей, а что провинцией в жизни и сознании народа, лишенного своей государственности? Крупнейший польский поэт, которому не суждено было увидеть ни Вавеля, ни колонны Сигизмунда, пишет в Саксонии драму о судьбе виленских студентов, в которую вставит – еще раз – сатирическую зарисовку варшавского претенциозного салона, а потом в Париже создаст эпическую поэму о польской шляхте в Литве (описанные в поэме события разворачиваются недалеко от белорусского Новогрудка) с ее сварами и раздорами. Париж на два десятилетия станет столицей польской литературы и политики, а молодые поляки будут совершать паломничества в Брюссель, чтобы

пожать руку нестору польской историографии и демократии – Иоахиму Лелевелю. В Польше же самыми изобилующими талантами окажутся в это время земли, которые, если смотреть из Варшавы, представляются далекими провинциями, тогда как они сами вовсе таковыми себя не считают. Юзеф Игнацы Крашевский – на протяжении долгих лет самый популярный польский писатель, прежде чем в 1858 г. переберется в Варшаву, чтобы взять на себя редактирование газеты, живет и творит в Вильно, а потом на Волыни. Северын Гощиньский участвует в патриотическом подполье в Карпатах и в Восточной Галиции, а затем – под угрозой ареста – пробирается в Париж. Целая плеяда польских писателей и поэтов широко обращается к фольклору земель, которые россияне называют юго-западными или малороссийскими губерниями, поляки – восточными кресами, а украинцы считают своей национальной колыбелью. И эти писатели и поэты столкнулись бы с немалыми затруднениями, если бы им пришлось отвечать на вопрос, где находится их столица.

У понятия провинции имеется, однако, еще и другое значение. Провинция – это территория, где время течет медленно, где чтят старинные благочестивые обычаи, нет погони за новинками большого света. Так, например, историк литературы сообщает, что в середине века в Королевстве Польском появились женщины, которые в салонах смело высказываются по важным общественным вопросам, посылают статьи в журналы, а вдобавок коротко стригут волосы и курят сигары. И он добавляет: “В Варшаве это не было бы столь разительным и заметным, но в провинции любому бросалось в глаза, становилось предметом насмешек и даже возмущения”². Аналогичных высказываний можно встретить множество. Однако их контекст не всегда ясен. Для варшавянина провинция, скажем, – уже Люблин или Кельце, для жителей же этих городов – лишь меньшие города либо деревни и шляхетские усадьбы. В 1840-е годы, накануне революции 1848 г., в Пруссии со вступлением на престол нового короля смягчается цензура, что было распространено и на входившие в состав монархии польские земли. Познань поэтому обладала в эти годы наиболее свободной прессой, вызывавшей интерес читателей всех трех захваченных частей страны. Эта ситуация на короткое время превратила Познань в глазах польского общества в самый современный европейский город Польши. После же 1848 г. Познань опускается до уровня скучной и серой провинции. В этом отношении аналогична была и судьба Львова.

А Варшава? Варшава при Паскевиче сама ведь становится провинциальным городом огромной империи, городом, отторгну-

тым от европейского духовного движения, лишенным высших учебных заведений, с двумя довольно посредственными театрами, городом без политических споров и дискуссий. Где уж ей тягаться с Петербургом или Веной, не говоря о Париже! Более того. Из-за участия в подпольном патриотическом и демократическом движении Варшава чуть ли не ежегодно теряет способную и идейную молодежь, подвергнушуюся царским репрессиям или вынужденную скрываться и уезжать в эмиграцию. Ведь эта молодежь за свои, быть может, наивные мечты о свободе расплачивается еще большей неволей: арестом и следствием в варшавской цитадели, а позднее ссылкой в Сибирь, каторгой в нерчинских рудниках и долголетним поселением вдали от родины и близких или отдачей в царскую армию. Либо, если повезет, побегом от ареста за границу без всяких средств существования – эмиграцией, как правило, навсегда.

“Двумя жилами истекла самая здоровая кровь нации: эмиграцией и конспирацией”, – замечает в 1859 г. в конфиденциальном письме Нарциза Жмиховская. “Но конспирация, – продолжает она, – была выразителем всех благородных чувств, всей интеллигенции...”³. Несмотря на тщетность усилий, несмотря на неисчислимые жертвы и несмотря на в значительной части трагические личные судьбы участников освободительного движения, Варшава всякий раз заново начинает подпольную деятельность. И таким скорбным, неэффективным образом поддерживает свою роль столицы и создает свою легенду непокорного и непокоренного города. Эта романтическая легенда, запечатленная в сентиментальной поэзии и песнях, рождается и обогащается в самое трудное время и воздействует на всю страну, достигая апогея в 1861–1864 гг., в годы манифестаций, военного положения, Январского восстания 1863 г. и его кровавого подавления.

А еще прежде, в 1850 г., в Париже в “Песне от нашей земли” Циприан Норвид пишет:

*“Где виселица ныне громоздится,
Там нынче и стоит моя с т о л и ц а,
Мой центр, мой град”*⁴.

(Пер. В. Корнилова)

И это еще один смысл этого слова, которое потеряло смысл. Виселица, вместо того чтобы позорить жертву, становится символом святости дела, а варшавская цитадель – нравственным центром мира.

В конце 1862 г. впервые посещает нелегально Варшаву Теодор Томаш Еж, известный демократический деятель и беллет-

рист: “Я, наконец, в Варшаве, – сказал я себе, – в Варшаве, в столице Польши. Эти слова наполняли мою голову как бы шумом каким-то. С самого раннего детства <...> Варшава озаряла меня своим сиянием подобно звезде первой величины. <...> К ней всегда, вот уже более тридцати лет, устремлялся мой взор, прежде чем я достиг ее, наконец, Варшава!”⁵.

Вскоре после этого вспыхнет восстание в провинциях. Десятки партизанских отрядов будут вести жестокие схватки где-то в лесах, а в неприглядном варшавском особняке будут тайно собираться несколько мужчин и провозгласят себя “Жондом народо-вым” (Национальным правительством), а потом Ромуальд Траугутт втихомолку назовет себя диктатором. Очень странными и даже смешными, быть может, покажутся эти присвоенные себе должности и звания, если бы не то, что приказы этих эфемерных властей (правительства и диктатора) будут выполнять – насколько это возможно и вплоть до конца – послушные ему добровольцы – повстанцы.

Варшава поплатится за эту дерзость, и поплатится за нее вся страна. В 1867–1868 гг. Александр II окончательно упразднит все учреждения, которые еще сохраняли видимость автономии этого Королевства без короля. Лишь с упразднением титула и должности наместника придется еще повременить, пока не соизволит сойти в могилу Федор Берг. Покончено, следовательно, с фантазиями о столичности Варшавы – с этого времени ординарного губернского города с заурядным императорским университетом.

А ведь именно тогда, когда уже не останется никаких инструментов общественной деятельности, кроме нескольких еженедельников, именно тогда Варшава приобретает неоспоримый авторитет интеллектуальной столицы Польши. Не благодаря виселицам, а вопреки им. А также вопреки цензуре и русификаторской школе. Вопреки пограничным кордонам, отделяющим страну от Еропы.

Правда, в конце 1860-х годов в соперничество с Варшавой за роль общественного, политического и интеллектуального центра польских земель, пользуясь благословением габсбургского политического либерализма, вступит Краков. Краков – местопребывание Академии знаний и более того – город национальных реликвий, королевских гробниц, кургана Костюшко – словом “место памяти”, куда будут организовываться явные и тайные паломничества крестьян-мазуров со всего края, дабы они, наконец, почувствовали себя поляками.

Но еще пройдет некоторое время, пока Краков станет поистине европейским городом. Только на рубеже XIX–XX столетий

он вновь обретет свое великолепие, став очагом современной науки, искусства, театра, художественной фантазии и национального юмора. Варшава в значительно более трудных условиях, сохранит, однако, особенно после 1905 г., значение главного центра польской общественной и политической мысли, хотя в европейском масштабе этот центр останется, несомненно, периферийным.

Столичность и провинциальность – это, следовательно, понятия релятивные, смысл и взаимное соотношение которых зависят от воспринимающего субъекта. Причем эта зависимость определяется не только критериями пространства географического или политического, или произволом реципиента, но – воплощенной в культуре всей совокупностью факторов и явлений общественного развития, что подтверждается историческим опытом польского народа.

Перевод Л. Кашицкой

¹ *Magier A. Estetyka miasta stołecznego Warszawy / Wyd. H. Szwankowska. Wrocław, 1963. S. 141, 142.*

² *Chmielowski P. Autorki polskie wieku XIX. Warszawa. 1885. S. 257, 258.*

³ *Żmichowska N. Listy / Wyd. M. Romankówna. Wrocław, 1960. T. 2. S. 381.*

⁴ *Norwid C. Dzieła zebrane / Wyd. J.W. Gomułicki. Warszawa, 1966. T. 1. S. 261.*

⁵ *Jeż T.T. Od kolebki przez życie: wspomnienia / Wyd. A. Lewak. Kraków, 1936. T. 2. S. 400.*

О.С. Каштанова (Москва)

**Великий князь Константин Павлович
в Варшаве в 1815–1830 годах
(по воспоминаниям современников)**

Великий князь, цесаревич Константин Павлович (1779–1831), брат императоров Александра I и Николая I, сыграл заметную роль в истории России и Польши конца XVIII – первой трети XIX в. Его имя неразрывно связано с двумя важнейшими событиями той эпохи – выступлением декабристов на Сенатской площади 14(26) декабря 1825 г. и восстанием в Королевстве Польском 17(29) ноября 1830 г. В 1815 г., после присоединения Королевства к Российской империи, Константин был назначен главнокомандующим польской армией. Ему был также подчинен находившийся в Королевстве отряд русской гвардии. С этого времени вплоть до начала Ноябрьского восстания цесаревич почти постоянно находился в Варшаве. Не ограничиваясь прерогативами в военной сфере, Константин Павлович с согласия Александра I фактически контролировал политику польского правительства. Жизнь и деятельность великого князя в Варшаве были объектом пристального внимания современников как в Польше, так и в России.

Во время своего пребывания в Королевстве Польском цесаревич жил зимой во дворце Брюля в Варшаве, летом – в Бельведерском дворце, расположенном в предместье польской столицы. Апартаменты Константина Павловича, по словам современников, по своему скромному убранству напоминали, скорее, жилище буржуа, а уж никак не русского великого князя. У себя дома Константин носил старенький мундир или заштопанный сюртук. В официальной же обстановке появлялся в мундирах подшефных ему частей. Стол великого князя также отличался скромностью. Единственной роскошью, которую позволял себе Константин в быту, были кубинские сигары¹.

Константин Павлович вставал в 4 часа утра летом, в 6 часов утра – зимой. Утром его время было занято приемом посетителей и строевыми учениями на Саской площади. После обеда цесаревич спал, затем в обществе жены, сына Павла, его воспитателя,

французского эмигранта графа А. Мориолля, и дежурного адъютанта читал польские газеты, поскольку очень интересовался политическими событиями и их интерпретацией в прессе. После ужина Константин Павлович ехал в театр и смотрел постановки в исполнении польской и французской трупп².

Цесаревич отличался крепким телосложением и замечательной физической силой. Константин был выше среднего роста, довольно плотным, но при этом стройным. У него было круглое широкое лицо, курносый нос, светлые волосы, голубые глаза. В зрелые годы Константин, так же как и Александр, начал лысеть. На протяжении всей жизни великий князь сохранил прекрасный цвет лица и великолепные зубы. Внешне он очень походил на отца и старшего брата, однако никогда не был так красив, как последний³. Весьма интересен тот факт, что, характеризуя цесаревича, мемуаристы видели взаимосвязь между противоречиями в характере и душевных порывах Константина и его оригинальной внешностью.

Воспитатель сына великого князя – Павла*⁴ – граф А. Мориоль отмечал, что “противоположности, таившиеся в характере великого князя Константина” даже в обычном человеке “удивили бы окружающих”. Константин Павлович “соединял в себе множество различных натур”. Он был “бурный и в то же время кроткий, деспотичный и робкий, скупой и щедрый, склонный к гневу и терпеливый, суровый и слабый, жестокий и чувствительный, внушительно-страшный и обаятельно-любезный...”. И далее о внешности Константина: “Нос, который был сильно вздернут, отчего ноздри были совершенно открыты и в них можно было видеть до самой глубины, и огромные белые брови, которые можно сравнить со щетками, придавали его лицу дикое и даже свирепое выражение, когда он горячился. Между тем, в силу удивительных противоположностей, которые составляли его личность, то же самое лицо становилось мягким, любезным, ласковым, когда этот принц был спокоен и руководствовался своей обычной природной добротой”⁵.

Сын известного польского поэта и государственного деятеля К. Козьмяна А.Е. Козьмян, отмечая противоречия в характере великого князя, рисует его совсем в черном свете: “Этот странный человек был получеловеком, полузверем как в физическом, так и в нравственном отношении. Черты его лица напоминали более

* Павел Константинович Александров (1808–1860) – внебрачный сын Константина Павловича и французской подданной Жозефины Фридрихс – возведен в дворянство в 1812 г.

зверя, чем человека. Вместо носа он имел ноздри, вместо бровей щетину, а его голос напоминал более лай или рычание, чем звуки, свойственные человеку. Его душа была в одно и то же время душою тирана и раба, он любил и умел лишь повелевать или слепо подчиняться. Вспыльчивый, неукротимый, он был трусливейший из людей <...>. Одаренный необыкновенной памятью, живым остроумием и пронизательным умом, он не умел ценить и понимать человеческое достоинство ни в себе, ни в других. Каждое его проявление приводило великого князя в ярость и негодование”⁶.

Таким образом, и Мориолль, и Козьмян отметили в портрете великого князя одни и те же внешние и душевные черты, оба усмотрели некую связь между его обликом и полным противоречий характером. Однако если в первом случае преобладает положительная оценка, то во втором – недвусмысленно негативная как трусливой рабской природы, несовместимой с человеческим достоинством. Для польской мемуаристики вообще характерно подчеркивание двойственности природы великого князя Константина и сравнение его со зверем. Так, известный польский поэт, председатель Общества друзей наук, Ю.У. Немцевич в своем дневнике сравнивает цесаревича с тигром, руководитель студенческого кружка и участник восстания 1830–1831 гг. Я. Бартковский – с рысью⁷.

По мнению части современников, двойственность характера и поведения Константина Павловича зависели от внешней обстановки: на плацу во главе войск князь был одним человеком, в ситуации гражданской – совершенно иным. Ф.И. Тимирязев (сын адъютанта великого князя И.С. Тимирязева) со слов отца говорил о нем так: “...все тяжелые, подчас даже жестокие инстинкты Константина Павловича обнаруживались исключительно при виде военного фронта: тогда он мгновенно весь преображался; глаза загорались, дыхание спералось, и он просто дрожал от волнения. Требования его были настолько строги и педантичны, что почти ни одного обучения не обходилось без некоторых замешательств, и тогда уже горе провинившимся! И тот же человек возвращался домой и садился за стол самым радушным, внимательным и любезным хозяином, так что даже когда ему в разговоре случалось невольно прервать чью-нибудь речь, то он немедленно извинялся. Бывали случаи, что и в пылу негодования перед фронтом он приходил в себя, и с возвращающимся сознанием немедленно проявлялись присущие ему великодушные, почти рыцарские свойства”⁸. Любезность и обходительность цесаревича в кругу домашних и близких ему людей отмечали и польские мемуаристы, в частности двоюродный брат жены Константина

Павловича Иоанны Грудзинской генерал К. Колачковский⁹. По его словам, строгости великого князя к военным объяснялись отчасти несносной семейной обстановкой, когда цесаревич вынужден был подчиняться капризам своей давней фаворитки Жозефины Фридрихс. “Доведенный до бешенства, он срывал свою злость на польском войске”¹⁰. Впрочем, приведенное свидетельство Колачковского по отношению к Жозефине не стоит воспринимать с полным доверием из-за родства генерала с И. Грудзинской. Другие современники Константина отмечали, что г-жа Фридрихс обладала мягким, спокойным нравом и оказывала положительное влияние на цесаревича¹¹.

Противоречия в поведении великого князя объяснялись, по-видимому, различным представлением Константина о своих обязанностях в военной и гражданской, прежде всего домашней, обстановке. Перед войсками цесаревич считал нужным демонстрировать строгость, поскольку он “играл роль” главнокомандующего. В кругу семьи и домочадцев Константин Павлович испытывал совершенно другие чувства. Здесь он не был связан своим “официальным долгом” и стремился к интимности и взаимоприятному общению. Вообще, подобная двойственность самосознания и поведения не была исключением в императорском доме Романовых. Она ярко проявлялась и у брата Константина Николая, когда тот стал императором¹².

Некоторые окружающие усматривали связь между изменением в поведении цесаревича и одеждой, в которую тот был одет. Служивший в Варшаве офицер Н.В. Веригин писал о Константине в своих мемуарах, что когда тот принимал кого-нибудь “в шлафроке или сюртуке без эполет”, то это означало, “что цесаревич принимает у себя не подчиненного, а товарища”¹³. Если же великий князь выходил к посетителям в мундире, это служило доказательством тому, что Константин был ими недоволен¹⁴. Таким образом, для части современников Константин Павлович представлялся каким-то актером, для которого жизнь – сплошное театральное действо и чье поведение зависит от мизансцены, декораций или костюма.

По свидетельству офицеров, бывших подчиненных Константина Павловича, он отличался весьма строгими требованиями по службе и фанатичной любовью к парадам, строевым занятиям или упражнениям с оружием. Правда, некоторые из них отмечали, что Константин довел вверенные ему войска до совершенства. При упоминании о не всегда оправданных строгостях великого князя к подчиненным, мемуаристы пытались подчеркнуть также и положительные качества Константина. К.П. Колзаков со

слов своего отца – адмирала П.А. Колзакова, адъютанта цесаревича и одного из близких к нему людей – так говорил о состоянии русских войск в Польше того времени: “Русские благоденствовали и отдыхали в благодатной по климату стране, живя в довольстве и изобилии, при гуманном управлении покойного цесаревича Константина Павловича, начальника, хотя строгого и взыскательного, но исполненного чувствами сердечной теплоты и редких душевных свойств”¹⁵. По мнению некоторых подчиненных Константина Павловича, строгость его требований зависела от настроения великого князя. Так, служивший в 1820-е годы в лейб-гвардии Литовском полку Н.П. Макаров писал в своих мемуарах: «Распекал цесаревич большей частью лишь тогда, когда бывал не в духе. И в таком случае, если бы во фронте стояли ангелы, а командовали бы ими архангелы, и ученье представляло бы верх военного фрунтового совершенства, все равно: цесаревич в дурном расположении духа и, стало быть, ученье должно быть дурно, скверно; и ангелов и архангелов жестоко распекали бы и посадили бы под арест. И наоборот, когда великий князь в духе, весел, то все хорошо, за все “спасибо, ребята!” кто бы и как бы ни учился. При веселом настроении он всем был доволен, за все благодарил. Мало того: расцелует, бывало, начальника обозреваемой части; в виде особенной ласки, ущипнет его за щеку и под конец обхватит его руками и давай бороться. Но когда был не в духе, он не мог уже хладнокровно выказывать свое неудовольствие, а непременно принимался распекать, и распекал громко, с криком и с брызгами изо рта»¹⁶.

Об атмосфере в окружении Константина и о рассказах и светских сплетнях, ходивших о нем в варшавском обществе, могут создать представление два характерных анекдота, записанные П.А. Вяземским, служившим в молодости в канцелярии Н.Н. Новосильцева – императорского комиссара при правительстве Королевства Польского. В первом из них говорилось, что цесаревич был театралом, посещал польские и французские спектакли и “особенно благоволил” к замечательным варшавским актерам, в частности к французскому комику Мере. “Однажды бедный Мере, по недогадке, очутился между рядами солдат на Саксонской [Саской] площади, во время парада, в присутствии великого князя. На парадном плацу и во время развода его высочеству было не до шутки. Всеобъемлющим взглядом своим усмотрел он Мере, и как нарушителя военного благочиния, приказал свести его на гауптвахту. Разумеется, задержание продолжалось недолго: после развода великий князь велел выпустить его. На другой день Мере разыгрывал в каком-то водевиле роль солдата нацио-

нальной гвардии, которому капитан грозит арестом за упущение по службе. “Нет, это уже чересчур скучно (говорит Мере, разумеется от себя): вчера на гауптвахте, сегодня на гауптвахте; это ни на что не похоже!” Константин Павлович смеялся этой шутке, но встретясь с актером, сказал ему: “Ты, кажется, напрашиваешься на третий арест”¹⁷. В другом анекдоте история началась с распространившегося слуха о смерти Папы Римского. «Многие старались угадывать, кого на его место изберет новый конклав. “О чем тут и толковать, – перебил речь [...] [граф] [В.] Апраксин, – разумеется, назначен будет военный”. Это слово, сказанное в тогдашней Варшаве, строго подчиненной военной обстановке, было очень метко и всех рассмешило»¹⁸.

Приведенные отзывы о самом Константине и об атмосфере, служебной и частной, сложившейся вокруг него в Варшаве, создают образ польской столицы, скорее напоминающий военный лагерь, в котором муштра была распространена повсеместно и никто не мог избежать угрозы гауптвахты – ни военные, ни гражданские, ни даже иностранцы. Уже упомянутый офицер литовской гвардии Н.П. Макаров в своих мемуарах резко противопоставлял варшавские военные порядки времен Константина Павловича и петербургские порядки 1830-х годов. “Вспоминая варшавскую жизнь и службу двадцатых годов, – писал он, – теперь многое кажется мифологиею [...]. Несходство это иногда доходит до противоположности. Итак, многие вещи, которые в Петербурге и допускаются и даже поощряются, в Варшаве строго преследовались, и наоборот”¹⁹. Разрешенные в Петербурге и рассматривавшиеся как естественные условия быта офицеров совместные обеды и получение по подписке газет и журналов были строго запрещены в Варшаве. Напротив, недопустимые в Петербурге дуэли в Варшаве не только не запрещались, но и поощрялись. Разные “проступки и шалости” офицеров при Константине Павловиче также наказывались очень легко. По словам Макарова, великий князь считал, что пусть лучше офицер набедокурит, чем будет читать журналы и книги, поскольку это приведет его к вольнодумству. А когда офицеры собирались вместе обедать, он видел в этом чуть ли не заговор. Дуэли же одобрялись цесаревичем, так как он полагал, что “военная честь шуток не допускает: когда кто кого вызвал на поединок и вызов принят, то следует стреляться, а не мириться”²⁰.

Описание Макаровым варшавских военных порядков достоверно и, несомненно, отражает критическое отношение к ним мемуариста. Однако приведенные им оценки и сопоставления представляются не всегда правомерными. Прежде всего это каса-

ется не вполне корректного сравнения варшавских порядков 1820-х годов с петербургскими порядками 1830-х годов и более позднего времени. Ведь как отмечал еще специалист в области польской военной истории рассматриваемого периода В. Токаж, некоторые идеи великого князя были отражением взглядов, господствовавших тогда в высших военных кругах всех европейских государств. Так, нелюбовь армейского начальства к слишком “образованным” офицерам была всеобщей. Сардинский военный министр, например, вообще запретил офицерам читать что-либо, непредусмотренное регламентом²¹.

В отличие от свидетельств служивших в Варшаве русских офицеров, оценки политики Константина Павловича и его деятельности как главнокомандующего, данные современниками – поляками, независимо от их служебного и общественного положения, носят гораздо более негативный характер. Они отмечали, что с самого начала великий князь поступал вразрез с польскими военными традициями и восстановил против себя как армию, так и общество²². Особое недовольство вызывало его стремление ввести в польской армии русские военные порядки. Генерал К. Колачковский писал: “По мере того, как организация польского войска продвигалась вперед, великий князь Константин выказывал все большую строгость и врожденную дикость характера. Забывая о том, что перед ним находились ветераны итальянских и испанских легионов, которые по зову родины сами добровольно поспешили в ряды [армии], он начал обращаться с офицерами и солдатами как с невольниками и рекрутами. От людей, покрытых шрамами, ветеранов сотни сражений, он требовал той слепой точности и во внешнем виде и в движениях, которая только палками могла быть привита русскому солдату. Каждое упущение в этом отношении давало повод к неистовому проявлению его гнева. Не проходило парада или учения, на которых бы он своими презрительными словами не опозорил бы в строю какого-нибудь офицера, не оскорбил бы нашей нации. Он начал бить палками старых солдат, понижать в должности заслуженных унтер-офицеров, отправлять офицеров и даже штаб-офицеров за малейшее упущение на гауптвахту. Недовольство и отчаяние охватили всех. Офицеры, которые не могли больше сносить такого невиданного позора, стали подавать в отставку, некоторые из них даже, не видя ниоткуда помощи, искали избавления от своих страданий в самоубийстве”²³.

Однако в глазах современников польская армия была доведена до высшей степени совершенства и считалась красивейшей в Европе, хотя и достигнуто это было слишком дорогой ценой.

Руководитель Патриотического общества В. Лукасинский вспоминал: “Ничего прекраснейшего и аккуратнейшего нельзя себе представить! Красивая и хорошо сделанная одежда, хотя очень неудобная, опрятность и точность в мельчайших деталях были поразительные, все размеренно и симметрично выровнено без малейшего упущения, так, кто видел одного солдата, видел их всех. Большие и малые маневры происходили с такой аккуратностью, что, смотря издали, казалось, что это двигаются не живые люди, а марионетки, только вблизи можно было усмотреть по печальным и опущенным лицам, что эти массы без духа и чувства приводит в движение только палка”²⁴.

Постоянный страх навлечь на себя неудовольствие Константина оказывал деморализующее воздействие на солдат и офицеров. Генералы через приближенных цесаревича пытались узнать, в каком настроении тот находится. Бывший подхорунжий школы пехоты И. Коморовский рассказывал, какой пыткой было для ординарцев полков представляться Константину в Бельведере. Утром они выходили из казарм в нижнем белье и старых плащах. Мундиры, оружие, портупей, фуражки и обувь несли за ними солдаты. Кроме них в процессии также участвовали старшие сержанты, поручики и капитаны. Придя в Бельведер, ординарцы одевались в большом каминном зале в присутствии старшего сержанта. Их также осматривали все военные от поручика до генерала, а затем и адъютанты цесаревича. Если старые солдаты терпеливо выносили все это, то молодые, особенно рекруты, мучительно переживали данный процесс²⁵. Тот же Коморовский писал, что, если великому князю не нравился парад, он, ничего не объясняя, садился в экипаж и уезжал. Вместо него командование маневрами осуществлял начальник штаба цесаревича генерал Д.Д. Курута. Последний не имел права завершить парад, пока не приезжал адъютант Константина с соответствующим приказом. Несколько раз войску приходилось маршировать до 10 часов вечера. Так, однажды 1-я пехотная дивизия до наступления ночи вынуждена была стоять под проливным дождем и градом²⁶. Вообще, как отмечал Коморовский, все парады, проходившие на Саской площади, были так похожи один на другой, что тот, кто ежедневно присутствовал на них, мог с точностью сказать, что за чем должно последовать²⁷.

Современники, особенно польские офицеры, критиковали великого князя за то, что при нем система военного образования не была поставлена на должный уровень. Как вспоминал Коморовский, в офицерской школе подхорунжих пехоты, почти все время воспитанников было занято изучением строевой службы. Занятий по стратегии и тактике не проводилось. Только с 1824 г.

стали преподавать русский, французский и немецкий языки. Те, кто хотели заниматься самообразованием, вынуждены были оставаться в казармах в воскресные и праздничные дни²⁸.

Слабость тактической подготовки и боевой выучки польской армии показали маневры под Брестом в сентябре 1823 г., когда войска были разделены на два противостоявших друг другу корпуса. “Хотя роль каждого корпуса была определена заранее и в инструкции была предусмотрена малейшая случайность, но начальники, привыкшие маневрировать на плацу, потеряли голову, очутившись среди леса, зарослей, болот и холмов. Колонны расстроились, линия поколебалась, артиллерия стала под горою, как было указано в инструкции, и стреляла снизу вверх. Кавалерия стояла в болоте, откуда не могла выбраться. Стрелки, не обращающие внимание на особенные свойства местности, растянулись по прямой линии, как на Саской площади. Одним словом, все, в особенности же сторонние наблюдатели, могли убедиться в том, что великий князь Константин был неважным командиром и генералом, а войско – игрушкой в его руке, предназначенной скорее для парада, нежели для войны”²⁹, – писал К. Колачковский.

Центральное место в оценке современников принадлежит также политической роли Константина Павловича и его месту в государственной и административной системе Королевства Польского в 1815–1830 гг. Правда, в этих вопросах их мнения существенно расходятся. Например, П.А. Колзаков считал, что Константин совершенно не вмешивался в дела административного управления³⁰, предоставляя их ведение наместнику – князю Ю. Зайончеку. Другие, более наблюдательные или более осведомленные мемуаристы, думали иначе. И.С. Ульянов – офицер, служивший под начальством Константина Павловича в Варшаве – писал в своих записках, что цесаревич в 1815 г. “принял в Польше верховное управление”³¹. Х.П. Харринг, голландец по происхождению, бывший в Варшаве в 1828–1830 гг., отмечал в своих воспоминаниях: “Законодательная власть и власть, разрушающая всю законодательную силу в либеральном смысле, осуществлялись настоящим диктатором Константином”³². Сенатор П.Г. Дивов и А. Мориолль связывали предоставление Александром I Константину полноты власти в Польше с отречением последнего от прав на российский престол в 1822 г., после того как в 1820 г. цесаревич женился на Иоанне Грудзинской.

П.Г. Дивов писал в своем дневнике 22 июня (4 июля) 1831 г., что “идея восстановить Польшу {...} была одобрена императором Александром, который надеялся этим удовлетворить честолюбие брата, отказавшегося от русского престола вследствие своего

брака с полькой <...>. Нам неизвестно, какие надежды лелеял великий князь Константин Павлович, отказываясь от русского престола и видя себя на возрождающемся престоле Польши в качестве наместника своего брата Александра, но, обсуждая все его поступки с того момента и вплоть до кончины, мы имеем полное право думать, что он замыслил занять независимое положение". Говоря о соответствующих действиях Константина, Дивов указывал: 1) на перевод русских солдат, находившихся в Варшаве, в другие войсковые части и замену их уроженцами западных губерний Российской империи, ранее входивших в состав Речи Посполитой; 2) на укрепление расположенных на коммуникациях между Россией и Королевством Польским крепостей Модлина и Замостья; 3) на образование в 1822 г. дипломатической канцелярии Константина; 4) на распространение в том же году военной и гражданской власти цесаревича на Гродненскую, Виленскую, Минскую, Волынскую, Подольскую губернии и Белостокскую область³³. Безусловно, все приведенные выше факты способствовали усилению самостоятельности цесаревича, однако это совершалось с согласия и по инициативе Александра, стремившегося получить у Константина отречение от прав на престол взамен на расширение его власти в Польше и западных губерниях.

Близкая к "дивовской" трактовка в объяснении поведения Константина и Александра содержится в записках А. Мориолля. Мемуарист писал: "Он был там (в Польше. — *О.К.*) <...> в качестве верховного главнокомандующего польской армией и, казалось, вмешивался только в военную сферу. Но, хотя во всех случаях он очень старался выставить на первый план, что гражданские дела ему совершенно чужды, однако ничего не делалось без его приказов и фактически именно он управлял Польшей. Сначала это было попустительство императора, который, желая отстранить его от трона, льстил себя надеждой побудить его к добровольному отречению. Его удалили из Петербурга, предоставив ему управление новым королевством и удовлетворив его жажду власти, к тому же император оказал доверие самому верному и преданному из своих подданных. Предполагая, что его вспыльчивый характер повлечет за собой совершение некоторых ошибок, их рассматривали как не имеющие особых последствий, поскольку тогда новое королевство совсем не казалось важным в обширном русском государстве и на него взирали как на игрушку для великого князя, который будет занят ею и тем удовлетворен"³⁴. Нельзя полностью согласиться с замечанием Мориолля, что, передавая великому князю власть над Польшей, Александр I не считал ее особенно важной частью Российской империи.

Возможно, в начале 1820-х годов император охладел к Королевству ввиду разочарования в либеральных институтах как в таких. Тем не менее он вряд ли недооценивал значение Польши в стратегическом плане.

Отмечая ведущую роль Константина в управлении Королевством Польским, Ульянов, Мориолль, Дивов и Харринг оценивали его деятельность по-разному. По мнению Ульянова, за время управления Константином Павловичем Польшей был наведен порядок в гражданской и военной сферах, возросло благосостояние страны³⁵. Мемуарист не находил, что, симпатизируя полякам, Константин Павлович отстаивал их интересы в ущерб русским. Он писал: “Великий князь, породнившись с Польшею посредством своего брака и любя искренно поляков, не переставал быть русским (в чем, кажется, многие сомневались, толкуя прервратно привязанность великого князя к народу, усыновленному его добрым сердцем). В силу этого чувства не мог он ограничивать своих желаний одним водворением в Польше порядка и общего довольства: у него заметна была другая высшая цель. Все показывало, что эта цель, назовем ее, пожалуй, мечтою (достойною, впрочем, самых благородных стремлений), состояла в надежде, а может быть и в уверенности, что имя его будет навсегда нераздельно с памятью примирения вековых раздоров между Русью и Польшею”³⁶. Эта высшая цель, которую якобы поставил перед собой Константин Павлович, казалась Ульянову нереальной.

Граф Мориолль, так же как и Ульянов, полагал, что, управляя Польшей, Константин оправдал надежды Александра, поскольку за время пребывания там великого князя страна, прежде бывшая нищей, расцвела. По мнению Мориолля, действия Константина Павловича, не соответствовавшие букве конституции, были частыми, но всегда направлялись против виновных, которых за недостатком улик нельзя было в законном порядке привлечь к суду³⁷. Мориолль, как и Ульянов, был не единственным, кто обращал внимание на рост экономического благосостояния Польши в период с 1815 по 1830 г.³⁸ Однако вряд ли можно согласиться с утверждением Мориолля о том, что Константин всегда карал только виновных.

Сенатор Дивов, в отличие от Ульянова и Мориолля, считал, что политика цесаревича в Королевстве Польском нанесла большой вред России, поскольку была направлена на достижение Польшей независимости³⁹. П.Г. Дивов, как и многие его соотечественники, выступал против восстановления Польши, которая, по его мнению, была опасным соседом. Поэтому защита цесареви-

чем автономии Королевства Польского представлялась сенатору едва ли не как измена интересам России. Харринг, как и Дивов, отрицательно оценивал польскую политику Константина Павловича, считая последнего величайшим деспотом⁴⁰. Мемуариста поразили строгие варшавские военные порядки и несоблюдение властями польской конституции, ответственность за которое он полностью возлагал на Константина Павловича.

В чем же видели современники великого князя причины польского восстания 1830 г. и в какой мере связывали с Константином свершившиеся события? А. Мориолль называл три основные причины восстания. Первая и главная причина заключалась, по его мнению, в том, что поляки быстро убедились, что конституция существует только на бумаге и это возродило их старую ненависть к русским. Вторая причина вытекала из первой и состояла в недовольстве польского общества наступлением на свободу личности. Третья причина, так же как и вторая, была обусловлена несоблюдением конституции российскими императорами и заключалась в нерегулярном созыве сеймов⁴¹.

И.С. Ульянов же главной причиной восстания считал недовольство поляков введением строгой дисциплины в польской армии. Сам Ульянов находил меры, предпринятые Константином в отношении польских войск, оправданными. Недовольство поляков мемуарист объяснял тем, что они “слишком долго находились в безначальном или многоначальном состоянии”. Другой причиной восстания Ульянов, как и Мориолль, называл неуверенность поляков в возможности нормального существования конституционного Королевства⁴².

Недоброжелатели Константина Павловича – сенатор П.Г. Дивов и Х.П. Харринг видели причину польского восстания в ненависти, которую испытывали поляки по отношению к великому князю. Дивов ничего не говорил о том, чем питалась эта ненависть, Харринг же объяснял ее деспотизмом Константина. Полностью солидарен с Харрингом был в своих воспоминаниях и Д.В. Давыдов⁴³.

Польское восстание породило в русском обществе много толков и суждений, рисующих Константина во мнении русских не самым лучшим образом. Так, накануне восстания среди русских офицеров, служивших в Варшаве, прошел слух, что великий князь узнал о предстоящем польском восстании от императора Николая I⁴⁴. В действительности, конечно, ничего подобного не было. Николай Павлович, находившийся в Петербурге, не мог быть очень хорошо осведомлен о польских делах. Именно полиция цесаревича вышла на след заговора.

По мнению одного из русских офицеров, служивших в Варшаве, – А.Л. Зеланда, Константин Павлович не подозревал, что восстание может принять грозные размеры, поскольку находил, что высшие офицеры армии не принадлежат к заговорщикам⁴⁵. Это убеждение великого князя соответствовало действительности. Как известно, в заговор были замешаны слушатели школы подхорунжих пехоты и младшие офицеры. Мнение о том, что Константин не придавал значения явным признакам надвигавшегося восстания и раскрытому заговору польской молодежи, разделяли многие современники великого князя⁴⁶. Пожалуй, только два офицера-мемуариста, служившие тогда в Польше, И.С. Ульянов и М. Максимович, считали, что Константин Павлович накануне восстания предпринял все необходимые меры предосторожности⁴⁷.

Наиболее резкой критике современниками цесаревич подвергся за его поведение в первые часы польского восстания. Все русские генералы, бывшие рядом с Константином, находили, что тогда возмущение еще можно было подавить. Того же мнения придерживался и Мориолль⁴⁸. Только И.С. Ульянов и М. Максимович оправдывали поведение Константина. Ульянов находился в числе русских офицеров, которые в самом начале восстания были захвачены в плен⁴⁹. Поэтому автор записок не мог верно оценить обстановку и полагал, что возмущение сразу же приобрело огромный размах. Максимович же служил адъютантом в Сводном учебном батальоне, расположенном в Блони – в 20 верстах от города – и не был в Варшаве в момент восстания. Когда же батальон прибыл на Мокотово поле к цесаревичу, уже много польских частей перешло на сторону восставших⁵⁰.

Ульянов и Максимович находили, что поскольку все войско было охвачено заговором, польские и русские силы были неравными. Противодействие Константина мятежникам привело бы, по мнению мемуаристов, к уничтожению русского гвардейского отряда⁵¹. Ульянов справедливо полагал, что Константин еще задолго до начала восстания принял решение не привлекать русские войска к подавлению беспорядков, которые могли случиться в Польше. Ульянов находил его правильным, поскольку оно соответствовало сложившейся обстановке, но отнюдь не потому что оно якобы было вызвано неким миролюбием Константина Павловича⁵².

В польской мемуаристике, так же как и в российской, отмечалось, что великий князь Константин обладал полнотой власти в Королевстве Польском. Некоторые современники, например участник польского восстания А. Млоцкий, считали, что Кон-

стантин Павлович как брат Александра изначально рассматривался выше всякого закона⁵³. Другие полагали, что цесаревич получил неограниченные полномочия от Александра I из-за недовольства последнего деятельностью польского сейма в 1820 г. В. Лукасиньский писал: “Обескуражив императора с помощью неумелых, но любящих власть министров и может быть слишком старательного и раздраженного сейма, в. кн. К[онстантин] сделался самовластным монархом, сенатор Новосильцев – его первым министром, настоящие министры – его покорными секретарями, несчастный и достойный жалости старец Зайончек, ослабленный физически и умственно, принял роль машины для подписывания, что только ему не представляли”⁵⁴. По мнению К. Козьмяна, неограниченная власть в Королевстве была предоставлена императором Александром Константину Павловичу, так как тот ставил это условием своего пребывания в Польше. Поскольку Александру I в данный момент было необходимо удалить Константина от двора, он вынужден был согласиться⁵⁵. Ю.У. Немцевич полагал, что император, стесняясь конституционными свободами в Польше, дал великому князю “*carte blanche*”, вняв советам сенатора Н.Н. Новосильцева⁵⁶.

И Лукасиньский, и Козьмян считали, что в итоге власть в Польше предоставлялась цесаревичу как компенсация за его отказ от прав на российский престол. Лукасиньский мотивировал это тем, будто Александр I боялся, что, став императором, Константин Павлович своими самовластными действиями приведет Россию к новому дворцовому перевороту. “В силу договора в. кн. Николаю гарантировали императорскую корону, а в. кн. К[онстантину] отдали несчастную Польшу, чтобы он мог там беспрепятственно предаваться своей тирании и капризам, в надежде, что слабые поляки не решатся оказывать ему никакого сопротивления в противоположность того, что с русскими у него бы не прошло так безнаказанно”, – писал мемуарист⁵⁷. Более объективный и лучше знакомый с цесаревичем Козьмян трактовал действия императора иначе. Он полагал, что намерением Александра было приучить великого князя к либеральным учреждениям и смягчить его характер. По мнению Козьмяна, эта цель частично была достигнута, что доказывает деятельность цесаревича в качестве депутата от предместья Варшавы Праги на сейме 1818 г.⁵⁸

Многие польские современники Константина оценивали его политику в Королевстве резко отрицательно, некоторые даже видели в ней причину польского восстания 1830 г. В. Лукасиньский считал, что великий князь проводил в Польше политику ти-

ранов “Разделяй и властвуй”, что выражалось в сеянии ненависти между поляками и русскими, которых настраивали друг против друга. При Константине в Королевстве процветали шпионство и доносительство. Мемуарист отмечал, что цесаревич не уважал заслуженных лиц и мог позволить себе грубость по отношению к ним⁵⁹. Великий князь “без всякого удержу угнетал страну своими дикими склонностями, и своими капризами и тиранией доведя поляков до отчаяния, вынудил их к восстанию”, – писал Лукасиньский⁶⁰. Лукасиньскому вторил А. Млоцкий. По его мнению, Константин осуществлял свою власть в стране при помощи системы террора и деморализации. Она заключалась, с одной стороны, в самовластном поведении, подавлении любых проявлений свободомыслия и нарушении прав польских граждан, с другой – в оправдании поступков своих подчиненных при условии их полного послушания. В управленческих сферах, согласно Млоцкому, также наступила деморализация. Министры следовали примеру Константина и действовали самоуправно, так как при условии неукоснительного исполнения воли цесаревича им гарантировалась полная безнаказанность⁶¹. В отличие от Лукасиньского, мемуарист видел непосредственную причину восстания не в тирании Константина, а в пробуждении национального чувства в ходе процесса над членами Патриотического общества⁶².

Как правило, польские современники великого князя не считали, что во время пребывания в Королевстве его поведение подверглось какой-либо эволюции. Некоторые поступки Константина Павловича, не согласующиеся с общей негативной оценкой его деятельности, либо вообще отрицались, либо объяснялись какими-то корыстными соображениями. Так, в польской мемуаристике отмечалось, что цесаревич хотел, чтобы членов Патриотического общества судили военным судом, а не сеймовым, как это предписывала конституция. Созыв сеймового суда якобы являлся заслугой Николая I, который стремился следовать конституционным нормам⁶³, или просто желал противодействовать Константину, поскольку испытывал к нему неприязнь⁶⁴. Однако в действительности именно цесаревич убедил брата в необходимости созыва сеймового суда⁶⁵. По словам Ю.У. Немцевича, Константин Павлович выступал в 1830 г. за созыв сейма. В своем дневнике автор выдвигал различные мотивы поведения цесаревича: стремление делать наперекор императору Николаю, озлобленность Константина против министра финансов Ф.К. Любецкого и желание расправиться с ним на сейме⁶⁶.

В отличие от других современников К. Козьян и адъютант цесаревича, сын президента Сената В. Замойский полагали, что в

политике Константина Павловича по отношению к Королевству можно различить два этапа. По мнению мемуаристов, цесаревич со временем привык к конституционным учреждениям и у него смягчился характер. После отречения от прав на престол Константин связывал свою судьбу с Польшей, что отчетливо проявилось в царствование Николая I. Проникнутый польскими настроениями, цесаревич намекал брату о желательности присоединения к Королевству бывших территорий Речи Посполитой – Литвы и Волыни⁶⁷. “Если бы мы (поляки. – *О.К.*) сумели выработать систему приспособления к в. кн. Константину, либо, по крайней мере, были бы послушны, может быть Польша дождалась бы неожиданных изменений...” – писал Козьмян⁶⁸. Как считал консервативно настроенный мемуарист, за время существования конституционного Королевства не было особенных притеснений. Причины восстания Козьмян видел в пагубном влиянии романтизма на польскую молодежь. По его мнению, желание независимости жило в народе, но оно сдерживалось материальным благосостоянием и пониманием несбыточности своих надежд⁶⁹. Замойский же полагал, что восстание стало возможным вследствие утраты поляками надежды на присоединение к Королевству его бывших восточных провинций.

Что касается восстания 1830–1831 гг., то польские мемуаристы, как и большинство российских, считали, что его можно было подавить в самом начале. В отличие от молодежи, люди, обладавшие определенным жизненным опытом, понимали, что восстание обречено на провал, и рассматривали его как величайшее бедствие. Они критиковали Константина Павловича за его позицию невмешательства. Мемуаристы разной политической ориентации в основном объясняли ее трусостью великого князя⁷⁰, хотя порой авторы сами себе противоречили. Например, Немцевич, неоднократно обвинявший в этом Константина, в дневнике за 23 октября 1830 г. приводит его слова о том, что в случае восстания он выведет войсковые части за город, поскольку не доверяет ни полякам, ни русским⁷¹. Лукасинский также отмечал, что русским полкам был отдан приказ не вмешиваться из опасения, как бы они сами не пополнили ряды восставших. Многие из этих частей были составлены из уроженцев бывших польских земель и долгое время стояли в Варшаве⁷². Интересный отзыв о позиции великого князя в начале восстания содержится в записках А. Млоцкого. Он приводит слова будущего диктатора Ю. Хлопицкого о том, что допущенное Константином промедление можно объяснить либо глупостью, либо политическим расчетом, чтобы скомпрометировать как можно больше людей⁷³.

Почти все характеристики, данные современниками в. кн. Константину Павловичу, все оценки его деятельности, относящиеся к “польскому периоду” его жизни, приходится на время Ноябрьского восстания 1830 г. в Королевстве Польском и на ближайшие годы после восстания, когда оно еще оставалось предметом актуальных политических дискуссий и полемики как в польском и русском обществе, так и в Европе. Разумеется, что восстание, будучи трагическим финалом истории конституционного Королевства Польского, жизни самого Константина и целого периода в истории России и Польши, решающим образом повлияло на эти оценки и по существу, ибо, говоря о великом князе, современники имели в виду причины восстания и характер революционных событий 1830–1831 гг. Это касается не только мемуаристов, но также и авторов дневников, записи в которых, относящиеся к Константину, также приходится на время восстания. Очевидно, что яркий отпечаток на характеристику цесаревича современниками наложило их собственное отношение к событиям в Польше, их принадлежность к русской или польской сторонам, к революционному или консервативному лагерям. Не останавливаясь на этом вопросе специально, поскольку он требует детального анализа биографий и политических позиций авторов суждений, приведенных в статье, мы попытаемся обобщить высказанные мнения по существу, независимо от представленной в них политической тенденции.

Итак, главный вопрос, поставленный современниками в связи с фигурой Константина, состоял в осмыслении причин и характера восстания. Среди дававшихся ответов указывалось на “тиранию Константина”, на политику России, в частности, инспирированную цесаревичем, направленную на “нарушения” и ликвидацию польской конституции. Исходным пунктом и фундаментом этих концепций являлись просветительские теории, еще сохранявшие свое значение в первой трети XIX в. на востоке Европы. Еще один ответ на вопрос о причинах восстания сводился к концепции “военного заговора” и “военной революции”, уходящей корнями в эпоху наполеоновских войн и получившей широкое распространение в европейских освободительных движениях на рубеже 1820-х годов в связи с революцией в Испании и греческим восстанием. Для России и Польши эта концепция была наиболее тесно связана с движением декабристов и Ноябрьским восстанием 1830 г. Не случайно современники особо отмечали нерешительность действий Константина в Варшаве, якобы обусловив-

шую его поражение, имея в виду твердость, незамедлительность и успешность мер Николая I по подавлению восстания 14 декабря в Петербурге. Однако революции 1830 г. в Бельгии и во Франции показали, что восстание военных не составляют существа революционного переворота. В связи с этим современники отметили третью и главную причину польского восстания, по отношению к которой “тирания” Константина уже не была решающим условием. Причину польского освободительного движения современники видели “в пробуждении национального сознания”. Это мнение свидетельствовало об осознании ими, с одной стороны, польских корней освободительного движения и вместе с тем его общности с европейским революционным процессом – с другой.

Говоря о деятельности Константина Павловича, современники задавались вопросом о характере государственного строя Королевства Польского и о месте великого князя в его политической системе. Здесь оценки современников разделились. Общее признание его в большей или меньшей степени диктаторских замашек одними связывалось с общими принципами самодержавного строя и управления Российской империи. У других, напротив, оно сочеталось с мнением, что “самовластные” устремления Константина были направлены на сохранение и расширение автономии Королевства, его суверенных прерогатив и на восстановление его “в прежних границах”. Отмеченная двойственность наиболее ярко проявилась у К. Козьмяна и В. Замойского, выделявших в политике Константина Павловича два этапа. Рубежом между ними стали, по мнению мемуаристов, отказ цесаревича от претензий на русский престол и его “примирение” с конституционными учреждениями в Королевстве. Характерно, что указанное расхождение во взглядах современников на политику Константина почти в полной мере соответствовало основному противоречию статуса Королевства Польского в составе Российской империи.

В-третьих, характеризуя великого князя, современники отдали дань его роли как командующего польской армией, стилю и методам его руководства войсками. Здесь следует отметить общепризнанный наблюдателями факт, что хотя по своему кадровому составу армия Королевства и восходила к наполеоновским польским легионам, но по характеру и принципам военного строительства эта армия повторяла русскую армию. В связи с этим было отмечено сочетание палочной дисциплины и достижений в парадах на Саской площади с недостатками полевой выучки и боевой подготовки, указано на слабую подготовку офицеров и генералов к управлению частями и соединениями. Здесь сов-

ременники отметили существенную черту русской военной системы, характерную для нее стратегии и тактики. Противоречивые тенденции внутреннего развития этой системы обрамляли и оттеняли, с одной стороны, Отечественная война 1812 г., а с другой – Крымская война 1853–1856 гг. Отмеченные обстоятельства важны еще и потому, что армия Королевства Польского не вела боевых действий, за исключением ее противостояния с русской армией в ходе восстания 1830–1831 гг.

Вместе с тем, сосредоточившись на осмыслении причин, приведших к Ноябрьскому восстанию, современники, хотя и отметили целый ряд существенных фактов и подробностей, характеризующих личность и деятельность Константина Павловича и современную ему эпоху, однако, считая, вероятно, их недостаточно важными, не высказали о них собственных суждений. В целом же представленный в их свидетельствах облик великого князя отразил основные черты российско-польских противоречий рассматриваемого периода. На Константина Павловича многие современники возлагали ответственность за непопулярную политику Александра I и Николая I, которые, находясь вдали от Варшавы, сами оставались в тени.

¹ *Harring H.P.* Mémoires sur la Pologne sous la domination russe, rédigé après un séjour de deux années à Varsovie. Strasbourg, 1833. P. 19. (далее – *Harring H.P.* Mémoires); *Moriolles A.* Mémoires du comte de Moriolles sur l'émigration, la Pologne et la cour du grand-duc Constantin. P., 1902. P. 388 (далее – *Mémoires du comte de Moriolles*); *Веригин Н.В.* Записки Н.В. Веригина // Русская старина. 1892. Т. 76. С. 310; *Давыдов Д.В.* Сочинения. М., 1962. С. 462; *Pienkos A.T.* The imperfect autocrat Grand Duke Constantine Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. Boulder, 1987. P. 43; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 5. Оп. 1. Д. 229. Л. 7.

² *Карнович Е.П.* Цесаревич Константин Павлович. Биографический очерк // Карнович Е.П. Собр. соч.: В 4 т. М., 1995. Т. 3. С. 485; *Mémoires du comte de Moriolles*. P. 184.

³ *Mémoires du comte de Moriolles...* P. 389; Письма германской принцессы о русском дворе. 1795 год // Русский архив. 1869. № 7–8. Стб., 1091; *Свербеев Д.Н.* Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799–1826): В 2 т. М., 1899. Т. 2. С. 334; *Дараган П.М.* Воспоминания П.М. Дарагана, первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны // Русская старина. 1875. Т. 13. С. 11.

⁴ См.: Петербургский некрополь: В 4 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 34; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1055. Оп. 1. Д. 33. Л. 3; Русские портреты XVIII и XIX столетий: В 5 т. СПб., 1909. Т. 5. № 57; Цесаревич Константин Павлович. Переписка его с Ф.П. Опочининым. 1816–1826 гг. // Русская старина. 1873. Т. 7. С. 458.

- ⁵ *Mémoires du comte de Moriolles...* P. 384, 385, 389.
- ⁶ *Pamiętniki z dziewiętnastego wieku. Wspomnienia Andrzeja Edwarda Koźmiana*: 2 T. Poznań, 1867. T. 2. S. 12.
- ⁷ *Kołaczkowski K. Wspomnienia jenerała Klemensa Kołaczkowskiego*: 5 Ks. Kraków. 1899. Ks. 2. S. 148, 149; *Niemcewicz J.U. Pamiętniki z 1830 roku*. Wyd. M.A. Kurpiel. Kraków, 1909. S. 18; *Bartkowski J. Ze wspomnień J. Bartkowskiego* // *Zbiór pamiętników do historii powstania polskiego z roku 1830–1831*. Lwów, 1882. S. 21 (далее – *Zbiór pamiętników*).
- ⁸ *Страницы прошлого Ф.И. Тимирязева* // *Русский архив*. 1884. Кн. 1. С. 177.
- ⁹ *Kołaczkowski K. Wspomnienia...* Ks. 2. S. 149, 150, 174, 175; Ks. 3. Kraków, 1900. S. 66, 67.
- ¹⁰ *Ibid.* Ks. 2. S. 147–150, 176, 177.
- ¹¹ *Колзаков К.П. Воспоминания К.П. Колзакова о пребывании русских в Польше и о революции в Варшаве. 1815–1830* // *Русская старина*. 1873. Т. 7. С. 440.
- ¹² *Высочков Л.В. Император Николай I глазами современников* // *Исторический опыт русского народа и современность: Дом Романовых в истории России: Материалы к докладом 19–22 июня 1995 г.* СПб., 1995. С. 189.
- ¹³ *Веригин Н.В. Записки Н.В. Веригина* // *Русская старина*. 1893. Т. 77. С. 408.
- ¹⁴ Там же. С. 410, 417.
- ¹⁵ *Колзаков К.П. Воспоминания...* С. 423.
- ¹⁶ *Макаров Н.П. Цесаревич Константин Павлович и его время в Варшаве*. СПб., 1881. С. 25.
- ¹⁷ *Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века*. М., 1990. С. 108, 109.
- ¹⁸ Там же. С. 109.
- ¹⁹ *Макаров Н.П. Указ. соч.* С. 22.
- ²⁰ Там же. С. 3, 7, 22–24.
- ²¹ *Tokarz W. Armia Królestwa Polskiego (1815–1830)*. Piotrków, 1917. S. 83.
- ²² *Łukasiński W. Pamiętnik*. Warszawa, 1960. S. 61; *Koźmian K. Pamiętniki*: 3 T. Wrocław, 1972. T. 3. S. 255, 256.
- ²³ *Kołaczkowski K. Wspomnienia....* Ks. 2. S. 147–150, 176, 177.
- ²⁴ *Łukasiński W. Op. cit.* S. 80.
- ²⁵ *Komorowski I.A. Wspomnienia podhorążego z czasów W.Ks. Konstantego*. Warszawa, 1900. S. 23, 24.
- ²⁶ *Ibid.* S. 29, 30.
- ²⁷ *Ibid.* S. 21.
- ²⁸ *Ibid.* S. 75.
- ²⁹ *Kołaczkowski K. Wspomnienia....* Ks. 3. S. 45, 46.
- ³⁰ *Колзаков К.П. Указ. соч.* С. 424.
- ³¹ *Ульянов И.С. Заметки о польском восстании 1830 года* // *Русский архив*. 1867. № 5/6. Стб. 705.
- ³² *Harring H.P. Mémoires...* P. 159.

- ³³ Дивов П.Г. Из дневника П.Г. Дивова (1831 год) // Русская старина. 1899. № 12. С. 526; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133. Оп. 468. Д. 9320. Л. 28–33; ПСЗ (I). СПб., 1830. Т. 38. № 29.087, 29.088.
- ³⁴ Mémoires du comte de Moriolles... Р. 336, 337.
- ³⁵ Ульянов И.С. Указ. соч. Стб. 705.
- ³⁶ Там же. Стб. 705, 706.
- ³⁷ Mémoires du comte de Moriolles. Р. 330, 332–335, 348.
- ³⁸ Максимович М. Воспоминания о польском восстании 1830 года и о в бозе почившем великом князе, цесаревиче Константине Павловиче. СПб., 1875. С. 7; Колзаков К.П. Воспоминания... С. 427; Брадке Е.Ф. Автобиографические записки Е.Ф. фон Брадке // Русский архив. 1875. № 3. С. 263; Давыдов Д.В. Сочинения. С. 461.
- ³⁹ Дивов П.Г. Из дневника (1831 год). С. 525, 526.
- ⁴⁰ Harring Н.Р. Mémoires. Р. 75, 79, 80.
- ⁴¹ Mémoires du comte de Moriolles. Р. 338–340.
- ⁴² Ульянов И.С. Указ. соч. Стб. 705.
- ⁴³ Дивов П.Г. Из дневника П.Г. Дивова (1830 год) // Русская старина. 1899. № 9. С. 673; Harring Н.Р. Mémoires... Р. 180; Давыдов Д.В. Сочинения. С. 461, 462.
- ⁴⁴ Зеланд А.Л. Воспоминания А.Л. Зеланда о польском восстании и войне 1830–1831 гг. // Русская старина. 1892. Т. 75. С. 506; Колзаков К.П. Воспоминания... С. 592.
- ⁴⁵ Зеланд А.Л. Воспоминания... С. 506.
- ⁴⁶ См., например: Колзаков К.П. Воспоминания... С. 592; Петров А.П. Восстание 17(29) ноября 1830 года в Варшаве. СПб., 1880. С. 100; Mémoires du comte de Moriolles... Р. 351.
- ⁴⁷ Ульянов И.С. Указ. соч. Стб. 708; Максимович М. Указ. соч. С. 10.
- ⁴⁸ Смит Ф.И. История польского восстания и войны 1830 и 1831 годов: В 3 т. / Пер. с нем. гв. штабс-капитаном Квитницким. СПб., 1863. Т. 1. С. 149; Mémoires du comte de Moriolles... Р. 359.
- ⁴⁹ Ульянов И.С. Указ. соч. Стб. 695.
- ⁵⁰ Максимович М. Указ. соч. С. 3, 13, 14, 21, 22.
- ⁵¹ Ульянов И.С. Указ. соч. Стб. 699, 706, 711, 712; Максимович М. Воспоминания. С. 3–7, 11–12.
- ⁵² Ульянов И.С. Указ. соч. Стб. 709, 710.
- ⁵³ Młocki A. Pamiętnik Alfreda Młockiego // Zbiór pamiętników. S. 223.
- ⁵⁴ Łukasinski W. Op. cit. S. 66, 67.
- ⁵⁵ Koźmian K. Pamiętniki. Т. 2. S. 147, 148.
- ⁵⁶ Niemcewicz J.U. Pamiętniki czasów moich: 2 Т. Warszawa, 1957. Т. 2. S. 297.
- ⁵⁷ Łukasinski W. Op. cit. S. 132, 133.
- ⁵⁸ Koźmian K. Pamiętniki. Т. 3. S. 69, 70.
- ⁵⁹ Łukasinski W. Op. cit. S. 67, 68, 71.
- ⁶⁰ Ibid. S. 133.
- ⁶¹ Młocki A. Op. cit. S. 223, 226–228.
- ⁶² Ibid. S. 250.

- ⁶³ *Kołaczkowski K.* Wspomnienia... Ks. 3. S. 100; *Niemcewicz J.U.* Pamiętniki czasów moich. T. 2. S. 299.
- ⁶⁴ *Młocki A.* Op. cit. S. 249.
- ⁶⁵ Переписка императора Николая I с великим князем Константином Павловичем // Сб. РИО. СПб., 1910. Т. 131. С. 97.
- ⁶⁶ *Niemcewicz J.U.* Pamiętniki z 1830 roku. S. 9.
- ⁶⁷ Jeneral Zamoyski 1803–1868. T. 1. Poznań, 1910. S. 405, 406; *Koźmian K.* Pamiętniki. T. 3. S. 69, 70, 92, 176, 210, 211.
- ⁶⁸ *Koźmian K.* Pamiętniki. T. 3. S. 70.
- ⁶⁹ Ibid. S. 370, 425, 427; Jeneral Zamoyski 1803–1868. T. 1. S. 403–408.
- ⁷⁰ *Niemcewicz J.U.* Pamiętniki z 1830 roku. S. 44–46; *Młocki A.* Pamiętnik. S. 266.
- ⁷¹ *Niemcewicz J.U.* Pamiętniki z 1830 roku. S. 40.
- ⁷² *Łukasiński W.* Op. cit. S. 95.
- ⁷³ *Młocki A.* Op. cit. S. 270, 271.

А.П. Марней, Н.В. Пиотух (Москва)

**Пространственная структура размещения
торгово-экономических центров:
столичные и провинциальные ярмарки
в России и Королевстве Польском
в первой трети XIX века***

Столичные и провинциальные города Российской империи и Королевства Польского в первой трети XIX в. невозможно представить без ярмарок, являвшихся неотъемлемой частью городской и сельской жизни. Развитие ярмарок оказывало существенное влияние на народное хозяйство, а их роли в экономике, политике, культуре уделено большое внимание в обобщающих исследованиях и в специальных работах в российской и польской историографии¹. Однако в опубликованных исследованиях не получили должного освещения вопросы, связанные с возможным влиянием ярмарок Королевства на создание и развитие ярмарочной торговли в Российской империи, а также не проводилось сопоставление особенностей их пространственного размещения.

Интенсивное развитие ярмарок в России отмечается на исходе XVIII в., когда благодаря серии законодательных актов Екатерины II правительство проводило поощрительную политику в отношении этой формы торговли в городах и местечках, в частности, отмена внутренних таможенных и мелочных сборов² привела к преодолению замкнутости местных рынков, к увеличению и бурному развитию сельских центров торговли³. Жалованная грамота городам позволяла мещанам “иметь или строить <...> гостиный двор”, а также “по домам лавки и анбары для продажи и поклажи товаров”. В городе назначались “еженедельные торговые дни и часы”, а также “место, куда, и время, когда привозить, продавать и покупать удобно, что кому потребно”. На этом месте городской магистрат должен был поднимать знамя, если запре-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 05-01-01119а.

щалось продавать, покупать или “закупать оптом припасы”. Когда знамя опускали, то это запрещение снималось. Кроме того, в городе также учреждались одна или более ярмарок, для чего назначалось определенное время, а также выделялось место, куда иногородние люди могли беспрепятственно привозить всякие товары и где можно было проводить торг⁴. Право заводить ярмарки подтверждалось также и в Жалованной грамоте дворянству. В статье 29 говорилось: “Благородным дозволяется в вотчинах их заводить местечки и в них торги и ярмонки”, в соответствии с существующими государственными законами, а также ставить в известность о своем намерении генерал-губернаторов и губернские правления, которые должны были наблюдать за тем, чтобы сроки проведения вновь создаваемых ярмарок не совпадали “со сроками в других окрестных местах”⁵. Все эти меры благоприятно сказывались на развитии ярмарочной торговли, которая в начале XIX в., в эпоху наполеоновских войн, способствовала преодолению вызванного войнами экономического упадка, должна была содействовать восстановлению и дальнейшему развитию не только столицы, но и провинции. В этот период правительства многих стран искали выход из хозяйственных и финансовых трудностей. Для аграрных стран, какими являлись Россия и Королевство Польское, только развитие торговли могло дать быстрое и осязаемое пополнение пустеющей казны⁶.

Существенные изменения торговли в Королевстве Польском произошли после Венского конгресса. Многие пограничные города, известные своими ярмарками, такие как Ярочин, Кобылин, Гостын, оказались за пределами Королевства. Поэтому, чтобы увеличить торговые обороты, правительство назначило проведение новых торгов в Ченстохове, Прашке, Верушове, Калише, Пыздрах, а также увеличило количество ярмарок в городах: Пишчацы, Остроленка, Добржиныцы, Белхатув⁷. Опубликованные по-русски коммерческие путеводители того времени по Королевству отмечали также, что большой торг лошадьми проходил 2 раза в год в Ловиче. Из Варшавы приезжало сюда “великое множество содержателей ресторанов, кофейных домов и пр.”, обслуживающих большое количество посетителей, стекавшихся на эту ярмарку из Польши и России⁸.

Варшава должна была также аккумулировать значительные денежные средства. Столица Королевства, по мнению приверженца либеральной политики министра внутренних дел и политики Т. Мостовского, призвана была стать центром торговли между Востоком и Западом⁹. Первым шагом к достижению этой цели стало провозглашение Варшавы местом складирования това-

ров¹⁰. Кроме этого, на основании постановления Административного совета Королевства Польского от 21 мая 1816 г. в Варшаве ежегодно должны были проводиться 4-недельные ярмарки. На первой такой ярмарке (15 июня – 15 июля 1816 г.) было собрано 145 тыс. злотых пошрины¹¹. Успех первой ярмарки привел к тому, что, согласно постановлению наместника от 12 февраля 1817 г., дважды в год, в мае, с первого понедельника после праздника Святого Якова, и в ноябре, с первого понедельника после Дня Всех Святых, должны были проводиться 3-недельные европейские ярмарки¹². Привозимые на варшавские ярмарки иностранные товары освобождались от досмотра, оплаты пошрин, внесения залога. Если же они продавались внутри страны, то с них не взимался и консомационный сбор*¹³. Товары же, которые продавались во время ярмарок за границу, освобождались от платежа и транзитных пошрин¹⁴. Для хранения поступающих на ярмарку товаров в Маривиле были устроены склады, на это русское правительство выделило 300 тыс. злотых¹⁵. “Маривиль, – отмечалось в путеводителе начала XIX в., – во вкусе Парижского Палейрояля, чрезвычайной огромности. Здание ⟨...⟩, назначенное для ярмарок, вмещает в себе биржу и таможенную, слишком 300 лавок, комнат и амбаров и удобных квартир для купечества”¹⁶. Для усовершенствования работы ярмарки учреждалась биржа, подбирались маклеры, организовывалось таможенное управление и специальный судебный отдел. За подготовкой и проведением ярмарок наблюдала Главная ярмарочная депутация¹⁷. Помимо упомянутых 3-недельных ярмарок, каждую пятницу в Варшаве проходил “большой торг лошадьми, рогатым скотом и пр.”, который как полагали составители путеводителя “Спутник в Царство Польское и в республику Краковскую”, можно было считать “за ярмарку, судя по множеству дел, делающихся в это время”¹⁸. В промежутке между весенней и осенней ярмарками в Варшаве, в конце июня, проходили Ивановские контракты, во время которых для заключения сделок правительством выделялись “обширные комнаты магистратского дома”¹⁹.

Положение ярмарок изменилось после принятия тарифа 1819 г.²⁰ Была введена общая таможенная граница России и Королевства Польского и открыты таможни в Юрбурге и Палангене – с Пруссией и в Радзивилове – с Австрией. Введение в Королевстве общеимперских тарифов и таможенных правил привело к со-

* Сборы, которые взимались при выпуске товаров, не являющихся государственной монополией, на внутренний рынок (наряду с пограничными пошринами).

кращению количества иностранных купцов, желающих принять участие в варшавских ярмарках²¹.

Не изменило положение поручение начальнику Главного управления российских таможен обращать особое внимание на “успехи варшавской ярмарки”, а также уступка в “установленных по тарифу пошлинах по 10 коп. с пошлинного рубля, если их платили в Главной российской таможне в Варшаве, и по 5 копеек, в случае оплаты пошлины во внутренних российских таможнях”²². В феврале 1821 г. уступка во взимаемых пошлинах увеличивалась до 20 коп. с рубля²³. 29 февраля 1820 г. на Административном совете Н.Н. Новосильцев предложил ограничить свободы иностранных участников варшавских ярмарок только территорией Варшавы, и не освобождать их от уплаты консомационных пошлин. Возражения Т. Мостовского, считавшего, что подобные меры приведут ярмарки к упадку, не были учтены²⁴. Против позиции министра внутренних дел выступали и варшавские купцы, которые в записке от 17 января 1821 г., поданной в Комиссию внутренних дел и полиции, отмечали, что главную роль во ввозной и вывозной торговле захватили иностранцы (немцы). Широкое распространение получили иностранные товары в ущерб отечественным, спрос на последние нисколько не повысился. Поэтому купцы вынуждены были выписывать иностранные товары большими партиями 2 раза в год во время ярмарок, поскольку “разница на пошлине превышала в два и даже три раза ту прибыль, которую купец мог получить” в том случае, если выписывал товар в другое время. Это неблагоприятно “отражалось на польской торговле, так как приходилось держать наготове большие суммы”, а, кроме того, “потребность в деньгах испытывали одновременно все купцы”²⁵. 30 августа 1822 г. Ф.К. Любецкий внес на заседание Административного совета предложение об изменении статуса варшавских ярмарок. Благодаря поддержке наместника проект был принят, и уже осенью 1822 г. со всех импортных товаров, прибывавших на ярмарку, взимался полный таможенный сбор²⁶.

Таким образом, первые пять лет истории варшавской ярмарки продемонстрировали, что правительство Королевства, стремясь к оживлению внутренней и внешней торговли и желая превратить Варшаву в значительный транзитный торговый центр, не только содействовало созданию инфраструктуры для развития ярмарочной торговли, но и старалось уменьшить для нее таможенные и административные препятствия. Такая политика отвечала в первую очередь интересам продавцов производимой в шляхетских экономиках аграрной продукции и зарубежного про-

мышленного производства, а также богатых иностранных купцов, занимающихся посреднической торговлей. Введение в 1819 г. российского таможенного тарифа и включение Королевства в таможенное пространство Российской империи не только формально ограничивало провозглашенную хозяйственную, финансовую и фискальную самостоятельность Королевства, устанавливая его более тесные связи с метрополией, но и способствовало переориентации торговой политики. Польское купечество положительно оценивало мероприятия правительства, направленные на поддержку собственного мануфактурного производства.

Однако изменения в таможенной системе и тарифах не повлекли за собой прекращения ярмарочной торговли в Варшаве. Столица Королевства Польского, на основании постановления Административного совета от 14 мая 1822 г., стала центром торговли шерстью. Необходимость создания ярмарки в Варшаве, специализирующейся на торговле шерстью, правительство объясняло выгодами, какие получают другие страны от заведения у себя “главных торгов шерстью”, а также учитывая “отдаленность здешнего края от мест, в которых производятся подобные торги”.

Ярмарка должна была проходить в течение десяти дней 1 раз в году, “начиная со дня Св. Иоанна Крестителя”. В Маривиле для привезенной шерсти было приготовлено безопасное складочное место и “устроены весы”. Для заграничной шерсти, привозимой в Варшаву на ярмарку, разрешался “свободный транзит обратно за границу”²⁷. На основании постановления наместника Королевства от 9 августа 1825 г. в Варшаве, Ленчице и Калише создавались склады для хранения шерсти. В том случае если фабрикант покупал на них шерсть, то ему давали пособие “из назначенного <...> постоянного (так называемого железного) фондуша”, который составлял 300 000 злотых²⁸. Административный совет 3 июня 1828 г. принял решение о предоставлении Польским банком ссуд производителям шерсти или “фабрикантам шерстяных изделий”, которые привезут свою продукцию на ярмарку и поместят ее “на складе в банковом магазине”. Размер ссуды зависел от количества предметов, которые помещались на склад. Кроме того, с ссуды уплачивалось по 1/2% в месяц, а также вносился незначительный платеж “на расходы по содержанию и застрахованию склада”. Получающий ссуду, обязан был принять предлагаемые ему условия²⁹.

Деятельность Польского банка имела огромное значение для развития торгова шерстью. На первой подобной ярмарке в июне 1828 г. было “продано 7 129-ть центнеров, остальную же не купленную фабрикантами шерсть, числом тысячу несколько сот

центнеров купил банк на счет правительства, для составления запаса на будущую необходимость туземных фабрик, а (...) фундуш принял ручательством в сей торговой операции”³⁰. В 1829 г. количество проданной шерсти возросло до 12,5 тыс. центнеров³¹. Наряду с этим Правительственная комиссия внутренних дел и полиции 18 июня 1828 г. назначила специальную ярмарочную депутацию, деятельность которой была направлена на организацию торговли вообще, а также для рассмотрения вопросов, относящихся “к выдаче ссуд фабрикантам на покупку шерсти”³².

Специализированные ярмарки создавались и в России. Появление ярмарок, торгующих шерстью, “на некоторых удобно расположенных пунктах”³³ наподобие тех, какие были созданы в Пруссии, Саксонии и других государствах, должно было создать необходимые условия “для сближения овцеводцев с фабрикантами”³⁴, облегчить деятельности суконных фабрик и способствовать их развитию³⁵. Такие ярмарки были заведены в 1825 г.: летние – в Полтаве, Ромнах, Харькове, Киеве, Воронеже, Нижнем Ломове³⁶; и зимние – в Орле, Кременчуге, Касимове³⁷. В следующем году подобные ярмарки были созданы в Риге, Ревеле и Либаве³⁸. Некоторые из ярмарок шерсти успешно развивались, другие же посещались мало, поскольку продаваемая там шерсть была недостаточно хорошо отсортирована³⁹. Наряду с центрами оптовой торговли существовали областные (региональные) и мелкие местные ярмарки, где сбывалась сезонная продукция. З. Бялый, характеризуя роль сельских торгов и ярмарок в Малой Польше, выделял следующие группы совершаемых на них сделок: “...обмен между производителями (сельскими и не сельскими); обмен между производителями и потребителями (городскими); обмен между производителями и представителями торгового капитала; обмен между отдельными представителями торгового капитала; обмен между представителями торгового капитала и потребителями (городскими)”⁴⁰. Предложенная характеристика вполне применима как для ярмарок Королевства Польского, так и для России в целом.

С середины 1820-х годов правом на создание ярмарок пытались воспользоваться ряд городов, расположенных, в основном, в губерниях, “присоединенных от Польши”. Эти территории не так давно вошли в состав Российской империи и скорее всего не потеряли еще прежних торговых связей. Кроме того, значительное число ярмарок и успехи торговли в Королевстве не могли не повлиять на желание жителей Балина, Славечны, Зятковцев, Каменец-Подольска и др. возродить былые торговые привилегии, дарованные еще польскими королями. В большинстве же случаев речь шла о вновь создаваемых ярмарках. Так, например, проект о

создании двух годовых ярмарок в Вильно был направлен в Департамент мануфактур и внутренней торговли еще в марте 1822 г. Однако, по мнению российских чиновников, создание новых ярмарок рядом с границей могло привести “к усилению сбыта и тем самым привоза товаров, и к поощрению иностранной мануфактурной и фабричной промышленности в стеснение собственной”. Поэтому предложение об учреждении ярмарок в Вильно не могло быть реализовано, так как противоречило мероприятиям правительства⁴¹. Ярмарка в Вильно была создана только в 1826 г., что встретило противодействие уже со стороны виленского купечества, опасавшегося конкуренции со стороны приезжих торговцев. Выразителем интересов виленского купечества выступил купец 3-й гильдии Волчанинов. При этом он не только предостерегал от разорительной конкуренции, но и указывал на возможный ущерб для российской промышленности, что могло послужить весомым аргументом в глазах начальства. Волчанинов считал, что необходимо было либо совсем отменить проведение ярмарки в Вильно во время контрактов, так как это могло способствовать разорению виленского купечества, либо назначить другой срок их проведения, не с 23 апреля в течение трех недель, а с 22 июля по 1 августа. Главные причины подобной просьбы состояли в следующем: во-первых, приезжающим на ярмарку купцам разрешалось продавать привезенные ими товары в розницу, что затрудняло “местному купечеству (<...>) сбывать имеющиеся у них товары”. Кроме того, “вывозимые приезжими купцами значительные суммы, вырученные за товары”, могли иметь вредное влияние на фабрики, которые могли быть созданы. Во-вторых, по мнению Волчанинова ярмарки нужны и полезны там, “где нет постоянного купечества и торга”, т.е. в основном во внутренних губерниях. В Вильно “находится множество лавок, а создание ярмарок в пограничных, или близ границ находящихся городов при всей бдительности пограничной стражи, может усилить только тайный ввоз из заграницы товаров, а ярмарка в Вильне учрежденная облегчит сбыт оных”. В-третьих, товары, привозимые на ярмарку “большею частью состоят из второго сорта и браку, а виленское купечество, опасаясь потерять репутации, не привозит товаров второго сорта”, способствуя тем самым сохранению “усовершенствованных фабрик и заводов”, несмотря на то “что публика преимущественно покупает привезенные товары у купцов и евреев, деланные для сих последних по заказу на фабриках, худых сортов, по причине низких цен”⁴².

Однако виленский губернатор А.М. Римский-Корсаков не посчитал мнение Волчанинова убедительным и на основании

26 статьи Городового положения⁴³, указа Правительствующего Сената от 18 июля 1814 г.⁴⁴, дополнительного постановления о торговле от 14 ноября 1824 г.⁴⁵ принял решение “оставить навсегда и без изменения учрежденную в Вильне ярмарку, начинающуюся во время контрактов с 23 апреля и продолжающуюся по 15 мая”⁴⁶.

Таким образом, в 20-е годы XIX в. в России и Королевстве Польском отмечается значительное число ежегодных ярмарок. Успехи торговли в Королевстве приводили к тому, что происходило возрождение ярмарок и на территории губерний, “присоединенных от Польши” (в частности, в Виленской, Волынской, Минской и Подольской), а также возникновение новых торгов. Кроме того, происходил переход некоторых ярмарок от товарных к специализированным. Процесс этот был общеевропейским. До конца XVIII в. товарообмен между западной и восточной частями Европы осуществлялся посредством ярмарок. В начале XIX в. ситуация изменилась. Рост товарооборота, отмена внутренних пошлинных сборов, развитие транспортных средств способствовали тому, что большая часть товарных ярмарок теряет свое прежнее значение – или закрывается, или превращается в места незначительного торгова. Важную роль в международной торговле сохранили ярмарки в Нижнем Новгороде и Лейпциге⁴⁷.

Для характеристики особенностей пространственного распределения ярмарок был использован картографический метод, реализованный в виде географической информационной системы (ГИС). В качестве программного обеспечения использовался пакет ArcGIS. ГИС-технология позволяет не только представить на карте исторические сведения во всей полноте, уточнить исследовательскую задачу, исходя из пространственного распределения данных исторических источников, показать на карте результаты исследования, но и провести статистический анализ с учетом пространственной составляющей.

На первом этапе нами были составлены карты распределения ярмарок по уездам и основным торговым центрам. В основу карт была положена электронная карта масштаба 1 : 1 000 000. В качестве картографических источников были использованы “Атлас Российской империи” 1807 г. и “Атлас Российской империи” 1830 г.⁴⁸ Эти мелкомасштабные атласы содержат сведения об административных границах, основных населенных пунктах, дорогах. Географические материалы о развитии торговли и ярмарок помещены в “Списке существующих в Российской империи ярмарок”, вышедшем в свет в 1834 г.⁴⁹ Важным источником стало “Землеописание Российской империи, Царства Польского и

Великого Княжества Финляндского, для употребления в губернских гимназиях”⁵⁰ Е.Ф. Зябловского. Ценность приведенных в нем географических сведений обусловлена, во-первых, временем составления “Землеописания...”, изданного в 1822 г. и отразившего географические и статистические данные уровня второй половины 1810-х годов. Это позволяет сопоставить их с данными уровня первой трети 1830-х годов, т.е. на рубежах основных этапов исследуемого периода. Кроме того, материалы “Землеописания...” по Королевству распределены по воеводствам и наиболее полно отражают существующую в Королевстве картину распределения ярмарок. К тому же они сопоставимы с данными “Списка ...” российских ярмарок. На основе указанных источников составлены базы данных о ярмарках, проводившихся в Российской империи⁵¹ и Королевстве Польском в первой трети XIX в., включившие сведения о местах и времени проведения ярмарок и их количестве. Составленные базы данных были присоединены к картам в целях их дальнейшего анализа⁵².

В Российской империи к исходу первой трети XIX в. насчитывалось 3613 ярмарок. В 45 губерниях проходило до 100 годовых ярмарок, в 7 губерниях (Волынской; Воронежской; Калужской; Лифляндской; Рязанской; Тверской; Черниговской) – от 100 до 200, в 5 губерниях (Екатеринославской; Киевской; Курской; Полтавской; Слободско-Украинской) – от 200 до 300 ярмарок. На карте видно, что губернии с наибольшим количеством ярмарок расположены, в основном, на юге страны.

Общее число ярмарок в Российской империи, включая и ярмарки Королевства Польского, было чуть более 4,5 тыс. Ярмарки в Королевстве составляли 20,3% от этого количества. Такого уровня развития ярмарочной торговли не достигали (даже в совокупности) наиболее передовые в этом отношении российские губернии*. Из 8 воеводств Королевства лидировали Калишское – 445, Мазовецкое – 225, Плоцкое – 127, Краковское – 78 ярмарок⁵³. 13 ярмарок из этого числа были известны ранее: 6 – еще в XII в. (Ленчица, Мехов, Розпржа, Севеж, Серадз, Вышогрод), 4 – еще в XIII в. (Калиш, Олесница, Опатов, Славков), 3 – еще в XIV в. (Пионтек, Турек, Униёв)⁵⁴.

Ярмарки, особенно небольшие сельские, призваны были смягчить напряженную экономическую ситуацию, вызванную

* Полтавская – 7,5%; Слободско-Украинская – 7,3; Курская – 5,4; Екатеринославская – 4,8, Киевская – 4,8; Черниговская – 3,8; Волынская – 3,6; Лифляндская – 2,8; Воронежская – 2,6; Калужская – 2,5; Рязанская – 2,3; Тверская – 2,3%.

последствиями наполеоновских войн, обеспечить не только собственные потребности сельской округи, но и городские торги, создавая условия для хозяйственного подъема⁵⁵. Отсутствие специализации в ярмарочной торговле способствовало тому, что ярмарки в начале XIX в. становились необходимым звеном, связывающим не только отдаленные районы друг с другом, но и дававшим возможность мелким производителям свободно заключать сделки, не обременяя себя кабальными договорами со скупщиками и торговцами⁵⁶. Необходимо также отметить, что значительная часть ярмарок Королевства Польского тяготела к давнему торговому партнеру Королевства – Пруссии. Это подтверждается и данными, приведенными в исследовании А. Езерского⁵⁷. В период с 1820 по 1830 г. обороты внешней торговли с Пруссией составляли 51%, Россией 31%, Австрией и вольным городом Краковым 18%⁵⁸.

Однако, в целом, работа по сбору сведений для создания географической информационной системы, особенно по Королевству, находится в самом начале. Сложность состоит в том, что необходимо собрать материал, позволяющий корректно проводить сопоставление данных и на этом основании с максимальной полнотой создавать объективную картину экономического развития России и Королевства Польского в первой трети XIX в.

¹ *Воблый К.Г.* Очерки по истории польской фабричной промышленности. Киев, 1909. Т. 1; *Волков М.Л.* Таможенная реформа 1753–1757 гг. // Исторические записки. 1962. Т. 71; *Он же.* Отмена внутренних таможен в России // История СССР. 1957. № 2; *Денисов В.И.* Ярмарки. СПб., 1911; *Дихтяр Г.А.* Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960; *Кафенгауз Б.Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. М., 1958; *Кулишер И.М.* Очерк истории русской торговли. Пг., 1923; *Лодыжинский К.* История русского таможенного тарифа. СПб., 1886; *Мионов Б.Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л., 1981; *Обушенкова Л.А.* Королевство Польское в 1815–1830 гг.: Экономическое и социальное развитие. М., 1979; *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850; *Biały Z.* Ekonomiczna i kulturowa rola targów i jarmarków w Małopolsce południowej w XIX i XX wieku // Etnografia Polska. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968. Т. 12; *Historia Polski.* Łódź, 1956. Т. 2. Cz. 2; *Jeziński A.* Handel zagraniczny Królestwa Polskiego, 1815–1914. Warszawa, 1967; *Jeziński A., Leszczyńska C.* Historia gospodarcza Polski. Warszawa, 1998; *Maleczyński K.* Najstarsze targi w Polsce i stosunek ich do miast przed kolonizacją na prawie niemieckiem / Studia nad historią prawa polskiego / Rod red. O. Balzera. Lwów, 1926. Т. 10. Zesz. 1; *Strzeszewski C.* Handel zagraniczny Królestwa Kongresowego (1815–1830). Lublin, 1937;

- Zembrzusi S. Polityka celna Królestwa Kongresowego. Warszawa, 1930; и др.*
- ² Полное собрание законов Российской империи. Собрание I: В 45 т. СПб., 1830. Т. 13. № 10164. С. 947–953 (далее – ПСЗ-1).
 - ³ *Волков М.Л.* Таможенная реформа 1753–1757 гг. ... С. 157; *Он же.* Отмена внутренних таможен в России... С. 95. См. также: *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины...; *Лодыжинский К.* История русского таможенного тарифа...; *Кафенгауз Б.Б.* Очерки внутреннего рынка...
 - ⁴ Жалованная грамота городам // Российское законодательство X–XX вв. М., 1987. Т. 5. С. 73, 74. См. также: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1313. Л. 127.
 - ⁵ Жалованная грамота дворянству // Российское законодательство X–XX вв. М., 1987. Т. 5. С. 31.
 - ⁶ *Сивков К.В.* Финансы России после войны с Наполеоном // Отечественная война и русское общество, 1812–1912. М., 1912. Т. 7. С. 129, 137; *Historia Polski. Łódź, 1956. Т. 2. Cz. 2. S. 6; Воблый К.Г.* Очерки по истории польской фабричной промышленности... С. 178–181; *Смит Ф.И.* История польского восстания и войны 1830 и 1831 гг. СПб., 1863. С. 63–64; *Обушенкова Л.А.* Королевство Польское в 1815–1931 гг. ... С. 62.
 - ⁷ *Obraz Królestwa Polskiego w okresie konstytucyjnym (далее – Obraz Królestwa Polskiego...).* Warszawa, 1984. Т. 1; *Raporty Rady Stanu Królestwa Polskiego z działalności rządu w latach 1816–1828. S. 61.*
 - ⁸ Спутник в Царство Польское и в республику Краковскую (далее – Спутник ...). СПб., 1822. С. 76.
 - ⁹ *Zembrzusi S. Polityka celna... S. 34.*
 - ¹⁰ *Obraz Królestwa Polskiego... S. 61.*
 - ¹¹ *Ibidem.*
 - ¹² *Ibidem; Sejm Królestwa Polskiego w działalności rządu i stanie kraju, 1816–1830. Warszawa, 1995. S. 35, 36, 51; Спутник... С. 59.*
 - ¹³ *Кулишер И.М.* Очерк истории русской торговли... С. 304, 305; *Обушенкова Л.А.* Королевство Польское в 1815–1830 гг. С. 200.
 - ¹⁴ *Воблый К.Г.* Очерки по истории польской фабричной промышленности... С. 201.
 - ¹⁵ *Obraz Królestwa Polskiego... S. 61.*
 - ¹⁶ *Спутник... С. 35.*
 - ¹⁷ *Obraz Królestwa Polskiego... S. 61.*
 - ¹⁸ *Спутник... С. 59.*
 - ¹⁹ Там же. С. 60.
 - ²⁰ *Zembrzusi S. Polityka celna... S. 32, 33.*
 - ²¹ *Obraz Królestwa Polskiego... S. 133, 134; см. также: Обушенкова Л.А.* Королевство Польское в 1815–1830 гг. С. 76.
 - ²² ПСЗ-1. Т. 36. № 28030. С. 486, № 27938. С. 352. См. также: *Obraz Królestwa Polskiego... S. 134.*
 - ²³ ПСЗ-1. Т. 37. № 28553. С. 620–621; См. также: Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы Российского Министерства ино-

- странных дел. М., 1980. Сер. 2. Т. 4(12). Примеч. 170. С. 671; *Archiwum Głównie Akt Dawnych. Kancelaria senatora Nowosilcowa*. 302. S. 334–341.
- ²⁴ *Обушенкова Л.А.* Указ. соч. С. 231, 232.
- ²⁵ *Воблый К.Г.* Очерки по истории польской фабричной промышленности... С. 202, 203.
- ²⁶ *Обушенкова Л.А.* Указ. соч. С. 98. См. также: *Obraz Królestwa Polskiego...* S. 221.
- ²⁷ Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство внутренних и духовных дел (далее – Сборник административных постановлений...). Варшава, 1866. Т. 2, ч. 2. С. 230–232.
- ²⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 621. Л. 11. См. также: *Obraz Królestwa Polskiego...* S. 306.
- ²⁹ Сборник административных постановлений ... Ч. 2. Т. 2. С. 234.
- ³⁰ РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 621. Л. 11 об. См. также: *Obraz Królestwa Polskiego...* S. 306; *Rutkowski J. Historia gospodarcza Polski (do 1864 r.)*. Warszawa, 1953. S. 393.
- ³¹ *Ibid.*
- ³² Сборник административных постановлений... Ч. 2. Т. 2. С. 236.
- ³³ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 1. Л. 246 об.
- ³⁴ Там же. Л. 246.
- ³⁵ Там же. Д. 186. Л. 56–56 об.
- ³⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. (далее – ПСЗ-2). Т. 2. № 813. С. 15, 16; № 1093. С. 430, 431.
- ³⁷ ПСЗ-1. Т. 40. № 30331. С. 211–213.
- ³⁸ ПСЗ-2. Т. 1. № 358. С. 486.
- ³⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 1. Л. 246–246 об.
- ⁴⁰ *Biały Z. Ekonomiczna i kulturowa rola targów i jarmarków w Małopolsce...* S. 34.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 201. Л. 1.
- ⁴² Там же. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1313. Л. 56–58 об.
- ⁴³ Жалованная грамота городам... С. 74. Ее нормы были подтверждены и дополнены в манифестах от 2 апреля 1801 г. (ПСЗ-1. Т. 26. № 19811. С. 602) и 1 января 1807 г. (ПСЗ-1. Т. 29. № 22418. С. 971–979).
- ⁴⁴ Так в документе. Речь идет об указе Сената от 17 августа 1814 г. “О пресечении злоупотреблений в производимой мещанами из евреев торговли, и о наблюдении, чтобы торговля была производима сообразно Городовому Положению и другим последующим узаконениям” (ПСЗ-1. Т. 32. № 25639. С. 874, 875).
- ⁴⁵ ПСЗ-1. Т. 39. № 30115. С. 588–612.
- ⁴⁶ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1313. Л. 55–61.
- ⁴⁷ *Павлов К.А.* Международные ярмарки и выставки. М., 1962. С. 9.
- ⁴⁸ Атлас Российской империи по новейшему разделению на губернии и области, сочиненный 1807 г. при Главном Училищ Правлении для употребления в Губернских Гимназиях; а 1818 г. вновь исправленный и пополненный картами Царства Польского и Великого Княжества Финляндского; Атлас Российской империи, содержащий в себе 51 губернию, 4 области, Царство Польское и Княжество Финляндское

с показанием больших и малых почтовых и проселочных дорог, с означением числа верст. Служащий для пользы юношества обучающегося Российской Географии и путешествующим в дорогах. Изданный с одобрения Военнотопографического Депо 1830 г.: дополнен 1835 года.

⁴⁹ Список существующих в Российской империи ярмарок. СПб., 1834.

⁵⁰ *Зябловский Е.Ф.* Землеописание Российской империи, Царства Польского и Великого Княжества Финляндского, для употребления в губернских гимназиях. СПб., 1822.

⁵¹ Систематический сбор сведений о российских ярмарках начался с 1817 г., когда Министерство внутренних дел приказало губернаторам ежегодно доставлять данные о крупных ярмарках с оборотом свыше 2 млн руб. В 1831 г., для создания специального словаря, губернаторы должны были представить сведения о прошедших в этом году ярмарках. Словарь вышел только в 1834 г. в количестве 600 экземпляров. По мнению Б.Н. Миронова, “спешка с изданием и предписание губернаторам не представлять данные о мелких ярмарках привели к тому, что в словарь не попали сведения более чем о тысяче ярмарок”. Несмотря на это, “Список существующих в Российской империи ярмарок” достаточно полно отражает состояние ярмарочной торговли на 1832 г. (*Миронов Б.Н.* Внутренний рынок России ... С. 32–34).

⁵² Работа по составлению электронной исторической карты была выполнена Н.В. Пиотух. Методика работы с ГИС для исторического исследования изложена в работах: *Пиотух Н.В.* Хозяйственная деятельность крестьянства XVII–XVIII вв. с точки зрения пространственного статистического анализа // Источник, метод, компьютер. Барнаул, 1996; *Idem.* The Application of GIS Techniques to Russian Historical Research: the Novorogev District Used as a Case Study // History and Computing, 1996, Vol. 8. № 3; *Idem.* Spatial Analysis of the Agricultural Activities of Russian Peasants in the second half of the Eighteenth century // Data Modelling, Modelling History. Moscow, 2000; *Она же.* Сельское население и его динамика: Первая половина XVII – вторая половина XVIII в. // Особенности российского земледелия и проблемы расселения: Материалы 26 сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000; *Пиотух Н.В., Фролов А.А.* Электронный историко-географический атлас Деревской пятины // Круг идей. М., 2003.

⁵³ *Зябловский Е.Ф.* Землеописание... С. 531–555.

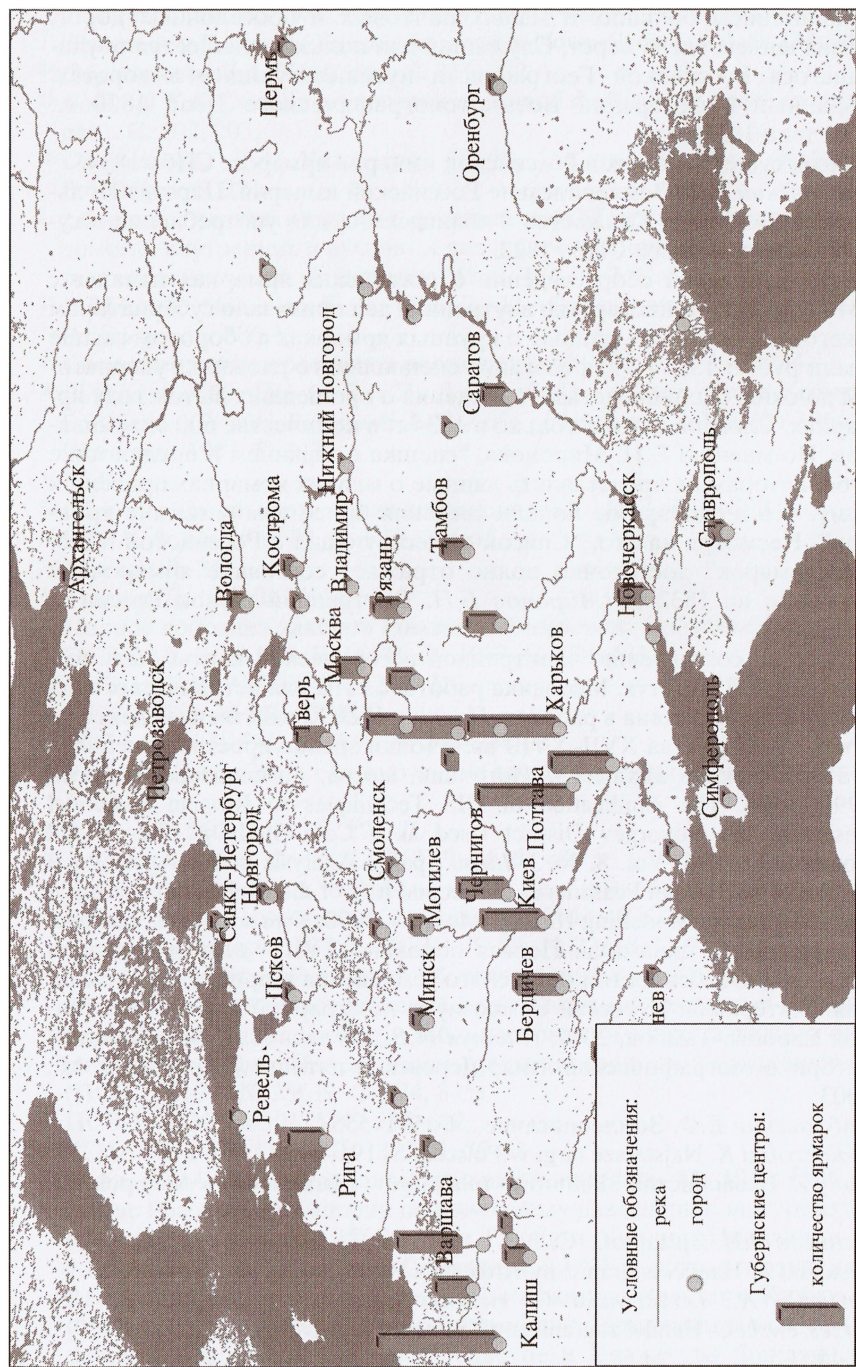
⁵⁴ *Maleczyński K.* Najstarsze targi w Polsce... S. 191–195.

⁵⁵ *Biały Z.* Ekonomiczna i kulturowa rola targów i jarmarków w Małopolsce... S. 34.

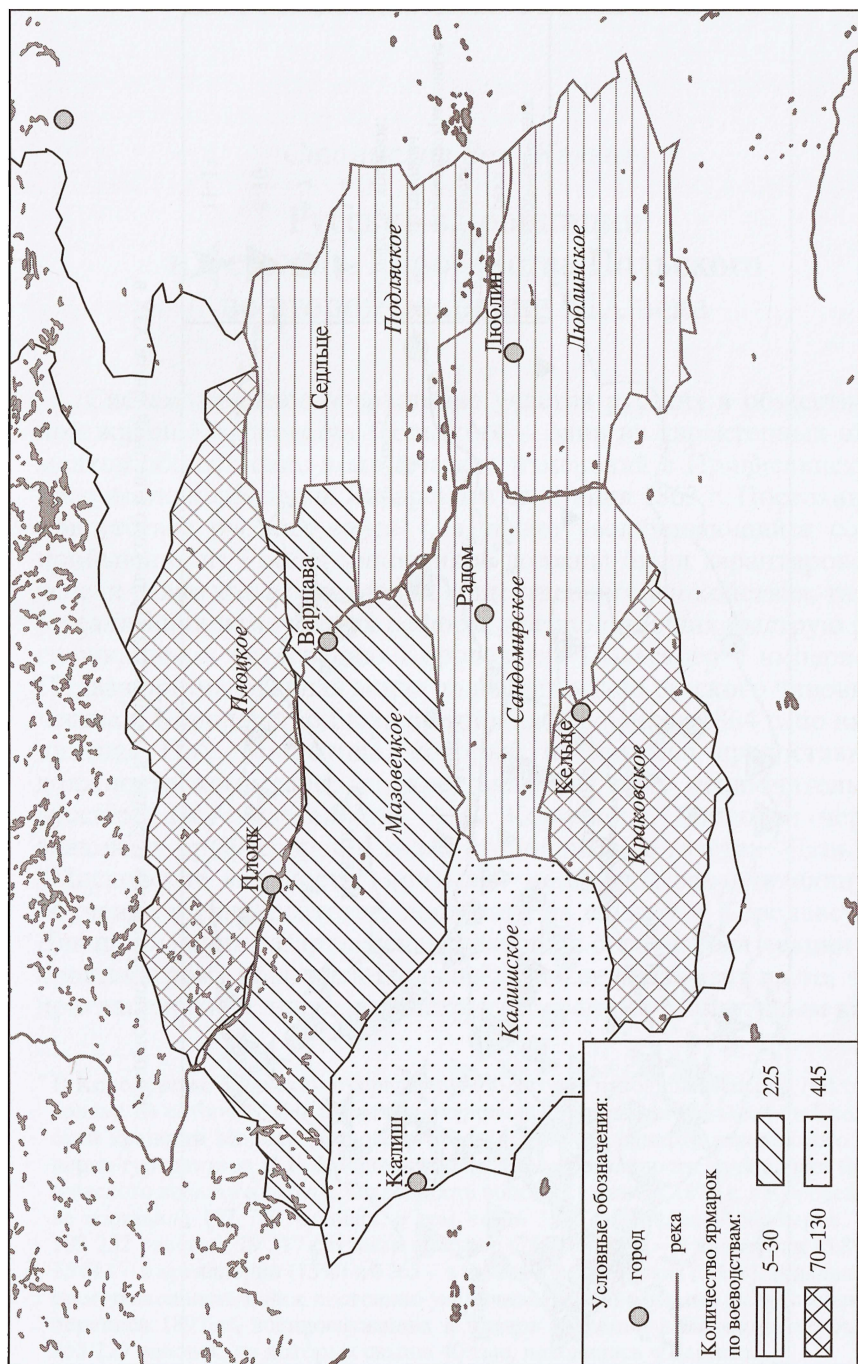
⁵⁶ *Денисов В.И.* Ярмарки... С. 1, 2.

⁵⁷ *Jeziński A.* Handel zagraniczny Królestwa Polskiego, 1815–1914... S. 27.

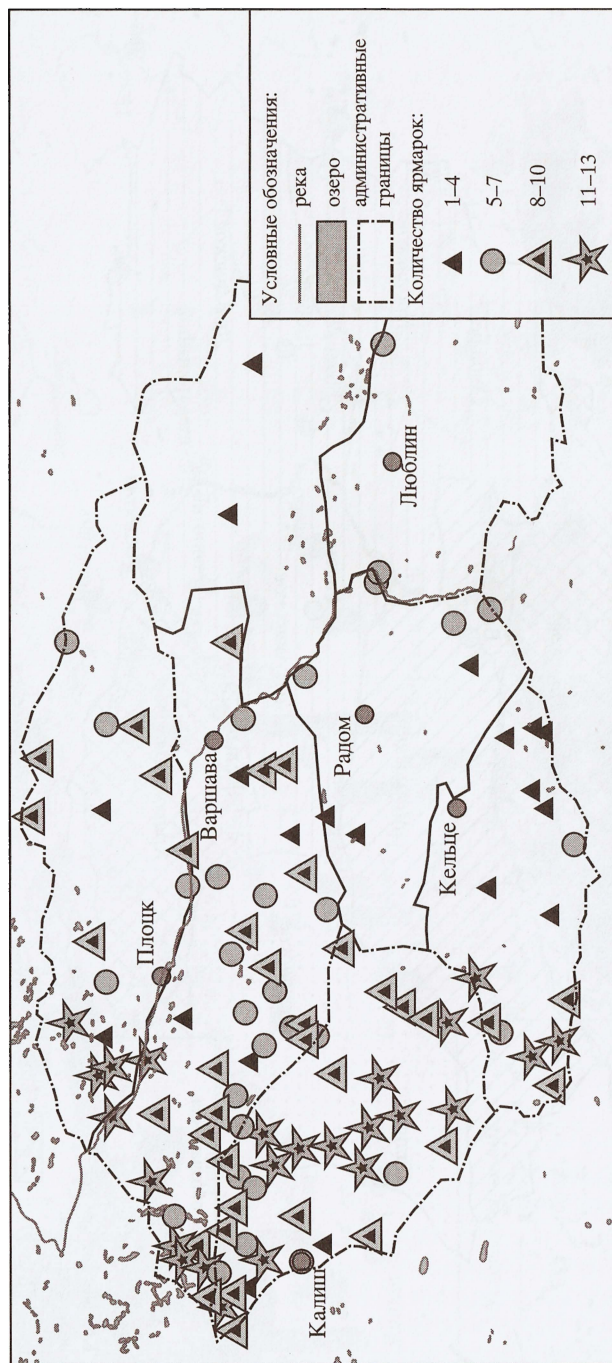
⁵⁸ *Jeziński A., Leszczyńska C.* Historia gospodarcza Polski... S. 129; *Strzeszewski C.* Handel zagraniczny Królestwa Kongresowego (1815–1830)... S. 45.

Распределение ярмарок по территории Российской империи и Королевства Польского в первой трети XIX в.
(количество ярмарок в губерниях и воеводствах)

Распределение ярмарок по воеводствам Королевства Польского в первой трети XIX в.

Количество ярмарок в городах Королевства Польского в первой трети XIX в.

Станислав Вех (Кельце)

Русские в провинции и в столице Королевства Польского во второй половине XIX века

Систематическое возрастание участия русских в общественной жизни Королевства Польского – один из характерных элементов общественно-политических изменений в Привислинском крае после подавления Январского восстания 1863 г. Постоянное присутствие русских войск* ¹, а также увеличивающийся сонм прибывших из России чиновников должны были гарантировать успехи равно как в сохранении общественного спокойствия, так и в реализации намеченных реформ, предполагавших быструю русификацию и интеграцию Королевства Польского с империей. Первая организованная акция по направлению русского чиновничества в Королевство была предпринята в начале 1864 г. по инициативе Н.А. Милютина, который планировал предоставить должности комиссаров по крестьянскому делу исключительно русским. По свидетельству А.А. Корнилова, Милютин через знакомых профессоров и своих сторонников в газетах “День” и “Московские ведомости” призывал молодежь, заканчивающую обучение в университетах, поступать на службу в Королевстве. Для прибывших в Варшаву кандидатов он организовал лекции по крестьянскому вопросу в Польше². Многое указывает на то, что приглашенные и лично проинструктированные Милютиным кан-

* В Королевстве Польском с середины 1860-х годов находилось свыше 100 тыс. солдат, из которых 1/5 была расквартирована в Варшаве и близлежащей польской крепости Модлин (Новогеоргиевск). Согласно рапорту варшавского генерал-губернатора П.Е. Коцебу, исполнившего обязанности начальника Варшавского военного округа, численность войск на 1 января 1875 г. в Королевстве составила 107 750 человек, в том числе 3518 генералов и офицеров. Из 103 232 рядовых 79 317 служили в пехоте (76,1%), 6039 – в кавалерии (5,8%), 15 611 – в артиллерии (15%) и 3265 – в инженерных войсках (3,1%). В дальнейшем численность войск постоянно увеличивалось, и, согласно Всероссийской переписи 1897 г., военнотружущих и членов их семей в Королевстве было 253 229 человек, из которых свыше 40 тыс. находились в Варшаве.

дидаты на посты комиссаров, работавшие в дальнейшем в различных административных органах Королевства Польского, принадлежали к кругу наиболее дисциплинированных и проникнутых духом миссионерства чиновников. Их усердие вознаграждалось высоким положением комиссаров по крестьянскому делу в чиновничьей иерархии страны, а также значительным жалованьем. Таким образом, замысел Милютина по созданию в Королевстве ведомства, укомплектованного исключительно русскими чиновниками, был успешно осуществлен. Задача облегчалась тем, что штат учреждения был относительно невелик (в первые годы комиссаров было 154 человека³), а также тем, что назначение комиссаров на вновь учрежденные должности не требовало увольнения или перемещения старых чиновников. По данным жандармских рапортов, новое ведомство выделялось из ряда прочих учреждений Королевства тем, что все должности в нем были заняты исключительно русскими православного вероисповедания либо российскими чиновниками немецкого происхождения⁴.

Очередной наплыв русских чиновников вызвала административная реформа Королевства Польского, введенная 19(31)XII 1866 г. Количество губерний увеличилось с 5 до 10, а уездов с 39 до 85. В связи с новым административным делением страны учреждались новые должности, а также изменялись статус и полномочия поветовых начальников и начальников губерний⁵. В первые годы после административной реформы из произведенных 19 губернаторских и 16 вице-губернаторских назначений ни одного не досталось полякам, а из 147 назначенных начальников уездов поляков было только двое⁶. Однородность национального состава высшего чиновничества Королевства подчеркивалась еще и тем, что помощников уездных начальников по военно-полицейским делам также назначали только из числа русских чиновников. Подтверждающим общее правило исключением может, пожалуй, служить сувалский, а затем радомский вице-губернатор Александр Фрибес, который, будучи католического вероисповедания, считался в русской среде чиновником польского происхождения⁷.

Единственное отступление от означенного принципа поручать высшие посты в государственной администрации исключительно лицам русского происхождения наблюдалось при назначениях на посты помощников уездных начальников по административным делам. Малочисленность русского гражданского чиновничьего корпуса в Королевстве, необходимость знания польских дел и польского языка, а также значительный объем работы начальников административных отделов предопределили то, что

решительным преимуществом здесь обладали поляки. В момент проведения административной реформы в 78 случаях из 85 возможных, или в 91,8%, посты помощников уездных начальников по административным делам были отданы полякам⁸. Однако с течением времени доля поляков на этих должностях уменьшилась.

Если должности комиссаров по крестьянскому делу и в верхах губернской администрации удалось в короткий срок и в полной мере укомплектовать русскими чиновниками, то значительно более трудным оказался процесс назначения русских на менее привлекательные и уже занятые поляками должности. На это указывал наместник в письме царю от 30 ноября 1864 г., сетовавший, что почти никто из русских судей и юристов, к которым он обращался, не согласился приехать в Королевство⁹. Перспектива работы в чужой стране, только что усмирненной, никого особенно не прельщала, тем более, что предлагаемые должности ни в материальном отношении, ни по соображениям престижа не оправдывали риска, связанного с работой в культурно чуждой и враждебной русским среде¹⁰.

Для привлечения русских на работу в администрацию Королевства им предоставлялись существенные привилегии. После многочисленных поправок соответствующий проект царского указа был утвержден Александром II 30.VII. (11.VIII.) 1867 г.¹¹ Льготы и преимущества, предоставляемые по указу русским чиновникам в Королевстве, были сопоставимы с льготами чиновников, служивших в Сибири. Итак, им обеспечивалась в зависимости от занимаемой должности безвозмездная финансовая помощь от 300 до 1 тыс. руб. при условии, что они останутся на службе в Королевстве не менее двух лет. Каждые пять лет русские получали здесь 15% надбавки к жалованью, а служившие по ведомству народного просвещения – до 25%. Жалованье с надбавкой не должно было в сумме превышать двойного оклада. Надбавки могли получать не более трети чиновников одного ведомства. Три года службы в Королевстве Польском приравнялись для русских чиновников к 4 годам службы в России, а 25-летняя выслуга давала право на получение пенсии в полном объеме. Важным стимулом была также возможность дать образование детям за счет государства либо получение на их образование пособия в размере от 100 до 150 руб.

Отклик русского чиновничества на указ о привилегиях, с одной стороны, превзошел все ожидания, а с другой – доставил немало беспокойства. Вскоре на имя наместника поступило свыше 2 тыс. прошений из разных частей империи о приеме на службу в Королевстве Польском. Наместник Ф. Берг, желая остудить пыл

претендентов, соблазненных обещанными выгодами, а также воспрепятствовать приезду в Королевство нежелательных для него претендентов на высокие должности, доносил в Петербург, что он не в состоянии удовлетворить не только все, но даже большую часть поступивших прошений, поскольку большинство должностей в Королевстве Польском уже занято, а на каждое свободное место ожидается по два или по три кандидата¹².

Затруднения возникли и при назначении на должности прибывших в Королевство русских чиновников, которое в отношении чиновников губернских и уездных учреждений не старше VII класса включительно, согласно дополнительным постановлениям от 29.II и 12.III 1868 г., было в компетенции губернаторов¹³. Последние же в большинстве случаев из-за многолетней службы в Королевстве уже утратили контакты с чиновничьей средой из собственно российских губерний и при назначении на должности оказывали предпочтение и покровительство тем людям, выдвижение которых было обусловлено новыми личными связями, приобретенными уже на службе в Польше. Это положение отразилось в жалобе одного из русских чиновников на ломженского губернатора Василия Менкина, поданной в 1867 г. Описывая “бедственное положение” переведенных и добровольно прибывших в губернию русских чиновников, автор записки указывает, что Менкин окружил себя поляками, которых и назначает на вновь учрежденные должности, в то время как прибывшие из России чиновники месяцами остаются без жалованья и за штатом, что им, в конце концов, “поручается единственно обучение поляков говорить и писать по-русски”¹⁴.

Только в 1870–1880 гг. перевод чиновников из российских губерний в Королевство приобрел значительные размеры, что подтверждают примеры из жандармских донесений по Петроковской и Плоцкой губерниям. Так, первый состав почтовых служащих в Петрокове был набран исключительно из поляков, бывших участников восстания. Но в 1871 г., когда управляющим почтовым отделением стал приехавший из Уфы Якоби, должности почтмейстеров и другие ответственные посты заняли здесь 23 русских чиновника¹⁵. Еще большее рвение проявил в этом отношении плоцкий губернатор Л.И. Черкасов, согласно жандармскому рапорту 1885 г., уволивший из губернской и уездной администрации почти всех поляков, оставив только бурмистров, и назначивший на их места чиновников, прибывших из России¹⁶.

Увеличение доли русских чиновников в администрации Королевства Польского позволяло эффективно проверить “благонадежность” их польских коллег, чем и было занято жандармское

управление сразу после подавления Январского восстания. Уже во второй половине 1866 г. было уволено свыше 800 поляков, скомпрометированных как участием в событиях 1860–1864 гг., так и за “небрежение” по службе¹⁷. В следующем году в числе “неблагонадежных” оказались еще 684 польских чиновника. Однако “неблагонадежность” не означала обязательного увольнения со службы, хотя и служила для этого достаточным основанием.

Замена польских чиновников русскими по-разному и отнюдь не равномерно протекала в губерниях Королевства Польского, о чем свидетельствует пример, считавшейся в этом отношении образцовой Плоцкой губернии. Вступивший в 1867 г. в должность плоцкий губернатор К. Врангель сразу уволил 28 «неблагонадежных» поляков и пригласил из метрополии на службу 47 русских¹⁸. В итоге на высших должностях в губернском правлении русские составляли 39% всех чиновников, в полицейском же ведомстве – около 90%¹⁹. Четыре года спустя было, однако, признано, что “достижения” Врангеля оказались преувеличены, что приток русских чиновников оказался меньшим, чем ожидалось, и многие из прибывших решили вернуться в Россию. В 1871 г. в Плоцкой губернии из 466 тыс. жителей русские вместе с войсками составляли не более 1 тыс. человек, а из 300 важнейших постов в местной администрации поляки занимали 242 (80%)²⁰. Еще больший отток русских был отмечен в Петроковской губернии. По сведениям, приведенным в жандармских донесениях, в 1867–1871 гг. в Петроковскую губернию прибыли из России 62 чиновника, из которых осталось менее одной трети, да и те готовы хоть завтра вернуться в Россию, но вынуждены остаться, так как не в состоянии вернуть деньги, полученные на переезд и обустройство²¹. Особенно мало русских в Петроковской губернии было среди учителей начальной школы (6 из 370), тогда как в средней школе русские составляли около 40% педагогов²². В начале 1870-х годов ситуация с переводом в Королевство российских чиновников выглядела в Люблинской губернии еще хуже, чем в Петроковской. Из служивших здесь 555 чиновников русские составляли неполных 13%, а из 54 чиновников губернского правления русских было только 5 человек²³.

Таким образом, предпринятые усилия по привлечению русских чиновников в города и местечки Королевства Польского привели к противоречивым результатам. Жизнь в провинциях Привислинского края разочаровывала русских чиновников, надежды которых на обретение престижа в обществе и материальное преуспевание меркли перед лицом множющихся трудностей адаптации в чуждой среде. “Русские чиновники, – писал в 1871 г.

начальник калишской жандармерии, – находящиеся среди враждебно настроенных чиновников-поляков, вынуждены держаться в собственном кругу и все больше жалуются на ограниченные возможности и тяжелые условия в этой стране”²⁴.

Отголоски этих настроений мы встречаем на страницах краковской газеты “Czas”, где в одной из корреспонденций 1871 г. приведено письмо некоего россиянина, прибывшего на службу в Королевство Польское: “Если ты человек – приезжий, новый, – цитировала газета письмо русского чиновника, – если не говоришь по-польски, тебе совершенно негде бывать. Русский элемент в уездах очень слабый, а в польских домах, даже чиновничьих, не сможешь себе русским языком. (...) Пойдешь за покупками в магазин, если тебя поймут, (...) то сдерут, по крайней мере, вдвойне, вероятно, из патриотизма. Что поляк сделает за рубль, то русскому едва удастся за полтора. (...) Польша для русских чиновников, согласно закону, привилегированная страна, и также говорят местные жители, но, поверьте, нет тут для нас ни молочных рек, ни золотого дождя. (...) В натуре человеческой существует стремление к общественной жизни, а в результате этого тебе тяжело среди недружественно настроенного населения. Нет общих интересов, нет ни солидарности, ни сочувствия, плохо живется и русским, которых сюда занесла судьба, особенно по поветам, живут изо дня в день совершенно изолированные”²⁵.

Условия жизни и работы во враждебно настроенной (после подавления Январского восстания) стране воспринимались русскими чиновниками как исключительно тяжелые, вызывающие стресс и неблагоприятные для психического и физического здоровья. В это время польская провинция явно отторгала русских. Даже наиболее состоятельные из них, получившие во владение майораты и церковные имения, не желая жить в провинции, уклонялись от предусмотренной по закону обязанности личного управления этими поместьями. Так, по сведениям шефа жандармов Королевства П. Оржевского, из 67 русских землевладельцев Плоцкой губернии – держателей 20 майоратов и 47 донаций – только двое лично управляли своими владениями, а остальные передали их польским арендаторам²⁶. Аналогичная ситуация была в 1870-е годы и в Келецкой губернии, где из 40 таких помещиков в своих имениях жили только полковники Михаил Писарев и Лев Лисецкий²⁷. В Радомской губернии было 41 такое владение, и все они были розданы в аренду евреям, полякам, в том числе окрестным крестьянам²⁸. Один из подобных случаев зафиксирован в дневнике генерала В.А. Докудовского, который, не желая поки-

дать Варшаву, назначил управляющим своим майоратным именем некоего Флориановича, заключив с ним договор на 12 лет и назначив тому 900 руб. жалованья. Сделкой генерал был доволен, хотя и признавался, что мог бы выторговать более выгодные условия: “Деньги, – писал Докудовский о своем администраторе, – платит вовремя, (...) и по моему собственному желанию, вместо рублей присылает мне 500 прусских талеров, и это из внимания к низкому курсу нашего рубля”²⁹. Только в конце XIX в. положение несколько изменилось, и, согласно статистике, помещенной на страницах “Gazety Narodowej” в 1894 г., из 268 пожалованных русским майоратов 38 (или каждый седьмой) были местом постоянного жительства владельца³⁰.

Заинтересованность русских чиновников в поисках должности в Королевстве Польском, хотя бы даже в провинции, возросла только в конце XIX в. С одной стороны, это было обусловлено усугубившимися трудностями с поиском места службы и с относительным сокращением числа вакансий в метрополии, а с другой – ускоренным экономическим и культурным развитием Королевства Польского, что делало чиновничье место здесь весьма выгодным для его обладателя. Это подтверждают, между прочим, не практиковавшиеся властями Королевства ранее в таком масштабе, отказы просителям в принятии на службу. Так, губернское правление в Кельцах в 1891 г., ввиду отсутствия вакансий, отклонило около 20 прошений, поступивших в канцелярию губернатора со всей России³¹.

Если жизнь в провинции Королевства Польского, по крайней мере, до конца 1870-х годов явно разочаровывала русских чиновников, то совершенно иначе выглядела ситуация в Варшаве. Из наблюдений жандармерии за поведением столичного чиновничества следует, что варшавская жизнь прельщала русских чиновников, побуждая их искать именно здесь возможности для карьеры и профессионального роста. В полицейских донесениях нет и намека на их желание покинуть столицу и вернуться в метрополию. В Варшаве адаптация русского чиновничества к польским условиям протекала куда быстрее и безболезненнее, чем в провинции. По признанию одного из русских судейских, польская столица была “чудесным городом, богатым во всех отношениях”³². Это мнение подтверждал и французский консул, отмечавший, что Варшава была особенно ценима высшими русскими чиновниками³³. Некоторые из них не покидали Варшавы, хотя и занимали должности в провинции. По свидетельству жандармерии, так поступили комиссары по крестьянскому делу в Груйце – Михаил Добродеев и в Блоне – Лев Окунев³⁴.

Привлекательность самого большого города Королевства Польского заключалась прежде всего в немалом размере русской колонии и в ее инфраструктуре: многочисленных церквях, ресторанах, клубах, школах, библиотеках, приютах, обслуживающих и торговых фирмах, что придавало комфорт и вносило разнообразие в жизнь общества. Варшава – третья столица империи – по инициативе русских властей стала центром духовной и культурной жизни русского общества в той же мере, как и другие подобные центры метрополии в центральной России. Особенности заслуги в этом принадлежат генерал-губернатору И.В. Гурко, более 10 лет и дольше всех возглавлявшему русскую администрацию Королевства. Он способствовал проведению в Варшаве выставок русской живописи (передвижников), приглашению русских театральных коллективов, известных русских артистов, организации лекций знаменитых ученых. Варшава привлекала, наконец, преимуществами своего географического положения. Отсюда было ближе всего к Западу, к европейским столицам и пользовавшимся популярностью разным курортам и “баденам”.

Численность русского населения Варшавы неуклонно и быстро возрастала как в абсолютных величинах, так и относительно общего числа населения города. Если без учета расквартированных в столице войск численность православных в 1864 г. составила 3026 человек или 1,36% жителей, то в 1909 г. соответственно – 31 387 (4,1%). Накануне Первой мировой войны число православных жителей Варшавы достигло 35 тыс. человек, т.е. по сравнению с 1864 г. возросло почти в 12 раз³⁵. По данным Всероссийской переписи 1897 г., размещенные в Варшаве русские войска (с семьями военнослужащих) насчитывали 40 301 человек³⁶, что более чем удваивало численность русской колонии в польской столице.

В целом по итогам переписи в городах Привислинского края проживало 60,2 тыс. православных или около 3% от общего числа горожан, из них 23 тыс. человек жили в Варшаве, что составляло 38% всех православных, осевших в городах Королевства Польского³⁷. Значительно более медленно росло русское население губернских городов, хотя процесс этот и несколько ускорился с 1870-х годов. В конце XIX в. доля русских составляла здесь от 3,7 до 7,6%, что пропорционально и превышало соответствующие показатели Варшавы, однако в абсолютных величинах прослойка русского населения губернских городов, если не принимать в расчет расквартированных войск, была весьма малочисленна и составляла в губернском центре всего несколько сот человек. Еще хуже была ситуация в уездных городах, где доля русских ред-

ко превышала 2% от общего числа жителей, а их количество составляло несколько десятков человек³⁸.

Не подлежит сомнению, что морально-психологическое состояние русских в польской общественной и культурной среде, зависело прежде всего от числа соотечественников. На это указывал, в частности, один из пионеров русификации – В.Г. Смородинов, оказавшийся в городке Конин вдвоем с уездным начальником, где все польское население относилось “ко всему русскому с нескрываемой ненавистью”. Драматизм положения не смягчили даже стоявшие в городке драгуны Каргопольского полка³⁹. Последнее замечание указывает на имеющее принципиальное значение обстоятельство: на исключение солдат из русской среды равным образом как в столице, так и в провинции Королевства Польского. Жизнь в гарнизонах шла совершенно иным чередом, а контакты военных с русским гражданским населением были спорадическими, и обычно их нельзя было назвать образцовыми.

Обозначенное различие между столицей и провинцией Королевства Польского в величине русских колоний имело решающее влияние на характер внутренних контактов в русской среде и на взаимодействие последней с польским окружением. Если в Варшаве, где русское население было многочисленным и дифференцированным в профессиональном, культурном и мировоззренческом отношении, что значительно облегчало идентификацию русских с собственным национально-религиозным сообществом или одной из входящих в него групп, то в провинции, принимая во внимание скромное количество русских, адаптация индивидов в кругу соотечественников, нахождение общего языка с ними сопровождались, как правило, немалыми трудностями социального, служебного, бытового, этического и морально-психологического характера. Вот несколько характерных свидетельств. Русские чиновники в Кельцах в 1880 г. характеризуются в жандармских донесениях “полным разбродом в своей среде. Высшие помыкают низшими, что разрушает солидарность этой группы”. Год спустя, в подтверждение этого суждения сказано, что “в отношениях служащих русских можно заметить два положения”. Одно у тех, кто занимают высокие должности и обеспечены материально. “Они презирают низших, а последние заняты исключительно службой, стремясь правдами и неправдами увеличить свои доходы. В частной жизни и тех и других отличают от поляков внутренний разброд и конфликты”⁴⁰. Аналогичные наблюдения В.Г. Смородинов сделал в Радоме. “Где бы ни собиралось русское общество, – вспоминал он, – кроме местных служебных дел, чиновников не связывали никакие общие интересы, ни какие другие устремле-

ния, побуждающие к обмену мыслями или к общественной жизни. Изоляция местного русского общества была огромной. В городах Королевства Польского не было ни магазинов с русскими книгами, ни библиотек. В результате во время товарищеских встреч большинство русских развлекалось игрой в карты”⁴¹. Свидетельства подобного морального климата в русской среде мы находим и в жандармских донесениях. Так, в Меховском повете, где русское сообщество в 1870–1890-е годы насчитывало всего около 50 мужчин и женщин, из-за внутренних раздоров так и не удалось ни заложить церкви, ни открыть русского клуба. Годами здесь тянулся не затухавший конфликт между начальником уезда, комиссаром по крестьянскому делу и начальником жандармерии⁴². До открытых ссор доходило даже в среде православного духовенства. Например, в 1880-е годы огласку получил конфликт между приходским келецким священником Петром Орловским, преподававшим закон божий в келецкой мужской гимназии, и священником здешнего гарнизона⁴³.

Типичные для провинции Королевства Польского ссоры и внутренний разброд русской среды привели к образованию иной, чем в столице, модели отношений с окружающим русским миром. В Варшаве русские чиновники чувствовали себя как дома. Интенсивная общественная и культурная жизнь русского сообщества в польской столице и существующие здесь соответствующие учреждения способствовали укреплению в нем внутренних национальных связей и изоляции от чужого культурного влияния. В этих условиях контакты с польской средой были ничтожными и, по правде говоря, совсем необязательными. Это подтверждает свидетельство историка Н.И. Кареева – в 1880-е годы профессора Варшавского университета. «Польского общества для нас “русских”, – писал он о Варшаве, – почти не существовало, даже, если речь шла о тех немногочисленных русских, которые были в каких-либо контактах с поляками»⁴⁴.

Совершенно иначе выглядела ситуация в провинции Королевства Польского, где немногочисленным и по разным причинам внутренне разобщенным группкам русских гораздо труднее было переносить изоляцию от внешнего мира, что побуждало русские сообщества к установлению личных и общественных связей за пределами собственной национальной среды. Пути к этому были различными. Иногда замкнутость давала трещину вследствие трансформации “русских” культурно-просветительных учреждений. Так было с русскими клубами, которые в небольших городах распространяли свою деятельность на все местное общество без подчеркнутых национальных ограничений и даже нередко меня-

ли свое название, становясь городскими (“обывательскими”) клубами. Столица в этом отношении была более официальной. Поэтому действующий в Варшаве с 1864 г. под опекой властей “Русский клуб” хотя и изменил с течением времени свой состав и функции, однако сохранил до конца своего существования чисто русский характер⁴⁵. В провинции такого рода консерватизм был необычайно редким. Здесь повсеместно участие поляков и других национальностей в работе подобных культурно-просветительных учреждений не только не возбранялось, но даже поощрялось.

Вероятно, такой подход был обусловлен социально-культурным уровнем слабоурбанизированных и промышленно неразвитых территорий Королевства Польского. Однако он способствовал распространению в русской среде более либеральных взглядов на польский вопрос и критического отношения к политике русификации Королевства Польского. Присутствие поляков в провинциальных “русских” клубах, а также, в известной степени, общая среда домашней и светской жизни создавали основы для наведения различного рода мостов и связей между русским чиновничьим корпусом и польской отечественной элитой небольших городов. В Кельцах, Радоме, Ломже, Калише или Плоцке в противоположность Варшаве в светском и частном общении, разумеется, в установленных границах смешивались польские и русские влияния.

Следует, правда, отметить, что с течением времени и по мере усиления политики русификации отмеченные взаимные контакты русского и польского провинциального общества с обеих сторон все более расценивались как проявление национального и культурного отступничества и под влиянием общественного мнения в ряде случаев сходят на нет⁴⁶. Так произошло в 1878 г. в Кельцах, когда поляки покинули русский клуб. Как сообщал начальник местной жандармерии, “поляки в нынешнем году ни разу не пришли на дружеские встречи, организованные русскими, а танцевальные вечера они устраивают в здании театра, заведенного купцом Стумпфом. Время проведения этих вечеров они старательно скрывают от русских. Это тем более странно, — подчеркивал жандармский начальник, — поскольку в течение моей тринадцатилетней службы в этом месте до сего времени не было отдельных дружеских встреч”⁴⁷. В Радоме подобный случай произошел в 1886 г. на балу в Обывательском клубе, объединявшем польское общество и офицерское собрание 7-й артиллерийской бригады. Тогда 40 полек демонстративно покинули торжество, что послужило сигналом к прекращению в городе русско-польских контактов⁴⁸.

Не упуская из виду указанной тенденции, следует, однако, отметить, что русские в провинции Королевства Польского чаще искали контактов с польским окружением и проявляли больше терпимости к присутствию в своей среде чужих традиций и обычаев. Даже в 1880-х годах, когда враждебность и неприязнь между польской и русской элитой небольших городов стали набирать силу, в городских клубах поле для контактов и взаимного влияния неизменно оставалось широким. “В русском клубе, – сообщал в 1886 г. начальник ломжинской жандармерии, – господствует польский дух, {...} танцевальные вечера проходят с участием полек, польский танец – полонез с фигурами – танцуется русскими военными почти на каждом таком вечере, а женатые на поляках офицеры встречают Новый год по грегорианскому календарю, и принимают в этот день визитеров”⁴⁹. В Варшаве подобного рода отступления от установленных норм поведения были немыслимы.

Большая открытость внешнему миру в провинции, хотя иногда только видимая, со стороны провинциальных русских сообществ порождала проблему стирания граней, ограждавших национально-религиозную принадлежность русских, что в официозном лексиконе обозначалось термином “ополячивание”. В жандармских рапортах оно связывалось с внедрения в домашнюю жизнь русских польского языка, польских обычаев, с женитьбой на поляках. Применялось оно и к тем русским, которые, по мнению жандармов, оказались в какой-то зависимости от местных жителей или были замечены в угодничестве перед поляками. Начальник калишской жандармерии в 1893 г. доносил: “Русские чиновники – комиссар по крестьянскому делу Сакс, акцизный ревизор Лупин и его помощник Карпов, живущие в Ленчицах – можно утверждать, окончательно ополячились до такой степени, что даже в семейной жизни употребляют польский язык и знают его лучше, чем родной. Дети Карпова по-русски двух слов сказать не умеют, {...} а в последнее время ко мне обратился земский страж Андрей Пишошук, женатый на польке, с просьбой позволить ему окрестить сына по католическому обряду”⁵⁰. Аналогичный рапорт был подан в Люблинской губернии на начальника Новоалександровского (Пулавского) уезда Кришловича, в доме у которого польский язык пользовался всеми правами⁵¹.

Хотя процесс ассимиляции русских, иногда только поверхностной, совершался постепенно, однако царский полицейский аппарат с самого начала препятствовал бракам соотечественников с поляками, усматривая в женитьбе соотечественников на поляках опасность для национального духа. “Чиновникам – русским,

женатым на католичках, и полякам православного вероисповедания, – писал в 1871 г. начальник плоцкой жандармерии, – нельзя полностью доверять, потому что они преданы уже не России, но польскому делу и полякам, среди которых живут и воспитывают своих детей под контролем матерей-полек, якобы православных, но все-таки не знающих русского языка”⁵². Полицейское “недоверие” к чиновникам в Плоцке имело свои основания. В Плоцкой губернии в начале 1870-х годов из 8 начальников уездов 7 было русских и 1 поляк. Однако согласно жандармскому расследованию, из 7 русских двое было поляками, принявшими православие, 1 был татарин, а трое – женаты на польках. А среди 8 начальников земской стражи на польках было женато двое⁵³. Вот пример аналогичного расследования 1887 г. в Радомской губернии. В итоге жандармский начальник пришел к заключению, что находящиеся на службе в этой стране русские чиновники, женатые на польках, а также те поляки, женатые на русских, которые прибыли сюда из центральной России, оказывают “крайне вредное влияние”. В ходе расследования было установлено, что “судья Антони Климович, ранее работавший в России, выпускник Московского университета, женатый на уроженке Москвы, православного вероисповедания”, по прибытии в Королевство Польское “детей своих, то есть 8-летнего сына и 7-летнюю дочь, *ополячил* {...} и даже жену принуждает говорить дома по-польски”. Комендант бригады пограничной стражи в Завихостье, штабс-капитан курляндец Остен-Сакен, “женатый на польке, воспитывает свою дочь в духе польском {...}, так что еще никакого слова по-русски не сказала”⁵⁴.

Из полицейских донесений узнаем мы о трагической судьбе начальника земской стражи Сандомирского уезда Федора Новицкого, история которого не вполне укладывается в жандармские представления об “ополячивании”. Женатый на польке Новицкий, во время Январского восстания не желая ранить национальных чувств жены, вышел в отставку с военной службы и продолжал службу по гражданскому ведомству в Опатове, где “еще больше сблизился с поляками и оставался под их влиянием. Сторонясь соотечественников, Новицкий воспитывал в польском духе также своих детей”. После смерти жены в 1872 г., по словам жандармов, “проснулся в нем дух русского, он начал водить своих детей в церковь, разговаривать с ними по-русски и завязывать дружбу с русскими”⁵⁵. История Новицкого может послужить свидетельством трудного выбора для русских, которые, пуская корни в Королевстве Польском, чувствовали на себе не только сильное давление двух сред: польской и русской, но также как личную

драму переживали столкновение двух чуждых и противоположных друг другу политических тенденций и двух культурных типов.

В целом польское влияние среди русских, живущих в провинции Королевства Польского, было значительно сильнее, чем в столице, и доходило даже до канцелярии и домов губернаторов. Это подтверждает пример Калиша, где вице-губернатор Павел Рыбников так сроднился с польским окружением, что на страницах русскоязычных “Губернских ведомостей” публиковал на латыни давние привилегии города Калиша, а по выходе в отставку пожелал оставшиеся годы провести на вновь обретенной отчизне и купил на городской окраине небольшой фольварк. Сын его совсем ополячился⁵⁶

Браки русских с поляками случались в провинции Королевства Польского даже среди самой жандармерии (хоть и старательно скрываемые), что было явлением особенно курьезным потому, что по букве закона они были строго запрещены. Именно такой казус представлял брак начальника влоцлавской жандармерии полковника Александра Капустянского с полькой и католичкой Элжбетой Лукович, происхождение и вероисповедание которой полковник десятилетиями скрывал от начальства. Отношение супруги к польскому делу и католической церкви, вероятно, побудили ее в апреле 1893 г. предупредить ксендзов и семинаристов духовной семинарии о планирующейся и организованной ее мужем ревизии. “Когда десять лет спустя, – вспоминал ксендз Нассальский, – Элжбета тяжело заболела, муж ее лично обратился с просьбой к о. Францишку Пониковскому из ордена реформатов во Влоцлавке, чтобы, сохраняя строгую тайну, пришел к умирающей с религиозным утешением. Она была соборована по-католически, похоронена же была по православному обряду”⁵⁷.

Если судить по смешанным бракам, то снова оказывается, что русские в провинции Королевства Польского были группой, более податливой к внешним влияниям, и в этом отношении отличались от православного населения, живущего в столице. Например, в 1872–1894 гг. в православном Вознесенском соборе в Кельцах было заключено 387 браков, из которых только в 158-ми оба супруга были православными. Это означает, что почти 60% браков русские заключали с лицами иного вероисповедания⁵⁸. Существенно меньшей была доля подобных браков в Варшаве. Здесь в 1902–1911 гг. из вступивших в брак 3291 православного мужчины 1184 (36%) женились на католичках⁵⁹.

Воздействие польского окружения заметно и в среде расквартированных в провинции Королевства Польского русских войск, несмотря на предусмотренную характером службы и поддержи-

ваемую командованием по политическим мотивам замкнутость жизни военных в сравнении с гражданским православным населением. Из донесений жандармерии видно, что в провинции, по крайней мере в кругу офицеров, контакт с польским окружением был значительно большим, чем в столице, а влияние и давление среды на солдат – гораздо более сильным. “Говоря о войсках, – отмечал в 1871 г. начальник калишской жандармерии, – надлежит помнить, что в находящуюся в Калише с 1861 г. 4 пехотную дивизию вкрадывается польский элемент, ⟨...⟩ и потихоньку там начинают распространяться польские обычаи. ⟨...⟩ В разговорах солдат с офицерами начинают появляться польские слова, ⟨...⟩ женщины же, польки, которые вступают в браки с офицерами, хотя и принимают православие, однако по-прежнему остаются под влиянием католических священников, прививая мужьям польские обычаи и язык”⁶⁰. Аналогичные доклады поступали также из Ломжинской и Радомской губерний. “Недопустимо, – писал в 1894 г. начальник ломжинской жандармерии, – чтобы лица, носящие русский военный мундир, позволяли себе употреблять польский язык. Офицеры, где только могут, разговаривают по-польски”⁶¹. “Большинство офицеров 26 Могилевского пехотного полка, – отмечалось в 1877 г. в докладе радомской жандармерии, – это поляки либо женатые на польках, что является результатом долговременного квартирования этой части в одном месте”⁶². В результате проведенной в 1886 г. проверки жандармерией Варшавского военного округа было установлено, что в Королевстве Польском, за исключением Петроковской губернии, 318 русских военнослужащих, главным образом офицеров, были женаты на католичках, причем подавляющее большинство смешанных браков приходилось на провинцию⁶³. В Варшавской губернии, включая Варшаву, где только в столице находилась пятая часть всех русских войск Королевства, таких союзов было 88, тогда как в Плоцкой губернии – 51⁶⁴. В такой русско-польской семье воспитывался родившийся во Влоцлавке А.И. Деникин. Его отец – русский офицер – 43 года прослужил в Королевстве Польском, здесь женился на польке, здесь в 1872 г. у них родился сын Антон. “В доме нашем, – вспоминал Деникин, – отец всегда говорил по-русски, мать – по-польски, а я не по чьему-то наущению, а ведомый единственно интуицией, с отцом разговаривал по-русски, а с матерью – по-польски”⁶⁵.

Ошибочным является мнение, что польская провинция, в противоположность столице, повсеместно провоцировала эрозию национально-религиозной идентичности русских сообществ, приводившую к их растворению в окружающей польской среде.

Если такого рода явления и происходили, то обычно они носили единичный характер и касались только тех русских, которые вследствие многолетней службы в Королевстве обзаводились здесь семьей и принимали решение не возвращаться в метрополию. Соединение русских с польской средой было сильнее в провинции, чем в Варшаве, также потому, что провинция давала значительно меньшие шансы на продвижение по службе. Оказавшийся здесь чиновник десятилетиями оставался при своей должности на одном месте и не имел ни достаточно средств, ни личных связей, чтобы продолжить карьеру или просто прожить на новом месте. Характеризуя русские колонии в Королевстве Польском, нужно, наконец, подчеркнуть то, о чем мы часто забываем, что провинция в области культурной жизни не была к русским полностью глуха. Жившие здесь штатские и военные по мере сил пользовались имевшимися возможностями для сохранения и развития в своей среде русской культуры.

Обратимся к примеру Келецкой губернии, в которой можно отметить много, хотя и стертых из памяти польского общества, однако значительных культурных достижений русских. Итак, в 1860-е годы первые любительские театральные кружки в Кельцах были организованы русскими, а их спектакли проходили на русском языке. Любительский театр, основанный Иваном Изместневым, ставил главным образом пьесы А.Н. Островского. Видная роль на любительской сцене принадлежала управляющему Казенной палатой Якову Жепишевскому и начальнику Андреевского уезда Авдею Супоневу. Театральный коллектив, режиссером которого стал капитан В. Пряшников, был организован и в келецком гарнизоне⁶⁶. Хотя репертуар русских любительских театров, за исключением пьес Островского, не отличался высоким уровнем, однако сцена давала русским не только способ культурного и приятного времяпрепровождения, но и возможность раскрыть свой творческий потенциал, проявить патриотические чувства и удовлетворить эстетические потребности. «Для русских, – писала „Gazeta Kielecka“, – не часто слышащих со сцены родную речь и не видящих своих национальных типов, русский любительский театр является очень приятной неожиданностью; поэтому все советуют туда собираться, чтобы освежить родные и милые каждому воспоминания. Это естественное чувство – потому что вытекает из любви к родной речи»⁶⁷. Русские любительские театры действовали также в малых городках, где организовывались, как правило, военными. В Пиньчове театрализованные представления ставились силами 14-го Ямбургского уланского полка. В Пилицях любительские спектакли давали офицеры

Витебского пехотного полка⁶⁸. Организацией театральных представлений на русском языке занимались также различные культурно-просветительные и благотворительные кружки и общества, например, Общество русофилов, Общество друзей русской сцены, Келецкое музыкальное общество, или Губернский комитет помощи пострадавшим от наводнения жителям Келецкой губернии.

Стоит отметить, что хотя политика русификации в провинции равно болезненно, как и в столице, ранила национальные чувства поляков, однако на любительской сцене русские и поляки нередко выступали совместно, а собранные на благотворительных спектаклях средства предназначались для нужд местного населения. Следует также подчеркнуть, что в провинции зрителями русских спектаклей часто были поляки. В Андрееве, например, в 1902 г. по инициативе русских и поляков были сыграны две комедии Ивана Щеглова и Петра Гнедича. Режиссером обеих постановок, доход от которых предназначался на нужды местной пожарной охраны, стал директор малогоского лесничества⁶⁹.

Русское сообщество Келецкой губернии осознавало необходимость приобщения к наивысшим достижениям культуры и искусства. С этой целью в Кельцы приглашались на гастроли известные профессиональные театральные и музыкальные коллективы, а также устраивались передвижные художественные выставки. В 1890-е года здесь гастролировали: Русское общество драматических артистов под руководством Александра Яковлева; артисты из Петербурга и Москвы с драмой Ф. Шиллера “Мария Стюарт”, приехавшие по приглашению Елизаветы Горевой; петербургское Общество русских оперных артистов под руководством Н. Шампаньера с операми П.И. Чайковского, Ш. Гуно и Дж. Верди; Петербургское драматическое общество с постановками пьес А.Н. Островского.

Русские Келецкой губернии отдали дань и увлечению музыкой. Начиная с 1860-х годов ими организовывались разнообразные концерты, парады, маскарады и танцевальные вечера. Центральное место на этих мероприятиях принадлежало оркестру расквартированного в Кельцах Смоленского пехотного полка, под руководством капельмейстера и композитора Канио, прозванного “римлянином”⁷⁰. С 1871 г. первенство в музыкальной жизни Кельц завоевал военный оркестр Полоцкого пехотного полка под управлением Локческого. Через пять лет оркестр возглавил новый дирижер Якуб Гоччи, исполнявший также сольные партии на гобое. В прошлом он играл в оркестре Королевского театра во Флоренции⁷¹. В 1880-е годы его сменил скрипач Иоахим Рыш.

Руководимый им коллектив, по свидетельству местной прессы, пользовался в городе огромной популярностью. В частности, репортеры приводили и такой факт: по воскресеньям и в праздники, когда устраивались бесплатные концерты, оркестр просто заслоняла толпа собравшихся слушателей⁷². Когда в 1892 г. Полоцкий пехотный полк покинул Кельце, И. Рыш остался в городе и возглавил оркестр 6-го стрелкового полка. Пользуясь высоким авторитетом и уважением в городе и при поддержке властей, он организовал постоянный любительский оркестр⁷³. Созданный Рышем музыкальный коллектив объединял 24 оркестранта и смешанный хор из более чем 30 человек. В хоре пели русские и поляки — представители местной элиты, адвокаты, врачи, чиновники, предприниматели. Созданный Рышем коллектив стал основой образованного в 1894 г. Келецкого музыкального общества, названного Обществом любителей искусства. Его председателем стал сын дьякона Келецкого собора и учителя церковного пения, некогда школьный товарищ Стефана Жеромского, знаменитый скрипач Василий Михайлов⁷⁴. В репертуаре оркестра преобладали сочинения П.И. Чайковского, М.И. Глинки, А.Г. Рубинштейна, Ф. Шуберта, К. Вебера. Когда в конце XIX в. активность оркестра и хора заметно ослабла, импульсом к возрождению музыкальной жизни в Кельце послужил приезд нового вице-губернатора Бориса Озерова и его жены Елизаветы. По их инициативе в 1900 г. была возобновлена деятельность Общества любителей искусства и вновь организованы хор и оркестр в составе свыше 20 человек⁷⁵.

Несомненно, что Келецкая губерния с точки зрения общественной и культурной жизни русского сообщества не являлась исключением. Вероятно, аналогичные процессы протекали и в других областях Королевства Польского. Это означает, что в провинции даже небольшие русские колонии сумели организовать не только собственную культурную жизнь, но благодаря богатству ее содержания и разнообразию форм сделать ее привлекательной для населения губернских центров и жителей малых городов. Для самих же русских такая принятая на себя культурная роль становилась заслоном перед влиянием альтернативной и трудной для принятия, учитывая политические условия, польской культуры.

Защищаемые и укрепляемые посредством отечественных искусства и культуры, национальные чувства и сознание русских не всегда в полной мере ограждали их от влияния польского окружения. Ничем не нарушаемая серая провинциальная повседневность изменила облик и привычки русских, втянутых в силу обстоятельств в течение жизни местного общества. Такого рода эволюцию пережил капитан Андрей Орел, многие годы прослуживший

начальником Меховского уезда. На своем посту он охранял интересы русского государства, борясь с польскими общественными и политическими устремлениями. Однако со временем он пересмотрел свои взгляды и изменил отношение к стране и людям, которых в начале должен был покорить силой оружия.

Свою службу в Польше Орел начал с участия в подавлении Январского восстания, вступив в июне 1864 г. в командование войсками Меховского военного округа. Осуществляемая им система репрессий, заключающаяся, главным образом, в возложении на разоренное местное дворянство и духовенство военных взысканий, снискала ему признание начальников, но в глазах польского общества создала о нем мнение как о жестоком и “грубом москале”⁷⁶. После административной реформы 1867 г. капитан Орел, назначенный на пост теперь уже гражданского начальника Меховского уезда, нисколько не отошел от деспотичного и военного стиля управления. Даже в глазах жандармерии он считался начальником особенно суровым, который на своем посту, чувствуя себя безнаказанным, отдавал предпочтение методам управления, испытанным во время Январского восстания. До проведения судебной реформы 1875 г., как писал в 1881 г. начальник келецкой жандармерии, “власть начальников уездов была почти неограниченной. Они наказывали и прощали, как хотели, и все общество дрожало перед ними. Времена и отношения изменились, но не все хотят с этим согласиться. К последним принадлежит и начальник Меховского уезда, который не может забыть времена, когда стоял выше закона”⁷⁷. С течением времени выдвигаемые против Орла обвинения казались уже не столь тяжкими, а его достоинства, проявившиеся на посту начальника уезда, – совестливость и честность, – послужили перемене мнения польского общества об Орле. На страницах краковской газеты “Czas” один из корреспондентов констатировал, что начальник Меховского уезда “отнюдь не друг поляков и даже непреклонный враг полонизма”, но в то же время отзывался о нем скорее с симпатией, признавал “что, если бы все его (Орла. – С.В.) коллеги имели такой же, как он, авторитет, (...) край выглядел бы по-другому. К сожалению, тип прежнего николаевского чиновника, правда, сурового, но возбуждающего трепет и известное уважение, исчез почти совершенно (...), как дали слово, можно было им верить”⁷⁸. Два облика Орла запечатлелись также в памяти его потомков. “Этот грубый москаль, – написано в одних мемуарах, – этот ужасный Орел – пугало всего уезда, который в приступе плохого настроения был способен сбросить с лестницы несчастных посетителей и допустить обидные злоупотребления, носил, однако, в

своей солдатской груди благородную искру: никому, политически скомпрометированному, не вредил, кого мог, спасал без взятки. После долгого управления в Мехове он оставил по себе память благородного дикаря”⁷⁹. Итог долголетней службы оказался позитивным. Сожженный во время восстания, городок был восстановлен жителями. При поддержке Орла были улучшены дороги в повете. По его инициативе в Мехове для населения построена больница Св. Анны и основано Добровольное пожарное общество. Нетипичная для русского заинтересованность Орла в благоустройстве повета, его забота о населении вызвала беспокойство жандармерии и комиссара по крестьянскому делу. Начальнику уезда ставили в вину, что он поддался давлению польского окружения, что, вопреки русской государственной политике, во время выборов гминных властей склонял крестьян, чтобы они выбирали гминными судьями местных землевладельцев⁸⁰.

После 25 лет службы в Мехове Орел вышел в отставку в чине генерала. Однако он не уехал из города, с которым сроднился и который считал своей малой родиной. Почти четверть века, вплоть до смерти в 1901 г., он жил в собственном доме с садом на ул. Вольбромской. В эти годы, не связанный уже должностными обязанностями, он еще более сблизился с поляками. Особенно сердечные отношения сложились у Орла с помещицей из Лелова Марией Массальской. Молва приписывала им тайную женитьбу, поскольку бракосочетание православного с католичкой грозило начальнику повета неприятностями. Орел завещал Массальской свою недвижимость в Мехове, которую после его смерти наследница передала на общественные нужды. В доме уездного начальника разместилась общественная начальная школа для девочек⁸¹. На меховском кладбище до сегодняшнего дня сохранилась могила Орла. На монументальной надгробии на двух языках высечена надпись: “Б[лаженной] п[амати] Андрею Орлу, действительному статскому советнику, многолетнему начальнику повета Меховского, который своими стараниями построил и учредил больницу Св. Анны в Мехове, благородному человеку – благодарные жители уезда Меховского. Род. 1820, ум. 1901”.

Извилистые и обычно непохожие один на другой жизненные пути русских, осевших в провинции и в столице Королевства Польского, дают основания для ряда обобщающих суждений. Во-первых, прибывающие сюда русские по-разному осознавали и переживали дилемму столицы и провинции в своей жизни в Польше. Хотя не подлежит сомнению, что оказавшись в Варшаве, в губернских городах Королевства или в польской глубинке – во всех случаях, будучи в отдалении не только от Петербурга или

Москвы, но и от по-разному понимаемой своей “малой” и “большой” родины, они естественным образом видели себя живущими на периферии.

Во-вторых, в первый период после подавления Январского восстания те русские, которые по приказу или по собственной воле покинули метрополию, рассматривали свое пребывание в Королевстве Польском не только как обитание в провинции, но как службу на “окраинах” Российской империи, требующую самопожертвования и преданности национальным и государственным интересам. При этом, исполнив свой долг, они рассчитывали через некоторое время возвратиться на родину. Во второй половине 1860-х годов подобное намерение в значительной степени было обусловлено ощущением опасности и враждебности по отношению к русским – в то время, особенно в провинции, еще немногочисленным – со стороны их польского окружения, которое рассматривало пришельцев как врагов, преследующих их язык, религию, культуру и народные традиции.

Предоставленные русским в Королевстве Польском права и привилегии, количественный рост здесь русских сообществ, а также возросшие трудности с получением чиновничьего места и с продвижением по службе в метрополии – все это повлияло на изменение отношения русских к “службе на рубежах” и к “жизни в провинции”. С годами отождествлявшаяся прежде с захолустьем провинция, а таковой по отношению к России и в сравнении с ней было все Королевство Польское, становилась настолько освоенной и интегрированной в течение жизни Российской империи, что отдельные представители русских или в известной мере те или иные слои русских сообществ укоренялись в Королевстве и стали отождествлять себя с Польшей. Раньше и полнее всего этот процесс совершился в Варшаве – в столице Королевства Польского, где русские приезжие, принимая во внимание их численность, чувствовали себя как дома. Существующая здесь инфраструктура позволила создать особый и относительно обособленный от окружающей среды мир. В то же время о прочности его связей с польской столицей свидетельствует то, что в 1915 г., после отступления из Королевства Польского русской армии и занятия немцами Варшавы, свыше 3 тыс. православных жителей столицы (около 10% их довоенной численности) решили не покидать города, несмотря на реальную опасность и царившую вокруг панику.

С большими трудностями проходил процесс адаптации русских в польской провинции, где они составляли малочисленные и разбросанные по городам и местечкам колонии. Для многих из них само сознание жизни в провинции негативно отражалось на

душевном состоянии и поведении. Особенно тяжелым было ощущение непрочности своего служебного положения, вследствие практикуемой властями ротации кадров. Этот вывод находит подтверждение в одном из жандармских донесений начала 1880-х годов. “Русские чиновники, – говорится в нем, – равнодушны к государственным делам, потому что, призванные со всего света, совсем не чувствуют себя связанными с местным населением и его нуждами, а свою службу рассматривают как временную, исполняемую до той минуты, когда по распоряжению властей не будут переведены в другое место”⁸².

Русское сообщество Королевства Польского в целом как в столице, так и в провинции представляло собой специфическую структуру, по социальным, профессиональным, конфессиональным и демографическим характеристикам существенно отличавшуюся от польского населения. Эти особенности порождали проблемы, с которыми не сталкивалось ни польское общество, ни общество в России, не имея о них даже представления.

Особенно тяготило прибывших в Королевство русских осознание того, что им приходится исполнять свои служебные обязанности в среде, которая только в незначительной степени принимала, а чаще всего неприязненно или враждебно относилась к русскому государственному аппарату. В таких условиях служба и повседневная жизнь становились мукой, проделанная работа не приносила удовлетворения, и чаще всего порождала единственно убеждение о потраченных напрасно жизни и талантах среди врагов России, царя и православия. Такую горькую чашу довелось испытать В.Г. Смородину, который, повинуясь долгу, 35 лет посвятил делу русификации польской молодежи. Во время революции 1905 г. он писал, что самым большим разочарованием, подрывающим дело всей жизни, стали дошедшие из Королевства Польского известия об организованных учениками школьных стачках.

Обременительными, в том числе и в моральном отношении, стали для русских чиновников Королевства неведомые для их коллег в метрополии обязанности осуществления политики русификации (насаждения русских ценностей, языка, религии и культуры). Специфические задачи, значительные нагрузки при исполнении должностных обязанностей, требования начальства, служебный и полицейский контроль усугубляли физические и морально-психологические тяготы службы русских чиновников, осложняли взаимоотношения внутри русских сообществ, порождая конфликты, бойкоты, взаимные обвинения в ополячивании, измене служебному и национальному долгу, в вероотступничестве.

Русские чиновники в Королевстве как правящая элита в покоренной стране могли себе позволить такие действия, какие в метрополии были бы недопустимы. Начальник Варшавского жандармского округа генерал П. Фредерикс в политическом рапорте за 1868 г., характеризуя русских чиновников, признавал, что “большая их часть относилась и относится до сей поры к польской территории, как к военной добыче, а к полякам – как к своим военнопленным, и, не обращая внимания на последствия, переносит свое отношение из официальной сферы в приватную”⁸³. Такого рода позиция и поведение должны были быть необыкновенно живучими, если 30 лет спустя варшавский генерал-губернатор А.К. Имеретинский утверждал, что русский чиновник “при вступлении в должность в Королевстве Польском (...) является с целым арсеналом заранее принятых идей, которыми решает руководствоваться в ожидающей его деятельности. Привислинский край кажется ему пылающим очагом революции. В каждом поляке он видит, прежде всего, побежденного. На себя самого он смотрит как на победителя, освобожденного от контроля не только общественного мнения, но и собственной совести”⁸⁴.

Особенно в провинции попытки сближения русских с польским обществом царский контрольный аппарат рассматривал как проявление слабости, и обычно построенные таким образом мосты разрушались, а скомпрометированные чиновники отправлялись в отставку. Такая судьба постигла келецкого губернатора Александра Лещова. Как доносила в 1884 г. жандармерия, Лещов в продолжение 13 лет “позволял себе выгодные и дружеские контакты с поляками (...), за время его управления в городе была создана пожарная команда, (...) Русское общество, (...) а в губернском и уездном правлениях было полно поляков, которым давались значительно большие шансы на продвижение, чем русским чиновникам. Симпатия губернатора Лещова к полякам, – как было подчеркнуто, – превосходила обычные нормы. (...) На обеды, даваемые губернатором, приглашалось католическое духовенство, богатейшие землевладельцы, нотариусы, присяжные заседатели, разные, бывшие проездом в губернии, техники, купцы. (...) Для учеников местной гимназии была учреждена стипендия Лещова. (...) После отставки, в день отъезда губернатора, толпы народа провожали его на станцию. Чиновники и помещики сопровождали его вплоть до Мнева. (...) Новый губернатор [Николай] Иваненко, – как с одобрением отмечала жандармерия, – сразу исправил ситуацию, потому что приказал забыть о безвозвратно минувших временах”⁸⁵.

В заключение следует отметить, что, исходя из общественно-политического положения Королевства Польского во второй

половине XIX в., невозможно однозначно определить по отношению к нему понятия “провинция” и “столица”. С одной стороны, в рамках Российской империи все Королевство было провинцией. В применяемое даже поляками понятие “королевство–империя” вкладывался тот смысл, что 10 надвислинских губерний если и не составляли провинциального обрамления, то, по крайней мере, находились в стороне от общественных, культурных, политических и даже хозяйственных перемен, формирующих образ и направление развития Российской империи. С другой – не случайно Варшава была третьим столичным городом империи, и уже по этой причине находилась в потоке жизни, типичной для административно-политических центров и была важным объектом внимания центральных властей. Хотя она отличалась по облику от Москвы и Петербурга, однако многое было сделано, чтобы ее внешний вид напоминал чисто русскую метрополию. Нет также ничего удивительного, что в Варшаве русские могли себя чувствовать, как дома. Вероятно, по этим соображениям многие русские, родившиеся в Варшаве, не имели сомнений в том, что “здесь Россия, а не Польша”. Такой ответ дал сын полковника Фредландера на вопрос отцовского приятеля, почему он, “родившийся и воспитывавшийся в Варшаве, в Польше, ни слова не говорил по-польски?”⁸⁶.

Перевод О. Каишановой

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 678. Оп. 1. Д. 452. Л. 1; *Szulc S.* Wartość materiałów statystycznych dotyczących stanu ludności b[yłego] Królestwa Polskiego. Warszawa, 1920. S. 95.

² *Корнилов А.А.* Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX в. Пг., 1915. С. 75; *Щебальский П.К.* Николай Александрович Милютин и реформы в Царстве Польском. М., 1882. С. 74.

³ См.: *Archiwum Główne Akt Dawnych* (далее – AGAD); *Sekretariat Stanu Królestwa Polskiego* (далее – SSKP). Sygn. 535/1864.

⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 479. Л. 70, 113.

⁵ Подробнее о компетенции и функциях новых учреждений см.: *Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Warszawa, 1866. Т. 66. S. 115–193.

⁶ *Kozłowski J.* Wyżsi urzędnicy gubernialni i powiatowi w Królestwie Polskim w latach 1867–1875 // *Przegląd Historyczny*. 1996. Z. 4. S. 820–824.

⁷ Ср.: *Смородинов В.Г.* Годы службы моей в Варшавском Учебном Округе. Эпизоды учебного быта. Пг., 1914. С. 68.

⁸ *Wiech S.* Rosyjski korpus administracyjny w dziele likwidacji odrębności Królestwa Polskiego (1866–1896). Ogląd w świetle materiałów żandarmerii // *Między Odrą i Dnieprem. Wyznania i narody*. Cz. 2. Zbiór studiów / Pod red. T. Stegnera. Gdańsk, 2000. S. 40.

⁹ *Borejsza J.W.* Noc postyczniowa // *Borejsza J.W.* Piękny wiek XIX. Warszawa, 1984. S. 325.

- ¹⁰ Ср.: Наставление русского своему сыну пред отправлением его на службу в Юго-Западные русские области // Вестник Западной России. Вильно, 1865. Т. 1. Кн. 3, ч. IV. С. 241–250.
- ¹¹ См.: AGAD. SSKP. Sygn. 678/1865. К. 10, 11, 15–18; Sygn. 909/1867. К. 56–58, 125–127. Ukaz najwyższy o prerogatywach urzędników ruskiego pochodzenia służących w guberniach Królestwa Polskiego // Dziennik Praw Królestwa Polskiego. Т. 67. Warszawa, 1867. S. 291–299; Сборник правилъственных распоряжений по Учредительному Комитету. Варшава, 1868. Т. 4. С. 105.
- ¹² Kozłowski J. Wyżsi urzędnicy gubernialni i powiatowi... S. 831.
- ¹³ См.: Dziennik Praw Królestwa Polskiego. Т. 68. S. 27.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 318. Л. 254.
- ¹⁵ Там же. Д. 479. Л. 59.
- ¹⁶ Там же. Д. 1878. Л. 8; Wiech S. Rosyjski korpus administracyjny... S. 59.
- ¹⁷ Wiech S. Lustracje urzędników administracji państwowej Królestwa Polskiego w latach 1866–1873 // Między irredentą a kolaboracją. Polacy w czasie zaborów wobec obcych władz i systemów politycznych / Pod red. S. Kalembki i N. Kasparka. Olsztyn, 2001. S. 80, 81.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 338. Л. 17–19.
- ¹⁹ Там же. Д. 346. Л. 174.
- ²⁰ Там же. Д. 479. Л. 104, 110.
- ²¹ Там же. Л. 71.
- ²² Wiech S. Lustracje urzędników... S. 92.
- ²³ ГАРФ. Ф. 109. III эксп. 1873. Оп. 158. Д. 221. Л. 66.
- ²⁴ Там же. Ф. 110. Оп. 24. Д. 479. Л. 44.
- ²⁵ Czas 1871. N 121.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 4135. Л. 28.
- ²⁷ Там же. Д. 1717. Л. 13.
- ²⁸ Там же. Д. 1068. Л. 8–10.
- ²⁹ Докудовский В.А. Дневник генерал-майора Василия Абрамовича Докудовского / Под ред. С.Д. Яхонтова. Рязань, 1903. С. 342.
- ³⁰ Gazeta Narodowa. 1894. N 268.
- ³¹ См.: Archiwum Państwowe w Kielcach. Rząd Gubernialny Kielecki. Sygn. 3036. К. 1–72.
- ³² Bochwic L. Wspomnienia uniwersyteckie Warszawa, 1882–1885 i Petersburg, 1885–1887. Z dawnych wspomnień sądowych. Wilno, 1938. S. 27.
- ³³ Borejsza J. Piękny wiek XIX. Warszawa, 1984. S. 369.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 870. Л. 15; Д. 1060. Л. 92.
- ³⁵ Ср.: Nietyksza M. Rozwój miast i aglomeracji miejsko-przemysłowych w Królestwie Polskim, 1865–1914. Warszawa, 1986. S. 236; Tuszyńska A. Rosjanie w Warszawie. Warszawa, 1992. S. 13; Wisniewska J. Społeczności narodowe i wyznaniowe Warszawy XIX i początku XX w // Warszawa – Bratysława. Etniczne i społeczne zróżnicowanie miasta (do 1939 r.) / Pod red. P. Salnera i A. Stawarza. Warszawa, 1997. S. 12, 16.
- ³⁶ См.: Szulc S. Wartość materiałów statystycznych ... S. 95.
- ³⁷ См.: Nietyksza M. Rozwój miast ... S. 225.

- ³⁸ Ibid. S. 236, 245.
- ³⁹ *Смородинов В.Г.* Указ. соч. С. 8.
- ⁴⁰ AP Kielce. KGZŻ. Sygn. 3. K. 31; Sygn. 4. K. 33, 34.
- ⁴¹ *Смородинов В.Г.* Указ. соч. С. 110.
- ⁴² AP Kielce. RGK. Sygn. 840. K. 58; Sygn. 3045. K. 34. AP Kielce. KGZŻ. Sygn. 1. K. 36; Sygn. 3. K. 6; Sygn. 4. K. 56; ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 1235. Л. 31.
- ⁴³ AP Kielce. KGZŻ. Sygn. 5. K. 37.
- ⁴⁴ *Кареев Н.И.* Первое марта 1881 г. и варшавские русские // Былое. Париж, 1907. № 3/15. С. 279.
- ⁴⁵ См.: *Zaleski A.* Towarzystwo warszawskie. Listy do przyjaciółki przez Baronową XYZ / Oprac. R. Kołodziejczyk. Warszawa, 1971. S. 203–205.
- ⁴⁶ Ср.: *Смородинов В.Г.* Указ. соч. С. 98–112.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 711. Л. 105, 106.
- ⁴⁸ *Wiech S.* Radom i jego mieszkańcy w ostatnim trzydziestoleciu XIX wieku w pamiętniku Władimira Grigoriewicza Smorodinowa // Studia Ekonomiczno-Społeczne. T. 7 (2005). S. 189, 190.
- ⁴⁹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 2050. Л. 8; см. также: Д. 711. Л. 105.
- ⁵⁰ Там же. Д. 3076. Л. 8.
- ⁵¹ Там же. Д. 3078. Л. 15.
- ⁵² Там же. Д. 479. Л. 112, 113.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. Д. 2189. Л. 3.
- ⁵⁵ Там же. Д. 527. Л. 68, 69.
- ⁵⁶ *Szwarc A.* Inteligencja w mieście gubernialnym Królestwa Polskiego po powstaniu styczniowym. Przykład Kalisza // Wspólnoty lokalne i środowiskowe w miastach i miasteczkach ziem polskich pod zaborami i po odzyskaniu niepodległości. Studia nad dziejami miast i mieszczaństwa. (Studia Polonica Historiae Urbanae). Toruń, 1998. T. 3. S. 220.
- ⁵⁷ *Nassalski M.* Wspomnienia, rewizje, więzienie, zesłanie, stosunek władz moskiewskich do duchowieństwa katolickiego, 1893–1914. Częstochowa, 1935. S. 7, 11; ГАРФ. Ф. 110. Оп. 17. Д. 13. Л. 253–261; Д. 116. Л. 121–126.
- ⁵⁸ AP Kielce, Kielecka Katedralna Cerkiew Wniebowstąpienia. Sygn. 15, 16; *Drozdowska B.* Życie rodzinne i towarzyskie Rosjan w Królestwie Polskim w latach, 1864–1894 // Unifikacja za wszelką cenę. Sprawy polskie w polityce rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku. Studia i materiały / Pod red. A. Szwarca i P. Wiczorkiewicza. Warszawa, 2002. S. 119, 120.
- ⁵⁹ *Konczyński J.* Ludność Warszawy pod względem statystycznym, 1877–1911. Warszawa, 1913. S. 14.
- ⁶⁰ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 479. Л. 51, 52.
- ⁶¹ Там же. Д. 3288. Л. 9.
- ⁶² Там же. Д. 1239. Л. 4.
- ⁶³ См.: *Wiech S.* Społeczeństwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866–1896). Kielce, 2002. S. 336.
- ⁶⁴ Ibid.
- ⁶⁵ *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 1990. С. 12.

- ⁶⁶ Cp.: *Gazeta Kielecka*. 1871. N 19,32; 1872. N 28,101; 1873. N 4; 1876. N 16.
- ⁶⁷ *Ibid.* 1882. N 12.
- ⁶⁸ *Ibid.* 1873. N 53, 1875. N 3.
- ⁶⁹ AP Kielce. Kancelaria Gubernatora Kieleckiego. Sygn. 1622. K. 44.
- ⁷⁰ *Dziennik Warszawski*. 1866. N 2.
- ⁷¹ *Gazeta Kielecka*. 1872. N 28; 1876. N 35, 39.
- ⁷² *Ibid.* 1883. N 59; 1891. N 42.
- ⁷³ *Ibid.* 1892. N 86; 1893. N 30, 95.
- ⁷⁴ *Ibid.* 1890. N 24, 25; 1894. N 17, 19, 21.
- ⁷⁵ *Ibid.* 1900. N 42.
- ⁷⁶ Cm.: *Staszek J.* Miechów w relacji Kazimierza Girtlera // *Rocznik Biblioteki PAN*. T. 29 (1984). S. 170.
- ⁷⁷ APK. KGZŻ. Sygn. 4. K. 56.
- ⁷⁸ Przyczynek do Towarzystwa Warszawskiego. Na prowincji // *Czas*. 1887. N 39.
- ⁷⁹ *Grabówka K.* Wspomnienia z roku 1863–1864. Kraków, 1912. S. 94, 95.
- ⁸⁰ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 1378. Л. 17.
- ⁸¹ *Pycia J.* Nad Cichą. Kielce, 1936. S. 191.
- ⁸² ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 2760. Л. 4.
- ⁸³ Sytuacja polityczna Królestwa Polskiego w świetle tajnych raportów naczelników Warszawskiego Okręgu Żandarmerii z lat 1867–1872 i 1878 / Oprac. S. Wiech i W. Caban. Kielce, 1999. S. 107.
- ⁸⁴ Tajne dokumenty rządu rosyjskiego w sprawach polskich. Memoriał ks. Imeretyńskiego. Protokoły Komitetu Ministrów. Nota Kancelarii Komitetu Ministrów, Londyn, 1898. S. 38.
- ⁸⁵ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 1717. Л. 8–10.
- ⁸⁶ *Hoesik F.* Powieść mojego życia. Pamiętniki. Wrocław, 1959. T. 1. S. 173.

Магдалена Мициньска (Варшава)

**Возрождавшие отчизну.
Польская провинциальная интеллигенция
в Королевстве Польском
во второй половине XIX – начале XX века**

Рассматриваемый нами период охватывает четыре десятилетия, от подавления восстания 1863 г. до революции 1905 г., – время, когда политическое, общественное и культурное развитие польских земель было различным в условиях разделенной страны. Первую, главную линию раздела составляли, совершенно очевидно, границы, проведенные при разделах Речи Посполитой между тремя державами, имевшими различное государственное устройство, следствием чего стала разная степень автономии, предоставленной полякам. В австрийской части на рубеже 1860–1870-х годов, в результате реформ, проводившихся во всей Габсбургской монархии, значительно расширились культурные и политические права польского населения империи. На польских землях, принадлежавших Пруссии, несмотря на постоянное нарастание германизации, поляки пользовались правами, установленными законом, а их главные усилия были сосредоточены на противостоянии экономическому давлению со стороны немцев. После подавления восстания 1863 г. противоположная тенденция проявилась в Королевстве Польском, а особенно на землях бывшей Речи Посполитой, еще во время разделов Польши, непосредственно включенных в Россию. Здесь в указанный период начался процесс ликвидации всех существовавших до сих пор административных и правовых отличий Королевства Польского от других областей империи, а само Королевство официально было названо Привисленским краем, что стало символом политики унификации, сопровождавшейся вытеснением польского языка из всех сфер общественной жизни. В результате в западных российских губерниях польская культура и польский язык оказались замкнуты в узком кругу семьи и частных домов. В Королевстве Польском право пользоваться польским языком сохранялось, при строгой предварительной цензуре в отношении литераторов и

журналистов. Все попытки создания каких-либо объединений польского населения, даже на самом низком местном уровне, были обречены на неудачу, или же требовали сложных, кропотливых усилий с целью обойти существующие предписания.

Одновременно годы и десятилетия после подавления восстания ознаменовались в Королевстве Польском важными переменами в общественной жизни и общественном сознании. Фундаментом этих изменений стали, с одной стороны, наделение крестьян землей и ликвидация пережитков крепостничества, повлекшие за собой изменение социального положения различных общественных слоев. А с другой – воздействие на общественное сознание поражения Национального восстания 1863–1864 гг. – поражения очередной попытки борьбы за независимость, поражения, особенно чувствительного и унижительного, которое тем или иным образом влияло на менталитет по крайней мере двух поколений поляков после 1864 г. Споры о его причинах и последствиях продолжались вплоть до Первой мировой войны и восстановления независимости Польши. Они положили начало идейно-философскому течению, называемому “варшавским позитивизмом”. Его очевидным постулатом был отказ от восстаний и конспиративной деятельности, ориентация на легальную работу, направленную на культурное и экономическое укрепление нации, которой грозило физическое уничтожение. В русской части Польши эта работа могла вестись лишь в чрезвычайно неблагоприятных условиях.

Вторая половина XIX в. – это, наконец, также время беспрецедентного роста как численности, так и общественной значимости интеллигенции (это не было явлением, характерным исключительно для Польши, но, что очевидно, было явлением общеевропейским). В этот период польская интеллигенция во всех польских землях, а, пожалуй, наиболее отчетливо именно в Королевстве Польском, осознала свою собственную “отдельность”, обособленность от других социальных групп, и сплоченность, несмотря на все различия, обусловленные образом жизни и местом в социальной иерархии. Также в этот период интеллигенция осознанно принимает на себя ответственность за свой лишенный государственности народ и направляет свою деятельность к тому, чтобы заменить в области науки, культуры и просвещения несуществующие государственные институты.

Десятилетия после 1870 г. – это время, когда интеллигенция Варшавы, города, развивавшегося тогда особенно интенсивно, совершенно сознательно пытается восполнить пробел, который образовался вследствие закрытия польских высших учебных

заведений, отсутствия научных и культурных обществ, государственных музеев, наконец, польских просветительских организаций различных уровней. В этот период благодаря усилиям общественности в Варшаве возникают различные объединения, иногда с удивительными названиями, которые ставят перед собой цель защиты и развития польской науки и культуры. Среди них важнейшими были Музей промышленности и земледелия и Касса имени Мяновского, сосредоточившими свои усилия на различных способах финансирования и развития науки. Такие объединения возникали легально, хотя в каждом случае для их основания приходилось прибегать к юридической казуистике и другим подобным уловкам. Касса Мяновского получила такое наименование исключительно потому, что ей не разрешено было функционировать под более содержательным названием научного общества.

В те годы своеобразная общественная жизнь Варшавы сосредоточивалась в салонах, которые имели длительную, восходящую к XVIII в., традицию. К концу XIX столетия в городе насчитывалось несколько десятков литературных, музыкальных, артистических салонов, где собиралась в первую очередь элита интеллигенции. Своеобразным и новым явлением было возникновение политических салонов, объединявших людей известных, уважаемых, придерживавшихся сходных взглядов, которые старались реагировать на текущие общественные вызовы и потребности. Объединенные общими идеями и целями, представленные в таких салонах общественные деятели находили способы общения с русскими, а также использовали свои скромные возможности, чтобы формировать образ Варшавы и Королевства Польского для других польских земель и заграницы.

В то же самое время в Королевстве Польском все более отчетливым становилось деление на интеллигенцию провинциальную – тех самых врачей, учителей, нотариусов и аптекарей, чью жизнь столь охотно отражали в своих повестях писатели, – и на творческую интеллигенцию, сосредоточенную в крупных центрах просвещения и культуры. Огромен был разрыв в этом отношении между Варшавой и провинциальными городами Королевства Польского, особенно с теми, которые не имели собственных культурных традиций, и, в частности, где не было школ среднего звена. Однако важнейшие вопросы, волновавшие польскую интеллигенцию, находили отзвук и там. Провинциальная интеллигенция Королевства также бралась за решение важнейших задач, стоявших перед польской интеллигенцией в целом.

Еще одним фактором, обусловившим различие между интеллигенцией важнейших общественных и культурных центров

Польша и интеллигенцией польской провинции, стали размеры, численность населения, экономический и культурный потенциал, а также характер исторического развития региональных центров страны. В губернских городах, а также в малых городах, где издавна существовали гимназии, выростала собственная интеллигенция, способная создать и поддерживать такие формы общественной и культурной жизни, которые, хотя бы в микромасштабе, соответствовали бы варшавским образцам. В этих центрах, на протяжении всего периода, начиная с 1870-х годов, в более или менее скрытом виде успешно развивалась жизнь местных интеллигентских элит. Везде интеллигенция старалась по мере своих сил и возможностей, обусловленных политико-правовой ситуацией, реализовывать инициативы, близкие к тем, с которыми выступали завсегдатаи крупнейших варшавских салонов. Повсюду копировался стиль жизни варшавских салонов, даже если в городе все их заменял один-единственный гостеприимный дом, хозяин которого был признанным главой местной интеллигенции. Как правило, то были представители свободных профессий, вдохновлявших общественную жизнь в городах. Среди таких людей можно назвать отставного чиновника Станислава Зелинского в Кельце, врачей Юзефа Станиславского в Серадзе и Александра Хрыстовского в Ломже. Обращаясь к более известным примерам вне Королевства Польского, можно добавить имена выдающейся писательницы Элизы Ожешко в Гродно и директора Земельного банка в Вильно Юзефа Монтвилло. Особое место в этом ряду занимает Антони Ролле из Каменца-Подольского, врач и литератор, который принимал у себя выдающихся интеллектуалов и представителей творческой интеллигенции из разных польских земель, в их числе были Тадеуш Корзон, Адам Плуг, Корнель Уейский, Владимир Спасович и даже венгерский пианист-виртуоз Ференц Лист.

В более крупных городах центрами интеллектуальной жизни были и редакции местных периодических изданий, таких как “Газета келецка” (Кельце, 1870–1918), “Калишанин” (Калиш, 1870–1892), “Газета любельска” (Люблин, 1876–1905), “Корреспондент плоцки” (Плоцк, 1876–1888), после перерыва издание было продолжено под названием “Эха плоцке и ломжиньске”, и “Газета радомска” (Радом, 1884–1917). В большинстве губернских городов возникали также профессиональные объединения и физкультурно-спортивные общества (в последнем случае чаще всего гребцов или велосипедистов)¹.

В небольших городах первоначально инициаторами почти всех начинаний культурного характера были окрестные помещи-

ки. Убедительным примером является деятельность Густава Зе-линьского, владельца имения Скемпе, основателя богатой библиотеки и фонда научных стипендий. Его культурная и просветительская деятельность не замыкалась в собственном имении, но имела большое значение и для интеллектуальной жизни расположенного поблизости Плоцка.

В самом Плоцке встречи местной интеллигенции с 1870-х годов стали проходить в помещении Общества добровольной пожарной охраны, единственной во второй половине XIX в. (за исключением благотворительных обществ) легальной общественной организации. Общества пожарной охраны объединяли представителей местной интеллигенции и других социальных слоев. По утверждению Болеслава Пруса, известного в то время не только как выдающийся писатель, но и как ведущий публицист позитивистского направления, просвещение граждан было для добровольных пожарных обществ делом столь же важным, как и борьба с огнем. Провинциальные пожарные, писал Прус в 1880 г., обучали “адвокатов и ремесленников, купцов и поденщиков, каменщиков и сторожей”. Они приучали мужчин к порядку и дисциплине, закаляли их тело и дух². Среди почетных членов пожарной охраны в губернском Плоцке, созданной в 1874 г., значились: врач, три аптекаря, землемер, семь чиновников разных ведомств, член местного Общества земельного кредита и владелец кирпичного завода. Общества пожарной охраны становились базой для возникавших при них оркестров, любительских театров, хоровых кружков. Они в значительной степени подготовили почву для подъема культурно-просветительской деятельности польской интеллигенции после 1905 г.

Хорошим примером такого последовательного развития может быть город Цеханов, который в начале XX в. насчитывал приблизительно 9 тыс. жителей, в том числе около 5 тыс. евреев. После восстания 1863 г. польская общественная жизнь в нем ограничивалась лишь опекунской деятельностью графини Розы Красиньской, имевшей в тех краях земельные владения, а также организованными ею и ее дочерью подпольными курсами. Уже в 1882 г. в Цеханове возникли объединившее интеллигенцию Общество пожарной охраны, а 20 лет спустя хоровой кружок “Виктория”. В 1907 г. в городе было создано общество польской культуры, открыт дом культуры, возникли объединения социально-экономического характера. Перед началом Первой мировой войны в Цеханове уже было несколько самодеятельных театральных коллективов с собственными местами представлений, оркестр, хоры и библиотеки, кружок велосипедистов и три аграрных школы в бли-

жайших пригородах. Вдохновителем многих этих начинаний был местный врач Францишек Райковский. Ему принадлежит заслуга перед всей польской культурой как первооткрывателя творчества ряда народных мастеров-самоучек, ставших в начале XX в. широко известными резчиками по дереву.

Деятельность польской провинциальной интеллигенции во имя культурного прогресса своих родных городов способствовала укреплению среди интеллигентов чувства собственной идентичности и осознанию ими собственных целей и одновременно грозивших опасностей. Последние были двоякого рода. С одной стороны, относительно немногочисленная и небогатая интеллигенция в небольших городах в значительной степени зависела от местных землевладельцев, а также от местного церковного прихода. С другой – она стояла перед реальной угрозой растворения в городской мещанской среде. Отмежевание от тех и других составляло важнейшее условие для ощущения себя отдельной социальной группой. Одновременно, как уже отмечалось выше, интеллигенция была убеждена, что перед ней стоит собственная задача по отношению ко всему обществу, убеждена в своей прогрессивной культурно-просветительской миссии. Разрешение этой дилеммы являлось одним из важнейших интеллектуальных вызовов, который встал в конце XIX в. перед польским “просвещенным слоем” как в главных центрах польской мысли, так и в маленьких, сонных городках. Приведенные выше примеры показывают, что иногда с этим вызовом удавалось справляться.

В то же самое время, в течение всего рассматриваемого периода, и в прессе, и на страницах публицистических произведений, и в художественной литературе интеллигенция постоянно обвинялась в пренебрежении своей миссией. И, как обычно случалось в истории, наиболее беспардонными ее критиками оказывались сами интеллигенты. “Наша интеллигенция спит и усыпляет своим храпом наиболее живые элементы общества, – это, например, было написано в 1884 г. – Ее воспитанник несет на себе налет неловкости и туповатости. Он убежден: пусть там варшавяне философствуют, я же могу только зарабатывать себе на хлеб – ведь я отрезан от мира. Этот отказ не раз вырывался из уст, которые когда-то способны были произносить лучшие слова. Школы в какой-то степени разовьют и отшлифуют ум, кажется, он никогда не утратит своего блеска. Вовсе нет. Замкнувшись в своем провинциальном углу, покроется он вскоре патиной и ржавчиной – настолько, что, спустя несколько лет, встречаешь совершенно другого человека. Действительно отрезанного от мира”⁷³. Вот такой образ мертвенного оцепенения провинции, умственной лени и

лицемерия ее просвещенных слоев, создает тогда литература, разумеется, не только польская, — особенно он ярок в повестях и рассказах происходившего из Кельце Стефана Жеромского.

Критика подобного рода стала нарастать с середины 1880-х годов, что явилось следствием смены общественно-политических поколений в Королевстве Польском. На общественную арену вступила новая генерация, не обремененная памятью о поражении восстания 1863 г., которая не была намерена безоговорочно следовать завещанной отцами покорности. Для нового поколения неубедительно звучали позитивистские постулаты о накоплении национальных сил в рамках закона, поскольку оно видело, как часто ими прикрывается обыкновенный карьеризм и стяжательство. Это поколение, часто называемое поколением недовольных или поколением “Глоса”, по названию важнейшего журнала общественного характера, издававшегося тогда в Варшаве, оказалось инициатором целого ряда просветительских акций конспиративного плана, предпринятых как в Варшаве, так и в провинции. Наиболее значительной из них стало создание так называемого летучего университета — высшего учебного заведения, просуществовавшего в Варшаве более 10 лет на строго конспиративной основе.

Принципиальные изменения принес, однако, только 1905 г. — вслед за смягчением российского политического курса по отношению к полякам: как в Варшаве, так и в провинции произошел настоящий взрыв инициатив, носивших культурный, просветительский и научный характер. Только тогда дождались легализации большинство образовательных институций, которые до тех пор действовали нелегально. Важнейшим среди них было общество научных курсов, которое унаследовало традиции “летучего университета” и куда влились его кадры. Наряду с ними возникали новые общества и кружки — просветительские, культурные, экономические, профессиональные, любительские и физкультурные.

На протяжении нескольких лет после 1905 г. эта тенденция была ярко выражена особенно в Вильно и в менее крупных городах Литвы, где, хотя и на короткое время, но немалым числом основывались польские газеты, создавались культурные общества, хоры и театры. В городах Королевства Польского либерализация, проходившая под давлением революционных выступлений, также активизировала верхи местной интеллигенции. Политическая ситуация и общественные ожидания после революции 1905 г. были уже другими, чем несколько десятков лет тому назад. Однако новая общественная жизнь протекала, как правило, по тем же

самым каналам и руслам, которые в первые два-три десятилетия после восстания 1863 г. старались проложить те, кто возрождал тогда свои “малые родины”.

Перевод Г. Макаровой

¹ Ср., например: *Polanowski E.* Życie literackie Kalisza: 1870–1907. Warszawa, 1987; *Kowalska-Pabiniak B.* Życie kulturalno-literackie Płocka w 2. połowie XIX w. Płock, 1994; *Tomaszewicz A.* Życie kulturalne ośrodków miejskich guberni kaliskiej w latach zaborów. Sieradz, 1998; *Kociszewski A.* Animatory małych ojczyzn – życie kulturalne małych ośrodków miejskich Mazowsza (od połowy XIX w.) // *Mazowieckie miasteczka na przestrzeni wieków* / Pod red. A. Stawarz. Warszawa, 1999.

² *Prus B.* Kronika tygodniowa // *Kurier Warszawski*. 1880. N 35.

³ Korespondencja warszawskiej “Prawdy”. 1884. N 45 (за предоставление мне этой цитаты сердечно благодарю Станислава Веха).

С.М. Фалькович (Москва)

**Санкт-Петербург – центр деловой,
научной, культурной
и общественно-политической
активности поляков в XIX – начале XX века**

С включением польских земель в состав Российской империи поляки превратились в ее подданных, а Петербург стал восприниматься ими как столица государства. Именно там принимались решения, влиявшие на судьбу их родины и их собственные судьбы, отсюда исходили импульсы, дававшие направление экономическому и общественному развитию, ходу всей политической жизни, революционному движению. Столица империи открывала больше возможностей для предпринимательской деятельности, учебы и научной карьеры, пользования благами цивилизации и культуры. И хотя столичная жизнь была более дорогой, но и заработки там были гораздо выше, чем на периферии, в том числе и в Королевстве Польском. Поэтому неудивительно, что именно в Петербурге проживало больше поляков, чем в других крупных городах России. Уже на рубеже 1830–1840-х годов их было около 40 тыс. человек¹. Это число неуклонно возрастало и уже в 1907–1913 гг. польская колония в столице насчитывала более 60 тыс. человек. Первая мировая война вызвала приток беженцев из Королевства Польского и западных губерний России, в результате численность польского населения Петербурга превысила 132 тыс. человек².

Одним из главных источников пополнения польского населения столицы была приезжавшая на учебу молодежь. За 100 лет, начиная с первых десятилетий XIX в., не менее 30 тыс. поляков получили образование в столичных вузах. Перед Первой мировой войной в Петербурге ежегодно училось уже более 3 тыс. польских студентов, тогда как в конце 1830-х годов в Петербургском университете обучалось всего около сотни польских юношей. В 1847 г. их число возросло до 277 (из общего числа студентов в 700 человек), затем наступил некоторый спад, вызванный политическими событиями, но после 1856–1857 гг. вновь усилился

приток польской молодежи в университет Петербурга. В 1861 г. там училось около 450 поляков. Новый спад был вызван восстанием 1863 г. в Королевстве Польском, в результате в конце 1870-х – начале 1880-х годов польское университетское землячество насчитывало 250 человек. Однако с учетом других учебных заведений Петербурга численность польских студентов и в этот период составляла более 1 тыс. человек, а с конца XIX в. стала быстро расти. В одном только университете в 1909 г. обучалась 1 тыс. поляков³. Наибольшей популярностью среди польской молодежи пользовались кафедры польского права – гражданского и уголовного, прием на которые осуществлялся без экзаменов. Привлекали поляков также технические и естественные науки. Так, в Петербургском технологическом институте за период 1837–1913 гг. прошли обучение более 1300 поляков; свыше 1 тыс. обучил до 1917 г. Институт инженеров путей сообщения, возникший в 1809 г.; среди студентов Института гражданских инженеров, существовавшего с 1842 г., выявлено 333 польских учащихся, а в открытом в 1899 г. Политехническом институте насчитывалось 2892 поляка. Польские студенты обучались и в таких старейших вузах Петербурга, как основанный в конце XVIII в. Горный институт (250–300 человек), Лесной институт (за период существования с 1803 по 1917 г. его посещало более 700 поляков) и Медико-хирургическая (впоследствии Военно-медицинская) академия, действовавшая с 1798 г. Наряду с Академией в Петербурге существовало еще четыре высших учебных заведения медицинского профиля и Фармацевтическая школа для женщин, которую в 1903 г. основала и руководила ею полька А. Лесьневская. Таким образом, медицинским образованием в общей сложности было охвачено около 1500 польских учащихся⁴.

Поляки в Петербурге были не только потребителями знаний, но и сами вносили вклад в дело образования, просвещения, развития науки. Многие воспитанники питерских вузов становились их преподавателями, как, например, читавшие лекции в университете в 1870-е годы культурологи Л. Воеводзкий и Т. Зелинский или востоковеды А. Мухлинский и И.Б. Петрашевский, преподававшие в 1830–1840-е годы восточные языки на кафедре, основанной О. Сенковским, также поляком по происхождению. Выпускниками университета были и правоведы С. Будзыньский, К. Губе, С. Лагуна. В 1840–1860-х годах на кафедрах польского и международного права работали также Ц. Заборовский, Р. Губе, И. Кшижановский, А. Чайковский, И. Ивановский, Т. Багровский, В. Спасович. В последние десятилетия XIX в. профессором университета и деканом его историко-филологического факуль-

тета был выдающийся лингвист Я.Н. Бодуэн де Куртенэ, за 20 лет работы создавший школу, из которой вышли, в частности, российские ученые Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, литераторы В.Б. Шкловский, А.А. Блок. Коллегами Бодуэна были Л. Петражицкий, Я. Лось, С. Пташицкий и др. Известные деятели науки преподавали и на других факультетах университета, например, математик Ю. Сохоцкий, ботаник Л. Ценьковский, астроном В. Висьневский⁵.

Всего в Петербургском университете на протяжении XIX в. работали до 11 профессоров-поляков. В 1901 г. в нем насчитывалось 5 профессоров и 9 доцентов, но общее число польских профессоров и преподавателей Петербурга было намного выше – более 60 человек. К 1918 г. оно возросло до 400, и это не считая младшего научного персонала – лаборантов, сотрудников музеев, реставраторов и т.п. Поляки работали во всех питерских вузах – в том числе в Институте инженеров путей сообщения (С. Кербедзь, А. Пшеницкий, Ф. Ясиньский, Г. Мерчинг и др.), в Технологическом (Х. Евневич, В. Янковский и др.), в Горном (А. Скочиньский, К. Богданович, Г. Чечот и др.), в Лесном (А. Рудзкий, А. Хребницкий-Докторович и др.), в Электротехническом (Т. Фризендорф), в Психоневрологическом (С. Владычко), в Институте экспериментальной медицины (М. Ненцкий и др.), в Военно-медицинской академии (Я. Балиньский, З. Орловский, Я.Л. Межеевский и др.), в Римско-католической духовной академии (С. Пташицкий). Они читали лекции на женских Бестужевских курсах и Высших курсах Лесгафта, участвовали в научных экспедициях, работали в научных обществах, занимались написанием учебников и подготовкой научных публикаций, входили в комиссии Министерства народного просвещения, выполняли работу цензоров, инспекторов, кураторов. Многие из них избирались и назначались на руководящие посты: А. Карпиньский и К. Богданович возглавляли кафедру геологии в Горном институте на протяжении почти 40 лет, Х. Евневич в течение 35 лет был деканом в Технологическом институте. В. Подвысоцкий и Ш. Дзежговский в 1905–1917 гг. руководили Институтом экспериментальной медицины; Ю. Морозевич и С. Чарноцкий входили в Российский комитет геологии, а К. Богданович в 1914–1917 гг. являлся его главой. С. Галензовский был вице-президентом Российского общества гражданских инженеров, Ю. Лукашевич руководил Петербургским географическим институтом. Активными членами Русского географического общества были Б. Громбчевский, В. Массальский, Ю. Талько-Грынцевич. С этим Обществом, а также с Неофилологическим и Антропологическим научными

обществами сотрудничал Бодуэн де Куртенэ. На примере последнего видно, каким уважением пользовались ученые-поляки: Бодуэн имел звание заслуженного профессора и почетного члена Петербургского университета, являлся обладателем золотой медали. Он был избран членом-корреспондентом Российской академии наук и удостоен академической Уваровской премии. Бодуэн участвовал в работе Академии по изданию “Толкового словаря живого великорусского языка” В.И. Даля и подготовке реформы русского правописания. Членом Российской академии наук был также А. Брюкнер, в 1890-х годах исследовавший литературу и культуру России. А одним из первых поляков, избранных в Российскую академию, в 1806 г. стал Я. Потоцкий, занимавшийся русской историей и археологией⁶.

Поляки Петербурга работали не только в науке и просвещении, но и участвовали в практическом осуществлении многих технических проектов. Так, А. Пшеницкий был автором проекта Дворцового моста в Петербурге, архитектор М. Лялевич построил там немало зданий. С. Джевецкий разрабатывал в Питере конструкции военных кораблей, подводных лодок, а затем занялся вопросами аэродинамики. В. Янковский участвовал в конструировании знаменитого аэроплана “Илья Муромец”, над созданием которого работал другой поляк – И. Сикорский. В конце XIX – начале XX в. авиация привлекала внимание как польских инженеров, так и пилотов. Пилотами и парашютистами стали ряд воспитанников Технологического института и курсов при нем (М. Сципио дель Кампо, Г. Сеньо, М. Богатырев, Е. Борейша, А. Залеский и др.), морские инженеры (Я. Стаховский), офицеры всех родов войск. Они учились летать в Военно-инженерной и Аэронавтской школах Петербурга (Я. Нагурский, А. Середницкий), в гатчинской Школе военных летчиков (Э. Норвид-Кудло, З. Студзиньский, К. Абаканович, А. Букевич, Е. Гарбиньский и др.). Многие из них затем работали там инструкторами и руководителями полетов (Г. Сеньо, Я. Мальчевский, Р. Шоманьский и др.). Выдающимся летчиком был Я. Нагурский, служивший в Морском министерстве. Он одним из первых совершал арктические полеты, участвовал в подготовке к розыску погибшей в Арктике экспедиции Г.Я. Седова. Именем Нагурского названа одна из полярных станций. Польские пилоты Б. Матыевич и Г. Пётровский (впоследствии служивший в Генеральном штабе референтом по вопросам авиации) отличились во время Первого всероссийского авиационного праздника, проходившего в Петербурге в 1910 г., а в 1911 г. Е. Янковский получил вторую премию за участие в перелете из Петербурга в Москву⁷.

В это время профессия летчика была достаточно экзотической, и приток поляков в авиацию отражал, с одной стороны, свойственную им тягу к романтике и героизму, а с другой – стремление получить хорошее техническое образование и уникальную специальность. Именно столица открывала для них эту возможность. Однако при преобладании инженеров и другие профессии были так же успешно освоены поляками в Петербурге, где среди них насчитывалось большое число адвокатов, присяжных поверенных, врачей, дантистов, фармацевтов, ветеринаров. Вместе с деятелями науки, просвещения и культуры они образовывали большой отряд польской интеллигенции. Наряду с ним в состав польского населения Петербурга входили промышленники, купцы, рабочие и ремесленники⁸.

Хотя польская диаспора вполне вписалась в общественный контекст города, вокруг нее с самого начала стала складываться национальная и религиозная инфраструктура. Толчок к ее развитию дали послабления в царском законодательстве после революции 1905 г. В 1913 г. в городе насчитывалось семь костёлов и шесть часовен. Приходы трех парафиальных костёлов – Святой Екатерины, Святого Станислава и Святого Казимира – объединяли 51 500 верующих. С 1884 г. при костёле Святой Екатерины существовало Римско-католическое благотворительное общество, под эгидой католической церкви находились польские приюты и учебные заведения, как, например, 4-классная прогимназия ксёндза А. Малецкого и 8-классная гимназия при костёле Святой Екатерины. Кроме того, в начале XX в. действовали светские школы – классическая гимназия (8 классов) и реальное училище (7 классов), а также женские 8-классные гимназии А. Ястшембской и С. Чвердзиньской и еще 13 начальных польских школ⁹. При гимназии костёла Святой Екатерины возник Кружок педагогов, а при гимназии Ястшембской в 1916 г. были организованы Высшие курсы польского языка, готовившие женщин-учителей. Там преподавали видные ученые-поляки, жившие в Петербурге. Они же читали лекции на Высших польских курсах, открытых также в 1916 г. На курсы записалось более 600 слушателей, и за два года 25 лекторов прочитали им лекции по 29 предметам, в том числе по философии, истории, литературе, социологии и праву¹⁰.

К польским культурным организациям принадлежало Общество любителей истории и литературы, открывшееся в 1916 г. В его Совет входили известные ученые, адвокаты, деятели культуры и искусства. Предполагалось созывать съезды, предоставлять стипендии, устраивать конкурсы, открывать библиотеки

и читальни. Общество проводило научные заседания, с докладами выступали ученые и политики (С. Грабский, В. Жуковский, Т. Зелинский и др.), осуществлялось выявление материалов по истории Польши в архивах и музеях Петербурга. Аналогичную работу вело петербургское отделение (Коло) варшавского Общества попечения над историческими памятниками. Возникшее еще в 1908 г., оно активизировалось после легализации в 1915 г. и спустя год насчитывало уже 327 членов, среди которых были представители торгово-промышленных, помещичьих, научных и культурных кругов. Коло, возглавленное членом Государственного совета промышленником С. Глезмером, ставило задачу выявления польских культурных ценностей, и его деятельность имела значение для позднейшего советско-польского сотрудничества в вопросе ревиндикации польского культурного достояния. Видная роль в этот период принадлежала также образованному в Петербурге в 1907 г. Польскому совету по экономике и расчетам. В его 12 секциях рассматривались различные вопросы развития в Польше сельского хозяйства, геологии, горной, химической, электротехнической, текстильной промышленности, торговли, финансов, городского хозяйства, связи и др. Проведенный Советом анализ и его рекомендации имели немалое значение и после восстановления независимости Польши.

Деятельность Коло и Совета носили серьезный научный характер, так как направлялись профессионалами. Возможность создавать национальные профессиональные организации поляки получили после революции 1905 г. Тогда оформился действовавший неофициально с 1901 г. Союз польских врачей и естествоиспытателей. В 1913–1916 гг. он насчитывал около 500 членов. В Союзе состояли известные медики Ю. Земацкий, С. Залеский, М. Ненцкий, Ш. Дзежговский, Ю.А. Совинский, У. Верцинский, Я. Межеевский, Х. Ноишевский, В. Орловский и др., а также специалисты других областей науки. Союз имел право создавать филиалы, больницы, лаборатории, вел научную работу. Аналогичный путь прошло Общество польских юристов и экономистов, зарегистрированное в 1915 г. Его президентом стал Л. Петражицкий, вице-президентом – Б. Олышановский. До этого времени в столице существовало Коло адвокатов-поляков, объединявшее многих польских юристов: в окружной судебной палате их было более 200. Общество устраивало научные заседания, где выступали Е. Курнатовский, С. Грабский, Х. Гливиц и др.¹¹

Союз врачей и Общество юристов являлись самыми крупными польскими профессиональными организациями и научными центрами в Петербурге. В целом же польских организаций к

1917–1918 гг. насчитывалось около 50. Среди них были и студенческие объединения – “Згода” (Согласие), “Спуйня” (Соединение), Центральный комитет студенческой молодежи, Польский студенческий клуб, Коло польских студентов Университета, Общество поляков-студентов Политехники. Эти организации также устраивали научные заседания, вели культурную работу.

Студенты университета первыми, еще с 1830–1840-х годов, стали организовывать землячества, ставящие целью создание национальной культурной среды, поддержание связей с Польшей. Студенческие землячества пользовались библиотекой чиновника царской канцелярии А. Сактыньского, сами создавали собрания книг и периодики, выпускали рукописные журналы¹². В 1840-е годы питерский книгоиздатель Я.А. Исаков печатал польскую литературу для распространения за границей, в том числе собрание сочинений А. Мицкевича. Работавший у Исакова поляк М. Вольф в 1853 г. открыл собственный издательский дом, ставший с 1880-х годов крупным акционерным обществом. Там, уже под руководством Ю. Вольфа, печатались русские и польские книги, литература по истории и современной жизни Польши, по польскому вопросу. Эти книги поляки могли найти в магазине Вольфа, кроме того, с 1880 г. в Петербурге существовала специальная Польская книжная лавка под управлением К. Грендышиньского. Она также занималась издательской деятельностью, печатая произведения польских писателей и ученых, специальные календари и пр. Позже возникли еще два польских книжных магазина – Католический магазин и Польская библиотека. Во второй половине XIX в. были предприняты попытки создания в Петербурге польской периодической печати. В 1860 г. И. Огрызко выпустил альманах “Письмо збёрове”, содержащий научные статьи. 1880-е годы ознаменовались появлением газеты “Край” (Страна, родина) под редакцией Э. Пильтца, а в начале XX в. в столице выходили также ежедневный “Дзенник Петербургский”, “Курьер новый”, “Дзенник народowy”¹³.

Жившие в Петербурге поляки черпали информацию о Польше и ее культуре и из русских печатных источников. Переводы произведений Г. Сенкевича, Б. Пруса, Э. Ожешко и других польских писателей публиковались как отдельными изданиями, так и в российской периодике. Не последнюю роль в этом сыграли работавшие в петербургских издательствах и редакциях журналисты польского происхождения: О. Сенковский (“Барон Брамбус”) и Ф. Булгарин, а позднее А. Богданович, Л. Полоньский и др. Подобные контакты способствовали сближению русской и польской культуры.

Уже в 1830-е годы польские студенты были знакомы с русской литературой. Общаясь с ректором университета П.А. Плетневым, цензором А.В. Никитенко, поэтом В.А. Жуковским, книгоиздателем А.Ф. Смирдиным, они узнавали о литературной жизни Петербурга. Польская молодежь была среди тех, кто пришел проститься с покойным А.С. Пушкиным. Местом общения поляков с представителями русской интеллектуальной элиты служил столичный магазин Вольфа, где собирались политики, журналисты, писатели (Н.С. Лесков, А.Ф. Писемский, П.И. Мельников-Печерский, И.А. Гончаров и др.). Здесь устраивались концерты, в частности, выступления Г. Венявского, приходившегося Вольфу дядей¹⁴. Польская наука, культура и искусство становились, таким образом, достоянием не только польской диаспоры, но и русского общества. Характерно, что в научных заседаниях польских студенческих обществ принимали участие и русские ученые, в частности, Н.И. Кареев сотрудничал с Колом польских студентов университета. Он же, а также Л.Ф. Пантелеев и другие русские участвовали в митинге, который польская молодежь Петербурга организовала 25 ноября 1905 г. в 50-ю годовщину смерти А. Мицкевича. В свою очередь, деятели польской культуры откликались на революционные события в России. В 1905 г. в Петербург специально приехал крупный польский художник-баталист В. Косак, чтобы написать картину “Кровавое воскресенье” в знак протеста против преступления царизма – расстрела 9 (25) января 1905 г. мирного шествия рабочих Петербурга, направлявшихся с петицией к Николаю II. В общественной жизни столицы играли роль и другие польские деятели – живописцы, скульпторы, архитекторы, известные своей активной общественной позицией (М. Лялевич, А. Боравский и др.). Поляки вносили вклад и в творческую атмосферу Петербурга; это касалось польских музыкантов, обучавшихся или концертировавших в столице (например, Ю. Зарембский учился в Консерватории в классе Н.А. Римского-Корсакова). Наиболее ярко это проявилось на петербургской балетной сцене, где выступали знаменитые танцовщики-поляки – В. Нижинский и М. Кшесиньская. Отец последней Ф. Кшесиньский танцевал в балете Мариинского театра с 1853 г., в 1888 г. театр торжественно отмечал 50-летие его творческой деятельности. В Мариинке обучались и выступали жена Кшесиньского и трое его детей: сын Ю. Кшесиньский-Нечуй и обе дочери. Наряду с этой династией в петербургском балете было немало и других польских артистов¹⁵.

Контакты столичной польской диаспоры с российской средой не ограничивались деловой сферой, областью производства и

творчества. С самого начала поляки стремились играть роль в политике Российского государства, и столица, где сосредоточивалась центральная власть, была для этого самым подходящим местом. Уже в первые годы XIX в. на поприще российской дипломатии вступили Я. Потоцкий и А. Чарторыйский. Первый, служа в Министерстве иностранных дел, в своих исторических трудах и служебных записках разрабатывал обоснование восточной политики России и по этому вопросу обращался к царю и министру А.Я. Будбергу. Второй, будучи товарищем министра иностранных дел и членом Негласного комитета Александра I, оказывал влияние на всю внешнюю политику России в эпоху наполеоновских войн. Потоцкий и Чарторыйский входили также в комиссию Министерства народного просвещения, разработавшую “Предварительные правила народного просвещения”¹⁶.

Ситуация, сложившаяся после восстания 1830 г. в Королевстве Польском, надолго исключила возможность для поляков работать на высоких государственных постах и обладать политическим влиянием. Лишь после революции 1905 г. возникла арена для их политической деятельности – в депутатской фракции Государственной думы, работа которой протекала в Петербурге. Польское коло в Думе четырех созывов представляли Р. Дмовский, В. Яблоновский, Л. Дымша, А. Парчевский, С. Матеевич, Я. Гарусевич, В. Яроньский и др. Члены фракции выступали в Думе по польскому вопросу и по проблемам католической церкви, против ущемления национальных и религиозных прав поляков. В 1907 г. они внесли в Думу проект закона о предоставлении Королевству Польскому автономии¹⁷. Требование автономии поддерживали в Думе социал-демократы и кадеты. Польские политики осуществляли сотрудничество с кадетами, многие из питерских поляков, главным образом представители интеллигенции, вступили в Партию народной свободы, а Я.Н. Бодуэн де Куртенэ, Л. Петражицкий, А. Ледницкий были членами ее Центрального комитета. Бодуэн активно печатался в кадетских газетах, от имени партии вел агитацию во время выборов в Думу, защищал кадетов от нападок прессы, на съезде партии в 1906 г. выступал в дискуссии, поддерживая идею конституционной монархии. В ноябре 1905 г. вместе с либеральными российскими политиками Н.И. Кареевым, П.Б. Струве и другими столичные поляки, в том числе Бодуэн и Ледницкий, участвовали в российско-польском собрании, провозгласившем требование автономии Королевства Польского. Под этим лозунгом в 1905 г. проходило и собрание русской интеллигенции с участием представителей варшавского учебного округа. Бодуэн был

инициатором его проведения, а также одним из организаторов состоявшегося в том же году в Петербурге съезда профессоров и преподавателей вузов, где он выступил с докладом о национальном вопросе в России и работал над резолюцией съезда. В 1905 г. под руководством Бодуэна прошел съезд автономистов, где он сделал два доклада на тему “сожителства народов”. В числе проблем, волновавших ученого, был также аграрный вопрос и проблема сохранения мира: он выступал против войны с Японией и подготовки Первой мировой войны. Но главным для него оставался вопрос автономии: Бодуэн являлся председателем ЦК Союза автономистов-федералистов и работал в его парламентской фракции, а в 1913 г. опубликовал брошюру “Национальный и территориальный признак в автономии”. За это он был уволен из университета и осужден на два года тюрьмы. В 1914–1915 гг. Бодуэн провел три месяца в петербургских “Крестах”, пока не был освобожден благодаря хлопотам русских друзей и акциям протеста студентов и преподавателей Петербурга¹⁸. Арест Бодуэна де Куртенэ свидетельствовал о том, что в условиях реакции после революции 1905–1907 гг. даже легальная оппозиция в России была затруднена.

Более терпимо власти относились к участию польских политиков в движении неославизма, развернувшегося в начале XX в. Его активными сторонниками являлись Р. Дмовский, Л. Дымша и другие члены польской Национально-демократической партии (эндеки), а также деятели Партии реальной политики (“реалисты”). В книге “Германия, Россия и польский вопрос” Дмовский доказывал, что перед лицом германской угрозы долг поляков сотрудничать с русским царизмом на почве “славянской политики без всяких оговорок”. Он повторил это в 1908 г., когда в Петербург прибыла славянская делегация во главе с чехом К. Крамаржем, ему вторил “реалист” граф Олизар. Дмовский возглавлял польскую делегацию на заседании Славянского исполнительного комитета в Петербурге в 1909 г. и выступал на собрании славянских делегатов в питерском Клубе общественных деятелей, где обсуждались вопросы русско-польских отношений. В России партнерами польских неославистов выступали русские националисты, отвергавшие, в отличие от кадетов, всякие уступки в польском вопросе. Поэтому поляки формально отказались участвовать в заседаниях Исполкома, проходивших в 1910 г. в Петербурге, но неофициально вели переговоры. “Торг” с русскими националистами продолжался до 1911 г., однако завершился крахом всей “славянской политики” Дмовского и К°, ориентированной на соглашение с царизмом и “мирные” действия¹⁹.

Но польское население столицы вело политическую борьбу не только мирными средствами. С самого начала в среде польской диаспоры возникло революционное направление. В 1830–1840-е годы студенческая молодежь университета находилась под свежим впечатлением от Ноябрьского восстания 1830 г., а революционные события 1848 г. усилили патриотические настроения. В этот период среди петербургских поляков – сторонников освободительного движения оформилось радикальное крыло – Ю. Бартошевич, Ю. Шлезингер, А. Жулкевский, Г. Баранецкий, В. Давид, В. Роман, Л. Ценковский, С. Ляхович. В 1848 г. ими была создана библиотека, включавшая запрещенные издания. Выпускались рукописные журналы все более и более радикального содержания – “Паментник” (Памятник), “Паментник пулноцный” (Северный памятник), “Незабудка”. От задачи развития польской культуры они переходили к идее независимости Польши и революционного союза всех славянских народов. Деятельность студентов власти признали “возмутительной”, в 1843 г. последовали конфискации запрещенной литературы, аресты и высылки. Однако уже с конца 1840-х годов организация молодежи стала восстанавливаться, завязался контакт поляков с петрашевцами, с деятелями других революционных организаций. З. Сераковский, В. Пшибыльский, В. Спасович, В.Ю. Хорошевский, З. Падлевский встречались с Т.Г. Шевченко, Н.И. Костомаровым, Л.Ф. Пантелеевым, Н.Г. Чернышевским, Н.А. Добролюбовым. В конце 1850-х годов был принят устав Огула – первой в Петербургском университете национальной организации поляков, которая к этому времени насчитывала 500 членов. Они не только собирали деньги в помощь бедным студентам, но и участвовали в происходивших в столице общественно-политических выступлениях. Так, в 1861 г. Хорошевский выступил с речью на похоронах Шевченко, вылившихся в политическую демонстрацию. В свою очередь, русские в 1861 г. принимали участие в организованных поляками панихидах по жертвам расстрелов варшавских манифестаций. И русские, и поляки играли активную роль в студенческих волнениях, охвативших столицу. В дальнейшем связи революционной группы З. Сераковского и Я. Домбровского с организацией “Земля и воля” определили их курс на вооруженную борьбу против царизма. Ими была создана конспиративная петербургская военная организация, которая наладила военное обучение молодежи, проводила сбор средств, устанавливала контакт с Королевством Польским. Многие члены тайных петербургских кружков отправились в Польшу, на помощь повстанцам 1863–1864 гг.²⁰

После поражения Январского восстания русско-польское революционное сотрудничество продолжилось. Действовавшие в Петербурге польские организации Социально-революционное общество и “Гмина” находились под влиянием русского народничества, идей П.Л. Лаврова, а затем польские революционеры приняли народовольческую программу и тактику террора, и именно поляк И. Гриневицкий осуществил покушение на Александра II в 1881 г.

Следующий этап революционного сотрудничества на петербургской арене был связан с борьбой пролетариата. Поляки поддерживали контакт как с обоими течениями российской социал-демократии, так и с эсерами, а с 1906 г. Социал-демократия Королевства Польского и Литвы стала частью РСДРП. Петербург был одним из главных центров сотрудничества русских и польских революционеров. Так, осенью 1906 г. в проходивших там заседаниях ЦК РСДРП активную роль играл Ф. Дзержинский. Поскольку он выступал против меньшевиков, его участие большевики считали “полезным”, но он критиковал и последних за “сектантство”. Дзержинский поддерживал тесный контакт с Петербургским комитетом партии, ходил на собрания большевиков, способствовал обмену информацией между Питером и Варшавой. Сближение с петербургской организацией РСДРП он считал важнейшей задачей. Сближение шло и по линии Петербургского совета рабочих депутатов: делегация польских рабочих, присутствовавшая на его заседании осенью 1905 г., говорила о единстве в борьбе. Эти слова встретили горячий прием, была принята резолюция протеста против введения военного положения в Королевстве Польском²¹.

Польские революционеры приняли активное участие в борьбе петербуржцев в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. Дальнейшее развитие освободительной борьбы в России не изменило этой картины, а напротив, явилось ее подтверждением, продемонстрировав яркую роль поляков в революционных событиях 1917 г., происходивших в Петрограде. Вклад их в революционную борьбу был столь же значительным, как и их вклад в научную, культурную, общественно-политическую жизнь столицы Российской империи.

¹ *Serczyk W.* Polityczne, gospodarcze i społeczne przesłanki polsko-rosyjskiej współpracy na przełomie XIX i XX wieku // *Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku.* Warszawa, 1980. S. 18; *Марголис Ю.Д.* Студенты-поляки Петербургского университета в общественном движении 1840–1860-х годов // *Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.).* Варшава, 1995. С. 133.

- ² *Różiewicz J.* Polskie środowisko naukowe w Petersburgu w latach 1905–1918 // *Polsko-rosyjskie związki...* S. 195.
- ³ *Ibid.* S. 194–195, 211; *Idem.* Powiązania J.N. Baudouina de Courtenay z petersburskim ośrodkiem naukowym // *Działalność naukowa, dydaktyczna i społeczno-polityczna J.N. Baudouina de Courtenay w Rosji.* Warszawa; Wrocław; Kraków, 1991. S. 130; *Рузевич Е.* Поляки в высших учебных заведениях России до 1918 года. Состояние исследований // *Польские профессора...* С. 41; *Курписова Г., Новицкий Ф.* Польские студенты в Петербургском университете в XIX в. // Там же. С. 129, 130.
- ⁴ *Бардах Ю.* Курсы польского права в Санкт-Петербургском и Московском университетах в 1840–1860 годах // *Польские профессора...* С. 10, 11; *Рузевич Е.* Указ соч. С. 46, 47, 49, 50.
- ⁵ *Сыченкова Л.А., Чиглицев Е.А.* Западноевропейская культура в исследованиях польских ученых России второй половины XIX – начала XX в. // *Польские профессора...* С. 34; *Валеев Р.М.* Изучение Востока польскими учеными в российских университетах в первой половине – середине XIX в. // Там же. С. 29, 31–33; *Бардах Ю.* Указ. соч. С. 11–16; *Рузевич Е.* Указ. соч. С. 44; *Różiewicz J.* Powiązania... S. 115, 116, 130; *Idem.* Polskie środowisko... S. 196, 201.
- ⁶ *Różiewicz J.* Powiązania... S. 79, 114, 115, 130; *Idem.* Polskie środowisko... S. 196–201; *Рузевич Е.* Поляки в высших учебных заведениях России ... С. 46, 47, 49, 50; *Курписова Г., Новинский Ф.* Указ. соч. С. 131; *Бардах Ю.* Указ. соч. С. 11–15; *Валеев Р.М.* Указ. соч. С. 31, 32; *Вуйчик З.* Польские геологи в университетах и высших технических училищах России // *Польские профессора...* С. 65, 66; *Филипович М.* Ученые или патриоты? Взгляды польских историков на Россию и русских в конце XIX – начале XX в. // *Российско-польские научные связи в XIX–XX вв.* М., 2003. С. 126, 127, 129, 130; *Новак А.* Ян Потоцкий, Тадеуш Чацкий, Н.М. Карамзин и другие: размышления о политическом и идейном контексте польско-российского научного сотрудничества в первой четверти XIX в. // Там же. С. 75.
- ⁷ *Aleksandrowicz S.* Polacy w rozwoju awiacji rosyjskiej (do r. 1914) // *Polsko-rosyjskie związki...* S. 352–355, 359–364, 367, 368, 370, 377; *Różiewicz J.* Polskie środowisko... S. 196.
- ⁸ *Różiewicz J.* Polskie środowisko... S. 212.
- ⁹ *Ibid.* S. 211, 212.
- ¹⁰ *Ibid.* S. 206–209.
- ¹¹ *Ibid.* S. 197–199, 202–206.
- ¹² *Ibid.* S. 201; *Spustek I.* Polacy w Piotrogradzie. 1914–1917. Warszawa, 1966. S. 93, 94; *Марголис Ю.Д.* Указ. соч. С. 133, 134.
- ¹³ *Byczkova M.* Polskie źródłoznawstwo w Petersburgu w końcu XIX wieku // *Polsko-rosyjskie związki...* S. 155, 157–160; *Łukawski Z.* Rola polskiej i rosyjskiej prasy społeczno-politycznej w ostatnim dwudziestolecu XIX w. // *Ibid.* S. 337, 338; *Różiewicz J.* Polskie środowisko... S. 212; *Idem.* Powiązania... S. 133; *Бардах Ю.* Указ. соч. С. 16.
- ¹⁴ *Łukawski Z.* Op. cit. S. 336, 337; *Byczkova M.* Op. cit. S. 158, 159; *Марголис Ю.Д.* Указ. соч. С. 132, 133.

- ¹⁵ *Rózewicz J.* Polskie środowisko... S. 203; *Lewańska M.* Balet rosyjski i polski. Sceny petersburska i warszawska na przełomie wieków // Polsko-rosyjskie związki... S. 312–314, 326, 329; *Czekanowska-Kuklińska A.* Muzyka w Polsce i w Rosji na przełomie XIX i XX w. Zarys problematyki // *Ibid.* S. 295; *Serczyk W.* Op. cit. S. 21.
- ¹⁶ *Новак А.* Указ. соч. С. 75, 76; *Щавелева Н.И.* Князь Адам Чарторыйский и формирование системы высшего и среднего образования России в начале XIX века // Польские профессора... С. 51–53.
- ¹⁷ *Фалькович С.М.* Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907–1912). М., 1975. С. 115–129; *Она же.* Проблема католической церкви в Российской Государственной Думе в контексте национальной политики царизма // Религия и политика в Европе XVI–XX вв. Смоленск, 1998. С. 98–102, 105–108; *Она же.* Проблемы католической церкви и католической веры в Государственной Думе после революции 1905–1907 гг. в России // Католицизм в России и православие в Польше. Варшава, 1997. С. 280–283.
- ¹⁸ *Фалькович С.М.* Участие профессора Петербургского университета Я.Н. Бодуэна де Куртенэ в общественно-политической жизни России начала XX в. // Польские профессора... С. 141–146; *Она же.* Ян Нечислав Бодуэн де Куртенэ о революции 1905–1907 гг. // Славяноведение. 1995. № 1. С. 13, 14, 18; *Falkowicz S.* Udział J.N. Baudouina de Courtenay w życiu społeczno-politycznym Rosji na początku XX w. // Działalność... S. 139–148, 153, 155; *Rózewicz J.* Powiązania... S. 111, 112, 121, 122, 124.
- ¹⁹ *Фалькович С.М.* Пролетариат... С. 129–139; *Она же.* Сотрудничество русских и польских неославистов и славянские съезды начала XX в. // Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994. С. 114–116, 121–124.
- ²⁰ *Дьяков В.А.* Польские студенческие организации 30–60-х годов XIX века в российских университетах // Польские профессора... С. 21–24; *Марголис Ю.Д.* Указ. соч. С. 133–137.
- ²¹ *Bucharin N.* Rosyjska postępową myśl społeczna a kształtowanie się koncepcji polskiego ruchu wyzwolenczego na etapie proletariackim // Polsko-rosyjskie związki... S. 81, 82; *Ochmański J.* Rola Feliksa Dzierżyńskiego w rozwijaniu współpracy rewolucyjnej między SDKPiL a SDPRR na początku XX w. // *Ibid.* S. 53–55; *Jaźborowska I.* Problem rosyjsko-polskiego sojuszu rewolucyjnego w postępowej myśli społecznej Rosji i Polski w przeddzień i w okresie rewolucji 1905–1907 r. // *Ibid.* S. 38.

Веслав Цабан (Кельце)

Русские учителя в Королевстве Польском в XIX – начале XX века (столица–провинция)

История российского учительства в Королевстве Польском еще ждет своего исследователя. Долгое время историки, изучавшие вопросы школьного образования, обращались, главным образом, к сферам, связанным с политикой властей, учебными программами, а также учениками и преподавателями католического вероисповедания. Причиной этого, несомненно, была труднодоступность соответствующих архивов в СССР. Однако с определенного момента в публикациях, посвященных средним школам, стали обращать внимание и на русских учителей. Так же обстоит дело и с работами, освещающими историю российского общества в Королевстве Польском¹.

В этой статье мы попробуем, опираясь на имеющиеся довольно отрывочные сведения источников о русских учителях в Королевстве Польском в XIX – начале XX в., определить их долю среди учительства в средних школах Королевства, а также рассмотреть некоторые вопросы их профессиональной деятельности. Мы не касаемся россиян – преподавателей русского университета в Варшаве и учителей начальных школ – поскольку связанные с ними исследовательские проблемы являются отдельными и имеют самостоятельное значение.

Первые русские учителя появились в Королевстве Польском (о чем мало кто помнит) еще в период Конституционного Королевства. Своего рода заслуга в этом принадлежала наместнику Юзефу Зайончеку, который в 1818 г. поручил Станиславу Костке Потоцкому, тогдашнему министру просвещения, включить в программу средней школы курс русского языка, отметив тем все более тесные связи, сближавшие Королевство Польское с российским государством. Однако Потоцкий, известный своей политической самостоятельностью, не поддавшись уговорам своего начальника, ответил, что у министерства нет на это средств. Позднее к этому вопросу не возвращались. Тем не менее в начале

1820-х годов в программу Варшавского лицея был включен факультативный курс русского языка и приглашен русский преподаватель². В провинциях Королевства русский язык, как необязательный, в программы средних школ включался sporadически, а поэтому отсутствовала и необходимость приглашения русских учителей³.

После подавления ноябрьского восстания 1830 г. Петербург обратил пристальное внимание на просвещение. По мнению Николая I именно молодежь спровоцировала события 1831 г. Царское правительство видело в политике в области народного просвещения одно из решающих средств недопущения революции в Российской империи и борьбы с освободительным движением. Поэтому оно стремилось подчинить себе ранее автономную образовательную систему Королевства Польского, объединив ее с российской, на что и был нацелен новый школьный устав 1833 г. В 1839 г. создано Попечительство Варшавского учебного округа, и школьное образование подчинено непосредственно Министерству просвещения в Петербурге.

В результате этих нововведений преподавание русского языка стало обязательным. Возникла потребность перевести часть учителей из Российской империи в Королевство Польское. Это было не простым делом, так как власти Королевства должны были изыскать соответствующие денежные средства, чтобы оплатить желающим затраты на переезд и выдать прибавку к жалованью. Было утверждено, что учителя русского языка в гимназиях получали 5 тыс. злотых в год (около 700 руб.), а в губернских школах – 3 тыс. злотых (450 руб.)⁴. Учителя-поляки получали соответственно по 600 и 360 руб.

Русских учителей, однако, приехало так мало, что, когда начался 1833/34 учебный год, в Королевстве было всего лишь два учителя из России. Представляется, что одной из причин нежелания русских учителей отправиться в Польшу была необходимость сдавать квалификационный экзамен либо в Варшаве, либо в одном из российских университетов. Этого экзамена опасались прежде всего те, кто до той поры не имел дела с педагогикой. Кроме того, переезду противились родные и близкие кандидатов, считавшие такое назначение хуже сибирской ссылки, что также, безусловно, имело свое значение⁵.

Тем не менее в течение двух ближайших лет на работу в Королевство было переведено столько учителей, что можно было с успехом преподавать курс русского языка. К сожалению, в нашем распоряжении нет соответствующих источников, которые позволили бы в полной мере осветить процесс перевода русских учите-

лей в Королевство Польское. Известно лишь, что в течение 20 лет (к 1855 г.) в средних школах Королевства в разное время работали около 120 русских учителей. В 1860 г., т.е. незадолго до школьной реформы Александра Велепольского, их было 49, в том числе 20 в Варшаве⁶. В целом русские учителя в Королевстве составляли 10–13% общего состава преподавателей средней школы⁷.

После подавления Январского восстания царские власти приняли целый ряд мер, направленных на русификацию среднего образования в Королевстве Польском. Согласно школьному уставу 1866 г. увеличивалось количество часов русского языка, а география и история преподавались исключительно по-русски. В том же году ряд школ был преобразован в так называемые смешанные школы, где преподавание всех предметов, кроме религии, велось по-русски. В следующем году был создан Варшавский учебный округ, что означало ликвидацию самостоятельного просвещения в Королевстве Польском, введенного в ходе школьной реформы 1860-х годов Александром Велепольским. С этого момента все предметы в средней школе, кроме польского языка и религии, преподавались по-русски⁸. С 1871 г. преподавание польского языка стало факультативным и велось на русском языке.

Таким образом, поле деятельности для русских учителей в Королевстве было подготовлено. Одновременно власти позаботились о поощрении учителей, согласившихся приехать в Королевство. В 1870-е годы оклад учителя русского языка составлял 1500 руб., а учителя необязательного польского – 500 руб.⁹ В соответствии с установленным в 1886 г. порядком каждый учитель, приезжающий из России, получал особые надбавки за выслугу лет. По истечении 15 лет надбавка составляла 75% оклада. Это было значительным стимулом для переезда в Королевство.

Усилия царского правительства по привлечению русских учителей на работу в Королевство принесли свои плоды. Из формулярных списков 1873–1905 гг. (к сожалению, мы не располагаем соответствующими данными за 1905–1915 гг.) следует, что среди 1926 учителей средних школ Королевства Польского православных было 1047 человек (54,4%)*. Разумеется, признак конфессиональной принадлежности не в полной мере соответствует национальному происхождению, однако он в достаточной степени отражает сформировавшуюся тенденцию. Очевидно, на отдельных этапах указанного периода размер доли русских учителей не оста-

* Приношу благодарность д-ру Малгожате Чапской за выполненные расчеты.

вался постоянным. В 1870–1880-е годы она была еще далека от 50% и возросла лишь в дальнейшем. Например, в государственной мужской гимназии в Кельцах русские преподаватели в 1870 г. составляли 25%, а в 1900 г. – 68,7%. В варшавских школах в 1870 г. русских учителей было 50%, а в 1889 г. – 66%¹⁰. По официальным данным 1889 г., из общего числа учителей средних школ (512 человек) русских было 340 человек (66,4%)¹¹.

Соотношение количества русских и польских учителей в Варшаве вряд ли отличалось от остальных территорий Королевства, такое же оно было и в центральных губерниях (Келецкой, Петровской, Радомской). В абсолютных цифрах русских учителей в Варшаве преподавало, конечно, больше, нежели в провинции, поскольку там было больше средних школ. И, как следствие, в каждой отдельной школе работало столько русских учителей, сколько было необходимо для проведения политики русификации.

Больше всего русских учителей было в тех школах, на которые в деле русификации царским правительством возлагалась особая миссия. Так было в педагогических семинариях, в женских школах (в том числе в Александрийском девичьем институте) и в средних школах хелмской, ломжинской, сувалкской и седлецкой дирекций.

Значение педагогических семинарий было обусловлено возложенной на них задачей подготовки учителей начальных школ. Семинаристы овладевали русским языком и знакомились с русской культурой, дабы нести их дальше в народ, что, по замыслу властей, должно было в решающей степени способствовать успеху политики русификации. Поэтому к подготовке учительских кадров для начального образования следовало привлечь как можно больше русских учителей. По предварительным данным* в 1870 г. в различных педагогических училищах Королевства русские преподаватели занимали 60% должностей, то 30-ю годами позже их доля составила 92%¹². Иначе говоря, поляки преподавали здесь только Закон Божий и пение, тогда как общеобразовательные и специальные дисциплины являлись сферой исключительно русских педагогов.

На женское образование царские власти обращали особое внимание. Среди высших российских чиновников в Королевстве господствовало убеждение, что именно женщины-матери воспитывают детей в ненависти ко всему русскому. Чтобы преодолеть

* Расчеты выполнены д-ром М. Чапской на основе составленной ею картотеки учителей.

эту тенденцию, следовало, по их мнению, окружить заботой женские школы, особенно среднего звена. Выпускницы именно этих школ потом очень часто работали педагогами либо частным образом, либо в государственных начальных школах¹³. В государственной женской гимназии в Калише с самого ее создания надзирательницами и классными дамами были почти исключительно русские женщины. Польки занимали второстепенные должности преподавательниц пения, гимнастики, так называемого женского труда и учительниц польского языка (как необязательного). В 1868 г. здесь еще преподавали шесть полек, причем одна из них была классной дамой. В 1890 г. в числе преподавателей остались лишь две учительницы-польки и обе преподавали польский язык¹⁴.

Особое место в деятельности российской администрации Варшавского учебного округа занимали школьные дирекции на востоке Королевства Польского, в районах со значительной долей белорусского и русинского населения. Политика русификации имела здесь свои существенные особенности, обусловленные дополнительными национальными и конфессиональными противоречиями. Поэтому, с точки зрения властей, работа здесь русских учителей имела исключительное значение. Так, в девяти средних школах (в том числе четыре неполные средние школы профессионального профиля), входивших в компетенцию школьной дирекции в Хелме, где шла наиболее острая борьба за униатов¹⁵, русские учителя в 1870 г. составляли около 75%, а в 1903 г. почти 90% педагогов. Это положение не изменилось до 1915 г.¹⁶ Аналогичная ситуация наблюдалась в рассматриваемый период в Ломжинской, Сувалкской и Седлецкой губерниях¹⁷.

Наибольшее количество русских занимали посты директоров и инспекторов школ. Например, в мужской гимназии в Сандомире, начиная с 1870-х годов, инспекторами были только русские¹⁸.

Кто и почему решался отправиться учительствовать в Королевство Польское? Пока еще в силу скудости источниковой базы невозможно дать на этот вопрос исчерпывающего ответа. Несомненно, многих привлекли высокие оклады и возможность быстрого продвижения по службе. Определенная часть шла по идейным соображениям, желая как можно крепче привязать Королевство Польское к Российской империи. Немало было и тех, кто рассматривал работу в Королевстве как способ “начать новую жизнь”. К этой группе принадлежали разжалованные офицеры и чиновники. Пока мы еще не в состоянии определить соотношение между этими группами. Опираясь на впечатления поляков – тогдашних учеников, преподавателей и наблюдателей политиче-

ской жизни – можно предположить, что больше всего среди русских учителей было тех, кто приехали в Королевство с мечтой начать все с нуля в расчете достичь личного преуспевания путем ревностного внедрения политики русификации. О подобных деятелях один варшавский журналист писал: “Что за профессора и педагоги! В империи не заняты сотни кафедр, а следовательно, сливаются остатки, только кофейная гуща, только бы русифицировать поляков”¹⁹.

Как в период между восстаниями 1830 и 1864 гг., так и во второй половине XIX в. кандидаты на учительские места в Королевстве происходили либо из центральных губерний России, либо из так называемого Западного края. Первые были в основном выпускниками вузов Москвы и Петербурга. Они вынуждены были искать работу в Королевстве Польском, так как в метрополии не смогли занять должность, соответствовавшую их запросам. Специфическую группу составляли русские учителя из так называемого Западного края. С одной стороны, это были люди, которым были знакомы азы польского языка, в силу чего им было легче завязать отношения в обществе, где они работали. Нередко случалось, что среди прибывших из Западного края были обрусевшие поляки, перешедшие к тому же в православие. Они были своего рода гарантией реализации политики России в области школьного образования в Королевстве Польском.

Наконец, среди приезжавших из центральных российских губерний учителей, необходимо упомянуть и немногочисленную группу людей, стремившихся к познанию польской культуры. Несомненно, к ним принадлежал П.П. Дубровский (1812–1882), который еще во время учебы в Московском университете проявил интерес к польской литературе. В 1837 г. он как учитель русского языка по собственному желанию приехал в Королевство Польское. Издавал здесь журнал “Утренняя звезда” и сотрудничал с “Библиотекой варшавской”. С 1851 г. – профессор русского языка Петербургского педагогического института, являлся членом Российской академии наук. В 1862 г. возвращается в Варшаву и до своей кончины уже не покинул Польшу (умер в Скерневицах в 1882 г.).

Среди кандидатов в учителя заметную группу составляли дети священников, дьяконов и разного рода церковнослужителей, которых охотно брали на работу, так как они рьяно распространяли православие в молодежной среде. Достоверно установить их долю среди русского учительства в Польше достаточно трудно, так как в “формулярных списках” не всегда упоминается о социальном происхождении кандидата. По мнению некоторых исследова-

дователей, такие выходцы из духовного сословия составляли 2–3%. Однако усомниться в этом дает основание исследование Иоанны Вадовской, доказавшей, что в 1864–1914 гг. в Калише их было более половины²⁰.

2–4% русского учительства в Королевстве составляли отставные офицеры. Многие из них увольнялись со службы, не достигнув и 40 лет от роду, некоторые в дальнейшем находили работу в средней школе. Таких кандидатов охотно принимали на учительские должности в Королевстве Польском, поскольку они послушно исполняли любые распоряжения, нацеленные на русификацию польской школы. Бывших военных чаще всего назначали директорами и инспекторами школ.

Очень трудно оперировать крайне неточными данными источников об уровне и видах образования, а также о профессиональной подготовке педагогических кадров. В результате у исследователей просвещения нет единства взглядов по многим критериям. Так, некоторые из них считают, что высшее образование получали выпускники духовных семинарий и специализированных учебных заведений (военных училищ, педагогических институтов, епархиальных училищ, Киевской духовной академии и т.п.). В учителя (как русские, так и польские) попадали выпускники университетов, средних школ, педагогических курсов и специализированных школ. Подавляющее большинство учителей получило высшее образование в Петербургском и Московском университетах. Далее в порядке убывания следовали выпускники Киевского, Харьковского и Казанского университетов. Иногда встречались закончившие Дерптский университет. Представляется, что 50–60% учителей в Королевстве имели высшее образование, остальные – среднее или профессиональное. Некоторые женщины-учителя (очень немногие) прошли “домашнее обучение”. По уровню образования и квалификации русские учителя вряд ли отличались от польских. Разница была заметна в этом смысле лишь в период между восстаниями 1830 и 1863 гг., но с течением времени она уменьшилась. Среди польских учителей на 10–15% больше было тех, кто имел высшее образование.

Русские учителя в Королевстве Польском занимались научной работой. Их вклад в науку, конечно, был меньшим, чем у поляков, но происходило это, как представляется, не вследствие худшего образования, а в силу ограниченных возможностей. Русские, работавшие в провинциальных средних школах Королевства, могли заниматься только переводами польской литературы, составлением путеводителей и написанием учебников.

В лучшей ситуации находились учителя, работавшие в Варшаве, где было больше возможностей для творческой деятельности.

Наибольшие достижения в этой области принадлежат Н.И. Павлицеву (1811–1879)²¹ – выпускнику Царскосельского лицея, преподававшему в варшавских школах историю и географию России. В 1838 г. он опубликовал учебник “Русская история”, а в 1843 г. издал на русском языке довольно тенденциозный учебник по истории Польши, озаглавленный “Польская история в виде учебника”. В духе официальной концепции истории Польши были выдержаны и его последующие труды. Однако наибольший резонанс имела его работа “Седьмицы польского мятежа 1861–1864” (Санкт-Петербург, 1887). В этом сочинении автор возлагал всю вину за Январское восстание на ксендзов и землевладельцев.

Совершенно иного взгляда на Польшу, польскую историю и культуру придерживался уже упомянутый П.П. Дубровский²². Он считал, что следует сблизить два славянских народа и что почвой для такого сближения должна стать культура. Дубровский пытался через варшавскую прессу знакомить поляков с величайшими достижениями русской литературы, и одновременно пропагандировал польскую культуру среди россиян. В посвященном славянской проблематике издаваемом им в 1842–1843 гг. в Варшаве на русском и польском языках журнале “Утренняя звезда” (“Jutrzienka Diennica”) сотрудничали известные ученые и литераторы, в частности, знаменитый чешский историк В. Ханка. Результатом филологических исследований Дубровского стала “Польская хрестоматия” (Варшава, 1872–1873).

Автором двух учебников русского языка, изданных в Варшаве в 1837 г. и впоследствии переиздававшихся, был Василий Рклицкий (1787 – после 1861) – выпускник Духовной академии в Киеве. В первом 2-томном его учебнике были помещены выдержки из памятников русской литературы и произведений русских писателей²³. Многие другие русские учителя также оставили, хотя и не столь заметный, след изданием учебных пособий или небольших переводов русской литературы на польский язык. Во всяком случае, в официальных отчетах о состоянии образования в Варшавском учебном округе, достаточно часто встречаются сообщения об их научной или публицистической деятельности.

За работой учителей власти осуществляли официальный и так называемый негласный надзор, и не всегда были ею довольны. Из секретного рапорта, подготовленного в 1856 г. П.А. Мухановым, следует, что из 122 преподавателей очень хорошо оценены 10, хорошо – 43, средне – 44 и плохо – 25 (“дурного поведения”). Иными словами почти 60% учителей, получивших аттеста-

цию на среднем и неудовлетворительном уровне, не соответствовали должности преподавателей русского языка, истории и географии. По мнению Адама Массальского, причиной столь низкой оценки послужило неудовлетворительное владение учителями русским языком²⁴. С этим следует согласиться, поскольку немало преподавателей были выходцами из Западного края, чем и объясняется отмеченный недостаток. Однако была и другая причина. Даже будучи на территории школы многие учителя разговаривали с учениками по-польски. Один из варшавских учеников говорил о таких людях: “Совершенно ополячены, по российским книжкам учили как-нибудь, чаще всего с нами предпочитали разговаривать по-польски”²⁵. Разумеется, подобные учителя не только не содействовали политике русификации, но сами постепенно полонизировались, а следовательно, и не могли надеяться на положительную оценку начальства. Источники не содержат данных об аналогичной аттестации русских учителей во второй половине XIX в., но косвенные свидетельства указывают на одобрение руководством учебного округа и министерства просвещения деятельности большинства из них. Начиная с 1870-х годов соблюдался запрет на польскую речь в стенах школ, причем не только для русских учителей, но и для польских. Поскольку преподаватели следовали распоряжению властей, те оценивали их выше²⁶. Однако этот вопрос требует дополнительных исследований.

Особая проблема – это отношение к русским учителям в польской среде. В целом, по отзывам учеников, родителей и окружения, будь то в Варшаве или в провинции, отношение к ним было негативным. Во-первых, на русских учителей, как на пришлый элемент, всегда смотрели если не с враждебностью, то с опаской. Во-вторых, малейший их проступок немедленно замечался и раздувался в обществе. Наконец, самое важное, эти люди приехали, чтобы осуществлять русификацию Королевства, что не могло не вызвать единодушного сопротивления поляков, особенно молодежи. Последнее нашло выражение в воспоминаниях о годах ученичества, в рассказах о многочисленных школярских выпадах против русских учителей. Следует, однако, заметить, что есть и иные свидетельства об учителях, которых молодежь уважала за их бескорыстный педагогический труд, за то, что они не навязывали российскую систему воспитания. Русификаторов презрительно называли москалями, а учителей уважаемых – русскими²⁷. Двоякая оценка учителей не распространялась на школьную администрацию, которая как проводник политики русификации оценивалась только негативно. Ученикам и родителям куда легче было с сочувствием отнестись к учителю, чем к директору.

К тому же последние в глазах поляков были не только носителями русификации, но и нередко злоупотребляли служебным положением, брали взятки за прием в школу или перевод в следующий класс²⁸.

Русские учителя жили обособленно. Это было особенно заметно в маленьких городах в поветах. Русских в тех местах было немного, если только здесь не стояла воинская часть. Русское сообщество таких городков состояло из нескольких чиновников и учителей и вместе с членами их семей не превышало нескольких десятков человек. Особенно трудно жилось, если в таком городке отсутствовала церковь или так называемый русский клуб. Времяпрепровождение русских тогда зачастую сводилось к посещению друг друга, пьянству и игре в карты. Попытки с их стороны найти общий язык с местным “светом” обычно кончались неудачей, поскольку провинциальное общество было крайне замкнутым и не принимало пришельцев в свои ряды²⁹. Даже проявление со стороны русских сочувствия к полякам в критических ситуациях (например, во время Январского восстания 1863 г. или революции 1905 г.) не меняло сложившегося положения. Молодежь оставалась глуха к этому.

Куда легче жилось русским в губернском городе, где их насчитывалось до нескольких сот. Там была церковь и русский клуб, поэтому жизнь их не проходила в одиночестве и изоляции. Однако лучше всего было жить в Варшаве. Русские там были многочисленны и весьма деятельны. Русский клуб здесь посещала добрая половина преподавателей Варшавского университета. В читальном зале был обширный выбор местных и зарубежных периодических изданий. Кроме того, организовывались художественные выставки известных русских живописцев³⁰.

В особенно трудной ситуации оказались русские учителя, приехавшие в Королевство Польское после Январского восстания. Враждебность поляков ко всему русскому тогда была особенно заметна. Именно в подобных условиях были вынуждены работать многие выпускники российских университетов, оказавшись зачастую в одиночестве в таких местах, где русские до них не жили. Они всячески ходатайствовали о возвращении на родину. Среди тех, кому не удалось добиться перевода, многие заболели душевными расстройствами.

В заключение приведем характерные и вместе с тем примечательные краткие биографии трех русских учителей в Королевстве Польском. Интересна судьба Петра Саакадзе – выходца из Грузии, участвовавшего в подавлении польского восстания 1830 г. Он родился в 1800 г. в Тифлисе, в семье грузинских князей.

После обучения в Первом кадетском корпусе поступил в офицерскую школу при Главной ставке I армии в Могилеве. Принимал участие в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и в боевых действиях 1830–1831 гг. в Королевстве Польском. Выйдя в 1833 г. в чине штабс-капитана в отставку, он остался в Польше и поступил на службу в военное управление Плоцкой губернии. Работой здесь Саакадзев был недоволен и в 1835 г. стал учителем русской литературы в гимназии в Кельцах, а затем по два года работал в Люблине, Лукове, Петрокове Трибунальском и Варшаве. Однако везде, где бы он ни появлялся, у него начинались конфликты с учениками и преподавателями. Во время уроков вступал в политические дискуссии с учениками и советовал им выбить из головы Польшу. Критиковал руководство Министерства просвещения и своих непосредственных начальников за то, что они прибегают к полицейским методам. Наконец, в 1849 г. Саакадзева отправили в отставку за “беспокойный и сварливый нрав”³¹.

Двое других учителей приехали в Польшу уже после Январского восстания, в 1866 г. Один из них – Феокист Хартахай – родился в 1836 г. в деревне Чердаки, недалеко от современного Донецка, в семье канцелярского служащего. Учился он в Харькове, Киеве и Санкт-Петербурге. В 1861 г. Хартахай принял участие в погребении Тараса Шевченко, нес гроб поэта и произнес на кладбище речь от имени украинских студентов. В том же году он участвовал в студенческих волнениях, за что был заключен в Петропавловскую крепость. В 1862–1866 гг. занимался литературной деятельностью, публиковался в “Современнике” и “Вестнике Европы”. Изучал историю древних греков в Крыму. Для тех лет это были новаторские исследования. По неизвестным причинам принял решение стать учителем в Королевстве Польском (можно предположить, что литературное творчество и научная работа не давали достаточно средств). В 1866 г. Хартахай приехал в Петроков, откуда через год был переведен в Кельцы, а в 1869 г. оказался в Варшаве. Автор нескольких методических пособий по русскому языку для начальной школы и гимназии. По воспоминаниям учеников, он был исключительно честным человеком, хотя и русификатором. В 1875 г. Хартахай уехал в Мариуполь, главный греческий центр на Украине, где основал частную гимназию. Женился на дочери польского офицера, служившего в царской армии. Умер в 1880 г.³²

Если Саакадзев и Хартахай завершили свою учительскую карьеру на польской земле – в Варшаве, то Николай Хандриков начал учительствовать в польской столице. Родился он в 1840 г. в Москве, в дворянской семье, учился на физико-математическом

факультете Московского университета, в 1866 г. стал учителем женской гимназии в Варшаве. Через два года был переведен в Кельцы. Здесь он вскоре женился на местной 19-летней девушке католического вероисповедания, дочери надворного советника Роберта Енджеевского. В 1872 г. Хандриков был переведен в Люблин³³.

* * *

История русского учительства в Королевстве Польском XIX–XX вв. специфически отражает характер основных социально-политических процессов в Российской империи и на входивших в ее состав польских землях. Рассматривая политику в области народного просвещения как одно из решающих условий противодействия освободительному движению, царское правительство видело в русских учителях один из инструментов сохранения своего господства в Польше. По мере того, как в этой политике все большую силу набирали русификаторские тенденции, возрастала и роль в ней русских учителей. Причем именно политика русификации стимулировала распространение сферы деятельности русских учителей за пределы Варшавы и основных экономических и культурных центров Королевства на польскую провинцию. В итоге доля русских учителей, по сравнению с польскими, в Варшаве не отличалась от их присутствия в учебных заведениях польской провинции. Русских учителей было столько, сколько требовала реализация утвержденных программ обучения, с учетом задачи формирования в Польше русской системы народного просвещения. “Столичное” учительское место в Варшаве чаще получали те кандидаты, которые имели лучшее образование и зарекомендовали себя участием в научных исследованиях.

Перевод В. Волобуева

¹ Ср.: *Drozdowska B.* Rosjanie w Królestwie Polskim w latach 1864–1905 w świetle źródeł relacyjnych (rozprawa doktorska) Gdansk 2001; *Latawiec K.* Społeczność rosyjska na terenie gubernii lubelskiej w latach 1864–1915, (rozprawa doktorska). Lublin, 2004.

² *Wolczuk J.* Znajomość i nauczanie języka rosyjskiego w Polsce do roku 1832 // *Slavica Wratislaviensia*. Wrocław, 1998. T. 59. S. 108.

³ Сравните: *Rocznik Instytutów Religijnych i Edukacyjnych w Królestwie Polskim*. Warszawa, 1830. T. 3.

⁴ Ср.: *Kucharzewski J.* Epoka paskiewiczowska. Losy oświaty. Warszawa; Kraków, 1914. S. 143, 144, 175–177; *Крыжановский Е.* Русския школы и обучение русскому языку в Привислянском крае до издания указов 30-го августа 1864 года // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1875. Т. 178. № 4. С. 259.

- ⁵ Cp.: *Smorodinow W.G.* Moja służba w Warszawskim Okręgu Naukowym i zdarzenia ze szkolnego życia / Opr. W. Caban i B. Drozdowska. Kielce, 2003. S. 13; *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999. С. 169.
- ⁶ Подсчеты выполнены на основе: *Walka caratu ze szkołą polską w Królestwie Polskim w latach 1831–1870. Materiały źródłowe* / Opr. K. Poznański. Warszawa, 1993. S. 469–484.
- ⁷ Основой для расчетов послужили статистические данные, представленные в работе “*Walka caratu ze szkołą polską...*”. Иоанна Вадовска, не располагая этими материалами, пришла к выводу, что россияне в средних школах Королевства Польского составляли около 10% (*Wadowska J.* Wykształcenie i kwalifikacje nauczycieli szkół średnich w Kaliskiem w latach, 1815–1914 // *Rocznik Kaliski*. T 23. 1991. S. 53). На основании данных, опубликованных А. Массальским, следует, что в радомской гимназии в период между двумя восстаниями российские преподаватели составляли 8,2% (*Massalski A.* Szkoły średnie rządowe męskie na ziemi kielecko – radomskiej w latach, 1833–1862. Kielce, 2001. S. 115–120).
- ⁸ См.: подробнее: *Staszyński E.* Polityka oświatowa caratu w Królestwie Polskim. (Od powstania styczniowego do I wojny światowej). Warszawa, 1968.
- ⁹ *Przegląd Pedagogiczny*. 1905. N 24. S. 325.
- ¹⁰ *Massalski A.* Lata Borowiczów i Radków // *Księga pamiątkowa I Liceum Ogólnokształcącego im. Stefana Żeromskiego w Kielcach* / Pod red. A. Massalskiego, S. Różańskiego. Kielce, 1985. S. 40; Памятная книжка Варшавского Учебного Округа. Варшава, 1899. С. 77.
- ¹¹ *Głos*. 29.XI.1899. N 47.
- ¹² См.: *Kucha R.* Oświata elementarna w Królestwie Polskim w latach, 1864–1914. Lublin, 1982. S. 85.
- ¹³ *Przegląd Pedagogiczny*. 1897. S. 174, 175.
- ¹⁴ *Wadowska J.* Nauczyciele średnich szkół Kalisza... S. 85.
- ¹⁵ Cp.: *Lewandowski J.* Na pograniczu. Polityka władz państwowych wobec uniów Podlasia i Chełmszczyzny, 1772–1875. Lublin, 1996.
- ¹⁶ Расчеты выполнены на основе данных: *Latawiec K.* Społeczność rosyjska na terenie guberni lubelskiej w latach 1864–1915 (rozprawa doktorska). Lublin, 2004. S. 160.
- ¹⁷ Cp.: *Dobroński A.* Infrastruktura społeczna i ekonomiczna guberni łomżyńskiej i obwodu białostockiego (1866–1914). Białystok, 1979. S. 599, 600.
- ¹⁸ *Stawiński P.* Szkolnictwo elementarne i średnie w Sandomierzu w latach, 1815–1914 (rozprawa doktorska). Kielce, 2002. S. 311; *Smorodinow W.G.* Moja służba w Warszawskim Okręgu Naukowym... S. 110.
- ¹⁹ *Zaleski A.* Towarzystwo Warszawskie. Listy do przyjaciółki przez Baronową XYZ / Opr. R. Kołodziejczyk. Warszawa, 1971. S. 460. Cp.: *Konarski K.* Nasza szkoła. Księga Pamiątkowa Warszawskiej Szkoły Realnej. Warszawa, 1932. S. 338; Pamiętnik zjazdu byłych wychowalców Szkół Lubelskich. Lublin, 1926. S. 124, 125.

- ²⁰ *Schiller J.* Portret zbiorowy nauczycieli warszawskich publicznych szkół średnich 1795–1862. Warszawa, 1998. S. 133; *Wadowska J.* Nauczyciele średnich szkół Kalisza... S. 87.
- ²¹ Энциклопедический словарь. СПб., 1897. Т. 44 (22а). С. 560.
- ²² *Mucha B.* Piotr Dubrowski – zapomniany polonofil i propagator literatury rosyjskiej wśród Polaków // *Slavia Orientalis*. 1973. N 2. S. 165–176.
- ²³ *Walka caratu...*; *Estreicher K.* Bibliografia polska XIX stulecia. Warszawa, 1880. T. 4. S. 52.
- ²⁴ *Massalski A.* Tajny raport Pawła Muchanowa dla ministra A.S. Norowa z r. 1856. Przyczynek do dziejów oświaty polskiej w okresie międzypowstańowym // *Przegląd Historyczny*. 1998. T. 89. Z. 3. S. 407–425.
- ²⁵ *Faleński F.M.* Wspomnienia z czasów szkolnych // *Nowy Przegląd Literatury i Sztuki*. 1921. T. 1. S. 316.
- ²⁶ Cp.: *Smorodinow W.G.* Moja służba w Warszawskim Okręgu Naukowym... S. 92.
- ²⁷ Cp.: *Schiller J.* Portret zbiorowy nauczycieli... S. 145; *Dajnowicz M.* Orientacje polityczne ludności polskiej północno-wschodniej części Królestwa Polskiego na przełomie XIX i XX wieku. Białystok, 2005. S. 113, 114, 131.
- ²⁸ *Kraushar A. [Alkar].* Czasy szkolne za Apuchtina (1879–1897). Kartka z pamiętnika. Warszawa, 1915. S. 28 etc.; *Wołyński J.* Wspomnienia z czasów szkolnictwa w b. Królestwie Polskiem, 1868–1915. Warszawa, 1936; *Chwalba A.* Imperium korupcji. Korupcja w Rosji i w Królestwie Polskim w latach, 1861–1917. Warszawa, 2001. S. 71–81.
- ²⁹ *Caban W.* Społeczność małego miasteczka w Królestwie Polskim w I połowie XIX wieku otwarta czy zamknięta? / *Miasteczko polskie w XIX–XX wieku jako zjawisko kulturowoobyczajowe* / Pod red. M. Medyckiej, R. Renz. Kielce, 1998. S. 89–100.
- ³⁰ Cp.: *Drozdowska B.* Życie rodzinne i towarzyskie Rosjan w Królestwie Polskim w latach, 1864–1894 // *Unifikacja za wszelką cenę. Sprawy polskie w polityce rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku*. Warszawa, 2002. S. 131.
- ³¹ *Massalski A.* Szkoły średnie rządowe męskie... S. 91.
- ³² *Kula E.* Nauczyciele szkół średnich w guberni kieleckiej w latach 1867–1873 // *Nauka i oświata a społeczności lokalne na ziemiach polskich w XIX i XX wieku. Prace ofiarowane Profesorowi Adamowi Massalskiemu w sześćdziesiątą rocznicę urodzin* / Pod red. W. Cabana. Kielce, 2003. S. 99.
- ³³ *Ibid.* S. 99, 100.

И.И. Шарифжанов (Казань)

Казань – провинциальный центр общественной, научной и культурной жизни поляков в XIX веке

В XIX в. Казань занимала уникальное место в истории Российской империи. Расположенная в глубине России, вдали от Петербурга и Москвы, она была крупнейшим губернским городом с развитой инфраструктурой, налаженным хозяйством, мощным полицейским аппаратом и административным управлением. Благодаря открытию в 1804 г. Казанского университета, она превратилась в своеобразную восточную академическую столицу России, где получали высшее и среднее образование жители не только Поволжья, но и Урала и Сибири. Для царского правительства Казань имела особое политическое значение еще и потому, что служила удобным местом, куда можно было отправлять в ссылку всех интеллектуалов и правозащитников, заподозренных в нелояльности к самодержавию. Таким образом, Казань приобрела еще статус официальной столицы интеллектуальной ссылки в Российской империи.

В начале XIX в. польское население в Казанской губернии насчитывало всего несколько сот человек, но после подавления восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. оно значительно возросло за счет ссыльных повстанцев и к концу века уже достигло 15 тыс. человек. Социальный состав поляков, проживавших в Казани, не был однородным: его значительную часть составляли студенты университета, присланные из Варшавы, Вильно и других западных городов России; профессора и преподаватели университета и других учебных заведений Казани; польские военные и предприниматели, а также бывшие чиновники Королевства Польского, уволенные со службы за политическую неблагонадежность. Сосланные поляки так или иначе интегрировались в местное сообщество и приносили в него либеральные и свободолюбивые традиции.

После амнистий царским правительством осужденных и отбывавших наказание в России польских повстанцев в Казань на

жительство прибыло много поляков с Урала и из Сибири. В течение всего XIX в. связь Казани с уральскими и сибирскими областями была весьма заметна: она касалась прежде всего образования и культуры. Так, к концу столетия 47% обучавшихся в Казани польских студентов составляли дети ссыльных, приехавших в город из восточных регионов России. Они получали хорошее профессиональное образование и порой становились крупными учеными и общественными деятелями. Яркий пример тому – судьба профессора Казанского университета Модеста Киттары (1824–1880). Он был сыном польского ссыльного на Урале, в 1844 г. успешно закончил Казанский университет и был оставлен при нем. После защиты докторской диссертации получил должность профессора на кафедре химической технологии. Его отличала необыкновенная общественная активность, именно благодаря его стараниям Казанское экономическое общество, основанное в 1839 г., превратилось в серьезный и авторитетный общественный институт с широкими связями с местной промышленностью и торговлей. После посещения Всемирной промышленной выставки в Лондоне в 1851 г., М. Киттара в следующем году организовал и провел первую в Казани сельскохозяйственную выставку. Он был зачинателем целого ряда новых промышленных производств в Казани, руководителем широкой программы технического перевооружения местной промышленности. Благодаря своей настойчивости и своим связям он привлекал местных фабрикантов и заводчиков к активной гуманитарной деятельности и благотворительности. Вместе с тем профессор сам выступал с многочисленными публичными лекциями и статьями в журналах и газетах, поднимая в них злободневные вопросы развития края. Отмечая эту необыкновенную активность М. Киттары, профессор Казанского университета М.К. Корбут писал в своей истории университета: “Имя Киттары чаще, чем имя кого бы то ни было из других профессоров Казанского университета, постоянно встречалось в издававшихся тогда в России журналах и газетах”¹.

Казанский государственный университет сыграл важную роль в открытии в 1888 г. Томского университета – первого университета в Сибири. Профессор Казанского университета В.М. Флоринский осуществлял непосредственное руководство строительством университета, его заслуги были высоко оценены Министерством просвещения – в 1885 г. он был назначен первым попечителем образованного в этом году Западно-Сибирского учебного округа. Среди первых профессоров, возглавивших кафедры нового университета, были казанские ученые Н.М. Малиев, А.С. Догель, А.М. Зайцев, С.И. Коржинский, Э.А. Леман.

В создании университетской библиотеки большая заслуга принадлежит приват-доценту Казанского университета С.К. Кузнецову. Создание Ботанического сада при университете связано с именем П.Н. Крылова, приехавшего в 1885 г. в Томск из Казани. Профессор В.М. Флоринский создал в Томске первый университетский музей – археологический².

Казанский университет являлся уникальным местом не только для сохранения духовного и интеллектуального потенциала польской диаспоры, но и для творческой самореализации талантливых представителей польской молодежи. Именно в Казанском университете многие поляки стали всемирно известными учеными, здесь они основали научные школы, написали выдающиеся научные труды и оставили заметный след в истории университета. Некоторые из них были избраны на должности ректора университета и деканов факультетов. Наиболее видные польские ученые – преподаватели университета – награждались – и неоднократно – российскими орденами, получали высшие знаки отличия, им предоставлялись персональные льготы и пенсии. Все ведущие преподаватели обязательно проходили стажировки – и часто очень длительные – за рубежом, где они не только знакомились с новейшими достижениями западной науки, но и впитывали либеральные общественные идеи. Вполне закономерно, что польские профессора дорожили своим местом в Казанском университете и не хотели его менять. Так, профессор Н. Ковалевский в 1876 г. получил приглашение занять кафедру в Медико-хирургической академии Санкт-Петербурга, но отклонил это предложение. В 1848 г. профессор В. Григорович был переведен в Московский университет, но через год снова вернулся в Казань. Профессор Ян Догель в 1877 г. дважды приглашался в Краковский Ягеллонский университет сначала занять кафедру фармакологии, а затем кафедру физиологии, но оба раза эти приглашения не принял.

Примечательно, что в Казанском университете работали не только отдельные польские профессора и преподаватели, но и складывались целые династии польских ученых. Наиболее известными представителями таких династий были Юзеф и Николай Ковалевские, Ян и Михаил Догели, Мемнон и Нестор Петровские, Эраст, Михаил, Алексей и Дмитрий Янишевские, Хиларий и Леон Лукашевские, Франц и Владислав Залесские. Все это свидетельствует о том, что, несмотря на жесточайший надзор полиции и строгие инструкции окружного учебного начальства, в Казанском университете в XIX в. царила атмосфера терпимости и доброжелательности, академического либерализма и свободы,

что само по себе благоприятствовало высокому духу науки в его стенах.

Несмотря на отсутствие точных данных, можно с уверенностью говорить, что в XIX в. в Казанском университете работало свыше 60 поляков и лиц польского происхождения³. Так, на историко-филологическом факультете их насчитывалось около 20 человек, среди которых были всемирно известные имена. Ян Бодуэн де Куртенэ (1845–1929) стал основателем казанской школы сравнительного языкознания, Виктор Григорович (1815–1876) – основателем Казанской школы славянских наречий, Юзеф Ковалевский (1801–1878) – основателем единственной в Европе школы монголоведения. Все они достигли своего научного признания благодаря Казанскому университету, который не только предоставил им все возможности для плодотворной работы, но и щедро награждал за их труды. Самый яркий пример тому – жизнь Юзефа Ковалевского. Он был сослан в Казань в 1824 г. совсем молодым человеком за принадлежность к тайному обществу филوماتов и филаретов. Вскоре после этого его принял Казанский университет, где он изучал восточные языки. В 1828 г. его командировали на четыре года в Китай и Монголию для изучения языка и истории этих стран. После возвращения стал профессором и заведующим кафедрой монголоведения в университете. Трижды назначался деканом факультета (1837–1841, 1845, 1852–1854), одновременно работал директором второй Казанской гимназии. За выдающиеся научные и педагогические заслуги награждался дважды бриллиантовым перстнем (1833 г., 1847 г.), орденами Святой Анны и Святого Владимира (1836 г., 1844 г.), золотой медалью Прусского короля, знаком отличия беспорочной службы. Он был избран членом различных российских и зарубежных Академий и научных обществ, а в 1855 г. – ректором Казанского университета. В 1860 г. он уехал в Варшавский университет, где работал до конца жизни профессором всеобщей истории.

Юзеф Ковалевский многое сделал для развития науки и образования в Сибири. Во время своей научной командировки в Китай и Монголию посетил Иркутск, Забайкалье и Бурятию. Был инициатором создания там школы для бурятских детей и продолжения их обучения в первой Казанской гимназии. На кафедре монголоведения в Казанском университете его первыми учениками стали Д. Банзаров, Г. Гомбоев, А. Бобровников и некоторые другие будущие видные бурятские ученые и просветители. Он подготовил первые словари по монгольскому и бурятскому языкам и их грамматику. Наконец, при университете была открыта даже специальная кафедра калмыцкого языка.

Заметный след в жизни историко-филологического факультета оставили Мемнон и Нестор Петровские. Мемнон Петровский (1833–1912) окончил в 1855 г. Казанский университет со степенью кандидата. Сначала работал учителем латинского языка в первой Казанской гимназии, а затем был принят на кафедру славянской истории и литературы университета. После трех лет заграничной стажировки он защитил докторскую диссертацию и был избран на должность профессора по кафедре славянской филологии. Его лекции отличались оригинальностью и высоким научным уровнем, а его перу принадлежат самые разнообразные труды, в частности переводы в стихах и прозе Я. Коллара, К. Гавлича-Боровского, А. Мицкевича, И. Мажуранича и других. Его сын, Нестор Петровский (1875–1921), окончил Казанский университет и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. После годичной заграничной командировки занял должность приват-доцента на кафедре славянской филологии. В 1907 г. защитил докторскую диссертацию и был избран профессором по истории славянской литературы. Написал свыше 300 книг, статей, заметок; несколько работ о В. Григоровиче. Вместе с отцом собрал богатейшую славистическую библиотеку, которую завещал Казанскому университету.

Интересной фигурой на историко-филологическом факультете был профессор римской словесности Дариуш Нагуевский (1845–1918). Он прибыл в Казань в 1883 г. из Дерптского университета после блестящей защиты на латинском языке докторской диссертации по творчеству Ювенала. В Казанском университете он проявил большую активность, в 1885 г. создал при факультете специальную библиотеку классической филологии, став ее бессменным заведующим, а в следующем году – нумизматический университетский музей, директором которого состоял с самого его основания. Издал семь томов латинских классиков с примечаниями, в отдельных книгах – сатиры Ювенала, написал много критических статей. За научные заслуги в 1887 г. был избран почетным профессором итальянского академического института Гумберта в Ливорно, состоял членом различных научных обществ, в том числе краковского нумизматического общества.

На физико-математическом факультете университета насчитывалось чуть более 10 преподавателей-поляков и среди них выдающийся польский ученый Мариан Ковальский (1821–1884). В Казань он прибыл в 1850 г. и сразу же активно включился в научно-педагогическую жизнь университета. Здесь в 1852 г. он защитил докторскую диссертацию “Теория движения Нептуна”,

получившую в Российской академии наук Демидовскую премию. Вскоре он был утвержден профессором по кафедре астрономии и заведующим университетской обсерваторией. Три раза избирался деканом факультета (1862–1868 гг., 1881–1882 гг.), проректором и ректором университета, но в двух последних случаях отказался от почетных должностей, не желая жертвовать своей научной работой. Ему было присвоено звание заслуженного профессора университета и назначена персональная пенсия. За научные заслуги он был избран членом Российской академии наук, Астрономических обществ в Лондоне и Берлине.

Как и на других факультетах, на физико-математическом также возникла своя династия польских преподавателей. Ее основателем был Эраст Янишевский (1829–1906) – профессор по кафедре математики и совершенно неординарная личность. Он окончил вторую Казанскую гимназию, затем Казанский университет с золотой медалью и со степенью кандидата физико-математических наук. В 1854 г. защитил магистерскую диссертацию и начал читать лекции в университете по математике. В 1861 г. он утвержден экстраординарным профессором по кафедре математики, а после защиты докторской диссертации (1865 г.) – ординарным профессором. Одновременно в течение нескольких лет (1863–1867) он заведовал ботаническим садом университета. В 1871 г. Янишевский был избран Казанским городским головой, оставаясь в этой должности свыше 10 лет. По отзыву шефа жандармов П.А. Шувалова, в письме министру внутренних дел от 5 января 1872 г. Э. Янишевский принадлежал “к так называемой передовой партии в Казанском университете”. В 1881 г. он оставил университетскую кафедру, но продолжил службу как управляющий Казанской контрольной палатой до 1904 г., когда ему исполнилось 75 лет.

Его старший сын, Михаил Янишевский (1871–1949), родился в Казани, окончил естественное отделение при физико-математическом факультете Казанского университета с золотой медалью. С 1895 г. работал на кафедре геологии и минералогии, одновременно исполнял обязанности хранителя геологического кабинета университета. После защиты магистерской диссертации был утвержден приват-доцентом университета с чтением курса палеонтологии для студентов. В 1902 г. он назначен профессором палеонтологии Томского политехнического института. Дальнейшая судьба М. Янишевского связана с Томском и Ленинградом, где он был профессором Ленинградского университета до своей смерти. После окончания Второй мировой войны Янишевский был удостоен звания заслуженного деятеля науки (1945 г.).

Младший сын, Дмитрий Янишевский (1875–1944), унаследовал любовь отца к живой природе. После окончания в 1898 г. Казанского университета он стал хранителем музея при ботаническом кабинете университета. В течение семи лет (1903–1910) работал приват-доцентом на кафедре ботаники, одновременно преподавал естественную историю в Ксенинской женской гимназии города. В 1910 г. переехал в Саратов, где стал профессором агрономического факультета Саратовского университета.

На юридическом факультете Казанского университета работали около 15 польских преподавателей, среди которых были известные ученые Габриэль Шершеневич (1863–1912), Антон Станиславский (1817–1883), Юлиуш Микшевич (1824–1878), Тадеуш Грегорович (1848–1904). Г. Шершеневич получил среднее образование во второй Казанской гимназии, затем в 1885 г. окончил юридический факультет Казанского университета, где стал работать на кафедре торгового права. После защиты магистерской диссертации начал свою преподавательскую деятельность в качестве приват-доцента. В 1892 г. он защитил докторскую диссертацию и был назначен профессором той же кафедры. В Казани Г. Шершеневич сформировался как энциклопедически образованный ученый, он был не только одним из создателей торгового права как отрасли юридической науки, но и ведущим специалистом на факультете по гражданскому праву и общему правоведению.

А. Станиславский был сослан в Казань в 1839 г. за участие в тайной политической организации поляков в Киеве, но уже 1 июня 1840 г. Казанский университет утвердил его в степени кандидата юридических наук. Из-за полного отсутствия средств ссыльного кандидата, университет взял на себя печатание его магистерской диссертации, после ее защиты он приступил к чтению лекций, которые произвели впечатление на молодого Л.Н. Толстого, будущего великого русского писателя, в то время (1844–1847 гг.) состоявшего студентом юридического факультета Казанского университета. В 1851 г. А. Станиславский защитил докторскую диссертацию и был утвержден профессором по кафедре энциклопедии права. Через два года он покинул Казань и в течение 15 лет (1853–1868) успешно преподавал в Харьковском университете, где занимал должности профессора, декана и ректора университета. В 1869 г. он вернулся в Казанский университет в качестве профессора кафедры энциклопедии и истории права. Спустя десять лет вышел в отставку и уехал на родину в Киевскую губернию. За большие заслуги Казанский университет избрал его своим почетным членом.

В университете династия польских преподавателей Залесских была во многом примечательной и неординарной. Франц Залесский (1820–1867) был выслан из Киева в Казань вместе с А. Станиславским и другими участниками тайной политической организации польской молодежи. В 1841 г. он окончил юридический факультет Казанского университета со степенью кандидата наук. Но юриспруденция не увлекла молодого польского дворянина, и в 1856 г. он окончил медицинский факультет Казанского университета, после чего преподавал естественные науки в Казанском Родионовском институте благородных девиц. В 1858 г. университет присвоил ему ученую степень доктора медицины, а с 1865 г. и до конца жизни он преподавал в Казанском университете в качестве приват-доцента истории медицины. Жизнь Ф. Залесского в Казани сложилась на редкость счастливо. Он женился на богатой местной дворянке и стал крупным помещиком, имел свой дом в Казани около университета, который посещали Г. Шершеневич, А. Станиславский, а также студенты-поляки. Он много путешествовал по России. Его дневниковые записи на польском языке с рисунками отличались изящным слогом и свидетельствовали о таланте автора как рисовальщика. Дневники Ф. Залесского оказались уникальным источником по истории польской ссылки в России.

Владислав Залесский (1861–1922) родился в Казани, окончил третью Казанскую классическую гимназию и физико-математический факультет университета по разряду естественных наук. В 1892 г. получил степень магистра и начал читать лекции в университете в качестве приват-доцента политической экономии. С 1895 г. преподавал энциклопедию и историю права, в 1900 г. избран профессором по данной дисциплине. Его научные интересы касались вопросов права и экономики, чему были посвящены книги “Власть и право. Философия объективного права” (1897 г.), “Учение о капитале” (1898 г.), а также лекции по истории философии и энциклопедии права. Революционные события 1905 г. в России самым непосредственным образом затронули Казанский университет: его академическое и студенческое сообщество раскололось на враждебные и противостоящие группировки. В. Залесский стал во главе организации “Правые профессора”, которая выступила против всех демократов и либералов на защиту традиционных монархических устоев государства. Этим он снижал себе славу “реакционера”, которая, к сожалению, сохраняется за ним и в настоящее время⁴. В 1919 г. он покинул Казанский университет и спустя три года умер в Томске.

Сподвижником В. Залесского на факультете был другой представитель именитой польской династии в университете

Михаил Догель (1865–1935) – сын знаменитого Казанского ученого-медика Яна Догеля. Он родился в Гейдельберге в 1865 г., окончил первую Казанскую гимназию и университет (1888 г.), три года (1892–1895) стажировался за границей, после возвращения в Казань был зачислен приват-доцентом по международному праву в университет. В 1900 г. защитил докторскую диссертацию и до своей отставки в 1911 г. был профессором на кафедре международного права. В событиях 1905 г. он активно поддерживал В. Залесского, чем навлек на себя “революционный гнев” радикального студенчества факультета и на долгие годы был занесен в списки “реакционных” профессоров университета⁵.

Больше всего поляков преподавало на медицинском факультете университета – около 25 человек. Здесь было представлено настоящее созвездие выдающихся польских ученых, среди которых профессора Николай Ковалевский (1840–1891), Ян Догель (1830–1916), Эмиль Адамюк (1839–1906) и др. Николай Ковалевский (1840–1891), сын Юзефа Ковалевского, родился в Казани, с золотой медалью окончил вторую Казанскую гимназию, затем медицинский факультет университета. Его первая же научная работа была удостоена в 1860 г. золотой медали. После окончания университета на два года был отправлен за границу, где стажировался в лучших медицинских лабораториях Германии и Австрии. В 1865 г. защитил докторскую диссертацию и был избран профессором по кафедре физиологии. Основал свою научную лабораторию, из которой вышло много талантливых учеников. Н. Ковалевский был прекрасным лектором и оратором, его лекции вызывали самый широкий интерес, студенты искренне любили и уважали своего учителя. В 1878 г. он принял предложение стать деканом факультета, а два года спустя – ректором университета. В 1890 г. состоялось открытие нового здания медицинской лаборатории, которой он заведовал до конца жизни.

Ян Догель родился в имении Залесье, окончил Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге. После защиты в Московском университете докторской диссертации по гистологии он три года (1865–1868) провел за границей. В Казань прибыл в 1869 г. уже известным ученым, заняв должность профессора по кафедре фармакологии. В университете основал свою фармакологическую лабораторию, которой заведовал до конца жизни. Я. Догель опубликовал много научных трудов, среди них такие фундаментальные работы как “Сравнительная анатомия, физиология и фармакология сердца” (1896 г.), “Сравнительная анатомия, физиология и фармакология кровеносных лимфатических сосудов” (2 тома, 1898 г.). Он также был автором ряда научно-попу-

лярных и медико-просветительных сочинений: “Табак как прихоть и несчастье человека” (5-е издание в 1898 г.), “Знание и доверие как лекарство” (речь на Торжественном научном собрании в университете 5 ноября 1900 г.), “Цивилизация – здоровье, отсутствие цивилизации – чума или холера” (1911 г.). В частности, в его научном наследии есть и такая любопытная работа как “Влияние музыки на человека и животных” (1897 г.). За большие научные заслуги Я. Догель был избран заслуженным профессором Казанского университета, почетным членом Военно-хирургической академии Санкт-Петербурга и Дерптского университета, членом-корреспондентом Биологического общества в Париже.

Эмиль Адамюк родился в Бельске, Гродненской губернии, окончил Белостокскую гимназию, затем медицинский факультет Казанского университета. Здесь полностью раскрылся его незаурядный талант исследователя и педагога, беззаветно преданного делу науки. Он стал основателем Казанской школы офтальмологии и вместе с Н. Ковалевским и Я. Догелем – выдающимся представителем Казанской школы физиологии. Именно в лаборатории Н. Ковалевского Адамюк подготовил докторскую диссертацию “О внутриглазном давлении”. Сделанные им открытия и опубликованные в диссертации результаты исследований стали достижениями мирового уровня и открыли новую эпоху в офтальмологии. В Германии систематически выходили совместные труды Н. Ковалевского, Я. Догеля и Э. Адамюка по различным проблемам физиологии. Э. Адамюк был европейски образованным ученым, в течение двух лет (1868–1870) он работал в лучших глазных клиниках Германии, Австрии, Швейцарии, Франции и Голландии. После возвращения создал такую же клинику в Казани. В 1871 г. он был избран профессором кафедры офтальмологии и благодаря кипучей энергии быстро сформировал свою научную школу. Его лекции всегда проходили при переполненных аудиториях и занимали намного больше времени, чем это было установлено расписанием. Э. Адамюк автор более 100 научных трудов, среди которых такие фундаментальные как “Офтальмологические наблюдения” (5 выпусков, 1876–1880 гг.), “Практическое руководство к изучению болезней глаза” (4 тома, 1884–1898 гг.). Он воспитатель нескольких поколений российских врачей по глазным болезням. Не случайно его избрали почетным членом различные общества врачей в Минске, Киеве, Астрахани, Симбирске, Вятке и на Кавказе. В 1894 г. Казанский университет также избрал его своим почетным членом. Умер Э. Адамюк в Казани после тяжелой и длительной болезни.

Одной из самых примечательных черт в жизни поляков в дореволюционной Казани была их активная общественная деятельность, она включала в себя как широкую программу народного просвещения и образования, так и разнообразные виды благотворительности и гуманитарной помощи. Поводов для проявления сочувствия беднякам и оказания им реальной материальной помощи в России XIX в. было предостаточно: это войны, неурожаи, голод, эпидемии и т.д. Поляки, как правило, активно принимали участие во всех благотворительных акциях и подавали личный пример щедрости души и сострадания. Так, среди пожертвовавших крупные суммы в помощь раненым во время Крымской войны в 1855 г. значился профессор Казанского университета Юзеф Ковалевский, а во время русско-турецкой войны в 1877 г. – Мариан Ковальский. Во время голода 1891–1892 гг. в Казанской губернии преподаватели университета и Ветеринарного института, среди которых было много поляков, отчисляли 1% от своего содержания в пользу голодающих учителей и учащихся школ Казанской губернии. Но не только в экстремальных случаях ярко проявлялась благотворительная деятельность поляков. Она велась систематически и постоянно через различные научно-просветительские и филантропические общества. Так, профессор Казанского университета Николай Засецкий (1855–1917) был председателем правления Общества помощи нуждающимся ученикам Казанской фельдшерской школы и заместителем председателя правления благотворительного фонда при больнице Казанского губернского земства. Другой профессор медицинского факультета Казанского университета Николай Высоцкий (1843–1922) был председателем комитета Общества помощи бедным студентам университета и одновременно членом правления общества Красного Креста, Попечительской школы детского трудолюбия и даже председателем совета Вольного пожарного общества и членом правления Казанского общества спасения на водах. Но не только поляки-мужчины активно участвовали в общественной жизни дореволюционной Казани, их жены также вносили свой посильный вклад в гуманитарную деятельность города. Так, членом правления дамского благотворительного общества (Попечительского комитета о бедных) была Александра Догель – супруга приват-доцента университета Михаила Догеля.

При Казанском университете в XIX в. существовало несколько общественных организаций: это Казанское экономическое общество, Общество врачей, Общество невропатологов и психиатров, Общество истории, археологии и этнографии, Юридическое общество. Они не были чисто научными организациями и осуще-

ставляли широкую программу просветительской и гуманитарной деятельности. Во всех этих обществах польские профессора и преподаватели играли ключевую роль. Вот лишь несколько примеров. Общество врачей при университете было основано в 1866 г. и насчитывало около 250 членов. При нем имелась библиотека, издавался периодический журнал. Общество ставило своей целью широкую пропаганду среди населения здорового образа жизни, новейших достижений медицинской науки и практическую (бесвозмездную) помощь нуждающимся больным. Членами общества в городе читались публичные лекции и проводились различные профилактические мероприятия. Во всей этой деятельности активную роль играли польские ученые-медики университета, которые всегда составляли руководящее ядро общества. Следует назвать уже не раз упомянутые имена профессоров Николая Ковалевского, Яна Догеля, Эмиля Адамюка, Ливерия Даркшевича и др. Они не только выступали с публичными лекциями перед населением Казани, но и были практикующими врачами, известными и в других губерниях России. Так, благодаря Эмилю Адамюку (бывшему также одним из учредителей Общества врачей) и его ученикам Казань в 1880–1890-е годы стала местом паломничества тысяч глазных больных со всех уголков Востока России. Адамюк отнюдь не ограничивался только научной работой и врачебной практикой. Он же был членом Попечительского совета о слепых г. Казани и членом Городской думы, где занимался вопросами школьной санитарии и гигиены.

Другой яркой личностью среди членов общества врачей был, несомненно, профессор Ян Догель, прославленный научными трудами по физиологии, фармакологии и анатомии. Он не был ученым-отшельником. Напротив, самые острые и злободневные проблемы социальной жизни того времени находили живой отклик в его душе. Особое место в общественной деятельности Яна Догеля занимала активная борьба с алкоголизмом и пьянством. Алкоголизм, по его убеждению, являлся одной из причин упадка нравственности народа, экономического состояния государства и здоровья каждого человека. Поэтому для него было делом чести содействовать созданию в Казани общества трезвости. Оно появилось в 1892 г. и очень скоро превратилось в весьма влиятельный общественный институт. Пропагандируя здоровый образ жизни, Ян Догель отстаивал идею неограниченности творческого потенциала человека и возможности его активного долголетия. Своей просветительской и общественной деятельностью он доказывал, что для этого необходимо бороться не только с болезнями, но и с несправедливым общественным устройством.

Польские ученые играли активную роль в подавляющем большинстве светских общественных организаций при Казанском университете. Так, приват-доценты медицинского факультета Бронислав Воротынский (1865–1925) и Алексей Янишевский (1873–1936) – сын известного профессора университета Эраста Янишевского – активно участвовали в деятельности Общества невропатологов и психиатров; видный профессор университета Габриэль Шершеневич возглавлял Юридическое общество. Общество истории, археологии и этнографии при Казанском университете было основано в 1878 г. В его создании активное участие принимал Я.Н. Бодуэн де Куртенэ, который своим авторитетом способствовал успешной работе этого общества. В него входили более 170 членов, имелась библиотека (2 тыс. названий) и музей ценных коллекций. Видным представителем общества был профессор кафедры славянской филологии университета Нестор Петровский. Он являлся секретарем общества и редактором его журнала, инициатором возрождения в городе Общества любителей русской словесности, будучи его бессменным председателем до 1919 г. Н. Петровский участвовал в работе Казанского губернского музея и был одним из редакторов журнала “Казанский библиофил”.

В Казанском университете действовало Общество помощи бедным студентам университета. Основанное в 1871 г., в него входило более 100 человек, хотя членский взнос был в 2 раза больше, чем в других университетских обществах (10 руб.). Благотворительный фонд общества превышал 12 тыс. руб., и ежегодно на помощь бедным студентам расходовалось 3 тыс. руб. Председателем комитета этого общества состоял профессор кафедры хирургии Николай Высоцкий. Это была совершенно незаурядная личность: трудно назвать те области социальной жизни Казани, которыми бы он не занимался. Он активно увлекался краеведением, был членом-учредителем Общества истории, археологии и этнографии, печатался в “Известиях” этого общества и принимал участие в создании музея общества. Лично сам собрал богатую коллекцию редких вещей, которая экспонировалась на научно-промышленных выставках. Он также входил в состав комиссии по организации Казанского городского музея и был одним из директоров Попечительского комитета о тюрьмах. Такова была удивительно разносторонняя общественная деятельность профессора Н. Высоцкого.

Активным членом Общества помощи бедным студентам был профессор Марианн Ковальский. В университете его щедрость и благородство по достоинству оценили студенты. Один из них впо-

следствии вспоминал, что профессор “был размашист и настойчив в поддержании их интересов” и что благодаря ему “материальная помощь от университета студентам-математикам раздавалась щедрою неоскудевающей десницею”⁶.

Говоря о благотворительности как общественном движении в Казани XIX в., нельзя не упомянуть о деятельности римско-католического прихода в городе. При нем также в 1887 г. было открыто общество помощи бедным. Число жертвователей ежегодно, как правило, составляло около 100 человек. Это были офицеры, предприниматели и другие зажиточные католики Казани и Казанской губернии. Суммы, собранные обществом, тратились на помощь старикам и инвалидам, многодетным семьям и другим малообеспеченным людям. Эта благотворительность была как бы продолжением традиции материальной взаимовыручки польских ссыльных в России.

В заключение следует сказать, что в XIX в. жизнь в Казани многих поляков, оказавшихся вдали от родных мест, протекала в благоприятных условиях. Отношение к ним в Казани, очевидно, было самое уважительное и доброжелательное. Об этом говорят их многочисленные мемуары и эпистолярное наследие. Приехав в Казань для сдачи в университете государственных экзаменов, студент из Дерпта Станислав Мянковский впоследствии вспоминал: “В Казани было довольно много поляков, и местные жители их очень уважали”. В 1828 г., отправляясь в Китай, Ю. Ковалевский писал друзьям: “Я жил в Казани почти как на родине. Почему и мысль о расставании наводила горечь и какую-то пустоту сердца”⁷.

¹ Корбут М.К. Казанский государственный университет за 125 лет. Казань, 1930. Т. 1. С. 92.

² См. подробнее: Томский университет. 1880–1980. Томск, 1980. С. 8–25.

³ См.: Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.). Варшава, 1995. С. 93.

⁴ Емельянова И.А. Юридический факультет Казанского государственного университета. 1805–1917. Очерки. Казань, 1998. С. 89, 95, 96.

⁵ Там же. С. 96.

⁶ Русская старина. 1885. № 8. С. 159.

⁷ Mianowski S. Wspomnienia Wilnianina, 1895–1945. Warszawa, 1995. S. 68.

Гжегож Павел Бомбяк (Варшава)

Имперское меценатство в провинциальной Варшаве

Понятие меценатства с давних времен по сегодняшний день является одним из ключевых в истории культуры и искусства. А обозначенное им историческое явление, зародившись в Афинах времен Перикла и в Римской империи Октавиана Августа, все еще ждет всестороннего обобщающего исследования. Причиной этого является как практически безграничное пространство, охватившего весь мир названного явления, так и дискуссионность вопроса о его сущности и качественных отличительных чертах. Применяемые исследователями дефиниции, как правило, ограничены отдельными сюжетами, хронологическими периодами и рамками научной специализации.

По нашему мнению, семантический аспект проблемы меценатства должен охватывать довольно широкий спектр явлений, включая как единичный акт жертвования, так и длительную деятельность мецената, не взирая на ее политическую мотивацию. Таким образом, сюда следовало бы отнести и опеку над отдельным художником, получившим заказ, и покровительство в отношении многих деятелей художественной культуры в самых различных ее областях. Впрочем, аналогичная практика распространена и в других сферах общественной деятельности, например, в науке.

Проблема меценатства окажется еще более сложной, если ограничить ее рассмотрение только польскими землями XIX в. Возникающие трудности обусловлены не только спецификой региона, но и различиями между землями первой Речи Посполитой, которые оказались под властью разных иностранных государств. Кроме того, приняв во внимание иную, нежели в других частях Европы политическую ситуацию, а также модернизационные процессы в польском обществе, необходимо осознать, что меценатство на польских землях первой половины XIX в. лишь немногим напоминало таковое в конце столетия, а меценатство Королевства Польского только лишь в самых общих чертах было

похоже на меценатство Галиции или Великого княжества Познанского.

Поэтому даже если говорить единственно лишь о территории Королевства Польского, то здесь государственное меценатство прошло путь от относительно независимой от имперских властей деятельности в этой области польской политико-интеллектуальной элиты 1820–1830-х годов до мероприятий в сфере культуры российских чиновников последующих десятилетий. К тому же, если еще в первой половине столетия государственное меценатство можно рассматривать в совокупности с деятельностью частных покровителей, то уже во второй половине века два этих явления выступают как абсолютно противоположные одно другому. Однако в этом различии есть и общий элемент, ставший наиболее характерной чертой меценатства того времени, побудительными мотивами которого были не только эстетические потребности, но и политические устремления, что явилось отражением противостояния царской России и польского народа.

С окончанием наполеоновских войн и появлением в 1815 г. на политической карте Европы Королевства Польского как политика государств, так и общественная жизнь входят в русло мирного времени. Одной из черт мирной жизни на континенте стало обращение к меценатству. Однако на польских землях оно подверглось большим переменам, нежели другие сферы общественной жизни. Ликвидация постоянного королевского двора в Варшаве, который не могли заменить ни Дворец Наместника Ю. Зайончека, ни Бельведерский дворец великого князя Константина, привела к перемещению центра тяжести меценатской деятельности в сторону просвещенной аристократии (Чарторыхских, Потоцких, Замойских и др.), и в то же время побудила правительство принять меры по поддержке культуры государством. Принципиальное различие между этими двумя направлениями меценатства, по словам С. Козакевича, состояло в целях: деятели правительства, как в прошлом король, руководствовались общим благом, магнаты – благом отдельной личности¹.

Подчеркивая общественное значение искусства, правительственное меценатство развивалось преимущественно в области архитектуры в условиях развернувшегося строительства в эпоху “процветания” Королевства Польского, справедливо определяемую исследователями как “великий период польского градостроительства”, когда были, в частности, осуществлены многие проекты общественных зданий, намеченные еще в станиславовскую эпоху. В. Крассовский отмечал, что в первой трети XIX в. преобладает и само явление меценатства, развернувшегося в облас-

ти строительства во всей полноте уже во второй половине столетия. По его мнению, меценаты тогда превращались в инвесторов, а архитекторы из мастеровых – исполнителей господской воли – в авторитетных зодчих, облеченных высоким доверием и большими полномочиями². Центром строительства была столица. “Возводимые великолепные здания в Варшаве, – говорил на сейме 1819 г. один из послов, – свидетельствуют о в высшей степени тщательной заботе правительства об украшении столицы, и если бы это не превысило возможности нашей страны, можно было бы пожелать, чтобы и другие города Королевства могли воспользоваться щедростью правительства”³. Франчишек Салезы Дмоховский писал в своих воспоминаниях: “На Рымарской улице появились два правительственных здания Банка и Комиссии Скарба. Дворец Яблоновских выкупили, с намерением приспособить для ратуши Варшавы, так, как теперь и есть. Стены Марывиля (Мариенштата. – Г.Б.) снесли и разбили обширную площадь, где возведены два павильона и начато строительство нового театра, во дворе Казимежовского дворца поставлено пять павильонов, предназначенных для контор Комиссии Просвещения и аудиторий академических курсов {...}. Костел доминиканцев-обсервантов разобрали, а на его месте построено здание Общества друзей науки”⁴.

Развернувшееся строительство и возведение в столице ряда монументальных общественных зданий придало городу облик европейской метрополии. Застройкой Варшавы ведал созданный в 1817 г. по инициативе двух министров – Тадеуша Мостовского (внутренних дел) и Ксаверия Любецкого (финансов) – Строительный совет. В его компетенции, в частности, было финансирование строительства в Варшаве и согласование проектов с генеральным планом развития города. Однако деятельность в этой области властей Королевства имела, как справедливо подчеркивал Стефан Кеневич, чисто политические основы. Историк отмечал, что новому режиму были необходимы быстрые и впечатляющие результаты его политики, а также новые здания для администрации и армии⁵. Мысль эту развивает Войцех Тшебиньский, отметивший, что многие постройки появились в Варшаве по случаю неоднократных посещений города царем⁶. В развитие приведенного суждения стоит указать на дуализм государственного меценатства того времени, когда стремление к “общественной пользе”, обусловленной местными потребностями и отечественными художественными и культурными традициями, сочеталось с реализацией по непосредственному поручению Петербурга проектов милитаристского характера. Возможность в случае восстания ве-

дения в городе военных действий прежде всего принималась во внимание при обустройстве улиц и площадей. Например, при строительстве на севере Варшавы здания Гвардии на Жолибоже или предназначенного для пехоты и артиллерии Повонзковского военного лагеря. Саская площадь стала местом торжественных смотров и парадов великого князя Константина. Этой роли соответствовал и ее архитектурный ансамбль. Как пространства, несущие представительские функции, были организованы площади: Замковая, Театральная, Банковая, Евангелицкая (ныне площадь Малаховского), площадь Александра (Тшех Кшижи), а также Варецкая, а как торговые площади – Мурановская и За Желязно Брамо.

Начало грядущим градостроительным намерениям и планам государственного меценатства было положено еще в 1814 г., когда в подписанном Александром I 18 мая указе о создании организационного комитета для польских земель заявлялось, между прочим, и о намерении украсить Варшаву (*embellissement de la capitale*)⁷. Вновь об этом Александр говорил 31 августа 1815 г., принимая в Париже, в Елисейском дворце, польскую делегацию. Царь расспрашивал тогда о Варшаве и обещал сделать на Висле каменные набережные лучше, чем на Сене⁸.

Первые проекты восстановления города, разрушенного и запущенного за годы войн и потрясений истекшей четверти века, были составлены уже в 1815 г. в Министерстве внутренних дел. А одним из первых осуществленных проектов стала реставрация Казимежовского дворца как местонахождения будущего университета. Руководил ею Отдел народного просвещения и религиозных конфессий во главе со Станиславом Косткой Потоцким.

Тогдашние власти Королевства были убеждены, что Александр I лично заинтересован в развитии и обустройстве польских городов, и особенно Варшавы⁹. Ян Венгельский, посетивший Петербург в составе торговой миссии, писал генералу Зайончеку в июне 1817 г.: “Император интересовался самыми разнообразными подробностями, спрашивал о террасе (колоннада Кубицкого у Замка. – Г.Б.), о Почейовском рынке, об улице Уяздовской, о доме Яблоновских, приобретенном городом, о ратуше на Старом Мясте, строят ли в этом году новые дома, достаточно ли кирпичных заводов”¹⁰. Характерным проявлением правительственного меценатства того времени с очевидно выраженным политическим звучанием было строительство костела Святого Александра на площади Тшех Кшижи (Трех Крестов), на что царь дал разрешение, отвергнув предложение о сооружении в свою честь триумфальной арки. Огромное здание типа Пантеона по проекту

Петра Айгнера, напоминавшее построенный им же ранее храм в Пулавах, было возведено в 1818–1825 гг.

Демонстративное царское покровительство градостроительству в Варшаве вполне сочеталось с тем, что большинство из распределявшихся императором сумм получил князь Константин для Военной комиссии, на что обращает внимание уже цитировавшийся Томаш Тшебиньский¹¹. Правда, и в самой России в это время предпочитали возводить грандиозные сооружения “на народные деньги”, экономя казенные средства. Так было, например, со строительством храма Христа Спасителя в Москве.

Постепенно в сознании царских властей крепло убеждение в том, что культура, а особенно искусство, становятся средством, концентрирующим национальное самосознание поляков и могущим стать новым полем народно-освободительной борьбы. Об этом свидетельствовал опыт вспыхивавших восстаний и сопровождавших их репрессий. Наряду с этим культура являлась тем кодом, который направлял деятельность на польских землях тогдашних частных меценатов, обуславливая одновременно их патристическую позицию.

Тытус Дзялынский из Великой Польши – один из главных покровителей польской науки и культуры эпохи “Золотого века” – ставил своей целью “соединять прошлое с настоящим и таким образом заложить прочный фундамент будущего”¹². Приведенное высказывание иллюстрирует одну из наиболее существенных особенностей польского меценатства, которое несло на себе явный исторический отпечаток, выражавшийся в том, что оно, главным образом, сосредоточивалось на охране и коллекционировании памятников, связанных с прошлым народа. Кредо, которого придерживались в своих начинаниях деятели, подобные Дзялынскому, сам он выразил в следующих словах: “Греки и римляне возводили монументы, памятники и триумфальные арки в честь заслуженных перед отчизной мужей, а почести, воздаваемые столь достойной славе, направляли и последующие поколения на ту же стезю. В Польше же все иначе, захватчики нашей земли пытаются уничтожить всякие следы некогда прекрасного бытия. Исчез Выщербленный меч Храброго* на Вавеле, исчезли грюнвальдские хоругви, пропала трофейная корона царей, запустели замки наших королей, с которых сорваны наши орлы, отку-

* Выщербленный меч польского короля Болеслава Храброго (967–1025) – реликвия, использовавшаяся при коронации польских королей. По преданию Болеслав выщербил свой меч, ударив им о городские ворота Киева (*примеч. пер.*).

да вывезены картины и статуи, разрушены стены Красного Става и Гостынина. И я, старец, окруженный руинами, задумал восстановить, так сказать, иероглифично, очертания гербовых фигур тех времен, когда Польшей правил последний Ягеллон. Мне казалось, что художественные произведения, картины станут помощниками памяти, что детвора наша, глядя на Леливу, припомнит, что это герб победителя под Обертином и Стародубом^{2*}, что Елитчик взял в плен эрцгерцога Австрийского^{3**}13.

Тема величия исторического прошлого польского народа начала недвусмысленный призыв к борьбе за свободу. Особенно ярко эти скрытые смыслы, выраженные посредством национальных мотивов, проявились в литературе после 1863 г. Для эзопова языка польской литературы глубоко символическое значение имели описания польского пейзажа: одинокий крест в поле, расколотая сосна, а также ключевые слова: *дело, страна, наш*. Наиболее яркое отражение эти элементы получили в шедевре эпохи польского реализма – романе Болеслава Пруса “Кукла”. Если обратить внимание на изображение в романе польской столицы, на городской пейзаж, то можно прийти к неожиданному выводу, что в описываемое автором время в Варшаве не было ни одного русского, и ни одной постройки, возведенной царизмом. Подобный прием – вытеснения из культурного сознания всего, что было связано с захватчиками, использовали многие авторы. В этих условиях польская культура XIX в. была, так сказать, культурой второго эшелона, развивавшейся независимо, а временами и вопреки правительственной политике в этой области.

Если рассматривать произведения польской культуры с этой точки зрения, то становится понятным, что всякая деятельность представителей власти рассматривалась как проявление антинациональной политики. Во многих случаях подобное восприятие оказывалось вполне обоснованным, поскольку захватчики поддерживали именно тех деятелей культуры и поощряли создание таких произведений, которые санкционировали *status quo*. Варшава в данном случае играла особую роль, поскольку в этом городе указанная тенденция проявилась наиболее выпукло, объединив все элементы правительственного меценатства, и одновременно неся на себе ярко выраженный идеологический отпечаток.

Петр Пашкевич в монографии, посвященной российскому искусству в Варшаве, писал о “культурной колонизации”, подчер-

^{2*} Ян Тарновский (1488–1561) – великий коронный гетман (*примеч. пер.*).

^{3*} Ян Замойский (1542–1605) – великий коронный канцлер (*примеч. пер.*).

кивая, что возведенные по приказу царских властей здания в псевдовизантийском стиле не только не вписывались в городской пейзаж Варшавы, но что их строительство осуществлялось прежде всего в политических и пропагандистских целях. Автор привел слова А.Н. Бенуа – брата создателя самого большого в Варшаве православного собора Александра Невского на Саской площади: «Даже не будучи поляком, – писал он, – я почувствовал необычайно “бестактное”, а попросту говоря, оскорбительное вторжение русского национализма в совершенно западный город, началом которого (вторжения. – Г.Б.) стало здание в русском стиле, построенное позади памятника Коперника, где ныне находится русская гимназия»¹⁴.

Рассматривая царское меценатство, мы не будем останавливаться на заказанных польским художникам царских портретах, а сосредоточимся главным образом на архитектуре, которая наиболее очевидно влияла на облик Варшавы, являясь одновременно своеобразным барометром польско-русского культурного противоборства на территории польской столицы во второй половине XIX – начале XX в. Одним из наиболее значительных, связанных с ним событий, стало сооружение памятника князю Варшавскому И.Ф. Паскевичу. Изготовленный по повелению Александра II скульптором Н.С. Пименовым по проекту А. фон Бока памятник был установлен 3 июля 1870 г. у дворца наместника. Причем царь не только лично утвердил проект, но и сам выбрал место установки. Особое значение имело и то, что ранее здесь стоял памятник Юзефу Понятовскому, после восстания 1830–1831 гг. увезенный в Гомель, где находился “в плену” в резиденции Паскевича. Спустя 28 лет после сооружения памятника князю Варшавскому и в противовес ему поляки поставили неподалеку великолепный, гораздо более значительный в архитектурном и художественном отношении памятник Адаму Мицкевичу – князю всех польских поэтов, великому национальному пророку. Так, два этих памятника стали своеобразными символами столкновения двух стихий, двух воплотившихся в облике Варшавы противоположных тенденций.

Во второй половине XIX в. масштаб и художественный уровень имперского меценатства в Варшаве отличались рядом характерных черт. Прежде всего оно подчинялось политическому курсу Петербурга в отношении польских земель, а во многих случаях было прямо призвано демонстрировать их принадлежность Российской империи. Во время национальных восстаний в Польше и в период восстановления польского государства, в обстановке польско-русского противостояния и взаимной неприязни символы русского господства уничтожались, невзирая на худо-

жественные достоинства некоторых из них. После занятия Польши немецкими войсками в 1915 г. и особенно после восстановления независимости в 1918 г., их разрушали как проявление “культурного империализма”.

Другой характерной чертой имперского меценатства этого времени была ограниченность его масштабов по сравнению с материальными возможностями и статусом заказчика. После 1863 г. Королевство было лишено остатков бывшей автономии, сохранившиеся после 1830 г. органы центральной власти были ликвидированы, а Варшава сведена до уровня губернского города, хотя была одним из крупнейших центров на западе империи. Все это сказалось на развитии культуры, усугубляя в ней тенденции провинциализма, поскольку лишало архитекторов и скульпторов правительственных заказов. Власти, за крайне редким исключением, больше не строили в Варшаве общественных и административных зданий, которые могли бы стать украшением города. Предметами имперского меценатства становились теперь преимущественно здания православных церквей (их было возведено около 40), которые специально возводились в наиболее видных местах города. Все это, как уже говорилось, имело явно выраженную политическую направленность.

В новейшей монографии Здиславы Толлочко¹⁵ приводится высказывание архитектора, автора проекта здания Исторического музея в Москве, В.О. Шервуда, что “русский народ формировал характерные для себя культурные особенности, которые проявились, прежде всего, в русской церковной архитектуре”¹⁶, для которой в XIX в., по словам автора, была присуща своеобразная миссия, тесно связанная с государственными интересами. Использование в ней палитры стилей (от псевдорусского до византийского) должно было утверждать великодержавные устремления Российской империи. Поэтому, по нашему убеждению, церковная архитектура и не могла иметь много общего с культурой покоренных народов¹⁷.

Среди церквей, возведенных в Варшаве по воле царских властей, в первую очередь заслуживает внимания сохранившийся до сегодняшнего дня храм Святой Марии Магдалины. Инициатором его строительства стал глава учрежденной после подавления Январского восстания 1863 г. Правительственной комиссии внутренних и духовных дел, один из продолжателей идейной традиции славянофильства В.А. Черкасский. Церковь была построена в 1867–1869 гг. неподалеку от центра города, на правом берегу Вислы, на Праге рядом с вокзалом Варшавско-Петербургской железной дороги. Новой церкви принадлежало одно из ключевых мест

городского пространства, практически напротив расположенного на высоком левом берегу Вислы Королевского замка. На особое значение ее местоположения указывает и то, что размеры церкви были существенно увеличены по сравнению с первоначальным проектом, а также и то, что вскоре неподалеку от нее, на самом берегу Вислы, был построен костел Святого Флориана, стрельчатые башни которого возвышались над куполами православного храма. Сооруженный в стиле неоготики, костел должен был подчеркнуть как католический, так и западноевропейский характер окружающего пространства. В этом случае также нашло выражение отмеченное выше культурное соперничество.

Значение постройки церкви Святой Марии Магдалины очень точно выразил председатель комитета по ее строительству генерал Г.П. Рожков, назвавший ее “наилучшим свидетельством” для будущих поколений “об утверждении здесь имени русского и национальности русской”¹⁸. Тогдашняя пресса писала об освещении храма 29 июня 1869 г., о перенесении в него образа Святой наимилостивой Марии Магдалины, подаренного императрицей Марией Александровной, с участием в церемонии и литургии архиепископа Иоанникия¹⁹.

Строительство и убранство храма под руководством архитектора Н.А. Сычева было осуществлено только русскими мастерами, прибывшими из Петербурга. Известны имена золотившего купола и иконостас – Серебрякова, изготовившего серебряные литургические сосуды – П.И. Сазикова, а также художников – В.В. Васильева и Р.Ф. Виноградова, выполнивших росписи, которые сохранились до наших дней. В них, в частности, нашли отражение идеи величия русского государства и православия как государственной религии.

Свое наиболее полное выражение указанные идеи получили в планах перестройки дворца Станислава Сташица, где находилось распущенное властями варшавское Общество друзей науки, и превращения его в церковь Святой Татьяны. Идеологическое и политическое содержание этого замысла было очевидным для современников. “Холмско-варшавский епархиальный вестник” писал, что церковь эта “будет полным величия памятником патриотизма великого, набожного и преданного царю русского народа”²⁰, имея в виду как русский народ в целом, так и православное население Королевства Польского, прежде всего Холмщины. Официальные заявления по этому поводу инициатора перестройки дворца, куратора варшавского учебного округа А.Л. Апухтина и петербургских властей не оставляли иллюзий по поводу их намерений. Проект церкви епархиального архитектора В. Покров-

ского, утвержденный Александром III, предусматривал, что ее купол в форме луковицы будет доминировать над расположенным рядом костелом отцов Миссионеров.

С идеологической и политической точки зрения новая церковь Святой Татьяны удостоилась одобрения властей, о чем свидетельствовало ее посещение незадолго до окончания строительства молодым императором Николаем II и участие в торжественном освещении варшавского генерал-губернатора А.К. Иммертинского. Своего рода мрачным символом стало отпевание здесь скончавшегося в 1904 г. вдохновителя строительства А.Л. Апухтина. В художественном отношении храм этот стал одной из последних построек в псевдорусском стиле и выразительнейшим примером его упадка, как и всей архитектурной эклектики в русском зодчестве середины и второй половины XIX в. На варшавских же улицах его сразу окрестили “петушиным стилем”.

Венцом воплощения рассматриваемых идей стал возведенный в центре города, на Саской площади, самый большой православный храм Варшавы – собор Святого Александра Невского. Одобренная Александром III идея строительства собора принадлежала генерал-губернатору И.В. Гурко, писавшему об этом в одном из рапортов царю: “Существующие в Варшаве церкви наводят на мысль, что они принадлежат к религии едва переносимой, по крайней мере – не господствующей, не государственной. Их внутреннее убранство также не отвечает представлениям о могуществе и величии православной веры”²¹.

Воздвигнутый на западных рубежах России собор Святого Александра Невского, говорилось в одном из официальных документов того времени, “должен величественно и гордо вознести свои золотые купола и позолоченный крест над русскими людьми, возвещая им, что православная Русь питает их своей народной силой и верой. Своим присутствием <...> собор объявляет всему миру и беспокойным полякам, что на западной привислинской окраине неотвратимо утвердилось могучая православная держава <...> где высится православный, русский собор, русская власть и народ не уступят ни единой пяди земли <...>. Появление нового величественного храма в Варшаве как пограничного столпа православной России оживит надежды остальных славян на объединение под сенью православного креста”²².

В этом “манифесте” великодержавного национализма нашло отражение не только отношение властей к польскому народу, но и смена внешнеполитического курса Петербурга вследствие обострения русско-германских противоречий после Берлинского конгресса 1879 г. и заключения в 1893 г. франко-русского союза.

Идеологически собор должен был продемонстрировать единство имперского великодержавия и православия, царя и народа, а также эволюцию официального панславизма в направлении неославистских концепций.

И в дальнейшем, после революционных событий 1905 г., идеологическая и политическая роль собора оставалась в глазах российских властей неизменной. Об этом свидетельствовали слова председателя Совета министров П.А. Столыпина: “Сооружению в Варшаве – центре католической страны – православного собора, который размерами и богатством убранства соответствовал бы господствующей в государстве религии, правительство всегда придавало весьма большое значение”²³.

Начатое в 1894 г. длительное и дорогостоящее строительство, завершенное в 1912 г., незадолго до Первой мировой войны, не позволило в полной мере ощутить пропагандистский, эмоциональный и идеологический эффект от воплощения этого грандиозного замысла. За неполные три года функционирования собора только раз, в дни празднования 300-летия дома Романовых, он в полной мере сыграл отведенную ему роль символа российского имперского величия и могущества, а также своего рода материального символа политики русификации в Польше. Тогда, во время одной из торжественных служб, епископ новогеоргиевский Иоасаф сказал: “Триста лет тому назад святая православная вера спасла наш народ от порабощения чужеземцами. <...> Разве можем мы отказаться от такой веры как от чего-то излишнего и ненужного? Нет, братья. Мы должны заботливо беречь нашу святыню, словно бесценное сокровище”²⁴.

Отведенная собору Святого Александра Невского царскими властями идеологическая и политическая роль требовала соответствующей монументальной формы. Автором проекта, отмеченного царем особой наградой, был профессор Академии художеств Л.Н. Бенуа. Он также предоставил и этюды для росписи главного нефа храма. Наиболее подходящим был признан псевдовизантийский стиль, который соответствовал, с одной стороны, идеологии официального православия, а с другой – внешнеполитическим претензиям царизма на роль гегемона в славянском мире и в целом в мире восточного христианства. От аналогичных сооружений того же времени в других областях империи собор отличался грандиозностью размеров и пропорциональностью формы.

Идеологическое значение имел выбор места его сооружения: в историческом центре Варшавы, рядом со “Старым мястом” и Королевским замком, где теперь должна была возвышаться громада собора. На месте его закладки ранее был расположен памят-

ник сохранившим верность царю и убитым во время восстания 1830 г., “в ноябрьскую ночь”, польским генералам. Обелиск высотой более 20 метров, установленный на Саской площади по проекту Антонио Корацци, с высеченными на нем надписями, сочиненными лично Николаем I, был в 1894 г. в связи с началом строительства собора перенесен на Зеленую площадь (ныне площадь Домбровского), а затем снесен в 1917 г. Однако построенный в выбранном по пропагандистским соображениям месте, вопреки художественной целесообразности, собор оказался в резкой дисгармонии с окружающей городской средой.

Идеологическая функция нашла свое отражение в соборе Святого Александра Невского на несравнимом с другими русскими религиозными проектами на польских землях художественном уровне, который отличался бесспорными эстетическими достоинствами. Учитывая это, с большим основанием следует признать, что этот храм был одним из немногих творений императорского меценатства во всей Варшаве и даже во всем Королевстве, который можно было бы смело сопоставить с аналогичными памятниками на территории исконных земель империи. Это относится не только к зданию, но и интерьеру собора, замечательному иконостасу и росписи стен, выполненной В.М. Васнецовым.

Однако именно пресловутые идеологические мотивы окончательно предопределили уничтожение собора по решению сейма в 1926 г. Этому предшествовала бурная общепольская дискуссия в прессе. В одном из самых популярных и влиятельных периодических изданий – “Тыгоднике Илюстрованы” журналист, пожелавший остаться неизвестным, написал: «Собор в нашей столице, на Саской площади, был построен Россией не для необходимых религиозных нужд, а лишь для того чтобы уязвить национальные амбиции поляков. Он сооружен для демонстрации государственного могущества, чтобы придать Варшаве ориентальные черты. Он умышленно сооружен таким высоким и в самом центре, чтобы заглушить польско-европейский облик и архитектуру города. Храм этот возводили, руководствуясь “отрицательными эмоциями”. Эти отрицательные эмоции, которыми заколдованы камни собора, вызывают острое желание возмездия как в массах, так и у отдельных поляков»²⁵. Приводимые аргументы о художественном уровне здания не принимались во внимание, объявлялись второстепенными. Среди противников разрушения собора был и известный польский архитектор Стефан Шиллер, писавший: “Католическая церковь с самого начала своего существования не разрушала, но приспособлявала к своим нуждам самые разнообразные строения, даже языческие храмы. {...}

этот собор, который построили москали, как величественный памятник их насилия над нами, должен стать величественным и вечным памятником нашего триумфа (...). Не уничтожая произведение искусства, которое собор собой представляет, не заработав во всем мире репутацию варваров, мы покажем таким образом свою польскую силу”²⁶. Однако подобные призывы были единичными и не могли изменить уже принятого решения. Сохранившиеся после разрушения собора фрагменты мозаик, в конце концов, оказались в уже упоминавшейся церкви Святой Марии Магдалины на Праге²⁷.

Перечень часовен и церквей на территории Варшавы, построенных или переделанных из католических храмов, не ограничивается указанными памятниками, рассмотрение которых лишь в самом общем виде позволяет затронуть проблему царского меценатства. Не менее важную роль играло светское строительство военных, административных, общественных зданий. Среди них – здания Кадетского корпуса им. А.В. Суворова, возведенные в 1899–1902 гг. по проекту Г. Гая на Уяздовских аллеях (ныне комплекс зданий Совета министров), а также здание почты на Варецкой площади, построенное в 1900 г. по проекту А. Яблоновского (разрушено в годы Второй мировой войны), и, наконец, здание Государственного банка (1911 г.).

В отличие от псевдовизантийского церковного зодчества, официальная светская архитектура стремилась к монументальности, эклектически применяя с этой целью те или иные элементы классицизма. Однако вне зависимости от особенностей архитектурной формы светские здания даже в большей степени, нежели церковные, несли в себе идеологическую функцию демонстрации величия императора, мощи и несокрушимости царской власти, героического прошлого империи, завоевавшей при Александре I статус европейского гегемона, постепенно утраченный ею при его преемниках, что в свою очередь только подчеркивало со временем банальность и иллюзорность пропагандируемых схем.

Несмотря на свое идеологическое содержание, светская официальная застройка Варшавы последней трети XIX – начала XX в. не встречала такого отторжения со стороны польского населения, как строительство православных церквей. Вероятно, светские здания лучше вписывались в городской ландшафт и воспринимались польским национальным сознанием как продолжение позднего классицизма Королевства Польского 1815–1830 гг., опыт и политические традиции которого оценивались польским обществом в рассматриваемый период, скорее, положительно. Этим можно объяснить, что после 1918 г. ни одно из светских

зданий не было уничтожено, хотя в годы Второй мировой войны они разделили участь разрушенной польской столицы.

Почти символическое значение имеет судьба самого большого для своего времени здания в Варшаве, одновременно являвшегося наиболее выдающимся памятником императорского меценатства рубежа XIX–XX вв., – здания Государственного банка на ул. Белянской. Оно было возведено по проекту Л.Н. Бенуа на месте разобранного дворца Станислава Августа Понятовского, где последний король Речи Посполитой разместил королевский монетный двор. Построенное в 1907–1911 гг. в стиле неоклассицизма, оно напоминало другие строения подобного типа, причем не только в Российской империи, но и в соседних государствах, в частности в кайзеровской Германии. Судя по сохранившимся фотографиям начала XX в., элементами идеологического характера в его интерьерах были имперский двуглавый орел и портрет Николая II. Сохранившись до начала Второй мировой войны без существенных изменений, это здание во время Варшавского восстания 1944 г. стало одним из центров боев повстанцев с фашистскими захватчиками и было тогда разрушено.

В заключение нельзя не задаться вопросом о диалектике формы и содержания императорского меценатства на территории Варшавы. Ключом к ответу, думается, был бы уже неоднократно упоминавшийся политический фактор, который нивелировал все инициативы, не способствовавшие военному и идеологическому укреплению русского господства в перманентно беспокойном регионе. Поэтому из всех польских земель именно Варшава, начиная со второй половины XIX в., находилась в центре всех архитектурных экспериментов, исходивших из столицы империи. Стремясь реализовать собственные цели, государство использовало проверенные временем средства и архитектурные образцы, которые однозначно определяли его позицию.

Вместе с тем о масштабе и возможностях царских инвестиций дает представление Варшавская цитадель. С некоторой долей условности ее сооружение можно отнести к начинаниям русских властей, не связанных напрямую с военной сферой. О строительных замыслах царского правительства в 1830-е годы в Варшаве свидетельствуют проекты императорского архитектора Адама Идзиковского, обзор которых был опубликован под заглавием “Планы строительства, включающие разнообразные виды домов, <...> костелов, публичных зданий, мостов, парков, монументов и тому подобных сооружений в самых разных архитектурных стилях”²⁸. Они охватывали центр города и ключевые общественные здания, в том числе Саский дворец и площадь перед ним, где дол-

жен был быть установлен памятник Александру I, изготовленный по образцу петербургского, а также Королевский замок. Однако осуществлены были только перестройка Собора Святого Яна (за счет личных средств Николая I) и Саского дворца.

Необходимо отметить, что в проекте А. Идзиковского по перепланировке центра Варшавы принимались в расчет и военные соображения. Предполагавшаяся расчистка Замковой площади и снос квартала Старого Места в направлении Цитадели (между улицами Свентокшижской и Пивной) планировалась в целях создания, с одной стороны, парадной аллеи, а с другой – свободного пространства для подхода войск на помощь наместнику.

В то же время в ходе конкурса на лучший проект реконструкции Саского дворца дали о себе знать все те факторы, которые в дальнейшем в значительной степени определяли государственное меценатство второй половины XIX в. в области архитектуры. Наместник, проигнорировав отобранный Городским советом проект, представил императору на утверждение творение Вацлава Ритшля, получившее на конкурсе самую низкую оценку и дополненное предложениями уже упоминавшегося А. Идзиковского. Уже тогда верх одержали не основанные на отечественных польских традициях проекты, а вкусы русских чиновников, руководствовавшихся политическими пристрастиями²⁹.

Симптоматичным явлением для имперского меценатства в Варшаве стало отсутствие в столице памятников царям. Исключение представляет лишь монумент на территории Варшавской цитадели. В то же время такие памятники были установлены в других городах Королевства, причем особенно много Александру II (в Ченстохове, Калише и Конском). Ченстоховский памятник был возведен в 1889 г. по проекту Юзефа Дзеконьского. Причем уже современники отметили, что он не случайно появился на дороге к Ясной горе, по которой проходили тысячи крестьян-паломников, “благодарных” царю за освобождение от крепостничества в 1863 г. В Варшаве же царизм возводил монументы людям, которым он был обязан своим господством в Польше, например, И.Ф. Паскевичу или убитым в “ноябрьскую ночь” генералам.

Меценатские намерения российских властей 1840–1850-х годов после Январского восстания 1863 г. были почти полностью забыты, за исключением единичных проектов, главным образом касавшихся строительства церквей. Положение изменилось лишь к началу XX в. одновременно с началом экономического подъема, однако вскоре на пути более крупных инвестиций встал, с одной стороны, экономический кризис, а с другой – обострение внутривосточной ситуации в самой империи.

В то время, как отмечает Роберт Пасечный в своем очерке о русском классицизме начала ушедшего столетия, даже в самой империи ослабло влияние императорского меценатства, которое сосредоточилось теперь лишь на финансировании уже начатых проектов, не решаясь вплоть до 1912 г. на новые, которые по масштабам могли бы сравниться с предыдущими постройками. Варшава в этом отношении не отличалась от остальной страны³⁰.

Временное оживление наступило вместе с помпезно отмечавшимся 300-летием царствования дома Романовых, когда во многих польских городах был возведен целый ряд построек. Однако до самого момента памятных выстрелов в Сараево подобное меценатство так и не проявило себя сколько-нибудь значительными или интересными произведениями не только на польских землях, но и во всей европейской части империи.

Перевод С. Кочегаровой

¹ Kozakiewicz S. Malarstwo warszawskie w latach 1815–1850. Podłoże rozwoju // Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie. 1962. T. 6. S. 197.

² Krassowski W. Architektura XIX wieku // Sztuka XIX wieku w Polsce. Naród – miasto, Materiały Sesji Stowarzyszenia Historyków Sztuki. Poznań – grudzień 1977. Warszawa, 1979. S. 64.

³ AGAD. Rada Stanu. Vol. 137. S. 1–16. Цит. по: Trzebiński W. Aleksander I a działalność urbanistyczna rządu Królestwa Polskiego w latach 1815–1821 // Kwartalnik Architektury i Urbanistyki 1989. T. 34. Z. 1–2. S. 76.

⁴ Dmochowski F.S. Wspomnienia od 1806 do 1830 roku. Цит. по: Trzebiński W. Op. cit. S. 183.

⁵ Kieniewicz S. Warszawa w latach, 1795–1914. Warszawa, 1976. S. 47.

⁶ Trzebiński W. Op. cit.

⁷ Ibid. S. 38.

⁸ Ostrowski A. Żywot Tomasza Ostrowskiego. Paryż, 1840. T 2. S. 598.

⁹ Trzebiński W. Op. cit. S. 42.

¹⁰ AGAD. Sekr. Stanu. Vol. 3. K. 5. V. 6. Цит. по: Trzebiński W. Op. cit. S. 53.

¹¹ Trzebiński W. Op. cit. S. 42.

¹² Цит. по: Kąsinowska R. Zamek w Kórniku. Kórnik 1998. S. 80.

¹³ Biblioteka Kórnicka. 7296. K. 51. Цит. по: Kąsinowska R. Op. cit. S. 113.

¹⁴ Цит. по: Paszkiewicz P. Pod berłem Romanowów. Sztuka rosyjska w Warszawie, 1815–1915. Warszawa, 1991. S. 6, 7.

¹⁵ Tołoczko Z. “Sen architekta”, czyli o historii i historyzmie architektury XIX i XX w. Kraków, 2003.

¹⁶ Ibid. S. 179.

¹⁷ Ibid. S. 173.

¹⁸ Tygodnik Mód i Nowości. 1869. N 29.

¹⁹ Kurier Warszawski. 1869. N 150.

²⁰ Новый православный храм в Варшаве // Холмско-Варшавский епархиальный вестник. 1893. № 18. Цит. по: Paszkiewicz P. Op. cit. S. 97, 98.

- ²¹ Powierza A. Z dziejów soboru prawosławnego w Warszawie (Ze źródeł archiwalnych) // Droga. 1924. N 3.
- ²² Kancelaria Generał-Gubernatora Warszawskiego. – AGAD 6469. Цит. по: Paszkiewicz P. Op. cit. S. 116.
- ²³ Kraushar A. [Alkar]. Z dziejów Warszawy. Sobór na placu Saskim // Tygodnik Ilustrowany. Warszawa, 1916. N 2. S. 19.
- ²⁴ Цит. по: Paszkiewicz P. Op. cit. S. 128.
- ²⁵ [X]. O świątynię na Placu Saskim // Tygodnik Ilustrowany. 1920. N 18. S. 356.
- ²⁶ Ibidem. S. 357.
- ²⁷ Paszkiewicz P. Op. cit. S. 201.
- ²⁸ Idzikowski A. Plany budowli, obejmujące rozmaite rodzaje domów, mieszkań wiejskich różnej wielkości, kościołów, gmachow publicznych, mostów, ogrodów, monumentów i tym podobnych szczegółów w rozmaitych stylach architektonicznych. Warszawa, 1843. Переводы на русский и французский языки были изданы тогда же в Париже и Петербурге.
- ²⁹ Rottermund A. Zwycięstwo i porażka historyzmu. Konkurs a przebudowa pałacu Saskiego w Warszawie // Muzeum i twórca. Studia z historii sztuki i kultury ku czci prof. Stanisław Lorentza. Warszawa, 1969. S. 433–440.
- ³⁰ Pasieczny R. Klasycyzm rosyjski początku XX w. Zarys genezy stylu // Biuletyn Historii Sztuki. 1998. N 1/2. S. 123.

Анна Брус, Виктория Сливовская (Варшава)

Сократ Старынкевич – российский генерал, президент Варшавы в 1870–1890-е годы

Немногие из служивших в XIX – начале XX в. в Польше царских чиновников оставили по себе добрую память. В этом смысле герой настоящей статьи представляет собой одно из редких исключений. В то же время в России он мало кому известен. Поэтому в заглавии правомерен бы был вопрос: “За что мы любим Сократа Старынкевича?”.

Прежде чем дать ответ необходимо сказать несколько слов об этом незаурядном человеке. Сократ Старынкевич (1820–1902) – президент города Варшавы с 1875 по 1892 гг. Вероятно, те, кто бывал в Варшаве, проезжали по площади, носящей его имя. Недавно вышел из печати опубликованный по-польски в переводе Рене Сливовского “Дневник” Сократа Старынкевича, к сожалению, без параллельного текста на языке оригинала¹. Научно-справочный аппарат издания, почти равный по объему самому тексту, подготовлен авторами настоящей статьи.

Первая и единственная биография С. Старынкевича была издана в Польше в 1981 г. Ее автор, Анна Слониова, сетовала, что в ее распоряжении не было ни официальных документов, ни материалов о частной жизни президента – записок, писем и т.п. Ныне благодаря усилиям сотрудников Исторического музея города Варшавы, и в первую очередь заместителю директора музея Анджею Солтану, стали доступны исследователям полученные в ксерокопиях документы по генеалогии рода Старынкевичей, послужной список генерал-майора Сократа Ивановича и – главное – его “Дневник”, охватывающий десятилетие 1887–1897 гг., шесть лет из которых относятся ко времени его президентуры в Варшаве. Записи Старынкевича в “Дневнике” много говорят о нем самом, о его взглядах и о событиях в его жизни, об отношениях с властью имущими и о делах семейных. Правда, на страницах дневника автор весьма лаконичен. В этом нашла отражение одна из черт характера Старынкевича, который был человеком дела и не любил пустословия.

Полный послужной список С.И. Старынкевича, составленный в 1887 г., позволяет восстановить факты его биографии, причем некоторые из них оказались для нас совершенно неожиданными. Его отец, Иван Александрович, директор гимназии в Таганроге, был пожалован в 1834 г. в потомственные дворяне, Сократ Иванович (старший из десяти детей) окончил в 1836 г. Дворянский институт в Москве. Прослужив несколько лет в артиллерии, он продолжил учебу в Петербургском артиллерийском училище, по окончании которого был выпущен подпоручиком. Не останавливаясь детально на дальнейшем продвижении Старынкевича по службе, на очередных чинах и наградах, отметим лишь его участие в подавлении революции в Венгрии в 1849 г. О поражении русской армии под Гештели 28 июля 1849 г. он подробно пишет в “Дневнике” в одну из годовщин сражения.

Вскоре Старынкевич получает назначение в Варшаву, в главный штаб Первой армии, где в это время служили оба его дяди и родной брат Олимп, не оставившие после себя положительных отзывов. С началом Крымской войны С.И. Старынкевич откомандирован в действующую армию, где за участие в осаде Силистрии (1854 г.) награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами. В 1855 г. он возвращается на прежнее место службы в Варшаву, в 1859 г. – произведен в полковники, а в 1861 г. – назначен начальником Наградного отделения Главного штаба². В 1861 г. ему приходится участвовать в подавлении крестьянских бунтов в Грубешовском уезде Люблинской губернии. В рапорте об этих событиях он с удовлетворением подчеркивает, что дело обошлось без стрельбы и окончилось лишь телесным наказанием нескольких крестьян. Надо сказать, что ни в одной из работ, посвященных крестьянскому движению этих лет в Королевстве Польском, фамилия Старынкевича не упоминается. В 1862 г. он вновь в Варшаве. Несомненно, что он был свидетелем всех событий, предшествовавших восстанию 1863–1864 гг. Однако 19 января 1863 г., за три дня до начала восстания, его переводят в Одесский военный округ. Случайность или странное совпадение? Неизвестно.

С мая 1863 – по февраль 1864 гг. Старынкевич – начальник канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора П.Е. Коцебу. В феврале 1864 г. с повышением в чине его переводят в Министерство внутренних дел. И тут новая неожиданность – под надзор генерал-майора Старынкевича поступают московские тюрьмы, в том числе знаменитая “Пересылка”, в которой, по многим воспоминаниям, царили хаос и беспорядки. Отсюда не трудно было совершить побег, как это продемонстрировал Ярослав Домбровский (и не он один). В связи с новым назначением С.И. Старын-

кевича – новая загадка: ни в официальных документах о положении в московских тюрьмах, ни в мемуарах генерал нигде не упомянут. В переписке между военным министром и министром внутренних дел о побегах из московских тюрем не названы конкретные виновники случившегося, как нет и упоминания о наложенных взысканиях на должностных лиц, допустивших беспорядки.

В 1868–1871 гг. Старынкевич уже херсонский губернатор. Никаких сведений о его деятельности в этот период у нас также нет, по-прежнему он никем не замечен. В 50 с небольшим лет Старынкевич вдруг выходит в отставку, однако не остается без дела. Князь Анатолий Демидов Сан-Донато приглашает его управляющим своими имениями в Подольской и Киевской губерниях.

В 1874 г. после смерти последнего наместника Ф. Берга и упразднения наместничества главой царской администрации в Польше становится варшавский генерал-губернатор. Назначенный на эту должность П.Е. Коцебу, хорошо знавший Старынкевича по Одессе, предлагает ему в 1875 г. занять пост президента города Варшавы. Приняв это предложение, Старынкевич 1 декабря 1875 г. уже на месте и сразу же приступает к текущим делам. Варшава в эту пору ничем не напоминала столицу. Это был грязный, источающий зловоние периферийный город, в котором было полно военных. Правда, вместе с тем здесь бурлила, скрываемая от глаз, интеллектуальная жизнь.

Основная заслуга нового президента – строительство в Варшаве, вопреки самым разнообразным трудностям и препятствиям, современных водопровода и канализации. Для осуществления этого проекта были привлечены лучшие в то время в Европе специалисты – английские инженеры Вильям Линдлей с братьями Робертом и Джозефом. Технически построенная в Варшаве новая система ничем не уступала, а подчас превосходила аналогичные сооружения крупнейших европейских и российских городов. С гордостью за свое детище в Варшаве, Старынкевич записал в “Дневнике” от 3 декабря 1890 г.: “Осматривал Петербургский водопровод: грязно, беспорядочно; в машинах такое разнообразие, как будто они приобретались случайно”³. В польской столице работы велись на самом передовом техническом уровне, и этим город обязан именно тогдашнему президенту, которому пришлось ради этого преодолевать сопротивление как местных домовладельцев, так и петербургских властей. “Битва за воду” была известна нам до сих пор по материалам прессы и отдельных публикаций. Записи в “Дневнике” знакомят читателя с многочисленными, связанными с нею подробностями. Поражает при этом дальновидность Старынкевича. В написанном им предисловии к

составленному В. Линдлеем “Проекту канализации и водоснабжения города Варшавы”, изданному в 1879 г. на немецком, польском и русском языках, президент подчеркивал, что проект “расчитан на далекое будущее”, так чтобы в дальнейшем сооруженная ныне самостоятельная его часть, “соответствующая настоящим потребностям, могла быть потом расширяема по мере средств и нужд”. Это “великое и важное дело”, – писал он, – “должно быть завершено безотлагательно и требует значительных издержек, плодами которых воспользуются и будущие поколения”⁴. И действительно, построенный тогда подземный город до сих пор вызывает удивление прочностью своих конструкций и сооружений, а также и тем, насколько они приспособлены для дальнейшего развития варшавской канализационной сети, согласно с замыслом умного и предусмотрительного заказчика.

“Дневник” Старынкевича, как мы уже отмечали, позволяет многое узнать о личности президента Варшавы, его интересах, круге его чтения, увлечении естественными науками, физикой и философией, а особенно трудами французского ученого Густава Адольфа Гирна, книгу которого “Анализ вселенной в ее элементах” Сократ Иванович переводит и издает за собственный счет в серии Московского психологического общества. Не перечисляя всех достижений президента Варшавы, отметим только, что он участвовал в многочисленных общественных комитетах по благоустройству Варшавы, например, в комитете по реставрации колонны Сигизмунда IV на Замковой площади или в Плантационном комитете, занимавшимся озеленением улиц, садами и парками. Причем Старынкевич не только выделял этим комитетам бюджетные средства, но и предоставлял для осуществления их проектов значительные суммы из собственных сбережений. Президент был готов поддержать любую инициативу на пользу города и его жителей: будь то первый конный трамвай и прокладка новых улиц, модернизация городского освещения, разбивка парков и даже обустройство необходимого растущему городу нового кладбища. Перечень подобных примеров можно было бы продолжить и далее, благо немало свидетельств тому находим мы на страницах “Дневника”.

Центральное место в записях Старынкевича времени его президентства в Варшаве принадлежит в равной степени двум темам: заботе о вверенном ему городе и о своей семье. 26 ноября 1887 г. он писал: “Костя* уехал, пробыв у меня три недели. Мучит меня его положение, мучат заботы о младшем^{2*} и о водопроводе”⁵. Эти

* Константин Сократович – сын С.И. Старынкевича.

2* Александр Константинович – внук С.И. Старынкевича.

слова предельно кратко и точно характеризуют Старынкевича и как человека, и как чиновника. Русский генерал с опытом администратора – один из тысяч военных и чиновников, прибывших в Привислинский край для заработка или карьеры, с целью окончательной интеграции в состав Российской империи и русификации страны, покоренной после подавления национального восстания 1863–1864 гг., и введения там русских порядков – он не был ни карьеристом, ни русификатором. На страницах “Дневника” Старынкевич неоднократно выражал несогласие с политикой начальства. Он безуспешно противился увеличению расходов на полицию и жандармерию, осуждал выдвижение на должности (в частности, в области народного просвещения) людей посредственных и недостойных с моральной точки зрения, возражал против переименования улиц. 1 июня 1888 г. Старынкевич записал: “Рассердило меня переименование варшавских улиц на русский лад. Клейгельс^{3*} хотел угодить Марии Андреевне Гурко и тем самым отличиться”⁶. Весьма характерна сентябрьская запись 1894 г.: “Досадно видеть, что Бибиков^{4*} видит только права свои, не обязанности, думает больше о выгодах своих и удовлетворении своему произволу, чем о выгодах города и удовлетворении потребностей жителей; много городских денег идет на ремонт квартир его и Клейгельса”⁷.

Старынкевич был, несомненно, безупречным чиновником и военным, но будучи русским патриотом и либералом, он с глубоким уважением относился к жителям и страны, и города, в котором провел большую часть жизни, искренне полюбив его. Не случайно в 1902 г. тысячи варшавян пришли на его похороны, чтобы проводить своего старого президента в последний путь. Ведь никто – ни прежде, ни позже – не сделал столько для их города на этом посту. Да и в наступившем тысячелетии такого президента Варшава дождется не скоро...

С. Старынкевич мечтал всегда о жизни в гармонии и правде, болезненно реагируя на все отступления от этических принципов, как среди своих сослуживцев и начальников, так и в кругу семьи. Под датой 10 марта 1888 г. мы читаем: “Хотелось бы правды. Совсем другая была бы жизнь. Кто же лжет? Одни лгут с умыслом, другие бессознательно: лгут, чтобы утешить или потешить, чтобы приобрести от людей добрые чувства к себе или материальные выгоды; настоящая жизнь совсем исчезает, заменяется

^{3*} Клейгельс Николай – в 1888/89–1896 гг. обер-полицмейстер Варшавы.

^{4*} Бибиков Н.В. – новый президент Варшавы, сменивший в этой должности С. Старынкевича.

фиктивной”⁸. Старынкевичу трудно было найти общий язык с новым генерал-губернатором И.В. Гурко. Однако как его непосредственный подчиненный президент Варшавы не мог избегать контактов с губернатором, намереваясь предпринять что-либо для города. Полонофоба и русификатора А.Л. Апухтина^{5*} он презирал. И подобных людей в окружении Старынкевича было немало. Противников планов реконструкции города среди поляков он старался убедить в правоте своих замыслов, и очень часто ему это удавалось. Многого, однако, он не понимал: например, протестов варшавян против строительства православного Собора на Саской площади. Ему казалось это проявлением нетерпимости: он-то ведь выделял систематически деньги на строительство католического костела Всех Святых, причем немалые суммы – из собственных сбережений. При необходимости президент Варшавы расходовал свои деньги и на другие городские нужды. «Внес в кассу (городскую), – записал он в “Дневнике” от 1 июня 1888 г., – собственных 600 рублей на квартиру для межевого отделения вследствие отказа в разрешении на их отпуск»⁹. Из собственного кармана без колебаний, несмотря на возражения жены и дочери (Танечки и Маши)^{6*}, Старынкевич возместил казенные деньги, неудачно истраченные на приобретение землечерпалки, оказавшейся непригодной для проводимых работ, возвратил их вместе с процентами и расходами на все испытания, “чтобы городу не было от этого дела ни малейшего убытка” (29 июня 1889 г.)¹⁰.

Подобные примеры щепетильности не находили понимания в семье. Резкое неудовольствие жены и дочери вызывала благотворительная деятельность Старынкевича, в частности, раздача милостыни варшавским нищим. Но поведения своего генерал не изменил. Возмущенный “домашней цензурой”, он с негодованием писал: “25 октября 1893. Вырваны два листа из моей записной книжки. Ничто меня так не сердит, как подобные распоряжения моей личностью, моими воспоминаниями”¹¹. Через несколько лет снова: “6 сентября 1897. Из книжки моей вырван листок с записками 4 и 5 сентября. Что там было записано – знаю (к сожалению, нам уже не узнать. – *Авт.*); но некому было вырвать, кроме Танечки или Маши. Не понимают оне, какое это страшное посягательство на мою личную свободу; записываю в свою памятную книжку те мысли и ощущения, которые хочу оставить в памяти. Кто может иметь претензии проникнуть туда насильно или украд-

^{5*} Апухтин А.Л. – в 1879–1897 гг. попечитель варшавского учебного округа.

^{6*} Татьяна Клементьевна Старынкевич (в девичестве Тукалова) – жена С.И. Старынкевича; Мария Сократовна Старынкевич – их дочь.

кой? А тем более, кто может распоряжаться там кроме меня? Большого оскорбления, чем заявлениями таких претензий – нельзя ведь нанести человеку и если и в этих тайниках совести он лишается свободы, то жизнь становится невыносимой; это высшая степень порабощения! Но прощаются те грехи, которые совершаются по неведению; только с прощением не легче становится жизнь, если и прощение не вызывает раскаяния”¹². Эти и многие другие записи весьма характерны для его мировоззрения. Кстати, в полученной нами ксерокопии “Дневника” тоже не хватает нескольких страниц. Вероятнее всего эти листки касались домашних дел, в которых много было недоразумений, омрачавших жизнь благородного автора, с горечью отмечавшего, что его не понимают. Хорошие отношения Старынкевич сохранял с сыновьями, хотя и тут увлечение Дмитрия Сократовича и его жены анархизмом и социализмом, а также их скептическое отношение к религии причиняло отцу немало огорчений.

Революция и Гражданская война в России разделила и разбросала по всему свету потомков С.И. Старынкевича, одни из них остались в России, другие оказались в эмиграции. Неприязненные отношения между некоторыми членами семьи и трагические события революционной эпохи привели к тому, что семейный архив Старынкевичей не сохранился, за исключением “Дневника” С.И. Старынкевича, перепечатанного его внучкой – И.Д. Хлопиной для всех членов семьи и предоставленного для издания живущей во Франции правнучкой – Э. Старынкевич-Милле. Эта машинописная копия, в которой недостает нескольких страниц, охватывает десятилетие (1887–1897 гг). Вел ли Старынкевич какие-либо записи за пределами этого периода – нам не известно. Источники по истории рода Старынкевичей, дополняющие свидетельства “Дневника”, хранятся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге¹³. Следует подчеркнуть, что С.И. Старынкевич доброжелательно относился к полякам и понимал их нужды. Однако это его отношение определялось незыблемостью принадлежности Польши к Российской империи, основывалось на принципе объединения России и Польши в едином государстве, которое, согласно его представлениям должно было бы быть правовым и либеральным. Мы не встречаем в “Дневнике” высказываний, свидетельствующих о поддержке Старынкевичем стремлений поляков к независимости, но вместе с тем в нем нет и ничего, что посягало бы на их национальные права.

В годы, когда Старынкевич был президентом Варшавы – и в значительной степени благодаря ему – Варшава сделалась если не вполне столичным городом, то, безусловно, городом, спо-

собным по уровню цивилизации соперничать с обеими столицами империи. Несмотря на русификаторскую политику И.В. Гурко и “апухтинскую ночь”, в Варшаве подспудно бурлила интеллектуальная жизнь, находившая выражение во внеинституциональных формах: в салонах, редакциях, в деятельности различных неполитических общественных объединений. Несомненно, это не было бы возможно без умного, неизменно сочувственно откликающегося на потребности Варшавы, президента. С.И. Старынкевич, бесспорно, заслужил имя самого “варшавского” президента – не польского, ибо поляком он не был, но и не российского, ибо отличался от своего российского окружения в Варшаве либеральными взглядами, ставя благо управляемого им города – польского города – выше текущей российской политики.

С.И. Старынкевич был главой муниципального управления Варшавы, всего лишь ее президентом и только президентом. Его мировоззрение и общественное значение его деятельности были обусловлены разнообразными и прочными связями в среде российской бюрократии, от которой он в решающей степени зависел. Он не мог сделать большего, чем ему удалось совершить, тем более не мог изменить положения поработощенного народа. Однако наряду со своим вкладом в развитие городского хозяйства Варшавы, в модернизацию инфраструктуры польской столицы он заслужил еще искреннее уважение поляков за независимость суждений и оценок, как мудрый человек, свободный от предубеждений и враждебности. Одним из материальных символов благодарной памяти поляков стал сооруженный в 1907 г. памятник Сократу Старынкевичу – русскому генералу и президенту Варшавы.

¹ *Starynkiewicz S. Dziennik, 1887–1897. Warszawa: Muzeum Historyczne m.st. Warszawa, 2005.*

² См.: Адрес-календарь или список главных властей империи и всех властей и чиновников Царства Польского на 1860 год. С. 83.

³ *Starynkiewicz S. Op. cit. S. 64.*

⁴ *Линдлей В. Проект канализации и водоснабжения города Варшавы (пер. с нем.) / Вступительная статья С. Старынкевича. Варшава, 1879. С. 111.*

⁵ *Starynkiewicz S. Op. cit. S. 38.*

⁶ *Ibid. S. 40, 41.*

⁷ *Ibid. S. 140.*

⁸ *Ibid. S. 39.*

⁹ *Ibid. S. 40.*

¹⁰ *Ibid. S. 44, 51.*

¹¹ *Ibid. S. 104.*

¹² *Ibid. S. 236, 237.*

¹³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 3643. Д. 23 960.

В.С. Парсаданова (Москва)

Москва в 1920 году

Статья посвящена столице советской России, жизни города и горожан, деятельности Моссовета и его администрации в период от начала 1920 г. и до подписания 12 октября 1920 г. договора о перемирии и прелиминарных условиях мира между Россией и Украиной (РСФСР и УССР), с одной стороны, и Польшей – с другой. Договор этот положил конец необъявленным военным действиям на “забытом” Западном фронте, который, тем не менее, в течение 1918–1920 гг. непрерывно двигался с запада на восток и с востока на запад. Основными историческими источниками для предлагаемой вниманию читателей статьи послужили архивные документы Моссовета и районных советов, Комитета обороны, пресса Москвы за 1920 г. Опирались мы и на исследования коллег – российских историков.

Выбор темы исследования и рассматриваемого периода обусловлен двумя основными причинами. Во-первых, в 1920 г. – в завершающем году Гражданской войны – политика военного коммунизма получила наиболее полное развитие во всех своих основных чертах, и вместе с тем продемонстрировала свою историческую ограниченность и недолговечность, свой чрезвычайный характер. Во-вторых, в 1920 г. в условиях решающего этапа советско-польской войны интернационалистские идеи и лозунги “мировой революции” в политике большевиков стали сочетаться с “национальными” мотивами и призывами к “защите социалистического отечества”. Эти противоречивые тенденции не могли не сказаться на специфике взаимоотношений власти и общества, что наиболее ярко проявилось в московской повседневности и в политической жизни столицы советской России, в деятельности Московского совета рабочих и красноармейских депутатов.

Исходя из основополагающего принципа советской политической системы, сформировавшейся в 1917–1918 гг., советы всех уровней являлись органами государственной власти (диктатуры пролетариата) и не разделялись, в зависимости от формы представительства, на органы государственного и местного управления. Тогда же проявилась и вторая особенность советской органи-

зации – советы как органы власти сохраняли в себе существенные элементы общественной организации, возникшей как результат революционного творчества масс.

История Московского совета в 1920 г. имеет особое значение. Будучи вместе с Петроградским советом главным политическим центром советской власти, особенно после переезда правительства в Москву, Моссовет, наряду со съездом Советов, играл роль общероссийского советского центра. Он обсуждал не только все основные вопросы, связанные с жизнью Москвы, но и все важнейшие события, происходившие в советской России и за границей. В принятых резолюциях Совет обращался с воззваниями и приветствиями к Красной Армии, рабочим всего мира, германскому и английскому пролетариату, высказывался в поддержку Ф. Нансена. Моссовет заслушивал отчеты наркома внешней торговли, полпреда в Лондоне Л.Б. Красина о переговорах с Англией, наркома труда А.Г. Шляпникова о поездке делегации советских профсоюзов в Норвегию, Швецию, Данию и Германию, его заместителя – В.П. Ногина об экономическом и политическом положении в Западной Европе, А. Лазовского (С.А. Дридзе) о создании в Москве Международного совета профсоюзов. Резолюции Моссовета были направлены на поддержку революционного движения рабочего класса за рубежом. В частности, Совет выразил солидарность с М. Ракоши и венгерской революцией, высказался за бойкот “белой Венгрии” и призвал москвичей 8 августа 1920 г. отработать один час сверхурочно для оказания помощи венгерскому пролетариату. Немало внимания уделял Моссовет положению в Польше и на польском фронте. На его заседаниях выступали польские коммунисты, среди них Стефан Будзыньский и Юлиан Мархлевский, убеждавшие депутатов, что Польша стоит накануне социалистической революции.

Вместе с тем в обстановке Гражданской войны постепенно ликвидировались демократические основы всей советской системы, в том числе и в деятельности Московского совета. Окончательное завершение этот процесс получил в 1921–1924 гг. С этой точки зрения анализ деятельности Моссовета в 1920 г. позволяет выявить существенные особенности в эволюции политической организации советской власти, изменений во взаимоотношениях власти и общества.

Жизнь в Москве в 1920 г. делилась на два периода. Первый – начало года (до 25 апреля 1920 г.). В это время относительной мирной передышки после разгрома армии А.И. Деникина главные усилия москвичей были направлены на налаживание сколько-нибудь сносной жизни и на решение первоочередных хозяйст-

венных проблем. Во втором полугодии 1920 г. на первый план вышли заботы, связанные с ведением активных боевых действий с Польшей и Врангелем. Осложнение обстановки на фронтах привело к обострению социальных и материальных проблем.

В 1920 г. население Москвы стабилизировалось, составив в августе 1920 г. по разным сведениям 1,02–1,3 млн человек¹. В это время в учреждениях работало до 233 тыс. служащих. Рабочих было 409 900 человек (промышленных – 105 тыс.), “самостоятельного” населения – 917 тыс. человек или 54%; “несамостоятельные” – дети, домохозяйки, пенсионеры.

Городской жизнью ведал Московский совет рабочих и красноармейских депутатов. В феврале 1920 г. состоялись его перевыборы. Избирательным правом обладали трудящиеся фабрик, заводов, мастерских, “добывающие средства к жизни производительным и общепользным трудом и при этом не прибегающие к наемному труду с целью извлечения выгоды”. Право голоса на выборах тогда получили 569 803 человека. В голосовании участвовало менее половины избирателей 236 682 человека². Всего было избрано более 1500 депутатов. Газета “Коммунистический труд” 17 июля 1920 г. с удовлетворением отмечала, что Моссовет приобрел чисто пролетарский характер: рабочих было три четверти – 1146 человек, немного было служащих – 37 человек, врачей – 17 человек, литераторов – 18 человек и учителей – 11 человек. Три четверти депутатов имели начальное или домашнее образование (72,45%), 18% – неполное или полное среднее и лишь 9,53% – высшее.

В итоге большевистская партия укрепила свои позиции. Коммунисты, их в городе летом 1920 г. насчитывалось 52 тыс., по сравнению с 1918 г. увеличили свое представительство на 34,63%, получив вместе с сочувствовавшими 81,833% мест в Совете. Только 64 депутата принадлежали к другим политическим течениям. Представительство меньшевиков (РСДРП) за тот же период уменьшилось с 11,5 до 2,6%. В Совете преобладала молодежь: только 5% депутатов были старше 45 лет и почти половина (49,35%) – младше 30 лет. Руководили Моссоветом “испытанные” кадры: из 40 членов Исполкома 33 имели партстаж до 1917 г. Все они были членами РКП. Только после объединения в июне 1920 г. Москвы и Московской губернии в Исполкоме из 50 членов один оказался беспартийным. Возглавлял Исполком и Моссовет президиум из семи человек, четверо из них входили в Московский комитет РКП, председатель Моссовета Л.Б. Каменев был членом ЦК РКП.

В практику Моссовета и райсоветов восьми городских районов внедрялись нормы большевистской партийной дисциплины.

Присутствие депутатов на заседаниях Совета и его комиссий было обязательным. “Не явившиеся будут преданы партийному суду” – гласило объявление в “Вечерних известиях” 14 января 1920 г. Примерно из 1800 депутатов райсоветов – 1200 коммунисты. В районах практиковались совместные заседания Советов и партийных комитетов РКП. В случае обсуждения или решения важных вопросов заседания Моссовета проходили совместно с ВЦИК и СНК, но назывались они – заседаниями Моссовета.

С сентября 1919 г. и в течение 1920 г. (с небольшим перерывом в начале года) фактически вся власть в городе была в руках Комитета обороны. Возглавлял его почти бессменно председатель Моссовета. В состав тройки входил глава ВЧК и глава МК РКП. В отдельных случаях председателя ВЧК замещал начальник оперативного штаба Московского гарнизона. Летом 1920 г. Комитетом обороны руководил Ф.Э. Дзержинский. Решения Комитета приравнивались к боевым приказам.

Гражданская война накладывала отпечаток на жизнь Москвы. В городе было расквартировано немало частей Красной Армии, располагались военные училища и курсы. Московский гарнизон в начале 1920 г. имел почти 190 тыс. штыков³.

Характеризуя первоочередные задачи советской власти, газета “Известия” 12 февраля 1920 г. писала, что у Республики Советов “три врага были: Колчак, Юденич, Деникин. Три врага остались: голод, холод, тиф. Тех победил красный штык. Этих победит красный труд”. Основной заботой московских властей было топливо. Москва замерзала суровой и снежной зимой 1919 г. Топливную проблему в начале 1920 г. Комитет обороны постановил: “...считать одинаковой важности с военно-оперативными задачами”⁴. Разруха на транспорте, который едва справлялся с военными перевозками, вынудила заготавливать дрова в пределах современной нам городской черты, что прежде было запрещено еще с XVII в.

Заготавливали дрова мобилизованные по трудовой повинности москвичи и крестьяне пригородных районов. За работу им выдавали дополнительные продовольственные карточки. Зимой 1919/20 г. ведомству “Москватоп” было разрешено рубить Всехсвятскую рощу, Алексеевско-Ростокинскому райсовету – Моргуновскую дачу по реке Лихоборке, Басманному – делать вырубки в Измайловском зверинце. Вырубки проводились в Останкинской дубраве. Для вывоза топлива от Шереметьевского дворца по проспекту до площади Труда была проложена узкоколейная железная дорога. Всего до весны построили по зимнику 80 км узкоколейки по основным направлениям: по Дмитровскому, Стромын-

скому, Владимирскому, Калужскому, Софринскому. На дрова в 1920 г. разобрали около 5 тыс. деревянных домов.

Основным транспортом в Москве были 16,5 тыс. истощенных от бескормицы лошадей. Трамвай не ходил: рельсы были погребены под снегом. Немногочисленные автомобили простаивали из-за отсутствия бензина. Проложенные узкоколейки, хотя частично и разрешили проблему доставки дров, но транспортный кризис не был преодолен. В результате так и не удалось вывезти половину срубленного леса в радиусе 8–30 км⁵. В Москве 1920 г. себестоимость дров (6190 руб. за сажень) превышала взимаемую за них плату (4 тыс. руб.) и месячную заработную плату, которая в этот период составляла от 1200 до 5300 руб., (у отдельных категорий работников – до 8300 руб.⁶), правда, существовали небольшие дополнительные надбавки⁷. Топливный кризис породил спекуляцию дровами. За злоупотребления в этой области был осужден даже руководитель Москвотопа. И все же в результате принятых зимой 1919/20 г. усилий – сообщали “Вечерние известия” – удалось в госпиталях довести температуру до 12°, а в камерах Бутырской тюрьмы – до 7–8° тепла⁸.

Большинство промышленных предприятий в городе приостановили работу. Из-за отсутствия топлива закрылось 626 предприятий, “работающих по-советски”. Частично работало военное производство и предприятия городского хозяйства. Рабочих не хватало, так как многие ушли на фронт, другие работали в советских учреждениях, немало было и тех, кто покинул город, спасаясь от голода. Работники промышленных предприятий подразделялись на две группы: кадровые рабочие и рабочие, мобилизованные в трудовые армии. И те, и другие получали продуктовый рабочий паек, в дополнение к которому для кадровых рабочих выдавалась еще и зарплата. Распределение всех материальных благ было подчинено задаче выживания и проводилось по уравнительному принципу. Однако при этом руководствовались и “классовыми” критериями. Производительность труда кадровых рабочих была выше мобилизованных, но они не согласны были работать за продукты, “которые фактически не выдаются”. Зарплата в условиях почти полной натурализации экономики даже таких крупных центров, как Москва, не могла обеспечить воспроизводство работника, даже несмотря на уравнительные формы распределения.

Хотя многие заводы и фабрики города не работали, в Москве не хватало рабочей силы. Разрешить эту проблему пытались, в частности, с помощью субботников и “недель труда”. Их количество субботников и численность участников постоянно возраста-

ли, достигнув в ходе приуроченной к 1 мая 1920 г. “недели труда” 500–600 тыс. человек. В дальнейшем, к августу, субботники уже не имели такого размаха, а число их участников во второй половине года составило 145–163 тыс. человек⁹.

Катастрофическое экономическое положение города распространялось и на коммунальное хозяйство. Хотя работали обе московские электростанции, их мощность из-за нехватки топлива была существенно понижена, а вырабатываемой энергии не хватало даже для удовлетворения минимальных потребностей. Москва была погружена в темноту: освещение города разделялось на шесть очередей. Из них в четырех электричество давали через день с 18 до 22 час. Разрушались кровли домов, а следом – стены и потолки помещений. В итоге пришли в негодность 15 тыс. опустевших квартир в многоэтажных домах. В целом примерно треть жилого фонда была утрачена. От морозов полопались водопроводные и канализационные трубы. Потребность в воде удовлетворялась на две трети. Расположенные на возвышенной части города (четверть территории Москвы) были вообще без водоснабжения. В других районах вода из прорванного водопровода заливала подвалы, размывала улицы. Была нарушена система очистки города, вывоза мусора, удаления канализационных стоков. Изношенная канализационная сеть весной могла дать сбой, что грозило серьезными экологическими последствиями. С приходом весны могла ухудшиться и без того тяжелая эпидемиологическая ситуация. В Москве свирепствовал сыпной тиф (75 тыс. заболеваний), высока была заболеваемость брюшным и возвратным тифом, в городе были отмечены случаи заболевания холерой.

После февральских выборов, в марте–июне 1920 г., Моссовет 23 раза обсуждал положение, создавшееся на транспорте, 24 раза – рассматривалась топливная проблема, 41 раз – жилищный вопрос и 46 раз положение с продовольствием. Для организации распределения продовольствия в Москве было выдано 1277 тыс. карточек. В среднем по ним полагалось 150 г хлеба в день. Паяк особо ценных работников и рабочих, занятых на транспорте и военных заводах, достигал до 1 фунта в день (409 г). Однако установленные нормы часто не соблюдались. Замороженный картофель оказывался лакомством. Согласно справке ВСНХ, подготовленной Ю. Лариным для председателя Реввоенсовета Л.Д. Троцкого и предназначенной для доклада на Президиуме ВСНХ 7 июля 1920 г., средний месячный рацион рабочего, его жены и двоих детей-подростков составлял $\frac{3}{5}$ фунта сахара; 0,25 фунта соли, $\frac{1}{16}$ фунта мыла, 1,5 коробки спичек и рабочему – $\frac{1}{4}$ фунта махорки. Ни чая, ни жиров не выдавали, хлеб – не всегда¹⁰.

Моссоветом было образовано три комиссии “по улучшению” материального положения рабочих и служащих. Однако ресурсов для “улучшения” не было. По распоряжению В.И. Ленина (2 февраля 1920 г.) пришлось сократить пайки всем категориям трудящихся, чтобы изыскать ресурсы для поддержки железнодорожников, которым в 1920 г. принадлежала ключевая роль в сохранении жизнеспособности Советской России¹¹.

В условиях осуществляемой советской властью “продовольственной диктатуры” расцветала спекуляция. Для борьбы с ней выставлялись специальные кордоны, которые конфисковывали привозимое “мешочниками” продовольствие. Жертвами таких кордонов становились и выменивавшие в деревне продукты для своих семей рабочие Москвы, что вызывало недовольство трудящихся и протесты профсоюзов.

Крайне тяжелым было положение с обеспечением москвичей одеждой и другой промышленной продукцией. Бедствовали даже служащие Моссовета, одна из которых в заявлении написала, что не может прийти на службу “ибо не имею ботинок, а платить спекулятивные цены не в состоянии. Прошу не считать саботажницей”. Сохранилось дело о “босом” депутате Моссовета Гаврикове¹². Для обеспечения обувью рабочих и служащих Москвы городские власти даже предлагали использовать запасы, предназначенные для Красной Армии. Однако военные склады были также пусты, а из Москвы на фронт временами отправляли необутых красноармейцев¹³.

Санитарное состояние Москвы обсуждалось на сессии Моссовета 6 марта 1920 г. затем – в Исполкоме и Комитете обороны. Моссовет обратился в СНК с просьбой выделить дополнительно 300 млн руб. на очистку города. СНК ассигновал 200 млн, выдав 150¹⁴ и пообещав еще 58 вагонов овса и сена для лошадей. Однако это обещание так и осталось на бумаге, поскольку еще летом 1920 г. Москва так и не получила фуража по разверстке 1919 г.¹⁵

В городе была создана Чрезвычайная санитарная комиссия во главе с И. Матрозовым. Она приняла действительно чрезвычайные меры: увеличение гужевого ассенизационного транспорта, привлечение добровольных дружин из соседних губерний, на военное положение перевели рабочих прачечных и бань. Последние “как необходимые и незаменимые специалисты по банному делу” освобождались от воинского призыва. На военном положении были все работники здравоохранения и аптек. Созданы были санитарно-пропускные пункты на вокзалах.

В “неделю санитарной очистки” все горожане должны были посетить баню и парикмахерскую, для чего выдали 1 тыс. 200 бес-

платных ордеров и мыло. По подсчетам комиссии, 75% населения было вымыто. За отказ обслужить клиентов виновным грозило заключение на срок от одного – до трех месяцев¹⁶. Население города обязали провести санитарную обработку жилых и прочих помещений. Дезинфицировали казармы. Всего к 1 августа 1920г. было вывезено из города 687 тыс. возов мусора и 130 тыс. бочек нечистот¹⁷. Привлекли к ответственности за неисполнение санитарных постановлений 5 тыс. человек. Принятые меры дали положительный результат. К маю 1920 г. заболеваемость сыпным тифом среди гражданского населения уменьшилась в 10 раз¹⁸.

Последствия разрухи в жилом фонде Москвы усугублялись необходимостью размещения учреждений государственного аппарата, поселения участников почти непрерывных совещаний, съездов, конгрессов, конференций. В особенности много помещений требовалось военному ведомству, в частности для формируемых в Москве частей Красной Армии.

Для минимального удовлетворения потребностей москвичей в жилье и для общественных и государственных нужд прибегли к так называемому уплотнению. Зимой 1919/20 г., руководствуясь соответствующим декретом СНК, Комитет обороны Москвы разделил население города на три категории. К первой относились представители “свергнутых классов”, которые подлежали “стратегическому” переселению в отдаленные кварталы без права забирать с собой имущество и мебель. Ко второй – пролетарская часть населения (для улучшения жилищных условий). К третьей (не подлежащей переселению) – члены правящей партии и их политические союзники. В связи с последней категорией, принадлежность к которой не всегда подкреплялась соответствующим социальным происхождением, делалась примечательная оговорка: “Члены РКП и других партий, стоящих на платформе советской власти, хотя бы и подходящих под некоторые статьи первой категории, стратегическим выселениям не подлежат”. Переселение затронуло сотни тысяч человек¹⁹. С 1919 г. переселили в конфискованные (муниципализированные) дома около 100 тыс. рабочих с семьями²⁰. Однако распределяемого таким образом жилья все равно катастрофически не хватало. В результате “буржуазные” квартиры были преобразованы в квартиры коммунальные, а заселенные дома объявлялись домами-коммунами. Считалась, что подобная практика не только позволяет ослабить нехватку жилого фонда, но и послужит созданию новых форм “коммунистического общежития”. Всего в 1920 г. в Москве было создано около 300 таких “рабочих домов”, в том числе более 200 было предоставлено фабрикам и заводам. Переселили в

них 30 тыс. человек²¹. Правда, политика переселения и “революционное сознание” рабочих иногда давали весьма причудливые сочетания. Так, на фабрике “Письманник” (Рождественка, дом 2) собрание рабочих (82 чел.) дружно отклонило призыв Моссовета об организации боевых дружин, но единогласно приняло резолюцию о создании коммуны и переезде в новый дом.

На исполкоме Моссовета констатировалось, что к концу 1920 г. 2-летний опыт функционирования рабочих домов “дал разрушенные дома <...>. В рабочих домах-коммунах не знают, кто отвечает за дом. <...> От этого надо отказаться”, – говорил депутат Иванов на заседании Моссовета 11 ноября 1920 г. Но горячие головы думали по-иному: “Зачем человеку занимать одну комнату по воздуху. Пусть в этой комнате живет человек 6–7, тогда будет гораздо теплее и эта мера, конечно, спасет дом”, утверждал депутат Пулаковский²².

На все стороны жизни Москвы, как и всей Советской России в 1920 г., накладывала отпечаток политика красного террора, который был направлен не только против контрреволюционеров и представителей свергнутых классов, но даже против подавшихся панике большевиков и их сторонников. Заключению сроком не менее 6 месяцев подлежали все сотрудники советских учреждений, бежавшие из населенных пунктов, занимавшихся белыми. Московские тюрьмы и другие места заключения (в городе их было 23) были переполнены арестованными по стандартному обвинению в контрреволюционной деятельности и саботаже. Однако весной 1920 г. в условиях благоприятного для советской России положения на фронтах 1 мая была объявлена амнистия. В связи с этим комиссия Моссовета, обследовавшая тюрьмы, опросила 7 тыс. заключенных и пришла к выводу, что приговоры 41% можно оставить без изменений, 12% следовало бы вообще освободить, 5% заслуживают смягчения приговоров²³. Тем не менее с началом наступления белополяков репрессии усилились. В частности, упомянутая амнистия не распространялась на поляков, как подданных государства, поднявшего вооруженную борьбу против советской России²⁴. Все поляки по национальности должны были вновь перерегистрироваться по месту жительства, в противном случае власти получали право арестовывать их как шпионов. Ужесточалось и положение польских военнопленных, которым постановлением Исполкома Моссовета от 30 июня 1920 г. запрещено было покидать территорию лагерей и устраиваться на работу²⁵.

К весне 1920 г., когда на фронтах Гражданской войны советской Россией были одержаны решающие победы, москвичи ста-

ли проявлять недовольство политикой военного коммунизма. Непокойно было и в окрестностях Москвы. Волновались рабочие тульских заводов, крестьяне Тверской губернии.

Газеты сообщали, что в Москве меньшевики, социалисты-революционеры и максималисты выступают на фабриках, заводах, в железнодорожных мастерских и призывают к стачкам. Максималисты возглавили акцию протеста булочников и хлебопек. Недовольство было отмечено на мануфактуре Носова. Первыми в 1920 г. выступили печатники типографий Левенсона и Сытина.

К 1920 г. численность полиграфистов в Москве сократилась в 3 раза. Профсоюзом печатников руководили меньшевики, среди них один из лидеров меньшевиков-интернационалистов член Моссовета Ф.И. Дан. Меньшевики и эсеры использовали недовольство рабочих для укрепления влияния в пролетарской среде. Весной 1920 г. печатники выступили с требованием свободных поездок отпускников за продуктами в деревню, направив делегацию во ВЦИК, которую принял М.И. Калинин²⁶. Большевистское руководство расценило инициативу типографских рабочих как “меньшевистско-обывательскую”²⁷.

К маю 1920 г. отношения печатников с властями еще более обострились, и дело дошло до выдвижения антибольшевистских политических лозунгов. В это время в столице торжественно принимали делегацию британских тред-юнионов – участников движения “Руки прочь от Советской России”. Делегацию английских профсоюзов даже возили в штаб Западного фронта в Смоленске. Английские рабочие выступали против военной помощи интервентам и заявляли, что оружие, приготовленное для отправки в Польшу, не будет вывезено с Британских островов.

Делегаты английских профсоюзов встречались и с московскими печатниками. На этом собрании присутствовал весь состав УК РСДРП. Выступали Дан и эсер В.М. Чернов.

Они говорили англичанам: “Вы думаете у нас свобода, рабочая власть. Передайте пролетариям Запада, что сейчас не лучше, чем при самодержавии. Наши газеты закрыты, собрания не разрешаются”. Чернов заявил, что рабочие против советской власти, против большевиков, что он не советует английским пролетариям идти по стопам советской власти. Слова Чернова с удовольствием цитировал в Палате общин Д. Ллойд-Джорж²⁸. Еще одно открытое столкновение большевиков с меньшевиками произошло на многочисленном собрании работников фабрики “Заготовки государственных бумаг” при перевыборах завкома. Назревала угроза стачки.

В кругах Московского комитета большевиков и Моссовета “Дело печатников” рассматривали как “оружие” в руках политических оппонентов²⁹. 2 июня 1920 г. последовало бурное заседание Московского совета, посвященное экономическому положению рабочих, конфликтам, связанным с тарифной политикой и продовольственным положением. Докладчик Мельничанский – один из руководителей Моссовета – и другие выступавшие признавали, что положение крайне тяжелое. Дороговизна, голод обострились в летние месяцы. На заседании констатировалось: “Облегчение по мере сил и возможностей бедствий рабочего класса – главная обязанность Московского Совета”.

Основную причину отмеченных “бедствий рабочего класса” депутаты усматривали в польском нападении: “Именно поляки пытаются сорвать всю трехлетнюю работу Республики”. Мельничанский громил “смутьянов” и “подстрекателей”, в частности Дана, говорившего о насилиях заградительных кордонов. Докладчик обвинял меньшевиков и эсеров-максималистов, “говорящих о поддержке советской власти, говорящих о польском фронте и ничего для этого фронта не делающих”, и требовал призвать [их] к порядку и дать им за это по рукам”³⁰. Его поддержали большинство выступивших в прениях, в том числе Бухарин и Каменев.

В ответ депутат Абрамович заявил, что в Киеве все социал-демократы пошли на фронт, в Харькове и Николаеве – 50%, также в Смоленске и Брянске. Приводились аналогичные примеры Кременчуга, Тулы, Смоленска и самой Москвы. Депутат Дан (Ф.И. Гуревич), выступивший против вопиющей травли других партий, язвительно предложил: “Раз нет хлеба, давайте кормить рабочих меньшевиками и эсерами. Продовольственная же политика Советской власти, – продолжал он, – ведет и будет вести к тому, что продовольственное положение будет с каждым годом все более обостряться и рабочие Москвы будут постоянно, из года в год к новой весне, попадать во все более тяжелое положение. Вы, – обратился Дан к участникам Пленума, – даете всеми своими поступками лишь подрубить тот сук, на котором сейчас сидит рабочая власть”. Представителю печатников слова на заседании не дали.

Принятые Моссоветом резолюции и их реализация означали удовлетворение всех экономических требований печатников. Была создана комиссия по улучшению экономического положения в Москве, по повышению жизненного уровня рабочих. Однако они не могли реально изменить ситуацию к лучшему. Тарифные ставки увеличились на 50%, а цены у “мешочников” – на 200%. Выплата майской 100%-ной прибавки к основному окладу в Москве

“за отсутствием денежных знаков” была отложена до августа 1920 г.³¹

Тем не менее ни некоторые меры, направленные на улучшение положения рабочих, ни репрессии не могли устранить социального кризиса, вызванного политикой военного коммунизма. В уже цитированной записке Ю. Ларина (одного из идеологов перехода к нэп) говорилось о “переломе в настроениях рабочих, которые видят себя обманутыми, как, например, на Тульских заводах, становятся в активную оппозицию и пока только временно искусственно сдерживаются большевиками путем террора, не останавливаясь перед массовыми расстрелами рабочих латышами и китайцами”³².

25 апреля 1920 г., в тот самый день, когда в Москве отмечали 50-летие В.И. Ленина, войска Пилсудского и Петлюры прорвали фронт Красной Армии на Украине. Через десять дней был занят Киев. Новое обострение положения на фронтах Гражданской войны приобрело форму противостояния с внешним врагом. Коммунистические газеты и те вспомнили слова “Россия”, “Отечество”, “Национальная война”, “честные граждане”, появился “союз коммунистов и беспартийных”. Об изменениях настроений свидетельствует хотя бы резолюция общего собрания “строптивных” печатников Первой типографии (б. Сытина), готовых на чрезвычайные усилия до полной победы над внутренней и внешней контрреволюцией. Ярким проявлением подобных общественных настроений стали парад Московского гарнизона 5 мая и митинг на Театральной площади, посвященный проходам красноармейцев на польский фронт.

По окончании митинга в Большом театре состоялось объединенное заседание Московского совета, фабрично-заводских комитетов, правлений профессиональных союзов и ВЦИК с единственным вопросом повестки дня: положение на польском фронте. Открывший заседание Л.Б. Каменев – глава Моссовета – выражая настроения, охватившие Москву, сказал: “Как бы ни была тягостна борьба, за рядами Красной Армии будет стоять полный сочувствия, поддержки и революционного настроения тыл. Мы совершенно уверены, что первые эшелоны, которые посылаются на Западный фронт – петроградские и московские рабочие – являются только первыми ласточками и что широкой лавиной рабочие и крестьяне России двинутся на этот фронт и двинут туда и снаряжение и хлеб и все, что необходимо для нашей Красной Армии. На объединенном заседании выступали В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Л. Мартов и др. От имени польских коммунистов – Ю. Мархлевский. На заседании было объявлено о партийной мо-

билизации коммунистов – с мая по сентябрь 1920 г. на польский фронт из Москвы ушло 3 тыс. 500 человек. Партийные мобилизации провели и другие социалистические партии – меньшевики-интернационалисты, эсеры-максималисты. Их позиция определялась общей задачей защиты завоеваний революции.

На заседании 5 мая в Большом театре были представители добровольцев, которые уже сотнями приходили в Моссовет за оружием и путевками на Западный фронт. Было сообщено о письме генерала А.А. Брусилова (в мае–июне 1917 г. главнокомандующего русской армией), призвавшего офицерский корпус старой России на борьбу против польского нашествия на исконно русские земли. Инициатива Брусилова, за исключением генеральского тезиса о православии, получила одобрение большевиков и была широко использована ими в пропагандистских целях. Менее известно аналогичное письмо морякам Е.А. Беренса и П.П. Игнатьева, на которое откликнулись даже офицеры из армии Врангеля.

На заседании в Большом театре по вопросу о войне на Западном фронте в поддержку большевиков выступили представители других социалистических партий. Л. Мартов, оглашая решения ЦК РСДРП(м), заявил: “РСДРП (...) окажет свое содействие и приложит все усилия к тому, чтобы трудящиеся массы, независимо от их отношения к советской власти и ее политике считали своим кровным делом возможно скорейшую и возможно полную победу на Западе. Тем решительнее она это сделает, что она считает правильной общую линию политики советской власти за время развития того русско-польского конфликта, который привел к внезапно разразившейся войне с поляками”.

В декларации социалистов-революционеров (правых) говорилось: “Как бы то ни было, выполнит или нет большевистская власть долг, лежащий на ней перед страной, мы твердо верим, что Красная Армия, стоящая на западных рубежах революционной России и борющаяся в неимоверно тяжелых условиях, защищая интересы родины, справится с поставленной ей историей великой общенациональной и общечеловеческой задачей, в разрешении которой сердца всего русского народа бьются с ней в унисон”. С поддержкой советской власти выступило и Центральное бюро меньшинства партии социалистов-революционеров. В своем воззвании “К трудящимся всего мира” призыв к поддержке борьбы и движения добровольцев поддержал Бунд. На заседании было зачитано заявление Султан-Галиева от имени ответственных работников Татарского пролетариата: “Предлагаю направить на польский фронт Вторую татарскую бригаду”. Было сообщено, что бригада уже выехала из Казани.

В резолюции Объединенного заседания констатировалось, что Советская Россия признает право польского народа “на полное самоопределение и независимое политическое существование”, что она хотела мира, шла “на крупные уступки даже сверх того, на что могло бы претендовать польское правительство, исходя из принципа национального самоопределения <...>. Со стороны советской России эта война, будучи оборонительной, против покушений международной контрреволюции, ни в коем случае не является войной против польских рабочих и крестьян, а лишь войной против польской буржуазии”. Напротив “победа советских армий не только обеспечит завоевания Великой Русской революции, но, разбив силы польских помещиков и капиталистов, поможет трудящимся массам самой Польши создать действительно свободную и независимую Польскую республику рабочих и крестьян”³³.

Определенные изменения произошли в политике анархистов. На совещании анархистов было заявлено, что “мы временно <...> воздерживаемся от агитации против Красной Армии”. <...> Мы отвергаем как террор, так и экспроприации в пределах Советской России”. Призыв к дезертирству, к оставлению фронта, “всякие попытки внесения разложение в ряды Красной Армии считаем политическим легкомыслием, граничащим с преступлением”³⁴. Анархо-синдикалисты выступили против привлечения генералов Брусилова и Клембановского, считая, что они контрреволюционеры и в любой момент изменят трудовому классу.

У Красной Армии в войне с Польшей оказались совсем неожиданные союзники. Дзержинский, выступая в октябре 1920 г. на заседании президиума Моссовета в качестве председателя Комитета обороны, сказал, что “Монархический союз и подобные организации, больше всего воодушевленные национализмом, и во время нашего наступления на польском фронте полагали, что большевики до некоторой степени работают для восстановления России, и поэтому они до некоторой степени воздержались от всяких реальных выступлений”. Более того, после захвата польско-петлюровскими войсками Киева на сторону Красной Армии перешла действовавшая в подполье на территории России и Украины пилсудчиковская организация ПОВ. “Бывшие польские контрагенты принесли нам колоссальную пользу”³⁵.

Еще на заседании в Большом театре Г.Я. Сокольников (Бриллиант), председатель Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК, поднял сложный вопрос о снабжении и пополнении Западного фронта. Он указал, что основные силы Красной Армии находятся на отдаленных фронтах Сибири и Кавказа и что их переброска

на новый театр боевых действий будет крайне затруднительна. Командующий Красной Армией С.С. Каменев считал, что война с Польшей – война серьезная, упорная, тяжелая. “Польская армия, построенная из частей армий всех держав, ведущих войну 1914–1918 гг. и впитавшая опыт и методы всех их, является серьезным и умеющим драться противником”³⁶. Западный же фронт, по признанию главкома, к войне не был готов. Он имел запасы только на два месяца активных боевых действий.

Сложившееся положение требовало экстренной мобилизации. С мая по 1 ноября 1920 г. Москва отправила на фронт в составе сформированных добровольческих частей и отрядов 21 315 человек, по призыву – 18 967 человек. Всего же за 1918–1920 гг. на фронты ушло 313 853 москвича³⁷. Свидетельством изменения настроений бойцов было сокращение в 1920 г. дезертирства и даже возвращение части бежавших со службы в ряды Красной Армии.

Моссовет призвал горожан создавать комитеты содействия Западному фронту. Рабочий день на военных (“ударных”) предприятиях был увеличен до 10 час. В число таких предприятий входили заводы: “Густав Лист”, Софийский, Мытищинский, Коломенский, Подольский заводы, завод АМО, Броневой и др. По постановлению Моссовета, занятых на военном производстве рабочих не привлекали к другим видам общественных работ. Запрещалось вмешательство во внутреннюю жизнь и деятельность администрации военных предприятий, проведение в отношении технического персонала и рабочих каких-либо принудительных или репрессивных мер. Нарушителям постановления грозил суд Ревтрибунала³⁸.

Для понимания командного состава в действующую армию откомандировывались имевшие соответствующую подготовку сотрудники советских учреждений и предприятий (в том числе бывшие офицеры). На различных командирских курсах по программам, составленным Брусиловским комитетом, готовили новых красных командиров. Торжественные проводы выпускников на фронт проходили на Красной площади.

28 мая 1920 г. было объявлено о мобилизации всех лошадей. На следующий день прямо со сгонных пунктов отобранных для артиллерии и кавалерии лошадей грузили в вагоны, направлявшиеся на фронт.

Уже в мае 1920 г. среди большевистского руководства намечались расхождения в оценке характера советско-польской войны. И.В. Сталин трактовал ее как один из этапов Гражданской войны – “третий поход Антанты”³⁹. Иную позицию занял

главный редактор “Известий” Ю.М. Стеклов (Нахамкинс), еще до октября 1917 г. выступавший за предоставление независимости Польше и проводший соответствующую резолюцию Петроградского совета. В июне 1920 г. он писал в “Известиях”: “Можно сказать, что война с белогвардейской Польшей есть первая в истории России внешняя война, которая популярна среди самых широких масс. Можно даже сказать, что эта война гораздо более популярна среди русского народа, чем гражданская война, которую он недавно вел против своих вчерашних господ. И это понятно, в лице польских панов он видит и внешнего завоевателя и представителя враждебных ему общественных классов”⁴⁰.

С началом польского наступления на фронте в Москве прошла серия взрывов и пожаров. 9 мая 1920 г. – на складах боеприпасов и взрывчатки веществ в Хорошеве, 15 мая – на окружной железной дороге между станциями Ростокино и Белокаменная. В тот же день сгорел вагон со снарядами и патронами на ветке Николаевских казарм Александровской железной дороги (недалеко от Одинцова).

Начиная с мая 1920 г. Западный фронт приобрел для советской республики решающее значение. В связи с этим, выступая на пленуме Моссовета, Л.Б. Каменев говорил: “Мы до сих пор не можем еще сказать, что мы добились такого положения в международной обстановке, которое позволило бы нам надеяться на какой-либо другой метод – дипломатический или метод торговых сношений, – кроме метода, который применяет Красная Армия. На польском фронте решается все международное положение”⁴¹. Отбывая в Великобританию с ответным визитом на приезд делегации английских рабочих, подчеркивая роль Моссовета в решении стратегических проблем и в международных делах советской России, он заявил “По-прежнему для Совета основными остаются вопросы войны с поляками и Врангелем”⁴².

Выступивший вслед за ним депутат М.И. Калинин обратил внимание на экономические и социальные трудности, в которых приходится вести войну с Польшей: “В настоящий момент у нас голод, холод, нищета и разруха не только не уменьшаются, но все более увеличиваются”. Вместе с тем только “рабоче-крестьянское государство может поднимать целые тысячи крестьян на исполнение той или другой повинности, и крестьяне выполняют эти повинности. Они ворчат, но выполняют”. Объяснял позицию и покладистость крестьян глава ВЦИК тем, что они помнят, что получили от советской власти 50 млн десятин помещичьей земли⁴³.

Обострение положения на фронте сопровождалось усилением красного террора, в котором, правда по сравнению с предшествующей практикой обозначались новые тенденции. Преследование политических противников большевиков стало иногда приобретать форму судебной процедуры и сопровождалось общественным осуждением репрессированных. Так, “Широкая беспартийная конференция” в Колонном зале Дома Союзов с одобрением слушала представителей анархо-синдикалистов, критиковавших действия советской власти за доверчивое отношение к “спецам”, которые, по словам левацких ораторов, “обдирают народное хозяйство”⁴⁴. Московский революционный трибунал организовал “дело спецов” Климовского завода, якобы сорвавших в отопительный сезон поставки древесного угля.

16–20 августа 1920 г. в Москве состоялся процесс Национального центра⁴⁵. Перед Верховным революционным трибуналом в Большой аудитории Политехнического музея предстало 28 человек. В помещенном в газете “Коммунистический труд” отчете о процессе признавалось, что судили “цвет русской интеллигенции”. Обвиняемым вменялось участие в контрреволюционных организациях. Процесс был открытым и состязательным. Приговор был относительно мягким, а половина обвиняемых – оправданы. Вместе с тем в нем констатировалось, что эмигрантам запрещено возвращаться в Россию, а “оправданным” лучше уехать за границу⁴⁶. Показательно “мягкий” процесс Национального центра не изменил характера репрессий в целом. Только до осени 1920 г. московская ЧК раскрыла 22 контрреволюционных белогвардейских организации, 12 – правых эсеров, 2 – левых эсеров, 2 – эсеров-максималистов, 3 – меньшевиков, 1 – анархистов. Арестовано было 5140 человек, из которых 52 расстреляны⁴⁷. В 20-х числах августа начались аресты анархистов и руководства меньшевиков. В день пленума Моссовета 24 августа было арестовано более 40 человек, в том числе 3 члена ЦК РСДРП и 4 депутата Моссовета, занято помещение партии и сорвана Всероссийская конференция меньшевиков. Пленум Моссовета в октябре 1920 г., заслушав доклад Дзержинского о деятельности Комитета обороны во время польской войны, принял резолюцию, призывавшую к репрессиям и к “повышению бдительности”⁴⁸.

После освобождения Киева инициатива на советско-польском фронте перешла к советской России. 7 августа 1920 г. Красная Армия форсировала Западный Буг и вступила в Польшу. В тот же день торжественное Объединенное заседание делегатов Конгресса III Интернационала, ВЦИК, Моссовета, московской организации РКП, профсоюзов приветствовали создание Польского

революционного Комитета (Польревкома), который от имени польского пролетариата объявил войну польской буржуазии. Изменился характер войны и для Польши. Она становилась войной за защиту суверенитета и национальной независимости, что вызвало в стране патриотический подъем.

В августе 1920 г., в решающий момент сражения под Варшавой, Красная Армия потерпела поражение. На заседании Моссовета 17 августа 1920 г., в повестке дня которого на этот раз стоял вопрос: “Врангелевский фронт и наши задачи”, Троцкий констатировал, что положение в Польше “вполне благоприятное”. Тогда он еще не знал о польском контрнаступлении или не хотел признавать катастрофу Красной Армии на Висле. Через четыре дня после поражения под Варшавой началось наступление Красной Армии на Крым, и к середине ноября 1920 г. полуостров был очищен от врангелевцев. Однако на продолжение войны с Польшей, на новую зимнюю кампанию советская Россия не имела ни сил, ни средств. Не было их и у польской стороны. Начавшиеся в августе 1920 г. переговоры о мире завершились 12 октября подписанием в Риге перемирия и прелиминарного мира.

С лета 1920 г. Моссовету стало сложнее работать, что объяснялось не только экономическими, продовольственными и иными трудностями периода военного коммунизма, но и объединением советов Москвы и Московской губернии. Объединенный совет стал именоваться Московским советом рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. Если в прежнем Моссовете на его пленумах выступления депутатов Ленина и Троцкого и других большевистских лидеров заслушивались без открытия прений, а небольшевистским депутатам (Мартову, Павлову и др.) нетрудно было организовывать обструкцию своим политическим оппонентам, то уже на первом же совещании председателей уездных, волостных и сельских исполкомов Московской губернии с пленумом Московского совета 15–17 октября 1920 г. крестьянские депутаты изменили установленный порядок⁴⁹. Ленин не смог ограничиться “информацией” о польских делах. Ему начали задавать вопросы, критиковать, упрекать в “увертках” и вновь вызывать для разъяснений на трибуну.

Ленин, хотя и тревожился, вступит или нет в силу подписанное перемирие, заявил, что “мы вышли из этой войны, заключив выгодный мир. Значит, мы остались победителями”. В навязанных руководству Моссовета прениях представитель от Красной Армии Андреев поправил вождя: армия “потерпела поражение”. Н. Павлов – руководитель союза пекарей, пищевиков и булочников – заявил, что “Ленин не вполне ясно осветил внутреннее и

международное положение, ошибки большевиков. <...> Если вы, – обратился он к председателю СНК, – не измените вашей однобокой политики, то у вас вечно будут фронты. Если мы и заключили мир с Польшей, то под боком будет Венгрия и бог знает кто. В момент заключения мира с Польшей мы настоятельно требуем, – провозгласил Павлов, – чтобы товарищи большевики одумались и <...> предоставили широкую возможность творить жизнь всему народу”.

Болезненными для собравшихся были экономические проблемы. В разгуле, спекуляциях винили советскую власть. Крестьянин Беляев, потребовав поддержки крестьянству, резюмировал: “Если крестьянское хозяйство идет под уклон, тем самым идет под уклон и советское правительство”. Депутат Бутурин предостерегал, что не повалить нам Врангеля до тех пор, пока к нам, мирным жителям, будут посылать боевые отряды. Президиуму удалось свернуть прения.

В заключительном слове В.И. Ленин оправдывал позицию советского правительства. По вопросу о территориальных уступках и границе он сказал, “что лучше иметь худшую границу, т.е. получить меньшее количество Белоруссии и иметь возможность меньшее количество белорусских крестьян вырвать из-под гнета буржуазии, чем подвергнуть новым тягестям новой зимней кампании крестьян России”⁵⁰. Резолюция совещания, в соответствии с установкой большевистского большинства, констатировала “удовлетворение по поводу заключения мира с Финляндией и предварительного перемирия с Польшей”, признала правильной политику советской власти в польском вопросе. Иная резолюция, как не получившая поддержки участников совещания, была отвергнута. Красной Армии пожелали победы над Врангелем. Вскоре Крым был взят, а белая армия сброшена в море.

После окончания военных действий на европейских фронтах Гражданской войны 2 декабря 1920 г. была опубликована в последний раз сводка полевого штаба РВСР: “На фронтах спокойно”. В этот знаменательный день депутат Белоусов доложил руководству Моссовета, что Реввоенсоветом республики установлено шефство Моссовета над двумя дивизиями Красной Армии, которым присвоено соответствующее наименование. Одна из них (51-я) под командованием В.К. Блюхера первой вступила в освобожденный от белых Севастополь. Вторая (56-я) с боями дошла до стен Варшавы. Делегаты Моссовета Белоусов и Волков приняли участие в торжественном акте по этому поводу.

Столица советской России в 1920 г. стала воплощенным образом государства диктатуры пролетариата, когда рабочий класс

составлял незначительную часть населения в стране, охваченной ожесточенной Гражданской войной, и с разрушенным народным хозяйством. В этих условиях превращение страны в “единый военный лагерь” и всеобщая трудовая повинность были существенными чертами политики военного коммунизма, которая в наиболее законченном виде сформировалась именно в 1920 г. В полной мере эта политика проявилась в Москве – в политическом и экономическом центре находившегося в кольце фронтов центре Советского государства. Будучи обусловлена необходимостью мобилизации для ведения войны крайне скудных материальных ресурсов и в этом смысле – вынужденной политикой, она несла в себе определенные коммунистические черты, которые советская власть пыталась использовать в целях строительства социалистического общества. Один из видных теоретиков большевистской партии Н.И. Бухарин в работе “Экономика переходного периода” писал: “Пролетарские принуждения во всех своих формах, начиная с расстрелов и кончая трудовой повинностью, являются, как парадоксально ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи”. Слова эти вызвали одобрение Ленина, что тот и зафиксировал на полях бухаринской книги¹.

Однако жизнь советской столицы в 1920 г., несмотря на ряд успешных мероприятий советской власти, продемонстрировала несостоятельность военно-коммунистических методов руководства обществом, что, в частности, наглядно проявилось в работе Московского совета. Это нашло выражение в сохранении элементов советской демократии, в использовании в отдельных случаях мотивов материальной заинтересованности в хозяйственном управлении, в обращении к патриотическим чувствам советских граждан. Однако советско-польская война и связанные с ней настроения “национального единения” только отсрочили кризис 1921 г. в стране, в партии, в профсоюзах, в армии и экономике.

¹ Красная Москва, 1917–1920 г. М., 1920. С. 51, 54, 136, 137 (далее – Красная Москва...).

² Стенографические отчеты заседаний пленума Московского Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов с 6 марта по 14 декабря 1920 г. М., 1921. С. 1 (далее – Стенографические отчеты...).

³ Центральный государственный архив Московской области. Ф. 4526. Оп. 1. Д. 2. Л. 156, 168; Д. 5. Л. 55 (далее – ЦГАМО).

⁴ Там же. Д. 2. Л. 123, 147.

⁵ Москва 850 лет. 1147–1947. Городское управление. 300 лет управления городом. М., 1997. Т. 2. С. 15.

- 6 Центральный архив администрации Москвы (далее – ЦМАМ). Ф. 167. Оп. 1. Д. 25. Л. 107 об.
- 7 ЦГАМО. Ф. 4526. Оп. 1. Д. 2. Л. 169.
- 8 Вечерние известия. 1920. 9.I.
- 9 Известия. 1920. 14.VIII.; Коммунистический труд. 1920. 5.VIII.
- 10 ЦГАМО. Ф. 4526. Оп. 1. Д. 2. Л. 103.
- 11 Декреты Советской власти. 10 декабря 1918 г. – 31 марта 1920 г. М., 1974. Т. 7. С. 166.
- 12 ЦМАМ. Ф. 2434. Оп. 1. Д. 8. Д. 21. Л. 10, 11; и т.д.
- 13 ЦГАМО. Ф. 4626. Оп. 1. Д. 1. Л. 92–95.
- 14 Декреты Советской власти. 10 декабря 1918 г. – 31 марта 1920 г. М., 1974. Т. 7. С. 249, 250.
- 15 Краткий обзор деятельности Московского Совета в июле–августе 1920 г. М., 1920. С. 2.
- 16 ЦМАМ. Ф. 2434. Оп. 1. Д. 2, 8, 47.
- 17 Стенографические отчеты... С. 280, 281.
- 18 Известия. 1920. 4.VI.
- 19 ЦМАМ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 25. Л. 77; Вечерние известия 1920. 2.I.; Коммунистический труд 1920. 4.VIII.
- 20 Кузнецова Т.В. Развитие городского хозяйства Москвы, 1917–1925. М., 1966. С. 12.
- 21 Стенографический отчет заседания исполнительного комитета Московского Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. 1920 г. № 11. С. 7.
- 22 Там же.
- 23 Там же. С. 8.
- 24 Декреты Советской власти. М., 1970. Т. 8. С. 143, 144.
- 25 Стенографический отчет заседания исполнительного комитета Московского Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. 1920 г. № 11. С. 8.
- 26 Там же. 1920. 20.VI. № 6. С. 94, 95; ЦМАМ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 25. Л. 15.
- 27 Коммунистический труд. 1920. 28.III.
- 28 Стенографический отчет заседания исполнительного комитета Московского Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. 1920 г. 20.VI. № 6. С. 94, 95; ЦМАМ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 25. Л. 15.
- 29 Там же.
- 30 Стенографические отчеты... С. 95.
- 31 ЦМАМ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 16. Л. 8, 14, 18, 33.
- 32 ЦГАМО. Ф. 4526. Оп. 1. Д. 1. Л. 58 об.
- 33 Стенографические отчеты... С. 68, 75, 78.
- 34 Известия. 1920. 23.V.
- 35 Стенографические отчеты... С. 279.
- 36 Известия. 1920. 6.VI.
- 37 Красная Москва... С. 648.
- 38 ЦГАМО. Ф. 4526. Оп. 1. Д. 2. Л. 40.
- 39 Правда. 1920. 25, 26.V.; Сталин И.В. Соч. Т. 4: Ноябрь 1917–1920. М., 1947. С. 319–328, 336–341.

- ⁴⁰ Известия. 1920. 12.VI.
- ⁴¹ Стенографические отчеты... С. 117, 120.
- ⁴² Коммунистический труд. 1920. 18.VI.
- ⁴³ Стенографические отчеты... С. 121.
- ⁴⁴ Известия. 1920. 9.VI.
- ⁴⁵ Красная книга ВЧК (материалы следствия и история организации). М., 1990. С. 53.
- ⁴⁶ Коммунистический труд. 1920. 18–21.VIII.
- ⁴⁷ Красная Москва... С. 631, 633.
- ⁴⁸ Стенографические отчеты... С. 250–279.
- ⁴⁹ Там же. С. 222–243.
- ⁵⁰ Там же. С. 232; и др.
- ⁵¹ Цит. по: Москва. 850 лет. С. 54.

В.А. Невежин (Москва)

Москва как центр презентации власти (большие кремлевские приемы И.В. Сталина, 1935–1941 гг.)

Изучение феномена власти является самостоятельным направлением политической истории, в рамках которого уделяется внимание и сталинской эпохе¹. В предлагаемой статье рассматривается одно из примечательных явлений этого периода истории России – публичные застолья Сталина в Кремле.

Введенное американским исследователем Р. Уортманом понятие “сценарии власти” отражает процесс оформления принципиальных идей управления государством и обществом, которые воплощаются и реализуются в сложной системе ритуалов, церемоний, празднеств и символов². Составная часть “сценариев власти” – это ее презентация, т.е. публичное непосредственное общение правителя (вождя, государя, диктатора) с представителями различных социальных слоев и групп общества. В сталинскую эпоху такое общение было необходимо властям предрежащим (прежде всего – Сталину) для демонстрации собственного величия и могущества создаваемого им режима. Оно использовалось преимущественно в утилитарных целях, например, для разъяснения важнейших задач в области внутренней и внешней политики, которые формулировались в виде лозунга “на злобу дня”, например: “Пятилетку – в четыре года!”, “Кадры решают все!” и т.п.

В 1930-е – начале 1940-х годов подобное общение советского вождя и партийной, военной, технической, интеллектуальной элиты происходило не только на праздничных парадах и демонстрациях, на партийных форумах, представительных совещаниях и предвыборных собраниях, но и во время Больших кремлевских приемов с их участием, на которые приглашались до 2 тыс. человек. По месту проведения, по своей исключительной политической значимости такого рода застолья вполне заслуживали свое название.

В постсоветской литературе встречаются суждения, что на этих “кремлевских представлениях” лежала печать “дурной теат-

ральности” и якобы преобладали “искусственное обожание, фальшивые речи, деланное веселье” или что на застольях в Кремле «разыгрывались воочию выставочные панно с “единением” сталинских “символов”»³. Подобные оценки представляются поверхностными и субъективными, уводящими от важного вопроса о значении кремлевских приемов как одного из способов презентации власти. Между тем Сталин как политик и знаток аппаратных игр умело использовал их для упрочения советского политического режима и своего положения на вершине власти.

В 1930-е годы в значительной мере вследствие репрессий на смену большевикам “ленинской гвардии” приходили сталинские “выдвиженцы” – энергичные и амбициозные люди молодого и среднего возраста. Их преимущественно пролетарское или крестьянское происхождение, демонстративная преданность вождю, несомненно, способствовали быстрому карьерному росту. Они направлялись на партийную, комсомольскую, хозяйственную работу, составляли основу командного и политического состава Красной Армии.

Кадровый состав армии имел для Сталина и его ближайших соратников особое значение. Они вполне осознавали ее важную роль, как с точки зрения внутренней прочности режима, так и в условиях непосредственной угрозы войны. Большевистский вождь хотел видеть рядовой и командный состав Вооруженных Сил преданным не только “делу защиты социалистического Отечества”, но и себе лично. С этой целью на высшие командные должности назначались люди, с которыми Сталин был связан по службе еще со времен Гражданской войны. Предпочтение отдавалось “первоконникам”, кто служил в Первой конной армии Юго-Западного фронта в 1919–1920 гг., членом Реввоенсовета которого был Сталин. “Первоконники” – К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный и другие – к середине 1930-х годов постепенно составили руководящий костяк Народного комиссариата по военным и морским делам, вытеснив сторонников первого главы военного ведомства и одного из непримиримых сталинских оппонентов Л.Д. Троцкого.

Перед лицом военной опасности наращивание мощи Красной Армии, количественный и качественный рост ее командного и технического состава требовали расширения сети военно-учебных заведений и, в частности – академий. К началу 1930-х годов в стране имелось лишь шесть военных академий, к июню 1941 г. их было уже около 20. Стремясь приблизить и расположить к себе, подчинить своей воле элиту Красной Армии Сталин испробовал немало средств, в том числе и такой не совсем обычный, но

оказавшийся действенным метод, как устройство для ее представителей многолюдных застолий в Московском Кремле.

Москва и ее главная твердыня стали ареной грандиозного действия, которое в исследовательской литературе получило название “архитектурно-ландшафтные презентации власти”⁴, т.е. формирование образов власти путем целенаправленного символического использования окружающей городской среды. После 200-летнего пребывания в роли второй российской столицы, Москва в 1918 г. вновь получила статус первой столицы, но уже нового, Советского государства (с 1922 г. – Союза ССР). Упадок города времен Гражданской войны и большевистская кампания по уничтожению памятников царской эпохи практически не затронули Кремль. Здесь в начале 1930-х годов для участников первомайских военных парадов на Красной площади и выпускников военных академий от имени Реввоенсовета (РВС) СССР – коллегии Наркомата по военным и морским делам стали устраивать скромные завтраки, сопровождавшиеся небольшой концертной программой. Их инициатором был ближайший соратник Сталина – К.Е. Ворошилов (Председатель РВС в 1924–1934 гг. и народный комиссар по военным и морским делам).

Участников парада принимали в Кремле на следующий день (2 мая), “военных академиков” – после торжественной церемонии выпуска (как правило, она проходила 4 или 5 мая). В ходе застолий в непринужденной обстановке происходило общение красноармейцев и командиров с руководителями большевистской партии и советского правительства. В роли хозяина на таких завтраках выступал Ворошилов, а другие члены Политбюро ЦК ВКП(б) – в роли гостей, хотя и почетных. Как правило, они присутствовали лишь 2–3 часа и уходили до окончания застолья.

В опубликованных газетных отчетах звучали формулировки, в полной мере отражавшие специфику подобных мероприятий. Например, “Правда” писала, что 2 мая 1934 г. в Большом Кремлевском дворце “на завтраке, организованном Реввоенсоветом Союза, состоялась **встреча** руководителей партии и правительства с участниками первомайского парада”. Сообщение об этом завтраке имело характерный подзаголовок: “Товарищ Сталин, члены Политбюро и правительства **среди** (выделено мной. – В.Н.) лучших ударников Красной Армии”⁵.

Однако к весне 1935 г. организацию для военной элиты кремлевских застолий взял в свои руки Сталин. В июне 1934 г. был упразднен Реввоенсовет СССР, а наркомат по военным и морским делам переименован в Наркомат обороны СССР (НКО), главой которого остался Ворошилов. Убийство в Ленинграде 1 декабря

1934 г. С.М. Кирова – члена Политбюро ЦК и близкого друга Сталина – заставило последнего дополнительно побеспокоиться о собственной безопасности. В январе 1935 г. в НКВД было заведено дело “Клубок”, чтобы добыть доказательства якобы существовавшего заговора с целью убийства Сталина и других членов узкого круга советского руководства. Еще до окончания следствия, Политбюро ЦК ВКП(б) 14 февраля 1935 г. утвердило (по представлению наркома внутренних дел Г.Г. Ягоды) постановление “Об охране Кремля”, направленное на усовершенствование системы безопасности правительственных зданий и квартир членов Политбюро и советского правительства. Оно значительно ограничивало сферу деятельности комендатуры Кремля, переданной из ведения ЦИК СССР в подчинение НКВД и НКО. В Кремле специально вводилась должность заместителя коменданта по внутренней охране, которую занимал сотрудник НКВД. Комендант Кремля с 1920 г. – Р.А. Петерсон – в апреле 1935 г. по решению Политбюро переведен в Киев заместителем командующего Киевским военным округом, а на его место был назначен П.П. Ткалун. В 1936–1937 гг. он был начальником Управления комендатуры Кремля. В дальнейшем, с сентября 1937 г. до сентября 1953 г., эту должность последовательно занимали: Ф.Ф. Рогов и С.Н. Спиридонов. 9 февраля 1936 г. Политбюро утвердило новое постановление об охране кремлевской территории, по которому комендатура Кремля полностью переходила в подчинение НКВД⁶. Кремль превратился в своеобразную сталинскую твердыню, “цитадель власти”.

Теперь К.Е. Ворошилов уже не мог по собственной инициативе устраивать в Кремле приемы военной элиты. 19 апреля 1935 г. он направил членам Политбюро и секретарю ЦК Сталину записку (с пометкой “Срочно”), оставшуюся до 28 апреля без ответа. В ней говорилось: “В прошлые годы майский выпуск Военных академий производился в Москве в Кремле в присутствии членов Политбюро и Правительства. В мае этого года выпускаются из академий 1076 человек, из них 145 человек – из академий, расположенных в Ленинграде. Считал бы необходимым и в этом году по установившейся традиции выпуск академий произвести в Кремле (4-го мая)”⁷.

Однако вскоре, 27 апреля, Политбюро принимает решение: “Признать целесообразным организацию приема партией и правительством 2 мая в Большом Кремлевском дворце представителей войск, участвующих в майском параде (летчиков, танкистов, артиллеристов, кавалеристов и других родов войск) в общем количестве до 1500 человек”⁸. Вероятно, его инициатором был

также Ворошилов. Сталин внес в проект постановления внешне незначительную правку, которая, однако, имела существенный смысл: перед словом “правительством” он вписал красным карандашом: “партией и”. Тем самым подчеркивалось, что прием организуется большевистской партией и ее вождем. На следующий день был положительно решен и поднятый Ворошиловым вопрос о торжественном выпуске в Кремле слушателей военных академий⁹.

Таким образом, в конце апреля 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) узаконило сложившуюся традицию организации торжественных застолий для командного и рядового состава Красной Армии, а Сталин успешно использовал ее для презентации своей власти. Отныне прежние завтраки у наркома обороны официально именовались приемами, был определен их церемониал и регламентировано участие руководителей партии и правительства во главе со Сталиным, выступавших в качестве покровителей военной элиты. Назначалось и официальное место проведения таких приемов – Большой Кремлевский дворец.

Центральная печать отреагировала на изменения статуса кремлевских застолий. Газета “Правда” сообщала 2 мая 1935 г.: “...в 6 часов вечера, в залах Большого Кремлевского Дворца состоялся прием участников парада, **устроенный Центральным Комитетом ВКП(б) и правительством СССР** (выделено мной. – В.Н.)”¹⁰. Аналогичным образом освещались застолья, которые проводились в Кремле для “военных академиков”¹¹.

Выбор Большого Кремлевского дворца как места проведения приемов можно считать удачным во всех отношениях. Дворец, расположенный в центральной части Кремля, под надежной защитой могучих стен и башен, снаружи и изнутри охраняли многочисленные сотрудники НКВД. Тем самым исключалась возможность покушения, что в решающей мере определило этот выбор Сталина. Он и его ближайшие соратники могли быть вполне уверенными в своей личной безопасности.

Общий порядок доступа на территорию Кремля, введенный согласно постановлениям Политбюро 1935–1936 гг., распространялся и на участников Больших кремлевских приемов. Предварительно составленные списки гостей согласовывались с оперативными службами НКВД. Прежде всего чекисты проверяли оформление пропускных документов, а применительно к военным – их личное оружие. Досмотр проходил на пропускных пунктах у Спасских, Троицких и Боровицких ворот, куда доставлялись или прибывали в пешем строю участники кремлевских приемов.

Большой Кремлевский дворец, его величественный архитектурный облик и торжественный интерьер вполне соответствовали задаче презентации сталинской власти. Здесь с 1930-х годов проводились не только многолюдные банкеты, но и партийные съезды, и другие представительные форумы. Предшествующая вековая история дворца, воплощенная в нем эпоха, разумеется, и в советские времена не могли быть полностью вычеркнуты из памяти. Русской воинской славе посвящен главный из орденовых залов – белый Георгиевский зал дворца. Он получил свое название от учрежденного в 1769 г. ордена Святого Георгия. В оформлении зала использована орденовая символика. 18 витых цинковых колонн увенчаны аллегорическими статуями Победы. В нишах и на откосах столбов размещены мраморные доски с названиями 546 прославивших себя победами российских полков, а также с именами георгиевских кавалеров.

В первой половине 1930-х годов, в отличие от официального “советского патриотизма” последующего времени, в пропаганде преобладало пренебрежительное отношение к “царским временам” и к воинской славе прошедших веков. На первом плане была героика Октябрьской революции и Гражданской войны. В этом духе, описывая Большой кремлевский прием участников первомайского парада 1935 г., Н.И. Бухарин – ответственный редактор “Известий” – изобразил “Георгиевский зал с его мраморными стенами, где еще высечены имена “кавалеров” старого ордена императоров всероссийских”, вместивший «огромную массу бойцов революции, верных солдат армии пролетарского государства, которые смели начисто “кавалеров” Георгия Победоносца, потерпевших смертельное поражение со стороны рабочих и крестьян»¹².

По имени ордена Святого равноапостольного князя Владимира получил свое название Владимирский зал. Задуманный как квадратный благодаря наличию специальных угловых ниш, он принял форму восьмигранника, символизировавшего православный восьмиконечный крест. Этот зал является своеобразным ядром всего дворцового комплекса и одновременно соединяет его древние и более новые части. Парадный Екатерининский зал назван в честь учрежденного Петром I в 1714 г. ордена Святой Екатерины, символикой которого определено и оформление интерьера зала. В комплекс Большого Кремлевского дворца вошла и Грановитая палата – древнейшее из сохранившихся гражданских зданий Москвы, постройка которого была завершена в 1491 г.

В Кремле участников первомайских парадов на приемах чествовали 2 мая 1935–1941 гг. (в 1939 г. – 5 мая); участников парадов

в годовщину Октябрьской революции – 8 ноября 1938–1940 гг. Выпускников военных академий принимали в Большом Кремлевском дворце 4 мая 1935 г., 5 мая 1936 г., 7 мая 1939 г., 5 мая 1941 г. В 1937 и 1938 гг. такого рода застолия в Кремле не проводились. Вероятно, это было связано с репрессиями, которые не миновали руководящий состав РККА. Тогда “врагами народа” в числе других объявили начальников ряда военных академий. Торжественный выпуск “военных академиков” в Кремле не производился и в начале мая 1940 г. В те дни проходила активная работа комиссий НКО, созданных в срочном порядке для обобщения опыта зимней войны СССР против Финляндии (1939–1940)¹³.

Дважды на приеме выпускников военных академий Сталин произносил носившие директивный характер застольные речи. В первый раз (4 мая 1935 г.) в пространной здравнице он обосновал и сформулировал лозунг “Кадры решают все!”¹⁴. Во второй раз (5 мая 1941 г.) вождь провозгласил ряд тостов в честь представителей всех родов войск, а в завершение выступил с репликой, из которой следовало, что Красная Армия является современной, хорошо технически оснащенной и вооруженной, а следовательно, должна действовать наступательно. Сказано это было за 7 недель до нападения Германии на СССР¹⁵.

По одному разу большие кремлевские приемы устраивались: для руководителей и работников железнодорожного транспорта (30 июля 1935 г.); для работников металлургической промышленности (29 октября 1937 г.); для депутатов вновь избранного Верховного Совета (20 января 1938 г.); для работников высшей школы (17 мая 1938 г.); для представителей народов Бессарабии и Северной Буковины, вошедших в состав СССР (10 августа 1940 г.).

В предвоенный период, в годы третьей пятилетки, в СССР была поставлена задача утроить промышленное производство в целом и в 10 раз увеличить выпуск военной продукции. “Красные директора”, руководящие работники советской тяжелой промышленности и транспорта не случайно приглашались на Большие кремлевские приемы. В обращенных к ним речах Сталин подчеркивал, что хорошо осведомлен о состоянии дел в ведущих отраслях народного хозяйства. Он называл капитанов советской индустрии “руководителями нового типа”, призывал их преданно служить рабоче-крестьянскому государству и подчеркивал их преимущество в этом отношении перед западными специалистами¹⁶.

1930-е годы ознаменовались выдающимися достижениями в освоении Арктики, покорением Северного полюса. Сталин неоднократно демонстрировал насколько близки ему полярники. Подобные акции не только подчеркивали стратегическое, поли-

тическое и хозяйственное значение Крайнего Севера для СССР, но и существенно способствовали росту личного авторитета Сталина как заботливого и мудрого вождя, не оставляющего без внимания проявления героизма и умеющего вознаградить тех, кто был действительно этого достоин.

Три раза (25 июня 1937 г.; 17 марта 1938 г.; 2 февраля 1940 г.) “героями дня” на Больших кремлевских приемах были полярники и исследователи Арктики. На приеме в честь экспедиции И.Д. Папанина (“папанинцев”) 17 марта 1938 г. Сталин неоднократно брал слово и подчеркивал, что лишь в советской стране возможно появление подлинных героев, что на Западе героев “не создают”, да и не могут создать, поскольку это невозможно сделать ни за какие деньги¹⁷. Так закладывался культ новых, советских героев.

Предвоенный период – время имевших мировое значение выдающихся достижений советской авиации. Взяв курс на создание передовой авиационной промышленности, военно-воздушных сил, гражданского воздушного флота и полярной авиации, руководство СССР по праву могло гордиться завоеванным в этой области международным авторитетом, свидетельствующим о технической и военной мощи страны. Решающая роль здесь принадлежала Сталину, который способствовал выдвижению таких прославленных летчиков, как М.М. Громов, В.П. Чкалов, Г.Ф. Байдуков и другие, по праву вошедших в круг новых советских героев, в том числе и первых Героев Советского Союза. Среди них были и женщины: В.С. Гризодубова, П.Д. Осипенко, М.М. Раскова. Сталин любил летчиков, в чем неоднократно признавался публично, в частности, на приеме депутатов Верховного Совета СССР 20 января 1938 г.¹⁸ Большие приемы в Кремле устраивались для героев-летчиков 5 раз: 13 августа 1936 г., 26 июля и 23 августа 1937 г., 27 октября 1938 г. и 23 мая 1939 г. Здесь чествовали участников сверхдальних авиаперелетов Москва – Дальний Восток и Москва – Соединенные Штаты Америки. И на этих банкетах Сталин неоднократно брал слово, подчеркивая такие качества героев-летчиков, как храбрость, расчетливость, техническую подготовку, умение правильно использовать свои знания¹⁹.

Большие кремлевские приемы были призваны демонстрировать не только тесную связь вождя с военной, промышленной, научной и технической элитой, ставшей его верной опорой, не только прославлять героизм и самоотверженность советских летчиков, полярников, трудовой энтузиазм работников промышленности и сельского хозяйства, но и доказывать правильность сталинской национальной и культурной политики. Во второй половине

1930-х годов в Москве стали периодически проводиться декады искусства союзных и автономных республик.

Девять раз их участники были приглашены на Большие кремлевские приемы (22 марта 1936 г., 14 января и 31 мая 1937 г., 17 апреля 1938 г., 5 июня и 4 ноября 1939 г., 17 июня и 30 октября 1940 г., 22 апреля 1941 г.). Политбюро ЦК инициировало награждение артистов и деятелей культуры республик орденами и медалями, а также государственными и иными премиями. По завершении очередной республиканской декады СНК СССР принимал постановления о строительстве театров, концертных залов, а также жилых домов для деятелей культуры союзных и автономных республик.

По ролевым функциям на Больших кремлевских приемах их участников можно условно разделить на три основные группы. К первой, самой малочисленной, но наиболее весомой по статусу группе принадлежали Сталин и его ближайшие соратники, руководители большевистской партии и советского государства. Например, на банкете 4 мая 1936 г. в честь “военных академиков” ЦК ВКП(б) и правительство СССР представляли 56 человек из 330 присутствовавших²⁰. Они были устроителями, хозяевами и первыми лицами банкетов, проводившихся в Большом Кремлевском дворце. Их ключевая роль неизменно подчеркивалась в ходе приемов. Так, 2 мая 1936 г. нарком обороны К.Е. Ворошилов, одним из первых удостоенный звания маршала Советского Союза, провозгласил первый тост от имени “хозяев” – “рабоче-крестьянского правительства и Центрального комитета Всесоюзной Коммунистической партии”²¹.

Вторая группа, наиболее многочисленная и занимавшая к тому же видное место в иерархии сталинского режима, – гости, чествуемые “герои дня”, “виновники торжества”. На приеме участников первомайского парада 1936 г., по словам Ворошилова, гостями руководства большевистской партии и советского правительства были представители “Рабоче-Крестьянской Красной Армии”²². Специфика этой группы состояла в том, что в каждом конкретном случае “виновниками торжества” выступали представители какой-либо одной профессиональной группы или сферы общественной деятельности.

К третьей группе можно отнести участников праздничных концертов, без которых Большие кремлевские приемы во многом потеряли бы свою торжественность и пышность. Во второй половине 1930-х годов на банкеты в Кремль приглашались актеры театра и кино, оперные певцы, мастера эстрады, танцевальные коллективы.

Войдя во дворец, гости Больших кремлевских приемов по парадной лестнице в 66 ступеней, через аванзал с камином из зеленой яшмы направлялись в Георгиевский зал, по пути невольно задерживаясь перед грандиозным полотном И.Е. Репина. Вот как описывал свои впечатления от этой картины Ю. Палецкис – участник одного из приемов: «Еще издали видна большая картина, изображающая “хозяина земли русской”, царя Александра III, с делегацией волостных старшин. Слева грузный, надменный царь, окруженный генералами и сановниками в блестящих мундирах, а перед ними большая группа крестьян в подобострастных позах»²³.

Далеко не все участники парадов и выпускники военных академий получали приглашение на прием в Кремль. Даже все просторные залы Большого Кремлевского дворца вряд ли смогли бы вместить такое количество людей. Для сравнения: в ежегодных парадах 1 мая и 7 ноября участвовали десятки тысяч военнослужащих²⁴. Поэтому на Больших кремлевских приемах оказывались наиболее достойные: профессиональные военные – командиры Красной Армии и Военно-Морского Флота. В этом случае они представляли все рода войск Московского гарнизона, участвовавших в параде. При отборе выпускников военных академий чести быть участником приема в Кремле удостоивались прежде всего те из них, кто проходил обучение в Москве. Военные академии других городов СССР представляли немногочисленные группы слушателей, окончивших курс обучения с отличием.

Количество гостей на приемах достигало 2 тыс. человек, в то время как в Георгиевском зале площадью свыше 1200 м², за накрытыми столами могло разместиться не более 1 тыс. человек. В подобных случаях использовались другие парадные залы (Кавалергардский, Владимирский, Екатерининский), а также Грановитая палата.

Ответственной задачей являлось составление программы праздничных концертов, которые призваны были продемонстрировать наивысшие достижения советского искусства. На приемах перед гостями выступали: И.С. Козловский, М.Д. Михайлов, М.О. Рейзен, А.В. Нежданова, В.В. Барсова, В.А. Давыдова, Л.О. Утесов, Д.Ф. Ойстрах, О.В. Лепешинская, С.В. Образцов. Центральное место в программе занимал Ансамбль красноармейской песни и пляски под руководством А.В. Александрова. Здесь же начиналась и триумфальная история ансамбля народного танца, создателем и художественным руководителем которого являлся народный артист СССР И.А. Моисеев. На Больших кремлевских приемах неоднократно провозглашались здравицы за советское искусство, за выступавших здесь исполнителей.

Порядок отбора участников концертов, которыми сопровождался сталинские кремлевские застолья, во многом предопределялся эстетическими вкусами и личными предпочтениями “вождя народов”. Сталин часто посещал спектакли ГАБТ, тепло относился к Большому театру, даже, по словам А.Т. Рыбина, служившего в личной охране Сталина, “с несколько необычными для государственного руководителя чувствами”²⁵. Поэтому номера ведущих артистов “Большого” всегда включались в программу праздничных концертов на приемах в Кремле. Благоклонность вождя способствовала известности лирического тенора С.И. Козловского, меццо-сопрано В.А. Давыдовой, дирижера А.Ш. Мелик-Пашаева и других видных представителей музыкального искусства, связанных с Большим театром.

В 1933 г. Сталин и Ворошилов впервые услышали основанный в 1928 г. профессором Московской консерватории А.В. Александровым Ансамбль красноармейской песни и пляски. В репертуаре ансамбля были музыкальные композиции, прославлявшие героев Гражданской войны, в том числе — “первоконников”. После этого памятного события Сталин постоянно уделял внимание ансамблю, а в 1935 г. А.В. Александров был награжден орденом Красной Звезды, а руководимый им коллектив стал называться “Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски Союза СССР”.

Другой уникальный музыкальный коллектив был создан в 1937 г. солистом Большого театра И.А. Моисеевым. Он стал широко известен как ансамбль народного танца СССР. Моисеев удостоился не только внимания, но и покровительства со стороны Сталина, высоко ценившего его организаторский и режиссерский талант и выдающееся исполнительское мастерство его ансамбля. Начиная с 1938 г. ансамбль И.А. Моисеева постоянно фигурировал в программах кремлевских концертов.

В 1930-е годы, в атмосфере всеобщей шпиономании существовало негласное правило, по которому связанные с так называемыми врагами народа, социально чуждыми элементами или имевшие родственников за границей артисты не допускались к участию в концертах в присутствии членов Политбюро²⁶. Однако это правило не всегда соблюдалось. Поддержка Сталина избавила И.А. Моисеева (сына дворянина и гражданки Франции) от клейма “политической неблагонадежности”.

И подобного рода “исключения из правил” не были единичными. Например, солист Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски певец Г.И. Бабаев происходил из семьи московского купца 2-й гильдии, потомственного почетного гражд-

данина, а его родной брат после Гражданской войны эмигрировал во Францию²⁷. Однако это отнюдь не стало препятствием для участия Бабаева в правительственных концертах в Кремле и для награждения его орденом Трудового Красного Знамени²⁸.

На приемах артисты не только выступали на сцене. Наиболее известных и любимых Сталин приглашал к столу, следуя, по словам современника событий Ю. Елагина, в этом отношении “примеру добрых старых просвещенных монархов”²⁹. Внешне привлекательные, нарядно одетые, общительные и остроумные представители творческой элиты делали атмосферу больших кремлевских приемов непринужденной, даже веселой, сглаживая некоторую напряженность обстановки.

Эта напряженность отчасти возникала из-за того, что в зале находились сотрудники НКВД, отвечавшие, в частности, за соблюдение мер безопасности. С первых же шагов все передвижения гостей, приглашенных в Кремль, происходили под неусопным оком охраны. Чекисты следили и за тем, чтобы приглашенные вели себя достойно. И если кто-либо из них, “выпив лишнего”, начинал громко разговаривать или активно жестикулировать, то “нарушителя спокойствия” вежливо выводили из зала и отправляли домой³⁰.

Сотрудники НКВД, присутствовавшие на сталинских застольях, выполняли и другую деликатную функцию. Н.Г. Лященко – участник кремлевского приема, устроенного для выпускников военных академий РККА 5 мая 1941 г. – отмечал, что во время банкета за каждым столом, помимо военных, сидели “люди в гражданском”. Они не пили спиртного, “а только немного ели и в основном слушали”, о чем говорят присутствующие³¹.

Церемониал Больших кремлевских приемов сложился во второй половине 1930-х – начале 1940-х годов. Первыми Большой Кремлевский дворец заполняли гости, которые некоторое время с волнением ожидали появления Сталина и его соратников. В Георгиевском и других парадных залах к приходу гостей уже были накрыты роскошные столы. Судя по воспоминаниям участников банкетов, в меню входили: зернистая и кетовая икра, семга, различные мясные и рыбные деликатесы, жульен, салаты, свежие овощи, зелень, фрукты. В глазах рябило от красочных этикеток на бутылках. Напитки были высшего качества, на “любой вкус и цвет”. Гостям подавали армянский коньяк, водку и перцовку, красное и белое вино, шампанское. По свидетельству Ю. Елагина, участники одного из праздничных концертов, “захлебываясь от восторга, рассказывали, каким чудесным ужином угощали их в Кремле”. Особенно им “пришлись по вкусу” икра, свежие поми-

доры, балык, крымские вина, армянский коньяк³². Как вспоминали современники, участники сталинских кремлевских застолий придерживались своеобразной “иерархия места”, и располагались за накрытыми столами, строго занимая места в специальных приглашениях, в которых указывалась и форма одежды³³.

По сценарию Больших кремлевских приемов основное действие разворачивалось в Георгиевском зале. Столы располагались вдоль стен. За каждым из них могло разместиться от 16 до 32 человек. В центре зала перпендикулярно столам для гостей, не соприкасаясь с ними, стоял стол для устроителей – хозяев, где рассаживались Сталин в окружении членов Политбюро – в центре, по бокам – кандидаты в члены Политбюро. Сталин и его окружение появлялись в Георгиевском зале с боем курантов под гром восторженных аплодисментов. Если “ворошиловские завтраки” проводились в дневное время, то Большие кремлевские приемы начинались в 17.00, в 18.00 и даже в 20.00 и иногда завершались уже далеко за полночь.

Судя по описанию кремлевского приема 2 мая 1935 г., опубликованному в “Известиях” Н.И. Бухариным, первоначально Сталин по-хозяйски обошел все залы Большого Кремлевского дворца, лично приветствуя собравшихся представителей советской военной элиты. Затем участники застолья подняли вождя на руки и под гром оваций стали переносить из одного парадного помещения в другое, чтобы он мог выслушать очередной тост³⁴.

Правда, приведенный случай был уникальным. Церемониал кремлевских приемов предусматривал своеобразную “полосу отчуждения” между столом, за которым сидели Сталин, члены Политбюро и правительства, и столами для гостей. Приглашенным не позволялось приближаться к столу вождя, а малейшие нарушения этого порядка немедленно пресекались присутствовавшей в зале охраной НКВД. Однако отдельные гости все-таки получали возможность подойти к главному столу, когда сам Сталин или кто-то из членов Политбюро подзывал “виновника торжества” и провозглашал здравицу в его честь.

В литературе встречается неверное утверждение, что на приемах в Кремле Сталин якобы первым выступал с приветственными застольным речами³⁵. Порой его даже называют “кремлевским тамадой”³⁶. Однако подобные утверждения далеки от истины. Следуя церемониалу застолий, вождь никогда не выступал первым и не брал на себя обязанности распорядителя банкета. Эта роль отводилась, как правило, В.М. Молотову и К.Е. Ворошилову. Более успешно с ней справлялся Ворошилов. Ему удавалось довольно удачно совмещать импровизированные, не лишен-

ные юмора обращения к гостям с просьбой поддержать очередную здравицу, и рутинные, обязательные тосты. В ряде случаев на приемах для военной элиты нарком обороны попеременно с главой советского правительства выступали в качестве тамады. Однако в отличие от искрометного Ворошилова, Молотов, как застольный оратор, был менее интересен и даже скучен.

Для удобства тосты, провозглашавшиеся в Георгиевском зале, транслировались по радио в другие парадные помещения. Например, на банкете для участников первомайского парада 5 мая 1939 г. К.Е. Ворошилов адресовал заключительную здравицу не только присутствовавшим в Георгиевском зале, но и “находящимся в других залах” Большого Кремлевского дворца, а также в Грановитой палате³⁷.

Существенным элементом церемониала Больших кремлевских приемов были концерты, служившие важным инструментом эмоционального воздействия на присутствовавших, а при их посредстве – на общество в целом. Кремлевским концертам отводилась важная пропагандистская роль, а их программа становилась образцом для советского театрально-концертного репертуара.

Представленные в Кремле произведения и состав исполнителей были также подчинены строгой иерархии. Концертная программа кремлевских приемов составлялась руководством Комитета по делам искусств, затем утверждалась Молотовым и Сталиным. Концерты призваны были поражать необыкновенным размахом. Средств на концертные костюмы для исполнителей, на декорации и оформление не жалели. Число артистов – участников концертов – достигало порой 400–500 человек.

В концертную программу банкета для участников первомайского парада (2 мая 1938 г.)³⁸ были включены преимущественно классические произведения, а составители явно отдавали предпочтение русским (Н.А. Римский-Корсаков, П.И. Чайковский) и советским (М.И. Блантер, И.О. Дунаевский, Л.К. Книппер, Д.Я. Покрасс) композиторам. Прозвучали на праздничном концерте 2 мая 1938 г. украинская и белорусская песни. Однако не была оставлена без внимания и зарубежная классика (Ф. Лист, П. Сарасате, Ф. Крейслер, Дж. Россини, Р. Штраус, Ш. Гуно). Перед гостями выступили Красноармейский балалаечный оркестр Центрального дома Красной Армии им. Фрунзе (руководитель П. Алексеев) и к тому времени уже довольно популярный джаз-оркестр Л.О. Утесова, с балетными номерами – О.В. Лепешинская и А.И. Ермолаев, слово было предоставлено актеру-кукольнику С.В. Образцову.

Народные песни, русская и зарубежная классика, произведения советских композиторов прозвучали и на праздничном концерте 5 мая 1939 г. на приеме в Кремле участников парада³⁹. Поскольку концерт предназначался для военной аудитории, два отделения из трех на сцене Георгиевского зала выступал Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски СССР. За выступления на приемах в Кремле артисты не получали денежного вознаграждения. Однако сам факт их приглашения сулил немалые выгоды. Любой одобрительный отзыв вождя об их выступлении служил в дальнейшем гарантией успешной творческой карьеры, почетных званий, правительственных наград и зарубежных гастролей.

* * *

Большие кремлевские приемы 1935–1941 гг. были характерным явлением общественной жизни Советского Союза, когда, согласно официальной партийной доктрине, была завершена социалистическая реконструкция народного хозяйства, ликвидированы эксплуататорские классы и достигнута “полная победа социализма в СССР”. Грандиозные сталинские застолья не только служили пропагандистской задаче иллюстрации этих побед, эмоционального приобщения к ним советской элиты. Главной их целью была презентация власти вождя, демонстрация его единения с народом. Приемы послужили для Сталина также своеобразной трибуной для провозглашения программных идей и лозунгов.

К началу 1940-х годов оформился церемониал их проведения, который отражал не только тесную связь правителя и элиты, но и был призван лишний раз продемонстрировать его величие. В этом смысле церемониал приемов существенно отличался от процедуры партийных съездов и конференций, превознося исключительно вождя и способствуя оформлению его культа.

Участники приемов по внутреннему убеждению и под влиянием общего настроения с восторгом встречали Сталина, лицеиздали “великого вождя и учителя”, который для большинства советских людей благодаря беспримерным усилиям пропаганды представлял скорее в образе мифического героя, символа власти, нежели реальным человеком.

¹ Подробнее об этом см.: *Андреев Д.* Власть: механизмы и режимы // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. М., 2003. С. 122–153.

² *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Материалы и исследования по истории русской культуры. М., 2002. Вып. 8. Т. 1.

- ³ Антонов-Овсенок А. Театр Иосифа Сталина. М., 1995; Чегодаева М. Два лика времени (1939: Один год сталинской эпохи). М., 2001. С. 105.
- ⁴ Андреев Д. Указ. соч. С. 124.
- ⁵ Правда. 1934. 4.V.
- ⁶ Подробнее об этом см.: Черушев Н.С. Коменданты Кремля в лабиринтах власти. М., 2005.
- ⁷ Российский государственный архив социально-политической истории Ф. 17. Оп. 163. Д. 1061. Л. 120. (далее – РГАСПИ).
- ⁸ Там же. Л. 66.
- ⁹ Там же. Л. 119; Оп. 3. Д. 963. Л. 12.
- ¹⁰ Правда. 1935. 4.V.
- ¹¹ См.: Прием выпускников военных академий РККА, устроенный Центральным Комитетом ВКП(б) и правительством Союза ССР 7 мая 1939 г. // Правда. 1939. 8.V.
- ¹² Известия. 1935. 4.V.
- ¹³ “Зимняя война”: работа над ошибками (апрель–май 1940 г.): Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. М.; СПб., 2004.
- ¹⁴ Невежин В.А. Застольные речи Сталина: Документы и материалы. М., 2003. Док. № 7–9.
- ¹⁵ Там же. Док. № 59–65.
- ¹⁶ Там же. Док. № 10–18.
- ¹⁷ Там же. Док. № 28–32.
- ¹⁸ Там же. Док. № 22–27.
- ¹⁹ Там же. Док. № 37–41.
- ²⁰ Российский государственный военный архив Ф. 33987. Оп 3. Д. 910. Л. 8. (далее – РГВА).
- ²¹ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 164. Л. 206.
- ²² Там же.
- ²³ Палецкис Ю. В двух мирах. М., 1974. С. 206.
- ²⁴ Например, в праздничных военных парадах на Красной площади 1 мая одновременно участвовало, по сведениям наркома обороны Ворошилова, в 1936 г. – 30 187 человек; в 1937 г. – 34 590 человек (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1142. Л. 135).
- ²⁵ Труд. 1999. 2.П.
- ²⁶ Елагин Ю. Укрощение искусств. М., 2002. С. 320.
- ²⁷ Автор выражает благодарность Галине Владимировне Архиповой, предоставившей возможность ознакомиться с материалами личного семейного архива потомков московского купца 2-й гильдии И.Я. Бабаева, отца Г.И. Бабаева.
- ²⁸ Правда. 1949. 8.П.
- ²⁹ Елагин Ю. Указ. соч. С. 302.
- ³⁰ Шмидт С.О. История Москвы и проблемы москвоведения. М., 2004. С. 278.
- ³¹ Лященко Н.Г. “С огнем и кровью пополам...” // Военно-исторический журнал. 1995. № 2. С. 22.
- ³² Елагин Ю. Указ. соч. С. 321.

³³ Там же. С. 329; *Шмидт С.О.* Указ. соч. С. 273, 278.

³⁴ *Известия.* 1935. 4.V.

³⁵ *Громов Е.С.* Сталин: искусство и власть. М., 2003. С. 299.

³⁶ *Николаев В.* Водка в судьбе России. М., 2004. С. 150.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 164. Л. 295.

³⁸ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2732.

Оп. 1. Д. 1168. Л. 15.

³⁹ Там же. Л. 41.

В.А. Хорев (Москва)

Восточные “Кресы” в современной польской прозе

Юзефу Пилсудскому принадлежит известное высказывание о том, что Польша напоминает бублик: съедобная и вкусная часть его – окраина, а в центре – пустота. В переводе на язык культуры это означает, что на окраине, на пограничье, на “Кресах” – в пространстве, где в результате взаимодействия разнообразных этнических культур, разных языков и разных моделей мира, рождаются оригинальные, значительные художественные явления. Речь идет прежде всего о восточных “Кресах” – украинских, белорусских и литовских землях – бывших восточных окраинах Польши, которые дали польской культуре целые поколения писателей, художников, музыкантов, этнографов, фольклористов, ученых.

Художественное отражение жизни пограничья в польской литературе имеет глубокие исторические корни. Известно, например, насколько значительную роль в становлении поэзии А. Мицкевича сыграла этнически разнообразная народная культура, прежде всего белорусская и литовская, характерная для родины поэта – Новогрудского региона, в котором сосуществовали разные языки, народные традиции и религии. Фольклор, обряды и поверья местных крестьян стали источником многих будущих поэтических открытий Мицкевича.

*“Детства нашего страна,
как первая любовь, светла она”, –*

писал Мицкевич в поэме “Пан Тадеуш”, обращаясь к своим детским годам, как к утраченной идиллии.

С жизнью белорусского народа связано творчество другого классика польской литературы – Элизы Ожешко. К национальным, бытовым, психологическим проблемам польско-литовского, польско-украинского и польско-белорусского пограничья обращались в своих художественных произведениях и эссеистике многие писатели в XX в., в том числе после Второй мировой войны – С. Винценз, Е. Стемповский, Я. Ивашкевич, Ч. Милош, Л. Бучковский, Ю. Стрыйковский, А. Кусьневич, Ю. Мацкевич,

М. Кунцевич, М. Ванькович, Е. Путрамент, Зб. Жакевич и др. Их внимание привлекала специфичность тематики “Кресов”, состоящая в том, что на этом пространстве судьбы поляков пересекались с судьбами украинцев, белорусов, литовцев, русских, евреев, татар, немцев и других этносов.

В ПНР обращение к тематике “Кресов”, мягко говоря, не поощрялось, поскольку она ассоциировалась с их присоединением в сентябре 1939 г. к Советскому Союзу, с Катынью, с репрессиями по отношению ко многим категориям “кресовых” поляков, высланных в Сибирь, с послевоенным переселением “кресовиков” на так называемые возвращенные земли на Западе. Часто писатели, все же обращавшиеся к теме “Кресов”, вынуждены были прибегать к иносказаниям и намекам (исключая, разумеется, писателей эмиграции). С концом социалистического периода в польской истории тема пограничья народов и культур стала одной из главных в литературе. Пограничье – это и синтез, и конфликт разных культур, оно может и объединять, и разделять людей. Вот почему в литературе развиваются (сложившиеся уже к началу XX в.) две противоположные тенденции: с одной стороны, мифологизация “Кресов”, как некоего – навсегда утраченного – изумительного по красоте разнообразной и богатой природы края, в котором сохранялись завещанные предками высокие этические нормы отношений между людьми и народами, населявшими этот край; с другой – изображение многоэтнических “Кресов” как арены противостояния этносов, непримиримой борьбы между ними.

Характерные черты так называемой кресовой литературы можно проследить на примере творчества выдающегося современного писателя Тадеуша Конвицкого, запечатлевшего в своих произведениях природу и материальные реалии бывшей восточной окраины Польши (южной Литвы, северной Белоруссии), образ мышления, быт, язык жителей этого региона, их своеобразные характеры.

Конвицкий родился в 1926 г. в Новой Вилейке, учился в Вильнюсской гимназии, в 1944–1945 гг. был в партизанском отряде Армии Крайовой, действовавшим на территории Виленщины и Белоруссии. Эти жизненные обстоятельства во многом определили тип его художественного сознания, сформировавшегося как “на стыке” разноликих национальных языков и соответствующих им национальных образов мира, так и “на стыке” времен: безвозвратно уходящего в прошлое быта польских “Кресов” и наступления нового их бытия в составе советских республик.

Этнический, религиозный, культурный конгломерат региона стал для Конвицкого “малой родиной”, воспоминания о которой

образуют магнетическое ядро многих, если не большинства, его произведений. Об увлеченности Конвицкого Беларусью, ее людьми, природой, языком трудно сказать лучше, чем это сделал сам писатель: “Когда я вспомню белорусское слово, когда подует ветер с северо-востока, когда я увижу полотняную рубаху с грустной вышивкой, когда услышу крик боли без жалобы – всегда сильнее забьется мое сердце, всегда вырвется откуда-то мягкая печаль, всегда подплывет внезапный холодок неопределенных угрызений совести, чувства вины и стыда. Беларусь, серо-зеленая Беларусь с огромным небом над льняной головой, слишком добрая, слишком мягкая, слишком благородная на наши времена”¹.

В разных своих произведениях писатель создает варианты одной и той же биографии, символической биографии своего поколения, утратившего идиллическую Аркадию детства. Виленщина и Белоруссия стали в творчестве Конвицкого архетипом, символом, исходным пунктом оценки писателем и его героями современного мира. “Почти во всех своих романах я постоянно описываю один и тот же пейзаж, одно и то же место. Я делаю это сознательно, и мне приятно это делать (...). И в этом есть для меня некая магия”².

Магическим светом озарен у Конвицкого не только пейзаж его малой родины, но и быт и характер людей литовско-белорусского пограничья. Этот некогда добрый и безопасный мир, увы, навсегда утрачен и ностальгически недосыгаем. Над сознанием современных героев Конвицкого тяготеет жестокий опыт военных лет, прежде всего тот, который был уделом молодежи Армии Крайовой, молодежи, дезориентированной ходом истории и вошедшей в жизнь с ощущением личного поражения. К этому присоединяется восприятие современной польской жизни, как враждебной личности. Эта жизнь лишена подлинной свободы, она воспринимается словно бы в полусне, в гротескной оболочке. Ей противопоставлены чувственно-конкретные картины прошлого, которые наполнены символическими значениями.

Прошлое, молодость – вот куда устремляются физически, мыслью и мечтой писатель и его герои – в мир, в котором существовали еще общепринятые нормы морали, человечности, справедливости. Помещенные в иное пространство герои Конвицкого теряют точку опоры, теряют свою этническую и культурную тождественность.

Аркадия, какой была для писателя и его героев малая родина, утрачена безвозвратно. Речь идет у Конвицкого не столько о политической утрате, сколько об исчерпанности культурных и этнических ценностей, о чем писатель непрестанно размышляет

в своих произведениях. Начало этому процессу положила война: “Мы увидели, что мир, в котором мы живем, определенным образом упорядоченный и гармоничный мир ничего не значил. Все в наших глазах было скомпрометировано, все развалилось <...>. А потом настали новые времена – социализм. И многие наши вещи долго догорали <...>. Именно на наших глазах распалась вся та интеллектуально-эмоционально-эстетическая формация, в которой мы жили”³.

Это слова из интервью писателя. А в романе “Хроника любовных событий” он так говорил о последних днях “Кресов”, о весне 1939 г.: “Она доживала свои дни в вильненском польском говоре, в белорусских песнях, в литовских поговорках, она теплилась еще в уходящих обычаях, в отдельных выходках болезненно буйных характеров, во всеобщей и частой человеческой доброте”⁴.

Итак, малая родина писателя – утраченный рай. Ее облик почти во всех произведениях Конвицкого воспроизводится в памяти героев как видение долины на бывших польских “Кресах”. “Эта долина – со своими торфяниками, рекой, полной исторических реликвий, лесом, который повидал много поколений вооруженных людей, – особенная. Я помню такую долину с детства и юности, вы тоже ее помните. Знаете ли вы, что всякий раз, как я хочу представить себе оседлую человеческую жизнь, всякий раз, как я хочу с увлечением описать пейзаж, я всегда вижу эту долину, запомнившуюся до мельчайших подробностей”⁵, – говорит Павел – герой романа “Современный сонник”.

Подробное описание этой долины дано в романе “Дыра в небе”: река, текущая среди ольшаника, луга, пахнущие мятой, лесной папоротник, песчаная дорога, небо в облаках, костел со звонницей. В такую же таинственную зеленую долину выбираются в свое удивительное путешествие герои романа “Зверо-человекоморок” – пес-изобретатель Себастьян и мальчик Петр. В эту же долину, но уже опустевшую, вымершую, как в кошмарном сне, возвращается Дарек – герой романа “Ничто или ничего”. В этой долине живет Витек – герой романа “Хроника любовных событий”; вспоминает о ней и автор – повествователь книги “Календарь и клепсидра”.

Как уже было сказано, в большинстве произведений Конвицкого действие разворачивается в двух временных планах. Так происходит и в романе “Подземная река, подземные птицы”. лейтмотивом в нем также звучит тема малой родины писателя – и в воображаемом возвращении героя романа в родные места из Варшавы времени военного положения 1981 г., и в высказываниях от ав-

тора (“Я”), как например: “Солнечный свет заливает жаром другой берег, красные стволы соснового бора и крутые островки белого песка. Горловым голосом оперного или скорее церковного певца кричит что-то невятное мужик <...>. Он может быть белорусом, литовцем, евреем”⁶.

Глубокое уважение к белорусскому народу и его культуре присутствует у Конвицкого не только в прямых авторских высказываниях, но и в художественной ткани произведений. В романе “Бохинь”, например, один из персонажей – ксендз Семашко “из старого белорусского рода”, собиратель народных песен, преданий, танцев (и попавший за это в тюрьму, поскольку царские власти считали, что белорусской нации нет и незачем ее искусственно создавать) – размышляет о том, какой алфавит более пригоден для белорусского языка и объясняет героине (пани Хелене) достижения белорусской культуры: “В давние века их речь писалась кириллицей. И это было правильнее. Но видишь, детка, потом они участвовали в Возрождении, в Ренессансе значит, и поэтому они уже не азиаты, а настоящие европейцы. И были у них большие поэты, на латыни писали, и был у них Скорина, который, хоть и знался с еретиками, но имел большие заслуги и перед поляками, и перед белорусами, и даже перед москалями”⁷.

Без какой-либо навязчивой стилизации Конвицкий передает особенности польской речи “на Кресах”. Он отвергает стерильную чистоту языка многих писателей-современников, видя в ней “округлую, как живот одалиски, музыкальность” и гордится тем, что в его произведениях “то и дело проскрипит литовский язык, проскулит неожиданно белорусский”⁸.

Белорусско-литовское пограничье – это своего рода Йокнапатофа Конвицкого. Летопись ее, как и у У. Фолкнера, трагична, ибо она дана у писателя в изломанных, зигзагообразных человеческих судьбах. Этот, говоря словами Фолкнера, “клочок земли, величиной с почтовую марку”, важнейшая смыслообразующая часть художественного космоса выдающегося писателя современной Польши – Тадеуша Конвицкого.

Центральное место занимает мир польских “Кресов” в творчестве В. Одоевского, прежде всего в его получившем большую известность романе “Все завет, заметет...” (впервые издан в Париже в 1973 г.). В романе на примере вражды двух семей даны потрясающие картины польско-украинского взаимного уничтожения в 1943–1944 гг. в Подолии. Изображенная в нем трагическая история военных лет становится символом крушения жизненных основ – взаимопонимания между людьми.

В 1990-е годы польская проза все сильнее связана с конкретным регионом – “малой родиной” автора. Традиция мифологизации восточных “Кресов”, созданная писателями старшего и среднего поколений, нашла свое продолжение в прозе “малой родины” молодых писателей конца XX в. Они отдают себе отчет в том, что с “Кресами” связано формирование образа мышления поляков. “Кресы, – пишет молодой писатель А. Юревич, – во многих сердцах отзываются сентиментализмом, нежностью. Это мир первый, первоначальный. Там впервые забилося наше сердце, там открылись наши глаза. Там мы делали первые шаги, там остались следы всего того неповторимого, что случилось в нашей жизни – слова, грех, любовь, слезы, молодость родителей <...>. Так рождаются наши внутренние индивидуальные, субъективные мифы, наша личная мифология, основанная на памяти”⁹.

Раньше проза о “Кресах” опиралась на собственный опыт, на живую память авторов; молодые писатели знают прежние “Кресы” лишь по литературе и семейным преданиям, что не останавливает их перед ностальгическим их изображением, как правило, не от собственного имени, а от лица старшего поколения. Они продолжают тему расставания с “Кресами”, рассказывая о судьбах своих родителей, бабушек и дедушек, ощущая себя частью фамильной традиции. “Главный психологический опыт, который они стремятся воплотить в слове, – опыт разницы между отчизнами предков и потомков (а не преемственности, как было прежде – дом, в котором вырастают поколение за поколением, здесь уже отсутствует)”¹⁰, – замечает И.Е. Адельгейм, прослеживая трансформацию тематики “Кресов” в новой польской прозе 1990-х годов, – в творчестве А. Болецкой, А. Юревича, С. Хвина, П. Хюлле и других писателей.

* * *

В ПНР до конца 1980-х годов тема “Кресов” была отставлена на обочину литературного процесса. Она допускалась в более или менее идеологически нейтральных произведениях Ю. Стрыйковского, Л. Бучковского, А. Кусьневича и в идеологически “правильных” романах таких писателей, как Е. Путрамент или Х. Аудерская. В последние 15 лет эта тема стала одной из важнейших в польской прозе, которая обратилась к сложным, часто трагически переплетенным судьбам польского и других этносов региона, путям формирования польской художественной и бытовой культуры. А изменения на политической карте Европы после 1989 г. и стремление европейских стран к объединению придают новое звучание идее взаимного согласия и сотрудниче-

ства вместе или рядом живущих народов, ностальгически пронизывающей прозу о “Кресах”, и открывают новые возможности ее интерпретации и изучения.

- ¹ *Konwicki T.* Kalendarz i klepsydra. Warszawa, 1976. S. 31, 32. О связях Конвицкого с Белоруссией см. также: *Konwicki T.* Jestem częścią żywej Białorusi // *Zaniewska T.* A dusza jest na Wschodzie. Polsko-białoruskie związki literackie. Białystok, 1993.
- ² *Taranenko Zb.* Rozmowy z pisarzami. Warszawa, 1986. S. 253.
- ³ *Ibid.* S. 250.
- ⁴ *Konwicki T.* Kronika wypadków miłosnych. Warszawa, 1976. S. 124.
- ⁵ *Конвицкий Т.* Современный сонник // *Мах В. Т.* Конвицкий. М., 1973. С. 504.
- ⁶ *Konwicki T.* Rzeka podziemna, podziemne ptaki. Warszawa, 1989. S. 13.
- ⁷ *Konwicki T.* Bohiń. Warszawa, 1987. S. 160.
- ⁸ *Konwicki T.* Kalendarz i klepsydra. S. 98.
- ⁹ Цит. по: *Czapliński P.* Wzniosłe tęsknoty. Nostalgie w prozie lat dziewięćdziesiątych. Kraków, 2001. S. 108.
- ¹⁰ *Адельгейм И.Е.* Поэтика “промежутка”: Молодая польская проза после 1989 года. М., 2005. С. 112.

Сведения об авторах

Бомбяк Гжегож Павел – доктор, адъюнкт, заведующий Отделом проблем культуры в тоталитарных структурах (Институт истории ПАН в Варшаве), сотрудник Института польской литературы Варшавского университета; специализируется в области истории культуры XIX–XX вв., истории польского пацифизма; автор монографии “Metropolia i zaścianek. W kręgu “Chimery” Zenona Przesmyckiego” (Warszawa, 2002), редактор публикаций: “Czytanie modernizmu” (Warszawa, 2004), “Światy Żeromskiego” (Warszawa, 2005).

Брус Анна – научный сотрудник Отдела истории интеллигенции (Институт истории ПАН в Варшаве); специализируется в области истории ссыльных поляков в России, в том числе в Сибири после восстания 1863 г.; издала: “Pamiętnik Jadwigi Ostromeckiej z lat 1862–1911” (Warszawa, 2004), ответственный редактор сборника “Życie jest wszędzie... Ruchy społeczne w Polsce i Rosji do II wojny światowej” (Warszawa, 2005).

Былина Станислав – доктор наук, профессор, директор Института истории ПАН в Варшаве (1991–2007), долгие годы заведует отделом общественных и религиозных движений в Средние века; опубликовал работы: “Chryścianizacja wsi polskiej u schyłku średniowiecza” (Warszawa, 2002), “Na skraju lewicy husyckiej” (Warszawa, 2005); и др. Почетный доктор Российской академии наук.

Бычкова Маргарита Евгеньевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Институт российской истории РАН); специализация: вспомогательные исторические дисциплины: генеалогия, источниковедение; научные интересы: политическая история России XV–XVII вв.; автор монографий: “Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник” (Москва, 1975), “Состав класса феодалов в России в XVI в.” (Москва, 1985), “Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.” (Москва, 1995), “Генеалогия в России” (Москва, 2004).

Вех Станислав – доктор наук, профессор, сотрудник Отдела истории Польши и политической мысли XIX в. (Свентокшистская

Академия в Кельцах); специализируется в области социальной, экономической и политической истории польских земель конца XVIII – начала XX в.; автор монографии: “Społeczeństwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866–1896)” (Kielce, 2002).

Далевский Збигнев – доктор, научный сотрудник Отдела истории общества и культуры Средних веков (Институт истории ПАН в Варшаве); специализируется в области истории политической культуры и церемониала средневековой Польши; автор книг: “Rytuał i polityka: opowieść Galla Anonima o konflikcie Bolesława Krzywoustego ze Zbigniewem” (Warszawa, 2005), “Władza, przestrzeń, ceremoniał: miejsce i uroczystość inauguracji władzy w Polsce średniowiecznej do końca XIV w.” (Warszawa, 1996); переводчик ряда работ по истории культуры.

Едлицкий Ежи – доктор наук, профессор, многие годы заведовал Отделом истории интеллигенции (Институт истории ПАН в Варшаве); специализируется в области социальной истории, истории культуры и общественной мысли в Польше и Европе XVIII–XX вв.; автор ряда монографий, в том числе: “Jakiej cywilizacji Polacy potrzebują: studia z dziejów idei i wyobraźni XIX wieku” (Warszawa, 1988; 2-е изд. Warszawa, 2002; издание на англ. яз. Budapest, 1999).

Каштанов Сергей Михайлович – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник (Институт всеобщей истории РАН); специалист по истории России Средних веков и раннего Нового времени; автор монографий: “Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в.” (Москва, 1967); “Очерки русской дипломатики” (Москва, 1970); “Финансы средневековой Руси” (Москва, 1988); “Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв.” (Москва, 1996); “Актовая археография” (Москва, 1998). Председатель Археографической комиссии РАН.

Каштанова Ольга Сергеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник (Институт славяноведения РАН); специализируется в области политической истории и истории общественной мысли Польши и России конца XVIII – первой половины XIX в.; автор ряда статей по указанной проблематике; диссертация – “Великий князь Константин Павлович (1779–1831) в политической жизни и общественной мысли России” (Москва, 2000).

Макаров Николай Андреевич – член-корреспондент РАН, профессор, директор Института археологии РАН; специализиру-

ется в области археологии Древней Руси и народов Русского Севера XI–XIII вв.; автор монографий “Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. (по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья)” (Москва, 1995); “Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.” (Москва, 1997), “Средневековое расселение на Белом озере” (Москва, 2001, в соавторстве с С.Д. Захаровым и А.П. Бужиловой). Председатель российской части Комиссии историков России и Польши.

Марней Людмила Петровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник (Институт славяноведения РАН); специализируется в области истории Королевства Польского, российско-польских отношений в первой половине XIX в.; автор ряда статей по торговой и финансовой политике России и Королевства Польского первой четверти XIX в., в том числе: “Торговая политика России и Королевства Польского после Венского конгресса, 1815–1819 годы” (Славяноведение. 2001. № 3), “Особенности торговой политики России и Королевства Польского в 20-е годы XIX в. (Славяноведение. 2005. № 1); “Финансовая политика России в первой четверти XIX в.” (Экономическая история. Ежегодник 2001. Москва, 2002); “Министр и его ведомство. Д.А. Гурьев о финансах России начала XIX в.” (Экономическая история. Ежегодник 2003. Москва, 2004).

Мициньска Магдалена – доктор наук, доцент Отдела истории интеллигенции (Институт истории ПАН в Варшаве); специализируется в области исследования стереотипов и автостереотипов польского общественного сознания, истории интеллектуальных элит в XIX–XX вв., истории Январского восстания 1863 г. и истории ссыльных повстанцев; автор монографии “Zdrada – córka Nocy. Pojęcie zdrady narodowej w świadomości Polaków w latach, 1861–1914” (Warszawa, 1998), а также исследования “Calicjanie – zesłańcy po powstaniu styczniowym” (Warszawa, 2004).

Невежин Владимир Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Институт российской истории РАН); специализируется в области истории России 1930–1940-х годов. Автор монографий и ряда статей, опубликованных в России и в Польше, в том числе монографии: «Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии “священных боев” 1939–1941» (Москва, 1997); “Tajne plany Stalina. Propaganda sowiecka w przededniu wojny z Trzecią Rzeszą, 1939–1941” (Kraków, 2001) и статьи: «Стратегические замыслы Сталина накануне 22 июня 1941 г. (по итогам “незапланированной дискуссии” рос-

сийских историков») (Отечественная история 1999 № 5); “Biesiady Józefa Stalina: kremłowskie przyjęcia od połowy lat trzydziestych do początku lat czterdziestych XX wieku” (Dzieje najnowsze. Rocznik 36. 2004. N 1); “Образ Польши в советской карикатуре периода Второй мировой войны (к постановке проблемы)” (Polacy i Rosjanie – przewyższanie uprzedzeń. Поляки и русские – преодоление предрассудков. Łódź, 2006).

Носов Борис Владимирович – доктор исторических наук, заведующий Отделом истории славянских народов Центральной Европы в Новое время (Институт славяноведения РАН); специализируется в области истории Польши и России, международных отношений XVIII в. и истории российско-польских научных связей; автор монографии: “Установление российского господства в Речи Посполитой 1756–1767 гг.” (Москва, 2004).

Парсаданова Валентина Сергеевна – доктор исторических наук; специализируется в области Новейшей истории Польши, советско-польских отношений; автор монографий: “Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945” (Москва, 1982), “Советско-польские отношения, 1945–1949” (Москва, 1990), “Россия и Польша. Синдром войны 1920 г.” (Москва, 2005, в соавторстве с И.С. Яжборовской).

Пиотух Нина Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России до начала XIX в. (Исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова); специализируется в области экономической истории России XVI–XVIII вв.; автор ряда статей, в том числе: “Spatial Analysis of the Agricultural Activities of Russian Peasants in the second half of the Eighteenth century” (Data Modelling, Modelling History. Moscow, 2000), “Сельское расселение и его динамика: Первая половина XVII – вторая половина XVIII в.” (Материалы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000), “Сельское расселение в России во второй половине XVIII в.: Сравнительно-региональный анализ” (Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики. Москва; Барнаул, 2005).

Сливовская Виктория – доктор наук, профессор, научный сотрудник Отдела истории интеллигенции (Институт истории ПАН в Варшаве); специализируется в области истории Польши и России в XIX в., в частности по истории ссыльных поляков в России, в том числе в Сибири; с польской стороны руководитель и участник крупных польско-российских научных проектов, среди них

25-томное издание “Powstanie Styczniowe: materiały i dokumenty” (Warszawa, 1963–1986 гг. – совместно с С. Кеневичем); автор ряда монографий, среди которых: “Ucieczki z Sybiru” (Warszawa, 2005), “Syberia w życiu i pamięci Gieysztorów” (Warszawa, 2000), “Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku” (Warszawa, 1998), “W kręgu poprzedników Herzena” (Warszawa, 1970), “Mikołaj I i jego czasy” (Warszawa, 1965). Председатель польской части Комиссии историков России и Польши. Почетный доктор Российской академии наук.

Фалькович Светлана Михайловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Институт славяноведения РАН); специализируется в области истории Польши конца XVIII – начала XX в., истории национального и общественного движения, общественных, научных и культурных связей народов России и Польши; автор монографий: “Идейно-политическая борьба в польском освободительном движении 50–60-х годов XIX века” (Москва, 1966), “Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе 1907–1912” (Москва, 1975) – опубликована также в Польше.

Флоря Борис Николаевич – член-корреспондент РАН, профессор, заведующий Отделом истории Средних веков (Институт славяноведения РАН); специализируется в области истории Польши, России, а также славянских народов в Средние века и раннее Новое время; автор ряда монографий, в том числе: “Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в.” (Москва, 1978), “Польско-литовская интервенция в России и русское общество” (Москва, 2005).

Хорев Виктор Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий Отделом истории славянских литератур (Институт славяноведения РАН); научные интересы: история польской литературы и современный литературный процесс в Польше, отражение взаимного восприятия поляков и русских в литературе и культуре; автор более 300 работ по теории и истории литературы, в том числе разделов о польской литературе 1945–1990 гг. в “Истории литератур стран Восточной Европы после Второй мировой войны” (Москва, 1995 г. – т. 1; 2000 г. – т. 2), а также монографии: “Польша и поляки глазами русских литераторов” (Москва, 2005).

Хорошкевич Анна Леонидовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Институт славяноведения РАН);

специализируется в области истории Восточной Европы периода Средневековья; автор монографий: “Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в.” (Москва, 1980); “Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства” (Москва, 1982, в соавторстве с В.Т. Пашуто, Б.Н. Флорей), “Русская государственная символика” (Москва, 1993), “Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI в.” (Москва, 2001), “Россия в системе международных отношений середины XVI в.” (Москва, 2003).

Цабан Веслав – доктор наук, профессор, сотрудник Отдела истории (Свентокшистская Академия в Кельцах); научные интересы: социальная и политическая история польских земель XIX в., история восстания 1863 г., польско-российские отношения; автор монографий: “Z dziejów powstania styczniowego w rejonie Gór Świętokrzyskich” (Warszawa; Kraków, 1989), “Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1831–1873” (Warszawa, 2001).

Шарифжанов Измаил Ибрагимович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Новой и Новейшей истории (Казанский государственный университет); специализируется в области истории Великобритании, Германии и Польши, а также историографии этих стран; автор монографий: “Судьбы либеральной философии истории. Актон и современная англо-американская историография в XX веке” (Казань, 1989), “Английская историография в XX веке: Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления” (Казань, 2004), а также публикаций о поляках в Казани в XIX в.

Содержание

Предисловие	3
<i>Б.В. Носов (Москва)</i>	
Москва – центр научных и культурных связей России и Польши	12
<i>Б.В. Носов (Москва)</i>	
Стефан Кеневич (1907–1992). К 100-летию со дня рождения	23
<i>Збигнев Далевский (Варшава)</i>	
Политическая и идеологическая роль столичных центров в Польше в эпоху раннего Средневековья (<i>Пер. Б. Носова</i>)	31
<i>А.Л. Хорошкевич (Москва)</i>	
Москва – от столицы Великого княжества всея Руси к столице Российского царства	44
<i>Станислав Былина (Варшава)</i>	
Сасгум столичного города Кракова на исходе Средневековья (<i>Пер. Б. Носова</i>)	53
<i>М.Е. Бычкова (Москва)</i>	
“Царствующий град Москва”: формирование идеи исторической преемст- венности российского великодержавия в трудах светских и церковных авторов XVI–XVII веков	61
<i>С.М. Кашианов (Москва)</i>	
Роль монастырей в развитии связей между столицей и провинцией (на примере Киево-Печерского монастыря)	70
<i>Б.Н. Флоря (Москва)</i>	
Центр и провинция в системе управления России (XVI–XVII вв.)	94
<i>Ежи Едлицкий (Варшава)</i>	
Столица и провинция в сознании народа, лишенного государствен- ности (<i>Пер. Л. Кашиницкой</i>)	102
<i>О.С. Кашианова (Москва)</i>	
Великий князь Константин Павлович в Варшаве в 1815–1830 годах (по воспоминаниям современников)	111
<i>Л.П. Марней, Н.В. Пиотух (Москва)</i>	
Пространственная структура размещения торгово-экономических цент- ров: столичные и провинциальные ярмарки в России и Коро- левстве Польском в первой трети XIX века	133
<i>Станислав Вех (Кельце)</i>	
Русские в провинции и в столице Королевства Польского во второй половине XIX века (<i>Пер. О. Кашиановой</i>)	149
<i>Магдалена Мициньска (Варшава)</i>	
Возрождавшие отчизну. Польская провинциальная интеллигенция в Ко- ролевстве Польском во второй половине XIX – начале XX века (<i>Пер. Г. Макаровой</i>)	176
<i>С.М. Фалькович (Москва)</i>	
Санкт-Петербург – центр деловой, научной, культурной и общест- венно-политической активности поляков в XIX – начале XX века	184

<i>Веслав Цабан (Кельце)</i>	
Русские учителя в Королевстве Польском в XIX – начале XX века (столица–провинция) (<i>Пер. В. Волобуева</i>)	198
<i>И.И. Шарифжанов (Казань)</i>	
Казань – провинциальный центр общественной, научной и культурной жизни поляков в XIX веке	212
<i>Гжегож Павел Бомбяк (Варшава)</i>	
Имперское меценатство в провинциальной Варшаве (<i>Пер. С. Кочегаровой</i>)	226
<i>Анна Брус, Виктория Сливовская (Варшава)</i>	
Сократ Старынкевич – российский генерал, президент Варшавы в 1870–1890-е годы	243
<i>В.С. Парсаданова (Москва)</i>	
Москва в 1920 году	251
<i>В.А. Невежин (Москва)</i>	
Москва как центр презентации власти (большие кремлевские приемы И.В. Сталина, 1935–1941 гг.)	273
<i>В.А. Хорев (Москва)</i>	
Восточные “Кресы” в современной польской прозе	290
Сведения об авторах	297

Научное издание

Столица и провинция в истории России и Польши

*Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*. Редактор *Л.В. Абрамова*
Художник *В.Ю. Яковлев*. Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректоры *А.Б. Васильев, Р.В. Молоканова, Т.И. Шеповалова*

Подписано к печати 22.07.2008. Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 19,0. Усл.кр.-отт. 19,5. Уч.-изд.л. 21,0. Тип. зак. 1408

Издательство “Наука” 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru www.naukaran.ru

ППП “Типография “Наука”
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Столица и провинция в истории России и Польши

ISBN 978-5-02-036715-9

9 785020 367159

НАУКА